

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

КАПСАЛЫКОВА КАРИНА РАМАЗАНОВНА

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И АРМИИ В ВИЗАНТИИ
(СЕРЕДИНА IX – СЕРЕДИНА XI В.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
доцент Мохов А. С.

Екатеринбург – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. «Богохранимое войско» христианской империи: представления о войне в византийской полемологической литера- туре середины IX – середины XI в.	42
§ 1.1. Византийская армия в правление Македонской династии: общая характеристика и основные тенденции развития	42
§ 1.2. Представления о войне, армии и воинской службе в византийских военных трактатах X – начала XI в.	60
§ 1.3. «Господи, прими нас христианами»: религиозный фактор в повседневной жизни византийской армии X – середины XI в.	104
Глава 2. Образы войны в византийских источниках X – начала XI в.	148
§ 2.1. Проблемы войны и мира в византийской дипломатической переписке первой половины X в.	148
§ 2.2. Официальное видение войны в Византии середины X в.: «военные» речи императора Константина VII	167
§ 2.3. «Время триумфов» в византийской поэзии	200
§ 2.4. Образы войны в произведениях Никифора Урана	220

Глава 3. «Не лани должны командовать львами, а львы ланями»: типы полководцев в византийской исторической литературе X–XI вв.	239
§ 3.1. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы	239
§ 3.2. «Бездарный полководец» Михаил, сын логофета Анастасия	253
§ 3.3. «Жизненные реалии» византийских полководцев IX–XI вв.	267
Заключение	311
Список источников и литературы	315

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Авторами всех без исключения обобщающих трудов по истории Византии повторяется одно утверждение: на протяжении всей тысячелетней истории империя вела непрерывные войны. Как правило, данный военно-политический феномен объясняется двумя причинами. С одной стороны, Византия сама проводила активную внешнюю политику. Руководствуясь доктриной ойкуменизма, византийские императоры столетиями стремились восстановить контроль над территориями, которые когда-либо входили в состав Римской империи. С другой стороны, на Византию неоднократно обрушивались волны нашествий «варварских» народов: германцев, славян, азиатских кочевников, персов, арабов, турок и пр. В те непродолжительные периоды времени, когда империя не вела ширококомасштабных боевых действий, происходили малые пограничные войны. По сути, значительную часть своей истории Византия была окружена тлеющими очагами локальных конфликтов. Периодически они вспыхивали, но быстро угасали вновь, унося тысячи человеческих жизней по обе стороны границы.

В правление Македонской династии Византия, окончательно преодолев последствия военно-политической катастрофы VII – первой половины VIII в., была в состоянии одновременно воевать с несколькими противниками, на суше и на море, чередуя оборонительные и наступательные боевые действия. Войны этого времени велись продуманно и рационально, учитывались риски, просчитывались последствия, включая возможную реакцию подданных на победу или поражение императорской армии. В целом, такая военная политика оказалась успешной. Ведь именно при Македонских императорах были одержаны победы над «извечными» врагами: арабами и болгарами.

Постоянные войны византийского государства неминуемо должны были отразиться на византийском обществе. По аналогии с другими древними и средневековыми странами, можно предполагать, что в Византии значительная часть населения была, в той или иной степени, вовлечена в военные конфлик-

ты. Однако, судя по сохранившимся данным источников, ситуация была почти противоположной. Подавляющее большинство подданных империи не имело прямого отношения к военной сфере. В этой связи изучение представлений о войне и армии, характерных для различных групп византийского общества является актуальной научной проблемой.

Однако специфика источников, сохранившихся до нашего времени, не представляет возможности установить, каково было отношение к войне именно тех слоев населения империи, которые не отличались воинственностью. Речь идет о жителях провинциальных городов, значительной части сельского населения, должностных лицах фемной гражданской администрации, в особенности, о провинциальном духовенстве. В целом, эти группы подданных империи считали войну несчастьем, приносящим только разрушения и страдания. По сути, это было христианское отношение к войне, которая воспринималась как неизбежное зло, сопутствующее человеческой истории от сотворения мира и до конца времен. Тем не менее, в отдельных текстах IX–XI вв. высказывались призывы к миру с соседними народами и государствами. Исследование этих редких примеров антивоенной риторики также является актуальным.

Одновременно, другая часть подданных империи принимала в войнах активное участие. В первую очередь, это были военнообязанные крестьяне-стратиоты, а также провинциальная аристократия, из которой формировались командные структуры императорской армии и провинциальной администрации. В войны были вовлечены жители отдаленных пограничных территорий и островов. Для этих групп византийского населения война была явлением повседневной жизни. Именно в этой среде формировались византийские воинские идеалы, процветал культ святых воинов, здесь создавались военные поучения о более эффективных способах «причинения врагу наибольших страданий». Несомненно, что для обитателей византийского пограничья были характерны свои представления о войне, отличные от восприятия жителей

внутренних провинций. Исследование и сопоставление данных представлений является актуальной и важной научной задачей.

Различное восприятие войны τὸ τε πολιτικὸν («гражданскими») и τὸ τε στρατιωτικὸν («военными») группами населения не означало, что в византийском обществе IX–XI вв. существовали неразрешимые противоречия. А. П. Каждан писал, что для империи в данное время была характерна «двучленная функциональная стратификация не включавшая духовенство... в этом случае выделяются воины и гражданские лица», а в «господствующей верхушке этот принцип дает... противопоставление стратиотов и синклитиков или вельмож и полководцев»¹. Изучение представлений о войне и армии, характерных для различных элитарных групп, связано с проблемой аристократизации византийского общества, что обуславливает ее актуальность.

Представления о войне, армии и воинской службе следует считать частью мировосприятия византийского общества середины IX – середины XI в. Их выразителями зачастую являлись сами императоры (Василий I, Лев VI, Константин VII), высшие церковные иерархи (патриархи Фотий и Николай Мистик, Симеон Новый Богослов), а также влиятельные политические или военные деятели. Следовательно, исследование данной проблемы связано с изучением истории византийской общественной мысли, что представляет одну из важных и актуальных задач современного византиноведения.

Степень разработанности темы. Представления о войне и армии в Византии в период правления Македонской династии являются малоизученной исторической проблемой. Специальные монографические исследования по данной тематике отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Отдельные аспекты указанной проблемы были рассмотрены в

¹ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. М., 1974. С. 67.

работах Н.-К. Кутраку и К. Карапли². Однако в последние годы в византиноведении наметилось повышение интереса исследователей к проблеме «Война и византийское общество». Об этом свидетельствует, в частности, проведение международных симпозиумов «Byzantium at War, 9th – 12th century» (Athens, 1997), «Warfare in the Byzantine World» (Dumbarton Oaks, 2010) и «Byzantine war ideology» (Wien, 2011)³.

Историография проблемы. В *обобщающие исследования по истории Византии*, как правило, включены разделы, посвященные вооруженным силам империи или военным, как отдельной социальной группе византийского общества⁴. Однако в данных работах рассматриваются, в основном, проблемы типологической принадлежности византийских вооруженных сил, вопросы о возникновении фемной системы, стратиотского землевладения и пр. Особенностью, характерной для этих исследований, является использование весьма распространенной как в отечественной, так и в зарубежной историографии методики, когда фактический источниковый материал берется только

² Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe – Xe siècles). Athènes, 1994; Карапли К. Κατευόδωσις στρατοῦ. Ἡ ὀργάνωσις καὶ ἡ ψυχολογικὴ προετοιμασία τοῦ βυζαντινοῦ στρατοῦ πρὶν ἀπὸ τὸν πόλεμο (610–1081). Ἀθήνα, 2010.

³ См.: Byzantium at War (9th – 12th century) / ed. by K. Tsiknakēs. Athens, 1997; Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion: Akten des Internationalen Symposiums (Wien, 19. – 21. Mai 2011) / hrsg. von J. Koder, I. Stouraitis. Wien, 2012.

⁴ См. например: Ensslin W. The Emperor and imperial administration // Byzantium: an introduction to East Roman civilization / ed. by N. H. Baynes, H. Moss. Oxford, 1961. P. 294–307; Byzanz / hrsg. von Fr. G. Maier. Frankfurt am Main, 1973. S. 180–197; Schreiner P. Soldiers // Byzantines / ed. by G. Cavallo. Chicago; London, 1997. P. 74–94; Haldon J. Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204. London, 1999. P. 234–274; Treadgold W. A history of the Byzantine state and society. Stanford, 2000. P. 543–552.

из одного периода византийской истории, а сделанные выводы проецируются на все время существования византийского государства⁵.

Большое значение для изучения представлений о войне и армии имеют исследования, посвященные *военно-политической истории Византии* второй половины IX – первой половины XI в. Среди них, в свою очередь, необходимо выделить монографии, характеризующие внешнюю и внутреннюю политику отдельных императоров Македонской династии. Авторы этих трудов, с различной степенью полноты, давали характеристику военной политике Василия I (867–886), Льва VI (886–912), Константина VII (913–959), Романа I Лакапина (920–944) и Василия II (976–1025)⁶.

В научных трудах, посвященных истории *византийской военно-административной системы* VIII–XII вв. вопросы, связанные с представлениями о войне также специально не рассматриваются. Тем не менее, в работах Дж. Хэлдона, А. С. Мохова, Х.-И. Кюна и других специалистов определены основные этапы развития, формы организации и комплектования византийской армии⁷. Данный аспект важен для исследуемой нами проблемы, так как представления об армии в византийском обществе зависели от боеспособности вооруженных сил. В этой связи следует особо выделить исследования, посвященные военной реформе второй половины X – начала XI в., кото-

⁵ См. например: Treadgold W. T. *Byzantium and its army, 284–1081*. Stanford, 1995; Haldon J. *Byzantium at war, A.D. 600–1453*. New York, 2003.

⁶ См.: Vogt A. *Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle*. Paris, 1908; Tougher Sh. *The reign of Leo VI (886–912): politics and people*. Leiden; New York, 1997; Runciman S. *The Emperor Romanus Lecapenus and his reign: a study of tenth-century Byzantium*. Cambridge, 1929; Toynbee A. *Constantine Porphyrogenitus and his world*. London, 1973; Holmes C. *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)*. Oxford, 2005.

⁷ Haldon J. *Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950: a study on the origins of the stratiotika ktemata*. Wien, 1979; Мохов А. С. *Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур*. Екатеринбург, 2013; Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, 1991.

рая завершила длительный процесс формирования в Византии регулярной армии⁸.

Значительный интерес для рассматриваемой нами проблемы представляют исследования по *истории византийского военного искусства*⁹. Это обосновано, прежде всего, тем, что в трудах отечественных и зарубежных специалистов прослеживалось не только развитие стратегии, тактики, фортификации, но и формирование военной доктрины и военной политики императоров Македонской династии.

Необходимо констатировать, что в термины военная доктрина и военная политика являются концептуально важными для данного исследования. В связи с этим, мы принимаем определение термина *военная доктрина* данное В. В. Кучмой: «Являясь одним из важнейших понятий полемологии, военная доктрина представляет собой принятую в данном государстве систематизированную совокупность концептуальных взглядов на сущность, цели, характер вооруженного противоборства с реальным и потенциальным противником, на способы подготовки к предстоящей войне вооруженных сил страны и всего ее населения, на приемы и методы ведения боевых действий в ситуации, когда война становится наконец свершившимся фактом»¹⁰. Определение термина *военная политика*, которое использовано в диссертации, сформулировано А. С. Моховым: «В целом, военная политика рассматривается как со-

⁸ McGeer E. *Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century*. Washington, D.C., 1995. P. 202–222; Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2004. № 3 (31). С. 14–33.

⁹ См.: Dain A., De Foucault J.-A. *Les stratégistes byzantins* // *Travaux et mémoires*. 1967. Vol. 2. P. 317–392; Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // *Культура Византии (вторая половина VII – XII в.)* / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 276–295; Haldon J. *A critical commentary on the Taktika of Leo VI*. Washington, D.C., 2014.

¹⁰ Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // *Средневековое Православие от прихода до патриархата*. Волгоград, 1997. Вып. 1. С. 45.

ставная часть общегосударственной политики, относящаяся к организации, комплектованию, обеспечению и боевому применению армии внутри государства и за его пределами»¹¹.

Возвращаясь к обзору научной литературы по теме исследования, следует упомянуть работы, посвященные *византийскому обществу*. В трудах А. П. Каждана, Ж.-Кл. Шене, К. Холмс и других византинистов рассмотрены различные вопросы, связанные с изменением его структуры в IX–XI вв., формированием новых и трансформацией старых социальных групп¹². Специально следует упомянуть работы А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, посвященные *проблеме аристократизации византийского общества*¹³. Отметим также, что для проведения просопографических исследований в рамках диссертационной темы необходимо привлечение просопографических «лексиконов», как наиболее полных и современных источников сведений о византийской аристократии VII–XI вв.¹⁴

¹¹ Мохов А. С. Основные направления военной политики Василия II // Византийские очерки. СПб., 2016. С. 135, примеч. 6.

¹² См.: Каждан А. П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв.: предварительные выводы // *Byzantinische Zeitschrift*. 1973. Bd. 66. С. 47–60; Cheynet J.-Cl. Basil II and Asia Minor // *Byzantium in the year 1000* / ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 71–108; Holmes C. Basil II and the Governance of Empire. P. 515–525.

¹³ См.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. С. 27–86; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977. С. 96–109.

¹⁴ *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)* / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow u. a. Berlin, New York, 1998–2002. 7 Bd. (Prolegomena, Bd. 1–6); *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867–1025)* / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, A. Beihammer u. a. Berlin; New York, 2009–2013. 9 Bd. (Prolegomena, Bd. 1–8).

Большое значение для изучения представлений о войне и армии в середине IX – середине XI в. имеют исследования, посвященные *византийской политической идеологии*. Среди них, прежде всего, необходимо выделить работы Э. Арвелер, А. П. Каждана, И. С. Чичурова¹⁵.

Как уже отмечалось, обобщающие труды по теме диссертационного исследования отсутствуют. Основной причиной такой ситуации, сложившейся в современной историографии, является «источниковое малокровие». Так как информация об отношении различных групп византийского общества к войне в исторических хрониках и других источниках IX–XI вв. представлена фрагментарно, то изучение данной проблемы оказалось разделенным на несколько разрозненных направлений¹⁶.

В первую очередь, упомянем исследования, посвященные изучению *византийской идеологии войны*¹⁷. С этим вопросом тесно связано изучение приемов императорской пропаганды, а также влияния официальной идеологии на восприятие войны в обществе¹⁸.

¹⁵ См.: Ahrweiler H. *L'idéologie politique de l'empire byzantin*. Paris, 1975. P. 37–59; Kazhdan A. *The aristocracy and imperial ideal // The Byzantine aristocracy, IX to XIII centuries / ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 43–57*; Чичуров И. С. *Политическая идеология средневековья (Византия и Русь)*. М., 1991. С. 81–126.

¹⁶ Подробнее см.: Markopoulos A. *From narrative historiography to historical biography: new trends in Byzantine historical writing in the 10th – 11th centuries // Byzantinische Zeitschrift. 2009. Bd. 102. Heft. 2. P. 697–715.*

¹⁷ Markopoulos A. *The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogenetos // Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion: Akten des Internationalen Symposiums (Wien, 19. – 21. Mai 2011) / hrsg. von J. Koder, I. Stouraitis. Wien, 2012. P. 47–56.*

¹⁸ McGeer E. *Two military orations of Constantine VII // Byzantine authors: literary activities and preoccupations: texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides / ed. by J. W. Nesbitt. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 111–135*; Καραπλή Κ. *Κατευόδωσις στρατοῦ*. Σ. 208–210.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии проблема юридического и общественного статуса военных, определение роли армии в византийском обществе, находятся в тени политической истории. По мнению Дж. Хэлдона, «в IX, X и XI вв. солдаты и армия по-прежнему эволюционируют, что является лишь одним из аспектов развития государства и его устройства, частью социальной и культурной эволюции византийского общества в более широком смысле. Это становится особенно очевидным, когда мы замечаем усиление нового класса провинциальных и константинопольских магнатов, которые, вырастая из государственной развитой меритократической элиты конца VII – начала VIII в., стали аристократией среднего и поздневизантийского периода»¹⁹.

В исследованиях последнего времени также рассматривалась степень милитаризации общественной жизни Византии. По мнению, Т. Г. Колиаса, «образ жизни византийского общества, связан с контролем центральной власти. Высокие цены на оружие ежедневно сдерживали милитаризацию простых людей. Этот процесс в византийском обществе ограничился верхними слоями и определенными географическими районами, где происходили непрерывные войны»²⁰. Французский византист Ж.-Кл. Шене посвятил одну из своих работ представлением о войне жителей пограничных фем империи: «Население привыкло к этому типу войны в ограниченном масштабе – акритской (пограничной) войне. Когда становилось известно о набеге, сельские

¹⁹ Haldon J. Military service, military lands, and the status of soldiers. Current problems and interpretations // *Dumbarton Oaks Papers*. No. 47. P. 48. Ср.: Каждан А. П. Византийская армия в IX–X веках // *Ученые записки Великолукского гос. пед. ин-та*. 1954. Вып. 1. С. 18–31; Кучма В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины // *Античная древность и средние века*. 1984. Вып. 21. С. 79–95.

²⁰ Κολιας Τ. Γ. Τά όπλα στή βυζαντινή κοινωνία // *Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και ρωμαϊκή παράδοση»*, Αθήνα, 15-17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. Αθήνα, 1989. Σ. 476.

жители, предупрежденные стражей, укрывались в труднодоступных местах – в горах, крепостях или пещерах, как, например, в Каппадокии. Ущерб от вражеских набегов не был велик, а пленных более или менее регулярно обменивали. Тем не менее, постоянная военная мобилизация создала особое общество, в котором воины были лично преданы своим командирам, обогащавшим их за счет военной добычи. Несколько знатных семейств, например, Дуки, Аргиры, Склиры, Фоки поставляли армии командный состав»²¹. О последствиях войн для жителей византийского пограничья писали в своих работах Г. Г. Литаврин, У. Э. Кэги, М. Раутман, И. Кодер и другие византинисты²².

Значительный интерес для рассматриваемой нами проблемы представляет монография Н.-К. Кутраку, посвященная *императорской пропаганде*²³. До появления этого труда данная тема долгое время оставалась малоизученной. Греческая исследовательница убедительно показала, что в византийской литературе постиконоборческого времени всегда присутствовало пропагандистское зерно²⁴. Другим, не менее важным результатом ее работы следует

²¹ Cheynet J.-Cl. La conception militaire de la frontière orientale (IXe – XIIIe siècle) // *Eastern approaches to Byzantium: Papers from the Thirty-third Spring Symposium of Byzantine Studies*, University of Warwick, Coventry, March 1999 / ed. by A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 59.

²² См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. С. 172; Rautman M. *Daily Life in the Byzantine Empire*. London, 2006. P. 202; Kaegi W. E. *Changes in military organization and daily life on the Eastern frontier* // «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και ρωμαϊκή παράδοση»: Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15–17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. Αθήνα, 1989. P. 517–519; Koder J., Stouraitis I. *Byzantine approaches to warfare (6th – 12th centuries): an introduction* // *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion*. P. 9.

²³ Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe – Xe siècles)*. Athènes, 1994.

²⁴ Ibid. P. 91–93. Отметим, что задолго до Н.-К. Кутраку к аналогичным выводам на материале источников иконоборческой эпохи пришел М. Я. Сюзюмов. См.: Сюзюмов М. Я.

считать определение и характеристику основных пропагандистских приемов. По мнению Н.-К. Кутраку, главными задачами официальной пропаганды было прославление правящего императора (династии), что постоянно сопровождалось явным преувеличением значимости достигнутых военных побед²⁵. В главе, посвященной пропаганде в армии, Н.-К. Кутраку удалось проследить процесс формирования покровительственного отношения императоров к вооруженным силам и, прежде всего, к рядовым воинам и младшим командирам²⁶.

Монография другой греческой исследовательницы К. Карапли посвящена изучению психологической подготовки византийских солдат к участию в боевых действиях²⁷. В первой части работы автор рассматривает религиозную жизнь войска во время военной кампании. В этот период командованием ставилась цель закрепить в сознании стратиотов и младших командиров идею божественной защиты и покровительства «христианскому воинству». Также, по мысли автора, религия призвана была воспитать в воинах жертвенность²⁸. Вторая часть монографии К. Карапли посвящена военной риторике. Автором подробно рассматриваются и анализируются речи, которые военачальники произносили перед войском, пытаясь поднять его боевой дух. Отметим также, что основной источниковый материал, на который опирается исследовательница, относится к ранневизантийскому периоду²⁹.

Среди направлений историографии, актуальных для темы данного диссертационного исследования, наиболее активно развивается изучение *про-*

Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского гос. пед. института. 1948. Т. 4. С. 71–72.

²⁵ Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine. P. 161–162.

²⁶ Ibid. P. 365–370. Ср.: Каждан А. П. Византийская армия в IX–X веках. С. 21–22.

²⁷ Καραπλή Κ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 208–210.

²⁸ Ibid. Σ. 223. См. также: Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine. P. 78–86.

²⁹ Καραπλή Κ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 318–356.

блемы «византийской священной войны». Отметим, что первые работы по данной тематике были опубликованы еще в 1930–1940-е гг.³⁰

Отправной точкой современного этапа изучения данной проблемы стала монография А. Колии-Дермицакис, изданная в 1991 г.³¹ По утверждению греческой исследовательницы, «в течение долгой истории Византии было много случаев, когда настоятельная необходимость вынуждала правителей использовать в борьбе с нехристианскими врагами религиозный фактор. Речь идет, в основном, о персах и арабах и, в меньшей степени, о турках. Эти войны, чтобы подчеркнуть религиозные различия между противниками, я назвала «византийской священной войной»³².

Концепция А. Колии-Дермицакис была поддержана рядом других исследователей. Сторонники идеи «византийской священной войны» подчеркивают, что своего апогея она достигла в правление Никифора II Фоки, «представителя большого клана из Малой Азии, который пытался усилить воинственный дух населения империи. Он считал войну против арабов священной войной и проводил агрессивную военную политику. Его реформы были направлены на создание армии, наиболее приспособленной для наступательных операций»³³.

³⁰ См.: Canard M. La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien // *Revue africaine*. 1936. Т. 79. Part. 2. P. 605–623; Laurent V. L'idée de guerre saint et la tradition byzantine // *Revue historique du sud-est européen*. 1946. Т. 23. P. 71–98.

³¹ Κόλια-Δερμιτζάκη Α. Ο βυζαντινός «ιερός πόλεμος». Η έννοια και η προβολή του θρησκευτικού πολέμου στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1991.

³² Ibid. Σ. 91–92. См. также: Kolia-Dermizaki A. “Holy War” in Byzantium twenty years later: a question of term definition and interpretation // *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion*. P. 121–132.

³³ Stouraitis I. Jihād and Crusade: Byzantine positions towards the notions of “Holy War” // *Βυζαντινά σύμμεικτα*. 2011. Т. 21. P. 61.

Как правило, сторонники идеи «византийской священной войны» указывают на ее типологическую близость Крестовым походам³⁴. Однако уравнивая походы европейских рыцарей и арабо-византийские войны, они игнорируют несколько важных аспектов. Во-первых, для них Византия выступает рядовым (разве что довольно большим по территории) «варварским королевством», все отличия которого от державы Каролингов только внешние: греческий язык и восточный церковный обряд. Во-вторых, они не обращают внимания на то, что в византийских военных трактатах нет упоминаний о «войне на уничтожение». Сама идея подобной войны противоречила унаследованному от античной военной традиции рациональному подходу к ведению боевых действий³⁵.

Еще одним важным направлением историографии является *исследование повседневной жизни* византийских военных. И если заглянуть в византийский военный лагерь из-за специфики источников удается редко, то бичевание пороков – пьянства, склонности к азартным играм, лени и распутства – занимает достойное место в исторической литературе³⁶. Между тем, в фундаментальном труде Ф. Кукулиса, посвященном повседневной жизни византийского общества, военным не уделено особого внимания. В основном, они

³⁴ Laiou A. The Just war of eastern Christians and the Holy War of the Crusaders // *Ethics of war: shared problems in different traditions* / ed. by R. Sorabji, D. Rodin. Aldershot, 2006. P. 30–43.

³⁵ Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: à propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Paris, 1983. T. 127. No. 2. P. 219–243.

³⁶ См.: Γρηγορίου-Ίωαννίδου Μ. Πληροφορίες αγιολογικών κείμενων γύρω από στρατιωτικά ζητήματα // «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και ρωμαϊκή παράδοση»: Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15–17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. Αθήνα, 1989. Σ. 532–537.

упоминаются в контексте городской жизни, а также при описании охоты и других развлечений знати, а также злоключений пленных³⁷.

Необходимо упомянуть о направлении, находящемся, по сути, на пересечении исторических (просопографических) и филологических исследований. Речь идет о моделировании биографий военачальников (*somato(psycho)grafemata*, по А. Маркопулосу). Отметим также, что с ним тесно связано изучение функционирования полководческих идеалов и оценок военных действий в текстах византийских авторов³⁸.

Завершая обзор историографии специально оговорим, что в диссертационной работе не рассматривалась хорошо изученная тема, связанная с возникновением и распространением в Византии культа святых воинов³⁹, а также религиозно-философская проблема христианского отношения к войне.

Таким образом, в историографии представления о войне и армии в Византии середины IX – середины XI в. специально не исследовалась, рассматривались только отдельные аспекты данной проблемы. Обзор современной историографии по всем этим вопросам представляет собой тему отдельного исследования. Так как в данной работе не ставятся задачи изучения, например, организационных структур византийской армии, то в дальнейшем историографические сюжеты будут рассматриваться нами в соответствующих отдельных случаях.

³⁷ Koukoulès Ph. *Vie et civilisation byzantines*. Athènes, 1949. Т. 3. Р. 148–183.

³⁸ Markopoulos A. *From narrative historiography to historical biography*. Р. 706. См. также: Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата // *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1976. Књ. 17. С. 11–14.

³⁹ Подробнее см.: Walter Ch. *The warrior saints in Byzantine art and tradition*. Aldershot, 2003; Grotowski P. *Arms and armour of the warrior saints: tradition and innovation in Byzantine iconography (843–1261)*. Leiden, 2010.

Целью исследования является изучение представлений о войне и армии в византийской нарративной традиции середины IX – середины XI в.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

– на материале комплекса византийских письменных источников середины IX – середины XI в. проследить эволюцию представлений о войне и ее роли в жизни византийского государства;

– исследовать представления о войне, армии и воинской службе, нашедшие отражение в византийских военных трактатах X – начала XI в.;

– рассмотреть роль религиозного фактора в повседневной жизни византийской армии;

– проанализировать основные принципы и методы официальной пропаганды, направленной на вооруженные силы империи;

– изучить процесс формирования в византийской исторической литературе различных образов полководцев; представить типологию основных образов военачальников;

– проанализировать данные источников, касающиеся повседневной жизни византийских военных;

Объектом исследования является война, как межгосударственный вооруженный конфликт, основная форма достижения государственных внешнеполитических интересов.

Предметом исследования являются представления о войне, имманентные различным группам византийского общества и, прежде всего, командирам и рядовым воинам императорской армии.

Хронологические рамки работы: середина IX – середина XI в., т. е. период правления в Византии Македонской династии. В это время империя достигла наивысшего военно-политического могущества, одним из главных инструментов для достижения которого являлись вооруженные силы. Особое внимание следует уделить времени правления императоров-полководцев Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–975) и Василия II (976–1025).

Территориальные рамки исследования. В середине IX – середине XI в. территория Византийской империи неуклонно увеличивалась. При первых императорах Македонской династии она включала только Малую Азию и юго-восточные районы Балканского полуострова. Однако удачная внешняя политика позволила присоединить к Византии Каппадокию, а также значительную часть Северной Сирии, Месопотамии и Закавказья. В последней четверти X – первой четверти XI в. в состав империи вошла территория Балканского полуострова. В зоне военно-политического влияния Византии на протяжении всего рассматриваемого периода находились бассейн Эгейского моря, Южная Италия и Сицилия, а также черноморский регион.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что на базе широкого круга источников впервые в историографии было проведено комплексное изучение представлений о войне, армии и воинской службе в византийском обществе середины IX – середины XI в. При этом особое внимание было уделено полемологическим представлениям командиров и рядовых воинов императорской армии. Автором было доказано, что в период правления Македонской династии представления о войне и армии претерпели значительные изменения в связи с переходом на регулярную форму организации вооруженных сил и профессионализацию военной службы. На материале византийских военных трактатов впервые в историографии было проанализировано развитие представлений о войне, армии и воинской службе, присущих старшим архонтам императорской армии и высшим должностным лицам военной провинциальной администрации. Помимо этого, анализ источников и специальной литературы позволил определить главную цель, основные формы и методы государственной пропаганды, нацеленной на военную среду.

В диссертационном исследовании было установлено, что официальная пропаганда не преследовала цели насаждения среди рядовых воинов и командиров религиозного фанатизма, а также обоснован тезис о том, что проблема «византийской священной войны» является историографической, ши-

рокое распространение данной идеи среди византийских военных не нашло подтверждения в источниках. Впервые в историографии было доказано, что в византийской армии религиозная служба не была оформлена институционально.

Автором были выявлены основные типологические образы военачальников, сложившиеся в византийской литературе X–XI вв.: идеальный военачальник; император-полководец; профессиональный архонт, обладающий большим военным и жизненным опытом; бесталаный или порочный архонт. Проведенный в диссертации анализ источников и, прежде всего, полемогической литературы впервые позволил получить уникальные данные о повседневной жизни византийских военных. Полученные результаты позволяют утверждать, что на протяжении исследуемого периода моральный облик и уровень дисциплины среди рядового и младшего командного состава императорской армии находился на высоком уровне.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение византийской военной истории IX–XI вв. Используемые автором методики исследования могут быть применены для изучения истории военного дела древних и средневековых государств. Полученные результаты могут быть использованы в образовательном процессе в рамках дисциплины «История Средних веков». Материалы исследования также могут быть использованы для подготовки специальных курсов по истории Византии, истории военного искусства, вспомогательным историческим дисциплинам. Фактический материал, собранный в диссертации, может быть привлечен для подготовки учебных пособий по истории военного искусства в Древности и Средневековье.

Методология и методы диссертационного исследования. Историко-философское осмысление войны в настоящее время переживает определенный идейный кризис. Его причиной является появление новой, основанной на принципах неолиберальной философии, концепции войны. Следует упомянуть, что традиционное восприятие войны как естественного, имманентно

присущего обществу состояния борьбы, основано на идеях выдающегося военного теоретика Карла фон Клаузевица: «Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне, относится лишь к природе применяемых ею средств. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с этими средствами. Такое притязание конечно немаловажно, но, как бы сильно в отдельных случаях оно ни влияло на политические задания, все же это воздействие должно мыслиться лишь как видоизменяющее их, ибо политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели»⁴⁰.

Характерно, что идея Карла фон Клаузевица о «войне, как продолжении политики иными средствами», безальтернативно господствовала в сфере политики, военного дела, международных отношений с первой половины XIX в. Она вполне устраивала и «великие державы», и небольшие региональные государства, и даже те политические силы, которые занимали крайне правые или крайне левые части «политического спектра». По сути, данный принцип являлся основополагающим в системе мирового порядка вплоть до начала XXI в.

Появление второй концепции восходит к пацифистским идеям XVIII–XIX вв., которые рассматривали войну как зло, противное человеческой природе. Дальнейшая трансформация этих идей привела к мысли о том, что раз война есть неизбежное, неискоренимое зло, то она вообще не является средством политики. Напротив, именно бессилие политики порождает войну⁴¹. В итоге, неолиберальная идея о невозможности контролировать войны, а также отрицание права государства вести войны для защиты национальных

⁴⁰ Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А. Рачинского. М., 1998. С. 55–56.

⁴¹ Хофмайстер Х. Воля к войне или Бессилие политики. СПб, 2006. С. 251.

интересов, привели к появлению концепции «война ради войны». Политические события последних десятилетий наглядно продемонстрировали, что вести подобные войны могут различные силы – от радикальных политических или религиозных группировок, до корпораций или финансовых групп. Одним из проявлений концепции «войны ради войны», этого бесконечного конфликта, не имеющего ни причин, ни конечной цели, является терроризм.

О возможной попытке пересмотра концепции войны, основанной на идеях К. фон Клаузевица, несколько десятилетий назад писал в своей книге «Стратегия непрямых действий» Б. Лиддел Гарт. Будучи сторонником взглядов немецкого военного теоретика, он пришел к выводу, что войны в старом, классическом, смысле крайне выгодны «великим державам». В связи с этим, по его мнению, существенной угрозы основам мирового порядка не существовало. Характерно, что приводя примеры из мировой истории, Б. Лиддел Гарт писал о Византии. Он считал, что императорская армия «мало чем напоминала классическую армию, состоявшую из легионов, она больше походила на средневековую армию, однако была значительно совершеннее»⁴². По нашему мнению, эта точка зрения является правильной. Однако следует добавить, что византийская концепция войны была основана, в первую очередь, на рационализме, стремлении одержать победу с минимальными затратами. Авторы византийских военных трактатов воспринимали войну, как продолжение политики задолго до Карла фон Клаузевица.

Восприятие войны и военной службы сегодня изучается в рамках исследований по истории памяти. В этой связи, военные понимаются как узкое сообщество, «чья роль заключается как бы в сохранении и поддержании живой традиции» службы, «для ведения войны недостаточно порядка, дисциплины и того обучения, которое можно получить в военных лагерях, военачальнику требуется также способность действовать по неуловимому наитию,

⁴² Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий / пер. с англ. Б. Червякова, И. Козлова, С. Любимова. М., 2008. С. 65.

путем изобретательных импровизаций, предполагающих знание людей, умелое обращение с идеями, активную память, постоянно подвижное воображение. А все эти качества развиваются лишь в такой социальной среде, где идет интенсивная жизнь, скрещиваются идеи прошлого и настоящего, в каком-то смысле соприкасаются не только сегодняшние, но и прежние социальные группы»⁴³. С определенными оговорками именно таким обществом можно считать византийское общество эпохи Македонской династии, равно как и позднеантичное. Отметим, что об этом писал и Карл фон Клаузевиц: «Чем выше степень цивилизации наций, тем чаще они совершают самые блестящие военные подвиги, примером чему были римляне. Величайшие имена этих и всех других наций, прославившиеся в войнах, принадлежат только эпохам, обладавшим более высокой культурой»⁴⁴.

Отсутствие обобщающих работ по теме диссертационного исследования выдвигает на первый план вопрос о методиках работы с источниковым материалом. В этой связи нами были выделены некоторые исследования, авторы которых рассматривали проблему представлений о войне и армии на примерах древних и средневековых государств. В первую очередь, речь идет о ставшей классической работе Рамсея Макмаллена «*Soldier and civilian in the later Roman Empire*»⁴⁵. Проанализировав значительный массив источников, американский исследователь охарактеризовал отношения военных с каждой значительной социальной группой, составлявшей общество Поздней Римской империи. При этом он рассматривал такие факторы, как вовлеченность того или иного сословия в военную сферу, наличие или отсутствие конфликтов представителей данной группы с военными и пр. Религиозный фактор Р. Макмалленом не учитывался, что было оговорено им во введении к

⁴³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер с. фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М., 2007. С. 276–277.

⁴⁴ Клаузевиц К. Принципы ведения войны / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2009. С. 14.

⁴⁵ MacMullen R. *Soldier and civilian in the later Roman Empire*. Cambridge, 1967.

монографии. Результаты, которые были получены американским исследователем, подтвердили, что в Поздней Римской империи подавляющее большинство населения не было связано с военной сферой. Одновременно с этим, закрытой «кастой» армия не являлась благодаря сохранявшейся добровольной системе набора.

Еще одно исследование, которое привлекло наше внимание, было опубликовано американским востоковедом Дэвидом Граффом⁴⁶, и посвящено военному делу раннесредневекового Китая. Автором был избран хронологический принцип изложения материала, а его главная цель состояла в том, чтобы проследить постепенный процесс профессионализации китайской армии. Отметим, что военная политика правящих династий Китая в целом сопоставима с военной политикой Византии при Македонских императорах. Особенно явно это проявляется на уровне организационных структур (в Китае – военные округа, в Византии – фемы). Однако уровень милитаризации китайского общества был несопоставим с византийским. Так, после завершения реформ и создания регулярной армии, в т. н. силах территориальной обороны (аналог фемных ополчений в Византии) проходило службу до трети мужского населения Китая. В Византии же, даже при императорах из династии Исавров, численность вооруженных сил никогда не превышала 100–120 тыс. человек.

Таким образом, методики, использованные в указанных трудах Рамсея Макмаллена и Дэвида Граффа могут быть частично использованы при изучении проблемы представлений о войне, армии и воинской службе в Византии середины IX – середины XI в.

Для достижения поставленной цели предполагается использование следующих методов исследования: сравнительно-исторического анализа, историко-системного подхода, междисциплинарного подхода, просопографического метода. Основополагающим из них является *сравнительно-*

⁴⁶ Graff D. A. Medieval Chinese warfare, 300–900. London, 2002.

исторический. Данный метод позволяет на основе разнообразного источникового материала выявить общее и особенное в исторических событиях или явлениях, достигнуть понимания различных стадий исторических процессов. Данный метод помогает также выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить основные тенденции его развития.

Источниковую базу исследования составляют нарративные и документальные источники⁴⁷.

Из византийских повествовательных источников X–XII вв. наиболее значимыми для решения поставленных в работе задач являются *императорские исторические хроники*. Для данной группы источников характерно подробное изложение событий, связанных с внутривизантийской жизнью Византии. Внешней политике и, прежде всего, войнам, которые империя вела в период правления Македонской династии, авторы императорских хроник также уделяли пристальное внимание. Следует, однако, учитывать, субъективный характер этих текстов, отражавших официальную версию исторических событий. Кроме того, среди авторов императорских хроник не было профессиональных военных. По этой причине многие сюжеты, посвященные армии, описанию боевых действий и деятельности полководцев, вызывают обоснованные сомнения⁴⁸.

⁴⁷ Классификация и типологическая принадлежность исторических источников, использованных в данной работе, основана на трудах признанных специалистов по истории византийской литературы А. П. Каждана и А. Маркопулоса. См.: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма / пер. с англ.; под ред. Я. Н. Любарского, Е. И. Ванеевой, А. А. Черноглазова. СПб., 2012; Markopoulos A. Byzantine history writing at the end of the First Millennium // *Byzantium in the year 1000* / ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 183–197.

⁴⁸ Бибииков М. В. Развитие исторической мысли // *Культура Византии (вторая половина VII – XII в.)* / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 95–103.

Среди императорских хроник X в. необходимо выделить «Хронографию» Продолжателя Феофана и «Историю» Льва Диакона. Первая из них охватывает период с 813 по 961 гг., и является продолжением компилятивной всемирно-исторической хроники Феофана Исповедника⁴⁹. По мнению большинства исследователей, инициатором создания этого исторического произведения был император Константин VII Багрянородный, стремившийся не только обосновать право Македонской династии на императорский престол, но также прославить деяния своего деда Василия I⁵⁰.

Хроника Продолжателя Феофана разделена на шесть книг, написанных разными авторами в разное время. Первые четыре книги представляют собой переработанную императорскую хронику Иосифа Генесия, они посвящены правлению Льва V и императоров Аморийской династии⁵¹. Пятая книга посвящена правлению Василия I. В историографии высказывалось предположение, что первоначально это было отдельное историческое произведение, восхвалявшее основателя Македонской династии⁵². Завершающая хронику шестая книга, по словам Я. Н. Любарского, представляет «загадку для исследователей». По всей видимости, она была составлена из нескольких исторических сочинений, время написания и авторство которых остаются дискуссионными.

⁴⁹ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. Bonn, 1838 (далее – Theophanes Continuatus).

⁵⁰ Подробнее см.: Treadgold W. The Middle Byzantine historians. New York, 2013. P. 188–196.

⁵¹ Iosephi Genesii regum libri quattuor / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. Berlin; New York, 1978. См. также: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 157–166.

⁵² Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur / rec. I. Ševcenko. Berlin; New York, 2011. См. также: Καρπόζηλος Απ. Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι. Αθήνα, 1997. Τ. 2. Σ. 331–338; Treadgold W. The Middle Byzantine historians. P. 165–180.

ми⁵³. Тем не менее, хроника Продолжателя Феофана является важным источником, отражающим официальную точку зрения на военно-политические события византийской истории X в.

«История» Льва Диакона повествует о правлении трех византийских императоров: Романа II Младшего, Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия⁵⁴. О царствовании Василия II хронист неоднократно упоминает, но систематического изложения событий, связанных с его правлением «История» не содержит. Отметим также, что в отличие от авторов других императорских хроник, Лев Диакон принимал участие в боевых действиях. Речь идет о походе Василия II против болгар, который завершился разгромом византийских войск 17 августа 986 г. в сражении у Траяновых ворот⁵⁵.

Несмотря на то, что автор «Истории» писал о современных ему событиях, он был хорошо знаком с произведениями своих предшественников, а также с античной и ранневизантийской исторической литературой⁵⁶. По мнению А. П. Каждана, Льва Диакона следует считать создателем новой литературной традиции, которую сам исследователь назвал «героической». Действительно, Лев Диакон уделял беспрецедентное внимание полководческой и государственной деятельности императоров Никифора Фоки и Иоанна

⁵³ См.: Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание? // Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 86–87.

⁵⁴ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / rec. C. V. Nasii. Bonn, 1828 (далее – Leonis Diaconos).

⁵⁵ Leonis Diaconos. P. 172.24 – 173.4: «Был там и я, с горечью рассказывающий об этом. На беду мою, сопровождал я государя, исполняя службу дьякона, и едва не стал добычей скифского меча».

⁵⁶ Подробнее см.: Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Византийское обозрение. 1916. Т. 2. С. 134–166.

Цимисхия. Кроме этого, он очень подробно описывал войны, которые Византия вела в 960–970-е гг.⁵⁷

Во многих случаях сведения, сообщенные Львом Диаконом, уникальны. В первую очередь, это касается военных мятежей последней трети X в. Помимо этого, в «Историю» включены многочисленные «портретные зарисовки», характеризующие как византийских военачальников, так и их иноземных противников. Качества, которые Лев Диакон ценил у военных – это сила, храбрость, отвага, энергичность. Отметим также, что на страницах его сочинения соседствуют краткие занимательные истории из повседневной жизни архонтов и стратиотов императорской армии, а также реальные или вымышленные мифологические сюжеты, астрологические наблюдения, рассказы о необычных природных явлениях и пр.⁵⁸

Среди византийских императорских хроник наиболее ценным источником по теме диссертационного исследования является «Синописис историй» (Σύνοψις Ἱστοριῶν) Иоанна Скилицы⁵⁹. Биографические данные об авторе этого произведения разрозненны и противоречивы. Известно, что он родился в феме Фракисий, впоследствии переехал в Константинополь, где сделал успешную карьеру на гражданской службе. В начале 1080-х гг. Скилица был куропалатом, занимал должности протовестиария и друнгария виглы, входил в число доверенных лиц Анны Далассины, матери императора Алексея I Комнина⁶⁰.

⁵⁷ Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 306–313. См. также: Бибииков М. В. Развитие исторической мысли. С. 101–102.

⁵⁸ См.: Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 337–339.

⁵⁹ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin; New York, 1973 (далее – Ioannis Skylitzes).

⁶⁰ Подробнее см.: Seibt W. Ioannes Skylitzes. Zur Person der Chronisten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1976. Bd. 25. S. 81–85.

Хроника Иоанна Скилицы охватывает период с 811 по 1057 гг. Наибольший интерес представляют заключительные книги, в которых описываются события последней четверти X – первой половины XI в. Установлено, что Скилица использовал не сохранившиеся до нашего времени исторические тексты, включая отчеты о военных кампаниях, биографии военачальников, а также документы из дворцовых архивов⁶¹.

«Синописис историй» является единственным источником, в котором подробно освещен период самостоятельного правления Василия II и его преемников, вплоть до прихода к власти Исаака I Комнина⁶². Несомненным достоинством сочинения Скилицы является его достоверность. Во вступительном слове к своей хронике он заявил о намерении написать «правдивую историю»⁶³. Далее он перечислил имена четырнадцати авторов, «писавших историю» до него. Судя по критическим замечаниям в адрес предшественников, хрониста многое не устраивало в их сочинениях. Прежде всего, Скилице не нравились чрезмерные восхваления или же, напротив, безосновательная критика императоров, патриархов, военачальников. Для себя хронист определил другой способ рассказывать об известных ему событиях – подробно и беспристрастно. Скилица писал, что «истории вышеупомянутых писателей были рассмотрены мной с большой осторожностью... многие противоречия и разногласия были оставлены в стороне. В итоге, мной собрана и изложена правдивая история, которую я готов передать будущим поколениям»⁶⁴.

⁶¹ См.: Cheynet J.-Cl. Jean Skylitzès, lecteur des chroniqueurs du Xe siècle // Remanier, métraphraser: fonctions et techniques de la réécriture dans le monde byzantin / éd. par S. Marjanović-Dušanić, B. Flusin. Belgrade, 2011. P. 117–120.

⁶² Подробнее см.: Holmes C. Basil II and the Governance of Empire. P. 66–75.

⁶³ Ioannis Skylitzes. P. 4.57–59.

⁶⁴ Ibid. P. 4.36–55.

В отличие от своих современников Михаила Пселла и Михаила Аталията⁶⁵, Скилица уделял внимание самым разным событиям: войнам, заговорам, церковным синодам, необычным природным явлениям, пророчествам, даже баснословным слухам⁶⁶. Именно поэтому его хроника долгое время считалась в историографии малодостоверной. Скилицу обвиняли в непоследовательности, а текст «Синописа историй» оценивали как сухой и примитивный⁶⁷. Тем не менее, в современной историографии данное произведение по праву занимает положение важнейшего источника по военно-политической истории Византии середины X – середины XI в.

Политические пристрастия Иоанна Скилицы неоднократно рассматривались в научной литературе⁶⁸. Сам хронист, будучи гражданским чиновником высокого ранга, в противостоянии между «военными» и «гражданскими» принимал сторону первых⁶⁹. Судя по тексту «Синописа историй», его интересовали военные походы, деятельность военачальников (τῶν στρατηγούντων) и жизнь рядовых воинов (τῶν μόνον στρατιωτῶν).

⁶⁵ Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / Introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comment. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. Milano, 1984. Vol. 1–2; *Michaelis Attaliothae Historia* / rec. I. Bekker. Bonn, 1853.

⁶⁶ См.: Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. С. 122–123.

⁶⁷ См.: Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453)*. München, 1897. S. 366.

⁶⁸ Подробнее см.: Antoljak S. *Wer könnte eigentlich Joannes Scylitzes sein? // Actes du XIVe congrès international des études byzantines (Bucarest, 6-12 septembre 1971)* / éd. par M. Berza, E. Stănescu. Bucuresti, 1976. T. 3. S. 678–680.

⁶⁹ Ioannis Skylitzes. P. 486.6–10: «несправедливо оказывать императорские почести только гражданским (τὸ πολιτικὸν γένος), которые никогда не стояли между зубцами крепостной стены, не бывали в сражении; в то время как те, кто с юности видел только военную службу (στρατιωτικὴ πληθὺς), стоял по ночам на страже, защищая покой других, лишены теперь императорской милости».

По нашему мнению, в этом заключается главное отличие хроники Скилицы от других исторических сочинений второй половины XI в.

Несомненно, по художественным достоинствам выдающееся произведение византийской литературы «Хронография» Михаила Псела всецело превосходит сочинение Скилицы. Однако и «Хронография», и «История» Михаила Атталиата были написаны *post eventum*⁷⁰, когда былое могущество империи оказалось утрачено, а государство находилось в состоянии затяжного внутривосточного кризиса, который усугублялся тяжелыми поражениями в войнах с внешними врагами. Сам Михаил Пселл принадлежал к политической группировке, которая потерпела поражение в борьбе за власть⁷¹. Поэтому его заявления о необходимости возродить сильную боеспособную армию выглядят явно запоздалыми⁷². Михаила Атталиата также мало занимали былые победы императорской армии. По мнению А. П. Каждана, он был глубоко религиозным человеком, считавшим, что все события истории предопределе-

⁷⁰ Вопрос о типологической принадлежности сочинений Михаила Пселла и Михаила Атталиата к императорским историческим хроникам является дискуссионным. Подробнее см.: Любарский Я. Н. Михаил Атталиат и Михаил Пселл (Опыт короткого сопоставления) // Античная древность и средние века. 1992. Вып. 26. С. 93–95. Ср.: Treadgold W. The Middle Byzantine historians. P. 289–290, 328–329.

⁷¹ См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма // Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 461–462.

⁷² Michele Psello. Imperatori di Bisanzio (Cronografia). Vol. 2. P. 178, 7,1.9–13: «Заняв престол, императоры считают, что для сохранения власти им будет достаточно поддержки гражданского сословия (τὸ πολιτικὸν γένος)... Заполучив скипетр, они убажывают взоры и слух городских жителей болтливими речами (δημηγορίας φλυάρους), получая в ответ восторженные крики. Они считают, что уже сподобились божьего заступничества, никакая другая сила им не потребуется. Однако императорская власть покоится на трех опорах: народе, синклите и войске. Последнему же уделяют мало внимания, осыпая милостями первые два». О взаимоотношениях Михаила Пселла с военными см.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. С. 504–506.

ны свыше⁷³. Принципиального спора или, тем более, конфликта между «военными» и «гражданскими» Атталиат не признавал. Однако одним из достоинств главного героя его хроники, будущего императора Никифора Вотаниата, являлось уважительное отношение полководца к безоружным городским жителям⁷⁴.

Завершая характеристику группы императорских исторических хроник, отметим, что для изучения некоторых аспектов темы диссертационного исследования необходимо также привлечение данных компилятивных *всемирно-исторических хроник* Иоанна Зонары и Георгия Кедрина⁷⁵.

Вторую группу источников, имеющих большое значение для решения задач поставленных в данной работе, составляют *полемологические сочинения*. По мнению А. С. Мохова, «Византия унаследовала от античной цивилизации колоссальный военный опыт, аккумулированный в военно-теоретических сочинениях и наставлениях по тактике. Важнейшим достижением византийского военного искусства являлось творческое осмысление, переработка и существенное пополнение античных военных доктрин, стратегических и тактических приемов, значительный прогресс в развитии военных технологий и фортификации. Иными словами, Византия была не только «хранителем и транслятором» античной военной науки, она обогатила ее своим, не менее масштабным, военным опытом»⁷⁶.

В византийских военных трактатах, созданных в период правления Македонской династии, содержались подробные инструкции по ведению боевых

⁷³ Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата. С. 14–16.

⁷⁴ Michaelis Attaliothae Historia. P. 236.15–19.

⁷⁵ Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. Th. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. Т. 3; Georgius Cedrenus Historiarum compendium / rec. I. Bekker. Bonn, 1838–1839. Т. 1–2.

⁷⁶ Мохов А. С. Исследования по истории византийской армии: теория и терминология // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 46. О механизмах трансляции античного военного опыта см.: Campbell B. Teach yourself how to be a General // Journal of Roman Studies. 1987. Vol. 77. P. 13–29.

действий в глобальных войнах, региональных конфликтах, приграничных столкновениях. По авторитетному мнению В. В. Кучмы, в конце IX – начале XI в. были созданы наиболее значительные произведения византийской военно-теоретической мысли⁷⁷. Прежде всего, следует упомянуть истинный шедевр византийской полемологической традиции – «Тактику Льва». Известно, что работа над этим произведением велась длительное время, и завершилась только в последние годы правления императора Льва VI⁷⁸. В последней трети X – начале XI в. были созданы три практических наставления по тактике: *Praecepta militaria*, *De velitatione bellica* и *De castrametatione*⁷⁹.

В первые годы XI в. дука Антиохии магистр Никифор Уран составил по распоряжению императора Василия II пространную компиляцию полемологических текстов. Она состояла как из античных, так и византийских военных трактатов⁸⁰. В исследовательской литературе, посвященной истории военного искусства, принято считать, что благодаря созданию военно-энциклопедического произведения «Тактика Никифора Урана» до нашего

⁷⁷ Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль. С. 277, 291–292.

⁷⁸ Leonis VI *Tactica* / text, transl. and comment. by G. Dennis. Washington, D.C., 2010; Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб., 2012.

⁷⁹ Стратегика императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. 1908. Т. 8. № 9; *Praecepta militaria* (Στρατηγική ἔκθεσις καὶ σύνταξις Νικηφόρου δεσπότη) // McGeer E. *Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century*. P. 3–78 (далее – *Praecepta militaria*); *Le Traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)* / texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu; trad. et comment. par G. Dagron. Paris, 1986 (далее – *De velitatione bellica*); *De castrametatione* (Ἀνωνύμου βιβλίον τακτικόν) // *Three Byzantine military treatises* / text, transl., and notes by G. Dennis. Washington, D.C., 1985. P. 241–335 (далее – *De castrametatione*).

⁸⁰ Τακτικὰ ἤγγουν στρατηγικὰ Νικηφόρου τοῦ Οὐρανοῦ // McGeer E. *Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century*. P. 79–167.

времени в полном объеме сохранились некоторые античные военные наставления, включая «Стратегикос» Онасандра и «Стратагемы» Полиэна⁸¹.

По мнению Дж. Хэлдона, византийские военные трактаты эпохи Македонской династии недооценены в историографии. Помимо сугубо профессиональных сведений о стратегии и различных приемах ведения боя (тактике), они содержат разнообразную информацию о мировоззрении архонтов и стратиотов императорской армии, повседневной жизни византийских военных и пр.⁸²

Следующую группу источников составляют *памятники византийской дидактической литературы IX–XI вв.* В первую очередь, в нее входят риторические тексты: «военные речи» императора Константина Багрянородного⁸³, «Наставительные главы императора Василия I сыну Льву»⁸⁴, «Огласительные слова» Симеона Нового Богослова⁸⁵ и др. тексты. Отдельно следует упомянуть военный трактат *Rhetorica Militaris*. Это частично сохранившееся сочинение является частью большого компендиума полемологических произведений IX–X вв., составителем которого считается Сириан Магистр⁸⁶. *Rhetorica Militaris* содержит важные сведения о тематике и методах официальной про-

⁸¹ Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / transl. by W. A. Oldfather. Cambridge, 1948 (далее – Onasander); Polyaei Strategematon libri octo / rec. E. Woelfflin, I. Melber. Leipzig, 1887. См. также: Dain A., De Foucault J.-A. Les stratégistes byzantins. P. 371–373.

⁸² Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 14.

⁸³ Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos // Byzantinische Zeitschrift. 1908. Bd. 17. S. 75–85; Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // Travaux et mémoires. 1967. Vol. 2. P. 393–404.

⁸⁴ Emminger K. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln. München, 1913. Bd. 3. См. также: Чичуров И. С. Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучения Василия I и эпитафия Льва VI) // Византийский временник. М., 1989. Т. 50. С. 106–115.

⁸⁵ Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses, 1–5 / introd., texte critique et notes par B. Krivochéine; trad. par J. Paramelle. Paris, 1963. T. 1.

⁸⁶ Rance Ph. The date of the military compendium of Syrianus Magister (formerly the sixth-century Anonymus Byzantinus) // Byzantinische Zeitschrift. 2008. Bd. 100. P. 701–737.

паганды в вооруженных силах, а также примеры «образцовых» речей, которые стратеги должны были произносить перед своими подчиненными.

Важным источником для исследования представлений о войне и армии в византийском обществе является сочинение Кекавмена⁸⁷. Следует согласиться с Г. Г. Литавриным, который отмечал, что по жанру «Советы и рассказы» – это не историческая хроника. Скорее, это поучение умудренного жизненным опытом человека, обращенное к его сыновьям, и богато иллюстрированное примерами из истории⁸⁸. Отметим также, что круг интересов Кекавмена был весьма обширным: политика, войны, мятежи, религия, государственная служба, частная жизнь, семейные отношения, проблемы морали и нравственности. Причем на все спорные житейские ситуации у Кекавмена были свои взгляды, подкрепленные примерами из его личного опыта или же нравоучительными историями из жизни родственников, знакомых или сослуживцев⁸⁹.

«Советы и рассказы» Кекавмена – это ценнейший источник по истории повседневной жизни византийской провинции середины – второй половины XI в. Отметим также, что значительная часть сентенций автора касаются военной службы, к которой Кекавмен проявлял значительный интерес⁹⁰. Как и для Михаила Атталиата, для автора «Советов и рассказов» не существовало противостояния «военных» и «гражданских». Кекавмен считал, что награды достоин любой, кто честно исполняет свой долг. В частности, он советовал императору: «Если ты пожелаешь облагодетельствовать горожанина (πολίτικοῦς)... то одари его небольшим числом номисм, но не титулом. Лучше награди титулом протоспафария или патрикия своего стратиота, гото-

⁸⁷ Кекавмен. Советы и рассказы: поучение византийского полководца XI века / подгот. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003.

⁸⁸ Литаврин Г. Г. Кекавмен и его Поучение // Кекавмен. Советы и рассказы. С. 68–69.

⁸⁹ См.: Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата. С. 20–22.

⁹⁰ Литаврин Г. Г. Кекавмен и его Поучение. С. 117–119.

вого пролить за тебя свою кровь (τὸν στρατιώτην σου τὸν θέλοντα χῦσαι τὸ αἷμα αὐτοῦ διὰ σέ), или же прилежного нотариуса, служащего секрету. Ведь немало я видел подобного... хороших и преданных воинов, находившихся в пренебрежении у императоров. Сокрушалось сердце мое, не вынося несправедливости»⁹¹.

Для исследования по теме диссертации были привлечены *эпистографические источники*: письма патриарха Николая Мистика, гражданских чиновников Феодора Дафнопата и Льва Хиросфакта, военачальника Никифора Урана⁹². Отметим также, что некоторые сведения о вооруженных силах Византии периода правления Македонской династии можно почерпнуть из *агиографических сочинений*. Однако количество житийных текстов, созданных в данное время, невелико. Кроме того, в отличие от агиографической литературы предшествующего времени, сведений о повседневной жизни византийских военных или событиях военно-политической истории в них почти не содержится⁹³.

В заключение упомянем небольшую, но важную группу литературных текстов, содержащих интересные, а порой и уникальные сведения по теме диссертационного исследования. Речь идет о *поэтических произведениях* Иоанна Геометра, Христофора Митиленского, Анонимного Патрикия⁹⁴, а также *византийском эпосе*⁹⁵.

⁹¹ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 292.7–20.

⁹² Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae / ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington, D.C., 1973. Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès, L. G. Westerink. Paris, 1978; Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice: biographie, correspondance (texte et traduction) / éd. G. Koliass. Athènes, 1939; Épistoliers byzantins du Xe siècle / éd. par J. Darrouzès. Paris, 1960.

⁹³ См.: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 253–271.

⁹⁴ Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. Wien, 2003; Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios / hrsg. E. Kurtz. Leipzig, 1903; Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios im cod. Vat. Pal. gr. 367 // Myriobiblos: essays on Byzantine litera-

Для изучения представлений о войне и армии в Византии середины IX – середины XI в. необходимо привлечение *документальных источников*. В первую очередь, речь идет о «Василиках» – законодательном своде Македонской династии, созданном в правление Василия I и Льва VI. В его заключительной части и, прежде всего, в книге LVII «О военных делах» содержатся ценные сведения о юридическом статусе стратиотов, наследственной военной службе, наказаниях за воинские преступления и пр.⁹⁶ Существенным дополнением к данным, содержащимся в «Василиках», являются правовые нормы из законодательных сборников «Прохирон» (Πρόχειρος Νόμος) и «Эпанагога» (Ἐπαναγωγή τοῦ νόμου)⁹⁷. Следует также упомянуть императорские акты (новеллы) X – первой половины XI в., посвященные военным вопросам⁹⁸.

Из официальных текстов, относящихся ко второй половине X в., для проведения исследования были привлечены т. н. военные отрывки «Книги церемоний» Константина VII Багрянородного. В этом источнике сохранились уникальные сведения о подготовке и проведении масштабных военных экс-

ture and culture / ed. by Th. Antonopoulou, S. Kotzabassi, M. Loukaki. Boston; Berlin:, 2015. S. 329–356.

⁹⁵ Digenis Akritis: the Grottaferrata and Escorial versions / ed. E. Jeffreys. Cambridge, 1998; Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи / изд. Г. С. Дестунис // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб., 1877. Т. 26. № 3.

⁹⁶ Basilicorum libri LX / ed. G. E. Heimbach, C. G. Heimbach. Lipsiae, 1850. Т. 5. P. 182–191. См. также: Каждан А. П. Василики как исторический источник // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 56–66.

⁹⁷ Jus Graecoromanum / cura I. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962. Vol. 2: Leges imperatorum Isaurorum et Macedonum. См. также: Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt am Main, 1986. S. 56–60.

⁹⁸ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes: introd., éd., comment. / éd. posthume et index établis par P. Gounaridis. Athènes, 1994.

педий, а также их пропагандистского обеспечения: организации триумфальных шествий, торжественных богослужений и пр.⁹⁹

Специально отметим, что для решения задач диссертационного исследования не привлекались археологические источники, а также памятники византийского монументального и прикладного искусства.

Таким образом, источники по теме диссертационного исследования отличаются типологическим и жанровым разнообразием. Однако все эти тексты объединены общей тематикой: «человек на войне», «война и общество», «война и государство». Сам факт появления столь значительного количества разноплановых литературных произведений и документальных источников является подтверждением важности и актуальности данных проблем для византийского государства и общества середины IX – середины XI в.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной историографии преобладает концепция, согласно которой организационные структуры византийской армии в середине IX – середине XI в. не являлись статичными. В целом, на протяжении данного периода в вооруженных силах империи происходил переход от иррегулярной системы военной организации к регулярной. Однако данные структурные изменения, включая военную реформу второй половины X в., не сразу привели к значительным изменениям в представлениях о войне и армии в византийском обществе. Несмотря на многочисленные победы императорских войск над арабами и болгарами, для большинства населения Византии было характерно негативное отношение к войне. Исключение составляли профессиональные военные (рядовые воины и командиры императорской армии), а также груп-

⁹⁹ Constantine Porphyrogenitus. *Three Treatises on imperial military expeditions* / introd., ed., transl. and comment. by J. Haldon. Wien, 1990; Haldon J. *Theory and practice in tenth-century military administration: Chapitres II, 44 and 45 of the Book of ceremonies* // *Travaux et mémoires*. 2000. Vol. 13. P. 201–352.

пы населения, находившиеся под постоянным воздействием императорской пропаганды (прежде всего, жители Константинополя).

2. Официальная пропаганда, направленная на личный состав императорской армии играла значительную роль в поддержании высокого боевого духа войск. Нацелена она была, в первую очередь, на младших командиров и рядовых стратиотов. Наиболее действенным пропагандистским приемом следует считать умелое сочетание религиозной риторики (призывы к защите «христианской веры, христианского народа и христианской империи») и щедрых обещаний титулов, должностей и денежных выплат.

3. Высший командный состав императорской армии был менее подвержен воздействию официальной пропаганды. Поддержание должного уровня дисциплины среди старших архонтов достигалось с использованием административных методов. В частности, с X в. стратиги и другие старшие армейские архонты несли ответственность за поддержание среди подчиненных высокого боевого духа.

4. В середине IX – середине XI в. Византия не вела с соседними государствами «священных войн» и не проводила «крестовых походов». Уровень религиозного фанатизма среди солдат и командиров императорской армии был невысок. Периоды особого ожесточения во время боевых действий против арабов или болгар объясняются не религиозными, а военными причинами. При равенстве военных сил противники несли большие потери, за которые после завершения боевых действий стремились отомстить не только пленным вражеским воинам, но и мирному населению на территории противника.

5. В византийских вооруженных силах середины IX – середины XI в. религиозная служба как отдельная военно-административная структура или армейское подразделение не сформировалось. Существование постоянных должностей «военных священников» не подтверждается данными источников. Каждый раз для участия в военном походе священники назначались по

согласованию между армейским командованием и высшими церковными иерархами.

б. Моральный облик рядового и младшего командного состава вполне соответствовал «идеальным» представлениям Льва VI о «христолюбивом воинстве». Однако объяснялось это не успехами императорской пропаганды, нацеленной на армию, а происхождением большинства рядовых солдат и младших командиров из патриархальной сельской среды. Различные пороки, о которых сообщается в источниках, были присущи, в основном, высшему командному составу.

Степень достоверности результатов исследования определяется привлечением широкого круга разноплановых источников, среди которых присутствуют императорские исторические хроники, полемологические трактаты, эпистолографические источники, риторические тексты, поэтические произведения, назидательная литература. Современная историография, проанализированная в диссертации, рассматривает организационные структуры византийской армии, просопографию и историю повседневности. Научные положения и выводы, представленные в диссертации, подкреплены фактическим материалом, который изучен с привлечением методик исторического анализа, соответствующим поставленным целям и задачам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации представлены в научных публикациях автора. Всего по теме исследования опубликовано 23 работы, в том числе – 5 статей в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК. Помимо этого, основные результаты исследования были представлены автором в докладах на 6 международных и 6 всероссийских научных конференциях. Тезисы докладов и материалы конференций опубликованы. Во время работы над диссертацией автор входила в состав научных коллективов, выполнявших работы по научным проектам: «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение» (ГК № 02.740.11.0578, 2012 г., в рамках ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»);

«Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии» (Соглашение № 14.А18.21.0480, 2012–2013 гг., в рамках ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»); «Византийская армия в VIII – XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь» (грант РФФИ № 16-31-00027, 2016–2017 гг.). Результаты, полученные автором в ходе работы над проектами, представлены в научных публикациях.

**ГЛАВА 1. «БОГОХРАНИМОЕ ВОЙСКО» ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СЕРЕДИНЫ IX – СЕРЕДИНЫ XI В.**

**§ 1.1. Византийская армия в правление Македонской династии:
общая характеристика и основные тенденции развития**

В специальных исследованиях и обобщающих трудах, посвященных истории военного искусства древности и средневековья, характеристике военного дела Византийской империи никогда не уделялось большого внимания. От подробного анализа уникальной военной системы Римской империи авторы этих работ, как правило, сразу переходят к рассмотрению военного искусства западноевропейских государств эпохи Крестовых походов. О вооруженных силах Византии они либо не упоминают вообще, либо ограничиваются констатацией их слабости или кризисного состояния на всем протяжении истории империи.

Столь критичное отношение к византийской армии сформировалось еще в первой половине XIX в. под влиянием трудов английского историка Эдварда Гиббона и его последователей. Кратко суть концепции «тысячелетней деградации» военной системы Восточной Римской (Византийской) империи состоит в следующем: «Тактика, военный устав, военные эволюции и употреблявшиеся в древности военные хитрости изучались по греческим и римским писателям. Но обезлюдившие или выродившиеся провинции уже не были в состоянии доставлять таких людей, которые были бы способны владеть этим оружием, охранять эти стены, плавать на этих кораблях и применять с отвагой и с успехом к делу теорию военного искусства... Ни честь, ни патриотизм, ни благородные суеверия не могли воодушевлять бездушные толпы рабов и иностранцев, унаследовавшие почетное название легионов...

но их пороки были неизбежным последствием их организации, их победы были случайностью, а их дорого стоившее содержание истощало государство, которое они не были способны защищать»¹.

Становление византиноведения как отдельного направления исторической науки привело к появлению научных трудов, в которых история византийского военного искусства рассматривалась не на основании умозаключений английских философов-моралистов или французских энциклопедистов, а на основании широкого круга исторических источников. Впрочем, византилисты второй половины XIX – начала XX в. не ставили перед собой цель опровергнуть примитивную схему «тысячелетнего упадка» византийских вооруженных сил. Более важной задачей, которую удалось успешно решить, являлось обоснование тезиса о прямой преемственности (континуитете) римской и византийской военных систем².

Современная историография продолжает демонстрировать рецидивы презрительного отношения к византийской армии. Слабым утешением служит то, что в современной западной интеллектуальной среде подобное отношение все чаще высказывается к военной сфере вообще. В частности, французский писатель Мишель Уэльбек в переписке с Бернаром-Анри Леви, своим соотечественником и непримиримым идейным оппонентом, заявил, что «все войны (гражданские, революционные, захватнические или освободительные) – *пустая трата времени* (курсив авт. – К. К.)»³. Характерно, что та-

¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи. М., 2008. Т. 5. С. 181–182. Критику данной концепции см.: Мохов А. С. Исследования по истории византийской армии: теория и терминология. С. 45–53.

² См.: Васильев А. А. История Византийской империи / пер. с англ. и науч. ред. А. Г. Грушевого. СПб., 2000. С. 17–23.

³ Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества / пер. с фр. Е. Кожевниковой. СПб, 2011. С. 91. О своем личностном отношении к войне М. Уэльбек высказался не менее категорично: «В случае настоящей войны (в конечном счете любая идеологическая борьба приводит к

кая позиция вовсе не означает приторных речей в пацифистском духе. Оба интеллектуала простирают понимание войны широко: от межличностных конфликтов до крушения цивилизаций⁴, но при этом Бернар-Анри Леви заявляет, что для понимания войны достаточно прочесть «Илиаду»⁵.

Среди современных последователей Эдварда Гиббона, выделим патриарха американской «транснациональной исторической науки» Уильяма Мак-Нила. В одной из книг, снискавшей ему мировую известность, он заявил, что в военно-политической сфере Византия, и вместе с ней «православный христианский мир», потерпели полное фиаско уже к концу XI в. По мнению автора, «военные неудачи находились в поразительном контрасте с успехами Византии предшествующего столетия», из-за того, что «собственники выведенных из нормального налогообложения поместий, особенно в Малой Азии, превратились в полувоеннизированную аристократию с частными армиями, способными поддерживать ее хроническое неподчинение императорскому правительству»⁶. В другой, более поздней, книге этого исследователя императорские вооруженные силы показаны как постоянно отстающие от «стремительно скачущего вперед западноевропейского рыцаря»⁷.

Укажем также на схематичную оценку Уильямом Мак-Нилом роли Византии в истории Средиземноморья X–XII вв. По его словам, несмотря на полную зависимость от экономики Запада, империя исправно выполняла

войне) от меня будет больше вреда, чем пользы. <...> Мы будем робко, молча пережидать в стороне, пока *другим не надоест валять дурака*» (курсив авт. – К. К.). См.: Там же. С. 90.

⁴ Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. С. 14, 111.

⁵ Там же. С. 167: «я не знаю лучшего произведения, чем «Илиада», для того чтобы понять, что такое война, уничтожение, разрушение городов».

⁶ Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого общества / пер. с англ.; науч. ред. А. Галушка. М., 2004. С. 673.

⁷ Мак-Нил У. В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. Т. Ованнисяна; предисл. Г. Дерлугьяна; науч. ред. С. А. Нефедова. М., 2008. С. 40–41.

функцию по стабилизации международной обстановки в этом регионе⁸. Характерно, что другой американский исследователь Артур Экштейн, также сторонник концепции «транснациональной истории», обосновывает в своей монографии необходимость существования в Средиземноморье империи как фактора, противостоящего «региональной анархии». По его мнению, сначала Рим, а затем и Константинополь, обладали двумя исключительными качествами: использовать в своих интересах небольшие союзные государства, а также ассимилировать многочисленных иноземцев на своей территории. В итоге, установив приемлемые для себя правила международной политики, средиземноморские империи длительное время удерживали военнополитическое господство⁹.

Среди изданных в последние годы книг, претендующих на обобщение военного фактора в истории Византии, упомянем также работу американского историка Ларса Браунворта. Не разделяя мнения многих своих предшественников о военной слабости империи, этот автор пишет: «Западная цивилизация находится в неизмеримом долгу перед презренным городом на Босфоре. Более чем тысячу лет его столица представляла собой великий восточный бастион, защищающий юную беспокойную Европу, и раз за разом претенденты на завоевание мира разбивались о его стены. Не будь Византии, мусульманские армии захлестнули бы Европу в VII веке»¹⁰.

Можно согласиться с тем, что «военная сила Византии была даром» для Запада, особенно во времена «блестящего Иоанна I Цимисхия и победоносного Никифора II Фоки»¹¹. Действительно, наибольшей эффективности и боеспособности византийские вооруженные силы достигли в правление им-

⁸ Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого общества. С. 676.

⁹ См.: Eckstein A. Mediterranean anarchy, interstate war, and the rise of Rome. Berkeley, 2006. P. 7–9.

¹⁰ Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад / пер. с англ. И. Мазуриной. М., 2012. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

ператоров Македонской династии. Благодаря их целенаправленной военной политике, длительное время происходила трансформация военно-административных структур, которая завершилась в правление Василия II. В результате этих масштабных преобразований в Византии появилась регулярная армия с четко выстроенной организационной структурой, пришедшая на смену иррегулярным провинциальным контингентам периода «фемного строя».

Подробное рассмотрение эволюции организационных структур императорской армии и военного флота не входит в число задач, поставленных в данной работе. В связи с этим, в диссертационном исследовании мы придерживаемся концепции развития военно-административной системы Византийской империи VII–XI вв., разработанной А. С. Моховым¹². По его мнению, в период правления Македонской династии византийская армия являлась «организованной совокупностью военных и военизированных формирований, для которой были характерны смешанная система военной организации, централизованная форма материального обеспечения, а также милиционный, регулярный и наемный способы комплектования воинских контингентов»¹³.

Тем не менее, мы считаем необходимым кратко охарактеризовать основные этапы развития вооруженных сил Византии в период правления Македонской династии. Это требуется, прежде всего, для определения и объяснения военной терминологии, которая далее использована в диссертационном исследовании.

В середине VIII – середине X в. императорская армия состояла из двух основных частей: фемных ополчений (θηματικοί) и регулярных тагм

¹² Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. С. 14–33; Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013; Мохов А. С. Основные направления военной политики Василия II. С. 134–147.

¹³ Мохов А. С. Исследования по истории византийской армии. С. 46.

(ταγματικοί). Провинциальные иррегулярные отряды формировались из стратиотов (στρατιώτης), свободных крестьян-общинников, получивших земельные наделы от государства (στρατιωτικά κτήματα). Они являлись привилегированной группой сельского населения, так как были освобождены от большинства налогов и повинностей, кроме, собственно, военной. Власти пристально следили за стратиотами, а также контролировали все юридические сделки с их недвижимым имуществом. Пригодные к воинской службе совершеннолетние мужчины из стратиотских общин включались в специальные каталоги (στρατιωτικοὺς καταλόγους). Обо всем необходимом для войны – лошадях, оружии, доспехах – они должны были заботиться сами. В случае военной угрозы стратиоты призывались на службу, из них формировались военные отряды (θέματα). Во время похода фема могло действовать как отдельно, так и объединившись с другими провинциальными ополчениями. Кроме того, фемами назывались военно-административные округа, на которые была разделена вся территория Византийской империи. Исключение составляли пограничные области, где оборона была организована на постоянной основе. Небольшие по численности гарнизоны пограничных крепостей находились на государственном обеспечении¹⁴.

Фемой командовал стратиг (στρατηγός), который подчинялся только императору. Он совмещал командные военные и гражданские административные функции. Территориальная структура фемы была иерархична: она состояла из турм (τούρμα), во главе которых стояли турмархи (τουρμαρχες); турмы, в свою очередь, делились на банды (βάνδον), где командовали друнгари или комиты (δρουγγάριος, κόμητες). Прежде всего, такая организа-

¹⁴ Подробнее см.: Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX – X в. // Византийские очерки. М., 1971. С. 86–97; Haldon J. Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950: a study on the origins of the *stratitika ktemata*. P. 63–65.

ция способствовала быстрой мобилизации. Во время похода отряды стратиотов подразделялись по родам войск: легкая пехота, тяжелая пехота, кавалерия. После завершения военной кампании войска возвращались обратно в свои фемы, где стратиоты распускались по домам¹⁵.

Регулярные контингенты византийской армии не ограничивались только гарнизонами пограничных крепостей. В Константинополе и его окрестностях размещались наиболее боеспособные армейские подразделения, созданные по образцу римских или ранневизантийских отрядов дворцовой стражи (*scholae palatinae*). Главную ударную силу императорской армии составляли «четыре царских отряда» (τὰ τέσσαρα βασιλικὰ τάγματα) – регулярные кавалерийские тагмы схол, эскувитов, арифмов и иканатов, созданные в последней четверти VIII – начале IX в.¹⁶

Тагма схол (τάγμα τῶν σχολῶν) упоминается в источниках со времени правления Константина V. Число воинов в тагме достигало 4 тыс., а сам отряд был разделен на две равные части. Тагмой схол командовал domestik (δομέστικός τῶν σχολῶν), его заместителями были топотирит и хартуларий (τοποτηρηταί τῶν σχολῶν, χαρτουλάριος τῶν σχολῶν). Помимо военного руководства эти командиры также занимались вопросами снабжения. Младшие архонты (ἄρχοντες) тагмы схол назывались комитами. В отличие от стратиотов фемных ополчений, солдаты и командиры тагмы схол получали жалование; оружием, доспехами и лошадьми они также обеспечивались за счет государства¹⁷.

¹⁵ Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1900. Т. 6. Вып. 1. С. 158–167; Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 12. С. 79–85; Haldon J. Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204. P. 139–148.

¹⁶ Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 68–69.

¹⁷ См.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 74–78.

В историографии принято считать, что остальные отряды «столичного войска» (ἔσω ταγμάτων) были сформированы по образу и подобию тагмы схол¹⁸. Примечательно, что число регулярных подразделений все время увеличивалось. Так, при Константине V была создана тагма экскувитов (τάγμα τῶν ἐξκουβίτων). При императорах Исаврийской и Аморийской династий она прославилась своей стойкостью в сражениях с болгарами и арабами. Известно также, что в 18-й банде тагмы экскувитов в молодые годы служил св. Иоанникий Великий; 20 июля 792 г. он, в составе своего отряда, принимал участие в неудачной для войск императора Константина VI битве с болгарами у пограничной крепости Маркеллы¹⁹.

Тагма арифмов (τάγμα τῶν ἀριθμῶν) была создана в 780–790 гг., во время совместного правления Константина VI и его матери императрицы Ирины. Боевым отрядом она оставалась недолго, и уже в первой половине IX в. перешла в подчинение логофета дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου). С этих пор арифмы занимались поддержанием порядка в центральном районе Константинополя, охраняли тюрьмы, императорский трибунал на ипподроме и другие важные объекты византийской столицы. В источниках сохранилось немало упоминаний о конфликтах, в которые по роду своей службы оказались вовлечены арифмы. Причем чаще речь идет не о подавлении военных мятежей, а о стычках с горожанами на столичных рынках²⁰.

¹⁸ Haldon J. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the tagmata, с. 580–900. Bonn, 1984. P. 222–223.

¹⁹ Подробнее см.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 93–95. О св. Иоанникии см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (641–867). 2000. Bd. 2. S. 379–383, Nr. 3389 (Ἰωαννίκιος ὁ Μέγας).

²⁰ В IX–XI вв. тагма арифмов называлась также тагма виглы (τάγμα τῆς βίγλας), командовал ею не доместик, а лрунгарий (δρουγγάριος τῆς βίγλας). Подробнее см.: Haldon J. Byzantine Praetorians. P. 236–245.

История тагмы иканатов (τάγμα τῶν ἰκανάτων) представляет собой противоположность арифмам. Первоначально так называли небольшой отряд телохранителей Ставракия, сына и соправителя Никифора I. Однако 26 июля 811 г. тагма иканатов была полностью уничтожена в Вырбицком ущелье во время сражения византийской армии с болгарами хана Крума. Через несколько лет после этого катастрофического поражения, стоившего жизни и самому императору, и его наследнику, тагму иканатов сформировали заново. В дальнейшем она была регулярным кавалерийским подразделением, отличавшимся высокой боеспособностью²¹.

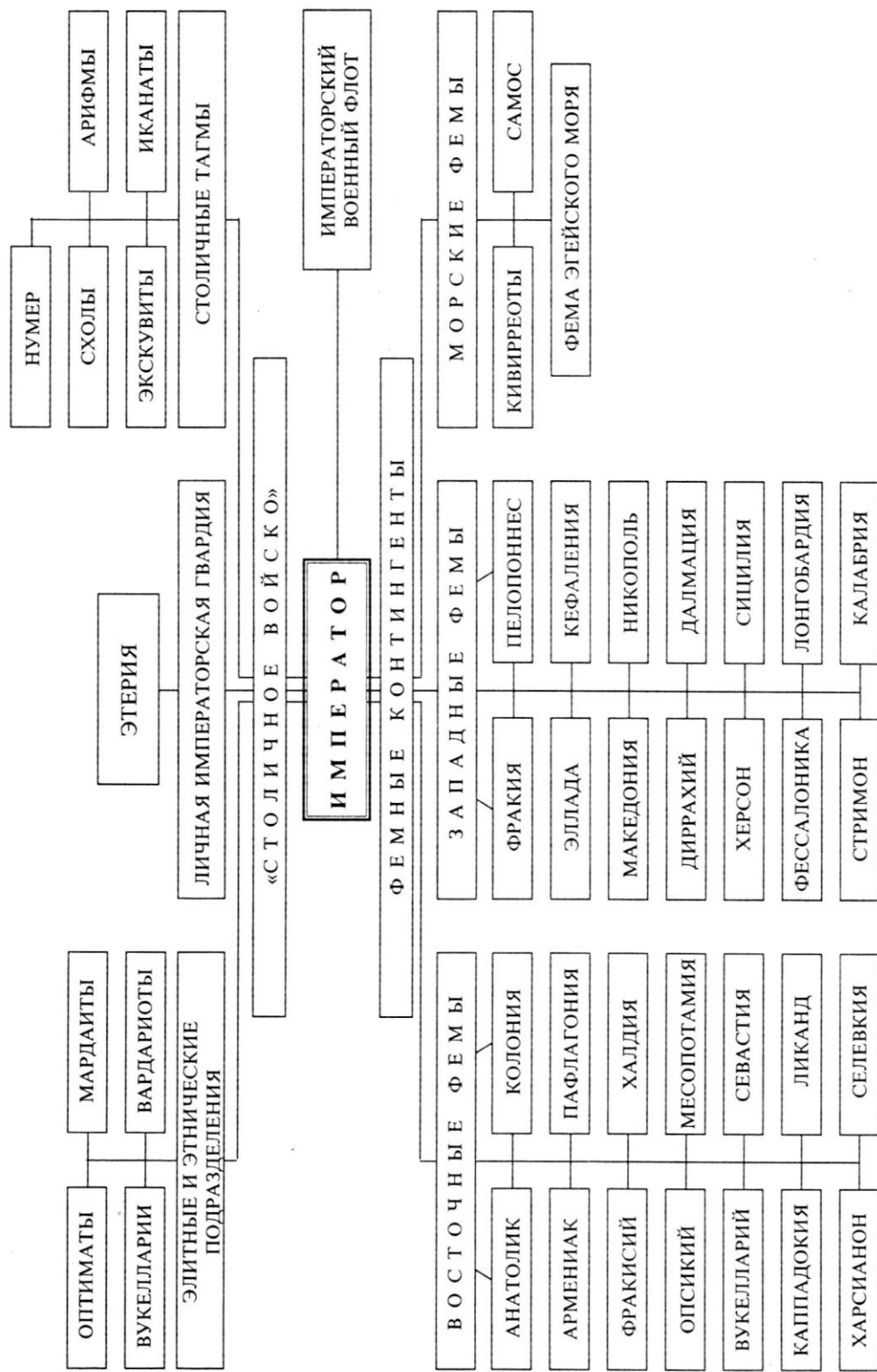
Помимо четырех императорских тагм, в составе византийской армии со временем появились и другие регулярные контингенты. Они формировались как в столице, так и в провинциях. В этом, по мнению ряда исследователей, состояло главное направление развития военно-административных структур Византии. По мере накопления людских, финансовых и материальных ресурсов, происходила замена стратиотских ополчений фем на отряды профессиональных воинов²². Со второй половины IX в. на регулярной основе стали формироваться также команды военных кораблей императорского флота²³.

В историографии принято считать, что формирование «фемной системы» завершилось к 840–850-м гг., когда однообразная структура провинциального управления была создана на всей территории империи (см. Схему 1).

²¹ См.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 112–113.

²² Подробнее см.: Haldon J.F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. P. 74–85; Мохов А. С. Эволюция византийской военно-административной системы во второй половине IX – первой половине X в. // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг. (Волгоград, 23-24 сентября 2016 г.). Волгоград, 2016. Ч. 1. С. 109–118.

²³ Об истории военно-морского флота в период правления Македонской династии см.: Pryor J., Jeffreys E. The age of ΔΡΟΜΩΝ: the Byzantine navy ca. 500–1204. Leiden; Boston, 2006. P. 34–122 и указанную здесь библиографию.

Вооруженные силы Византийской империи в первой половине X в.

(по: Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. С. 21)

Примечательно, что в отдаленных пограничных областях (ἀκριτικὰ θέματα) она сохраняла эффективность еще длительное время, тогда как в т. н. старых фемах (ῥωμαικὰ θέματα) начала приходить в упадок уже в третьей четверти IX в.

Главной причиной «кризиса фемного строя» стало массовое разорение стратиотов, которое привело к сокращению численности провинциальных ополчений. Государство всячески старалось остановить или хотя бы замедлить этот процесс. Каждый из императоров Македонской династии, начиная от Льва VI и заканчивая Василием II, издавал новеллы, направленные на защиту стратиотского сословия. Однако все эти усилия, в итоге, оказались безрезультатными²⁴. Другой причиной упадка «фемной системы» стала бюрократизация структур военного управления. Первоначально в каждой феме было только два гражданских чиновника: протонотарий (πρωτονοτάριος τοῦ θέματος), занимавшийся снабжением войск продовольствием, и хартуларий (χαρτουλάριος τοῦ θέματος), отвечавший за своевременное пополнение фемных контингентов. Впоследствии к ним добавились провинциальные судьи, налоговые чиновники, кураторы из ведомства императорских имуществ и пр. В итоге, увеличение чиновного аппарата сделало военную систему чрезвычайно громоздкой и плохо управляемой²⁵.

Таким образом, для византийских вооруженных сил первой половины X в. были характерны два разнонаправленных процесса: постепенный переход к регулярной системе набора и упадок провинциальных ополчений. Уже в правление Романа Лакапина стало очевидно, что прежняя военная система, основанная на принципах «фемного строя», остро нуждается в реформировании. Однако ни Роман I, ни Константин VII не решились на серьезные преоб-

²⁴ Подробнее см.: Каждан А. П. Византийская армия в IX–X веках. С. 23–27; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. С. 238–252.

²⁵ Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи. С. 17–18, 20–22.

разования в военной сфере. Военную реформу в 960-е гг. начали проводить императоры-полководцы Никифор II Фока и Иоанн I Цимисхий, а завершил ее в первой четверти XI в. Василий II²⁶.

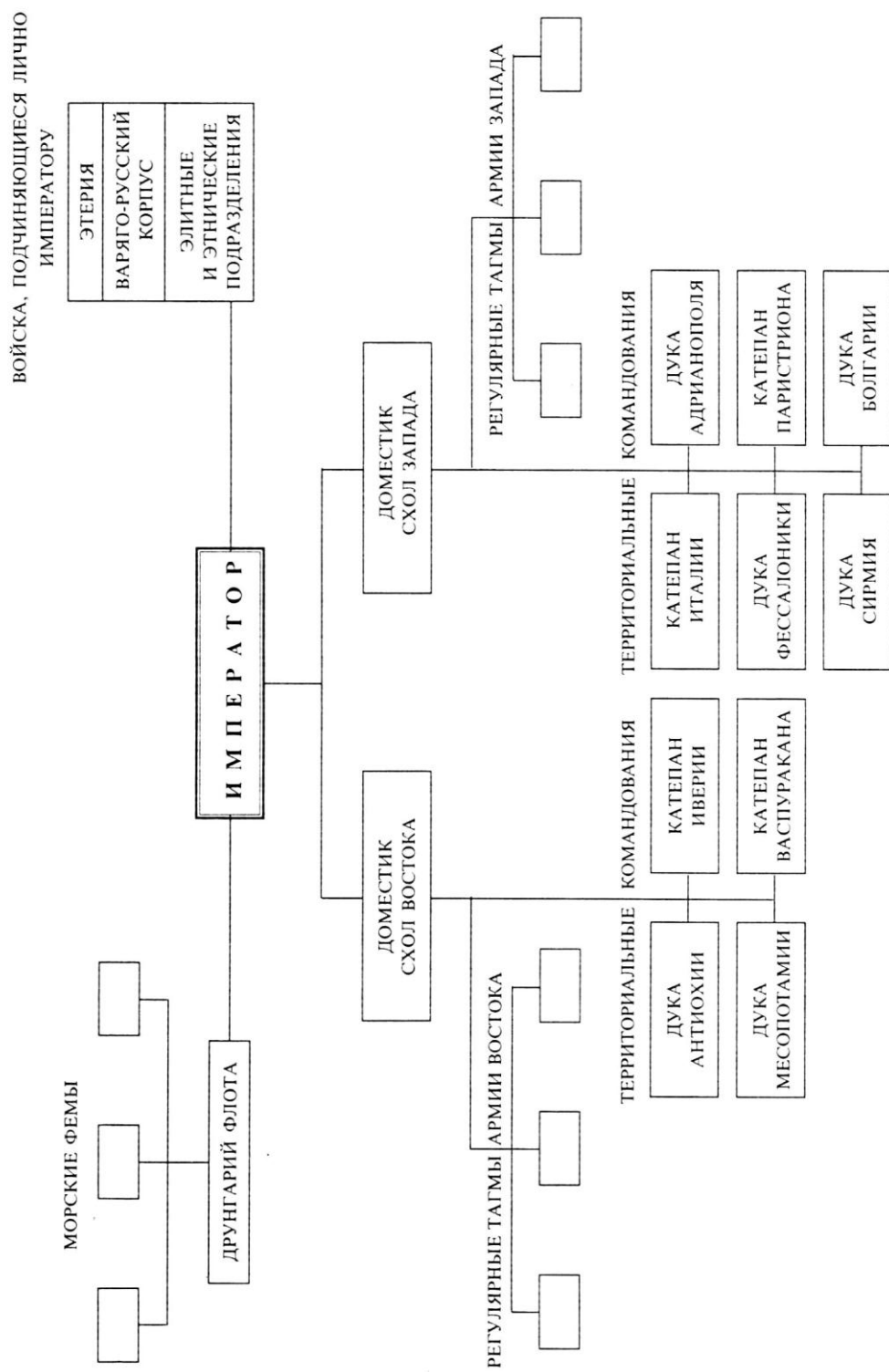
Военные преобразования коренным образом изменили византийское войско. Сухопутные войска были разделены на полевые армии Востока и Запада, укомплектованные на регулярной основе. Командовали ими domestici Востока и Запада (δομέστικός τῶν σχολῶν τῆς Ἀνατολῆς, δομέστικός τῶν σχολῶν τῆς Δύσεως). В дополнение к уже существующим, были созданы тагмы атанатов, стратилатов и сатрапов (ἀθάνατοι, στρατηλάται, σατραῖται). Помимо кавалерийских тагм, в составе полевых армий появились регулярные пехотные отряды – таксиархии (ταξιαρχία) – численностью по одной тысяче воинов²⁷.

Система обороны границ также подверглась реорганизации. В тех регионах, где риск вражеского нападения был особенно высок, несколько фем объединялись в катепанаты или дукаты (κατεπανᾶτον, δουκάτον). Боевые силы каждого такого военного округа состояли из регулярных тагм и стратиготских отрядов малых пограничных фем (μικρὰ θέματα). Дуки и катепаны (δοῦξ, κατεπάνω) занимали высокое положение в административной иерархии империи, обладая на подчиненной им территории как военной, так и гражданской властью (см. Схему 2)²⁸.

²⁶ Kühn H.-J. Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. S. 123–124; Treadgold W. A history of the Byzantine state and society. Stanford, 2000. P. 543–552.

²⁷ Подробнее см.: McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 202–222 и указанную здесь библиографию.

²⁸ Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 168–169; Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сербия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 26–30.

Вооруженные силы Византийской империи к 1025 г.

(по: Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. С. 27)

Когда в византийские пределы происходило вторжение, первыми врага встречали стратиги малых фем с небольшими по численности стратиотскими отрядами. Они должны были либо отбить нападение своими силами, либо оборонять пограничные крепости до тех пор, пока дука, мобилизовав подчиненные ему войска, не приходил им на помощь. В большинстве случаев сил дуката хватало для отражения нападения. Только в исключительных случаях, когда возникала угроза интересам империи в целом регионе, в дело вступали полевые армии Востока или Запада. Важно также, что ни стратиги малых фем, ни дуки не были связаны инструкциями, а также необходимостью согласовывать свои действия с Константинополем. Они самостоятельно принимали решения, используя для борьбы с врагом как тактические приемы, так и дипломатические методы²⁹.

Таким образом, новая структура обороны границ состояла из трех линий. Для противника это было похоже на эффект *mise en abyme*, когда по мере удаления от границы ему приходилось сталкиваться с более многочисленными и боеспособными византийскими силами. При наступательных операциях система активизировалась в обратном порядке: полевые армии пополнялись за счет войск дукатов и малых пограничных фем. Такая структура армии позволяла Византии вести долгие войны, которые постепенно истощали ресурсы вражеских государств. Не прибегая больше к масштабным и дорогостоящим военным экспедициям, как в IX – первой половине X в., империя постепенно оттесняла противника, продвигаясь вглубь его территории, а на завоеванных землях незамедлительно формировались органы военного и гражданского управления³⁰.

²⁹ Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et mémoires. 1976. Vol. 6. P. 132–137.

³⁰ См.: McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 198–202; Cheynet J.-Cl. La conception militaire de la frontière orientale (IXe – XIIIe siècle). P. 59–61.

Непрерывные военные действия, которые Византия вела во второй половине X – первой четверти XI в., потребовали создания более эффективной системы снабжения войск. С этой целью в правление Василия II были реформированы некоторые гражданские структуры управления, которые отвечали за тыловое обеспечение вооруженных сил: ведомства императорских имуществ (ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου), логофета дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου) и логофета стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ). Данные преобразования, существенно повысившие боеспособность императорской армии, следует считать завершающим этапом военной реформы³¹.

Следует отметить, что военные преобразования имели серьезные социальные последствия. Значительная часть сельского населения, ранее принадлежавшая к стратиотскому сословию, уже во второй половине X в. утратила связь с императорской армией. В начале XI в. об этом писал автор военного трактата *De castrametatione*. Для него, профессионального военного, подданные византийского императора делились на две группы: население внутренних провинций и жители пограничных областей. К первым он относился с презрением: «они привыкли к праздности, слабы и полностью лишены мужества. Тяжкому военному труду, который уготован христианам, они предпочитают беспечность и беззаботность (αἰροῦνται ὡς ἀταλαίπωρον καὶ ἀκίνδυνον ἢπερ τοὺς τῶν Χριστιανῶν ἀγῶνας καὶ πόνους). Если потребуется набрать из них войско и повести на врага, то не найдется ни одного, обученного военному ремеслу»³². Ко вторым, напротив, он испытывал нескрываемую симпатию: «те, кто живет на границах Римского государства, соседствуют с нашими врагами. Они ведут с ними извечную войну, которая заставляет их быть смелыми и решительными. Согласно славному древнему римскому обычаю (κατὰ τοὺς δόξαντας πάλαι Ῥωμαίοις νόμους), они по-

³¹ См.: Мохов А. С. Основные направления военной политики Василия II. С. 138–146.

³² *De castrametatione*. P. 318.16–21.

стоянно тренируются. <...> Следует защитить этих людей от посягательств налоговых сборщиков (τῶν φορολόγων ἀτιμοῦσθαι καὶ καθυβρίζεσθαι μάλιστα), которые смеют презрительно относиться к защитникам христиан... нашего священного императора и нашего отечества (τῶν Χριστιανῶν προμάχους... τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου καὶ τῆς ἑαυτῶν πατρίδος)»³³.

Никифор II, Иоанн I и Василий II не только реформировали вооруженные силы, но и лично командовали войсками во время военных походов. Различными методами, от убеждения до принуждения, им удалось привлечь на службу в императорскую армию значительную часть провинциальной знати. В итоге, за несколько десятилетий непрерывных войн в византийском обществе сформировалась многочисленная и влиятельная группа семей, неразрывно связанная с профессиональной военной службой³⁴. Отметим также, что после присоединения к Византии новых территорий в Закавказье, на Балканах и в Северной Сирии этот слой пополнялся за счет представителей армянской, болгарской и арабской аристократии³⁵.

С военно-административной точки зрения, результаты преобразований второй половины X – первой четверти XI в. вполне сопоставимы с «фемной реформой» второй половины VII – VIII в. В обоих случаях изменилась форма организации, способ комплектования и система материального обеспечения

³³ Ibid. P. 320.25–35. См. также: Бартикян Р. М., Каждан А. П., Удальцова З. В. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // Actes du XIVe congrès international des études byzantines (Bucarest, 6-12 septembre 1971) / éd. par M. Berza, E. Stănescu. Bucarest, 1974. Т. 1. С. 232–234.

³⁴ Подробнее см.: Крсмановић Б. Успон војног племства у Византији XI века. С. 5–13 и указанную здесь библиографию.

³⁵ См.: Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 138–143; Божилев И. Българите във Византийската империя. София, 1995. С. 72–78.

византийских вооруженных сил. Помимо этого, военная реформа позволила Византии победоносно завершить войну против Болгарии, присоединить значительные территории на Востоке, а также сохранить военно-политическое влияние в Италии.

Следует отметить, что за военные победы и присоединение новых территорий Византии пришлось заплатить весьма высокую цену. Прежде всего, речь идет о погибших в сражениях с арабами и болгарами стратиотах и архонтах императорской армии. Упомянем также о значительном повышении налогов, которые тяжелым бременем легли на «гражданские» слои населения. Очевидно, что определенная часть византийского общества негативно относилась к агрессивной внешней политике императоров-полководцев, но открыто выражать недовольство подданные Македонской династии, как правило, не решались.

Редким исключением являются проповеди прп. Симеона Нового Богослова. В частности, одно из «Огласительных слов» (Λόγοι Κατηχητικοί) игумена столичного монастыря св. Маманта было посвящено истинным, в его понимании, причинам бесконечных войн последней четверти X в. Не смея открыто критиковать императорскую власть, он говорил о том, с какими словами Христос обратится на Страшном суде к «императорам, правителям, военачальникам» (βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες καὶ στρατηγοί)³⁶: «Жалкие и несчастные, вы, будучи тленными и смертными, захотели стать единодержцами и миродержцами (μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες). И если только находился кто-нибудь в другой стране, не желающий вам подчиняться, вы превозносились над ним, как над вашим ничтожным рабом, и не выносили его неподчинения, хотя и он был таким же, как и вы, рабом Божиим, и у вас не было никакого преимущества пред ним. А Мне, вашему Творцу и Владыке, подчиниться и служить в страхе и трепете вы не хотели³⁷. Как могли вы помыс-

³⁶ Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses. P. 426.596 – 428.636.

³⁷ Псал. 2:11: «Служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом».

лить, что никто не спросит за кровь жертв вашей несправедливости?³⁸ Или о том, что некому будет присмотреть за тем, что вы тайно вершите?³⁹ <...> Как вы не услышали слов моих «Желающий в вас быть первым да будет самым последним, рабом и служителем всех»?⁴⁰

Искусно скрытая за библейскими изречениями, главная мысль Симеона Нового Богослова была выражена в одной короткой фразе. Он назвал византийских императоров *μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες*, что весьма точно характеризовало не только внешнюю, но и внутреннюю политику правящей династии. Будучи «единодержцами», императоры стремились уничтожить любую социальную силу, клан или семью, способную посягнуть на их власть. Стремление стать «миродержцами» предполагало расширение пределов Византии вплоть до границ христианской ойкумены⁴¹. Характерно, что эти слова были написаны в правление Василия II, который, несомненно, и был *μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες*.

Подводя итоги, отметим, что к 1025 г. византийская армия по своим боевым качествам превосходила вооруженные силы соседних государств. Более того, в первой половине XI в. Византия была единственным христианским государством, имевшим четко сформулированную военно-политическую доктрину, а также проверенную временем и деятельностью талантливых императоров военную политику. Наконец, восприятие войны как совокупности рациональных действий, стало концептуальной основой для нового этапа развития византийского военного искусства. Опыт, накопленный

³⁸ Псал. 9:13: «ибо Он взыскивает за кровь; помнит их, не забывает вопля угнетенных».

³⁹ Евр. 4:13: «И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет».

⁴⁰ Мк. 9:35: «И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою».

⁴¹ См.: Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses. P. 428–429, n. 1.

во время многочисленных войн IX–X вв., был систематизирован и обобщен в наставлениях по стратегии и тактике⁴². Примечательно, что наиболее важной задачей, которую ставили перед собой авторы этих полемологических сочинений, являлась подробная характеристика качеств образцового военачальника. Византийские военные теоретики понимали, что для сохранения существующей военной системы необходимо обеспечить преемственность в наиболее важном ее звене – командном составе императорской армии.

§ 1.2. Представления о войне, армии и воинской службе в византийских военных трактатах X – начала XI в.

Важной тенденцией, характерной для византийской литературы периода правления Македонской династии, стало возрождение жанра полемологических сочинений. Длительное время в этой сфере не появлялось произведений, равных по значимости «Стратегикону» Маврикия⁴³. Причина такого долгого молчания кроется в глобальной трансформации византийских вооруженных сил, которая привела к формированию фемной системы. Тяжелый военно-политический кризис империи VII – первой половины VIII в. впоследствии нашел отражение в стратегических и тактических принципах византий-

⁴² Определения стратегии и тактики в византийской полемологической литературе содержались в «Тактике Льва». См.: Leonis VI *Tactica*. P. 12.5–6: «Тактика – это полководческое мастерство построения боевых порядков, вооружения и перемещения войск (такτική ἐστὶ τέχνη στρατηγική παρατάξεων καὶ ὀπλισμῶν καὶ κινήσεων στρατιωτικῶν)»; P. 12.7–8: «Стратегия – это опыт лучших полководцев, обобщение их практической деятельности, военных хитростей и других способов одержать победу» (στρατηγική δὲ ἐστὶ στρατηγῶν ἀγαθῶν συνάσκησις ἢ γοὺν μελέτη καὶ νυμνασία μετὰ στρατηγημάτων ἤτοι τροπαίων συναθροισμός)».

⁴³ *Das Strategikon des Maurikios* / Einf., Ed. und Ind. von G. T. Dennis; Übers. von E. Gamillscheg. Wien, 1981; Стратегикон Маврикия / изд. подгот. В. В. Кучма. СПб., 2004.

ского военного искусства. Ведь в ранневизантийскую эпоху велись как наступательные, так и оборонительные войны, что находило соответствующее отражение в полемологической литературе⁴⁴. В эпоху «фемного строя» Византия придерживалась ярко выраженной оборонительной стратегии. Ведя непрерывные военные действия, фемные стратиотские контингенты постепенно накапливали боевой опыт. Через двести лет после формирования первых провинциальных ополчений было создано военное наставление, в котором практические знания военачальников VIII–IX вв. были систематизированы и обобщены.

Феномен византийских полемологических трактатов X – начала XI в. привлекал внимание исследователей довольно часто⁴⁵. Так, с одной стороны, его появление связывают с общим культурным подъемом, который происходил в Византии при Македонских императорах. Французский исследователь Поль Лемерль писал: «энциклопедическое движение X в. распространилось на сферу военного искусства... во времена Льва VI с его «Тактическими распоряжениями», потом – во времена Никифора Фоки, а затем и Никифора Урана, чья великая «Тактика» замыкает длинный ряд византийских стратегик»⁴⁶. С другой стороны, военные трактаты не предназначались для широкой читательской аудитории. В них содержались практические рекомендации по тактике, а также использовалась специальная военная терминология⁴⁷. Можно предположить, что для образованных людей того времени, среди которых

⁴⁴ Подробнее см.: Кучма В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины. С. 82–84.

⁴⁵ Подробнее см.: McGeer E. Tradition and Reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos // *Dumbarton Oaks papers*. 1991. No. 45. P. 131–138.

⁴⁶ Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin: notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle*. Paris, 1971. P. 292.

⁴⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 6.68–70: «тактику древних мы изложили греческим языком, разъясняя латинскую терминологию; также мы использовали некоторые выражения, которые привычны для стратиотов».

преобладали гражданские чиновники и церковные иерархи, эти тексты могли представлять только умозрительный интерес⁴⁸.

Практические военные наставления были адресованы, прежде всего, командному составу императорской армии. Авторами данных произведений являлись военачальники высшего ранга, обладавшие хорошей теоретической подготовкой и большим практическим опытом. Исключение составляет «Тактика Льва», автор которой никогда не принимал участия в военных походах. Однако высокая степень осведомленности императора Льва VI в военных делах сомнения не вызывает. Можно констатировать, что авторы военных трактатов являлись выразителями интересов государства в военной сфере. Одновременно с этим, в полемологических сочинениях эпохи Македонской династии, прямо или опосредованно, нашли отражение взгляды командиров императорской армии на войну, продвижение по карьерной лестнице, организацию и проведение военных кампаний, материальное обеспечение вооруженных сил и пр. В связи с этим, не вызывает сомнений, что для изучения представлений о войне в византийском обществе военные трактаты практически незаменимы. В первую очередь, речь идет о выдающемся в отношении внушающего уважение объема и блестящих авторских формулировок, памятнике византийской военной мысли – «Тактике Льва».

Появление «Тактики Льва» по времени совпало с началом очередного витка масштабной реорганизации византийских вооруженных сил. Военная система, основанная на принципах «фемного строя», полностью выполнила задачи по отражению вражеских нашествий. Однако военно-политической реальности X в. она уже не соответствовала. Для восстановившей былое могущество Византии была необходима армия, способная стать эффективным

⁴⁸ Михаил Пселл писал: «Философу не следует воевать, но следует иметь представление как о военных делах, так и об устройстве войскового лагеря». См.: Μιχαήλ τοῦ Ψελλοῦ Περί πολεμικῆς τάξεως // Griechische Kriegsschriftsteller / hrsg. von H. Köchly, W. Rüstow. Leipzig, 1855. T. 2. Abt. 2. S. 235.1.

инструментом агрессивной внешней политики. В ходе военной реформы второй половины X в. была создана регулярная армия, и, главное, новая система провинциального военного управления. Еще одним результатом данных преобразований стало формирование значительной по численности, политическому влиянию и экономическим возможностям особой социальной группы профессиональных военных.

Результаты военной реформы нашли отражение в византийской полемологической литературе. В последней трети X – начале XI в. произошел настоящий всплеск интереса к данной тематике: создано более десятка новых военных трактатов. В историографии преобладает мнение, сформулированное авторитетным французским специалистом по истории военного искусства Альфонсом Дэном, что наибольшее распространение, и, как следствие, практическое применение, получили сочинения *De velitatione bellica*, *Praecepta militaria*, *De castrametatione* и «Тактика» Никифора Урана⁴⁹. Однако появление этих военных трактатов не было обусловлено только административными причинами. Ко второй половине X в. византийская военная наука накопила многогранный опыт ведения боевых действий против арабов и болгар как малыми силами, так и в составе больших армий. Следовательно, вновь возникла необходимость обобщить тактические приемы. Упомянем также, что в связи с профессионализацией вооруженных сил командному составу требовалась всесторонняя и тщательная подготовка, и военные трактаты были востребованы для обучения архонтов регулярных войск⁵⁰.

Авторы военных трактатов последней трети X – начала XI в. не стремились охватить все аспекты стратегии и тактики. Эти полемологические со-

⁴⁹ См.: Dain A., De Foucault J.-A. Les stratégistes byzantins. P. 369–373.

⁵⁰ См.: Cheynet J.-Cl. Recruter les officiers à Byzance // Les serviteurs de l'état au Moyen Âge: Actes des XXIXe Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Pau, mai 1998). Paris, 1999. P. 27, 29–30; Sullivan D. F. Byzantine military manuals: prescriptions, practice and pedagogy // Byzantine world / ed. by P. Stephenson. London; New York, 2010. P. 156–160.

чинения имели сугубо практический характер, в них рассматривался достаточно ограниченный круг вопросов. Общие рассуждения о природе войны, причинах возникновения военных конфликтов или нравоучительные наставления, адресованные широкому кругу читателей, в этих произведениях отсутствуют⁵¹.

В практическом руководстве по тактике *Praecepta militaria* основное внимание уделено подготовке армии к большому походу против арабов. Автор подробно разбирает множество вопросов – от вооружения и индивидуальной подготовки рядовых солдат до организации религиозной службы во время военной кампании. Помимо этого, содержание трактата *Praecepta militaria* не оставляет сомнений в том, что со второй четверти X в. Византия на Востоке перешла к наступательной стратегии⁵².

Анонимное военное сочинение *De velitatione bellica* посвящено особенностям ведения боевых действий против арабов. В нем обобщен уникальный опыт, накопленный несколькими поколениями полководцев, руководивших воинскими контингентами в «малой» пограничной войне на восточной границе империи⁵³. Во вступительном слове автор определил свою задачу следующим образом: «передать метод боевого сопровождения, который раньше

⁵¹ Подробнее см.: Кучма В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «*De velitatione bellica*» // *Byzantinoslavica*. 1995. Т. 56. С. 389–396; Мохов А. С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 100–102.

⁵² Стратегика императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // *Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд.* 1908. Т. 8. № 9; *Praecepta militaria* (Στρατηγική ἔκθεσις καὶ σύνταξις Νικηφόρου δεσπότης) // McGeer E. *Sowing the dragon's teeth*. P. 3–78.

⁵³ *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)* / texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu; trad. et comment. par G. Dagron. Paris, 1986; О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века / изд. подгот. В. В. Кучма. СПб., 2002. С. 7–230.

постоянно использовался в восточной стороне. Однако нынче Христос, наш истинный Бог, уменьшил могущество и ослабил наших врагов, потомков Измаила, которые прекратили свои нападения»⁵⁴.

Военный трактат *De castrametatione* был создан в начале XI в. По всей видимости, его анонимный автор входил в окружение императора Василия II. По его поручению он обобщил опыт, накопленный во время боевых действий против Болгарского царства. При этом основное внимание было уделено организации масштабной военной кампании на Балканах, обустройству походных лагерей, а также разведке и осаде городов⁵⁵. В этом трактате, в отличие от упомянутых ранее полемологических сочинений, речь идет о регулярной армии под командованием императора. Соответственно, текст *De castrametatione* был адресован не стратигам фем, а командирам кавалерийских тагм и пехотных таксиархий.

«Тактика» Никифора Урана представляет собой компиляцию из античных и византийских военно-теоретических сочинений, полностью это сочинение до сих пор не опубликовано. Никифор Уран создал свое произведение по указанию Василия II в первые годы XI в. Его личный вклад составили 12 глав, обобщающих военный опыт, накопленный за годы службы на Балканах и в Северной Сирии⁵⁶.

⁵⁴ De velitatione bellica. P. 33.3–6.

⁵⁵ Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // Византийский временник. 1903. Т. 10. С. 63–90; De castrametatione (Ἀνωνύμου βιβλίον τακτικόν) // Three Byzantine military treatises / text, transl., and notes by G. Dennis. P. 241–335; Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века / изд. подгот. В. В. Кучма. С. 233–390.

⁵⁶ De Foucault J.-A. Douze chapitre inédits de la *Tactique* de Nicéphore Ouranos // Travaux et mémoires. 1973. Vol. 5. P. 281–312; Τακτικὰ ἤγουν στρατηγικὰ Νικηφόρου τοῦ Οὐρανοῦ // McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 79–167. См. также: Капсалькова К. Р. Образы войны в византийской литературе X в.: Никифор Уран / К. Р. Капсалькова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 5. – С. 85–87.

Несомненно, наиболее значимым памятником византийской военно-теоретической мысли IX–XI вв. является «Тактика Льва». Судя по количеству сохранившихся рукописных копий, интерес к этому сочинению сохранялся в Византии вплоть до конца XIV в.⁵⁷ Источники, которые использовал автор «Тактики Льва» обширны, что, впрочем, вполне ожидаемо от философа на императорском троне. К ним относятся древние и новые стратегические и тактические сочинения, свидетельства из исторических трудов, а также – «скромный опыт собственных деяний»⁵⁸. В Распоряжении 18 «Тактики» Лев VI уточнил, откуда он получал сведения о недавних войнах Византии против арабов и болгар: «Об этом мы узнали от наших военачальников, которые часто сражались против них. Также мы ознакомились с донесениями, адресованными императорам, нашим предшественникам. Особенно много мы услышали от нашего отца, который часто воевал с ними»⁵⁹.

Для сравнения, укажем источники, которые использовал, по его словам, анонимный автор военного трактата *De velitatione bellica*. Так, он с нескрываемой гордостью писал о своем умении руководить стремительными рейдами на территорию противника: «ведь нашими учителями и наставниками были те, кто создавал этот метод, а затем, приобретя некоторый опыт, мы лично его применяли сообразно нашим скромным силам»⁶⁰. Далее он называет име-

⁵⁷ Отметим, что уже в XVI в. «Тактика Льва» была хорошо известна в странах Западной Европы. См.: Dain A., De Foucault J.-A. Les stratégistes byzantins. P. 354–357; Tallett Fr. War and society in Early-Modern Europe, 1495–1715. New York, 1997. P. 25–27.

⁵⁸ Leonis VI *Tactica*. P. 6.55–58. См. также: Tougher Sh. The reign of Leo VI. P. 167.

⁵⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 480.567–572: ταῖς γὰρ ἀρχαίαις καὶ δὴ ταῖς νεωτέραις στρατηγικαῖς τε καὶ τακτικαῖς ἐμφιλοχωρήσαντες μεθόδοις καὶ ταῖς ἄλλαις καταλογάδην ἐντυχόντες ἱστορίαις.

⁶⁰ *De velitatione bellica*. P. 33.11–14: τὸ μὲν αὐτοὺς σχόντες διδασκάλους καὶ παιδευτὰς τοὺς ταύτην σχεδὸν εἶπειν ἐφευρόντας τὴν μέθοδον, τὸ δὲ καὶ αὐτοὶ μόνοι ταύτη

на своих наставников: «блаженной памяти кесарь Варда», «патрикий Константин Малеин, каппадокийский стратиг» и «государь Никифор, прославленный император»⁶¹. Примечательно, что все перечисленные военачальники входили в т. н. клан Фок, хотя среди их соперников из «клана Дук и Склиров» также были непревзойденные мастера по разграблению арабской пограничной области⁶².

В современной историографии принято считать, что Лев VI работал над своим произведением более десяти лет. По мнению В. В. Кучмы, Джона Хэлдона и ряда других исследователей, окончательный вариант этого военного трактата следует датировать 904–908 гг.⁶³ Как упоминалось выше, сам царственный автор не имел опыта командования войсками. Английский исследователь Шон Тафер констатировал: «В военной сфере различие между Василием I и Львом VI также присутствует. Лев стал императором, который никогда не участвовал в военных кампаниях, что означало разрыв с многовековой традицией... Кажется, Лев сознательно выбрал этот путь, но обвинять его в полном пренебрежении военными вопросами нельзя. Он написал руководство по военному делу под названием «Тактика», появление которого способствовало возрождению этого жанра византийской литературы»⁶⁴. По нашему мнению, для Льва VI также будет вполне уместна характеристика, ко-

χρησάμενοι καὶ πείραν αὐτῆς ἐγκολπωσάμενοί τινα κατὰ τὸ ἡμῖν ἐφικτόν διδασκάλους καὶ παιδευτὰς τοὺς ταύτην, ἐφευρόντας τὴν μέθοδον.

⁶¹ De velitatione bellica. P. 35.25: Βάρδας ὁ μακαρίτης καῖσαρ; 35.32–34: Κωνσταντῖνος πατρίκιος ᾧ Μαλεῖνος... Καππαδοκῶν στρατηγῆσας; 35.34: ὁ κύρις Νικηφόρος, ὁ ἀοίδιμος βασιλεύς. См. о них: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 472–479, Nr. 20769 (Βάρδας ὁ Φωκᾶς); Bd. 3. S. 608–609, Nr. 23862 (Κωνσταντῖνος ὁ Μαλεῖνος).

⁶² Подробнее см.: Cheynet J.-Cl. La conception militaire de la frontière orientale. P. 59–60.

⁶³ Тактика Льва. С. 14–17; Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 55–61.

⁶⁴ Tougher Sh. The reign of Leo VI. P. 39.

тору ю французский византист Поль Лемерль дал его сыну, Константину VII Багрянородному, – «кабинетный воитель»⁶⁵.

Заслуживает внимания тот факт, что завершение работы над «Тактикой Льва» по времени совпало с тяжелым военно-политическим кризисом империи. Разгром византийской армии войсками болгарского царя Симеона при Булгарофигоне (Βουλγαροφύγον) в 896 г., а также захват арабским флотом Атталии и Фессалоники в 904 г., фактически, означали крах внешнеполитического курса Льва VI⁶⁶. Более того, в 907–908 гг. византийская армия лишилась своих лучших военачальников. Сначала к арабам бежал патрикий Андроник Дука, а его сын, патрикий Константин Дука, покинул императорскую службу⁶⁷. Вслед за этим был отправлен в ссылку, а затем отравлен магистр Евстафий Аргир⁶⁸. В историографии преобладает мнение, что эти полководцы оказались втянуты в противостояния придворных политических группировок, боровшихся за власть при безвольном и слабом императоре⁶⁹. За это потом пришлось заплатить огромную цену. Среди византийских командиров

⁶⁵ Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin*. P. 292: «guerrier de cabinet».

⁶⁶ Иоанн Скилица писал об этом времени: «Когда Лев стал правителем, он мало заботился, или вовсе не обращал внимания на государственные дела». См.: Ioannis Skylitzes. P. 171.55–56. Подробнее о внешней политике Льва VI см.: Karlin-Hayter P. “When military affairs were in Leo’s Hand’s”: a note on Byzantine foreign policy (886–912) // *Traditio*. 1967. Vol. 23. P. 15–40.

⁶⁷ О «старших» Дуках, Андронике и Константине, см.: Polemis D. I. *The Doukai: a contribution to Byzantine prosopography*. London, 1968. P. 20–22; *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 1. S. 239–242, Nr. 20405 (Ἀνδρόνικος ὁ ἐκ Δουκός); Bd. 3. S. 569–573, Nr. 23817 (Κωνσταντῖνος ὁ τοῦ Δουκός).

⁶⁸ См. о нем: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 2. S. 272–274, Nr. 21828 (Εὐστάθιος ὁ Ἀργυρός).

⁶⁹ Jenkins R. J. H. *The ‘Flight’ of Samonas* // *Speculum*. 1948. Vol. 23. P. 218–219, 234; Курешева М. А. «Подделка письма» в политической интриге патрикия Самоны и проблемы идентификации почерков в первой половине X века // *Античная древность и средние века*. 2013. Вып. 41. С. 133–143.

не нашлось человека, способного на равных противостоять военному таланту болгарского царя Симеона.

Через катастрофических поражений негативно отразились на боеспособности византийских вооруженных сил. Среди фемных архонтов, особенно в восточных провинциях, росло недовольство правящей династией. В «Житии св. Феоктисты» Никита Магистр образно выразил то уныние и осознание безысходности, которое было характерно для армейской верхушки в последние годы царствования Льва VI: «Однажды я был на острове Парос. Мне довелось остановиться там во время плавания на Крит, куда нас отправил, блаженной памяти, император. Благочестивый, он забрал с собой в могилу счастье ромеев (τὴν εὐτυχίαν Ῥωμαίων τῷ τάφῳ συνθάψαντος)»⁷⁰.

Недовольство политическим курсом императора означало не только стремление полководцев покинуть службу, но и готовность к мятежу. Здесь мы должны заметить, что в данной работе восстания военных остаются в тени и не рассматриваются, поскольку участие в мятеже автоматически прекращало службу архонта в вооруженных силах⁷¹.

Появление «Тактики Льва» именно в эти годы следует считать своевременным и дальновидным шагом. Текст этого сочинения проникнут оптимизмом и уверенностью в благоприятном развитии внешнеполитической обстановки. В частности, Лев VI писал: «завершая наше военное руководство, мы посвящаем этот труд Богу, подателю всех благ. Наше императорское величество предписывает выполнять эти воинские установления стратигам, а также всем, кто находится под их военным командованием и административной

⁷⁰ Vita S. Theoctistae // Acta Sanctorum Novembris / ed. H. Delehaye, P. Peeters. Bruxelles, 1925. T. 4. P. 225.2. О Никите Магистре см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 5. S. 20–22, Nr. 25740 (Νικήτας ὁ Μάγιστρος).

⁷¹ Военным мятежам X–XI вв. посвящены специальные исследования. См.: Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990; Крсмановић Б. Успон војног племства у Византији XI века. Београд, 2001.

властью. Тот, кто внимательно и осмысленно изучит эту книгу, извлечет для себя большую пользу. Ведь обладая знаниями о боевых построениях и стратегемах, можно разрушить замыслы противника и найти способ одержать победу»⁷². Таким образом, этот военный трактат следует расценивать как один из элементов императорской пропаганды⁷³.

Текст «Тактики Льва» состоит из вступительного слова (προοίμιον, прооймий), двадцати глав-распоряжений (διάταξις, лат. *constitution*) и эпилога (ὑπόθεσις ἐν ἐπιλογῇ). Начало вступительного слова является почти буквальным повторением прооймия к сборнику правовых норм Πρόχειρος Νόμος, который был создан во время совместного правления Василия I и его сыновей Константина и Льва. По образцу первоисточника, во вступительном слове говорится о стремлении императорской власти обеспечить мир и благоденствие своих подданных, а также о желании «наилучшим образом устроить государственные дела»⁷⁴. Использование автором риторических фигур, характерных для императорских законодательных актов, указывает на то, что в окончательной редакции «Тактика Льва» расценивалась как официальный документ⁷⁵. В этом отношении военный трактат Льва VI имеет много общего

⁷² Leonis VI *Tactica*. P. 640.302–311.

⁷³ Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 355–356; Tougher Sh. *The reign of Leo VI*. P. 170–171.

⁷⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 2.7–19: «императорская власть есть опекунство над подданными (δορυφορία) <...> опекая бесчисленное множество зависимых от нас людей, днями мы непрестанно трудимся и бодрствуем по ночам».

⁷⁵ По мнению русского византиниста П. А. Яковенко, некоторые из вступительных слов к императорским актам «представляли собой маленькие литературные произведения, блестящие изысканностью стиля, и поэтому они пользовались большой известностью и переписывались другими, как образцы для подражания». См.: Яковенко П. А. *Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе*. Юрьев, 1917. С. 84. См. также: Hunger H. *Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden*. Wien, 1964. S. 97–99.

с «Прохироном», который являлся практическим руководством для судей. Известно, что необходимость его составления возникла после формирования в большинстве византийских фем постоянных судебных органов⁷⁶. «Тактика Льва» также являлась практическим военным руководством, обобщающим боевой опыт эпохи «фемного строя». Лев VI прямо указывал, кому было адресовано его произведение: «это наставление по тактике предназначено нашим ипостратигам (ὑποστράτηγος)»⁷⁷.

Далее во вступительном слове перечислены причины, по которым император решил написать «Тактику». Прежде всего, он считал, что «нельзя пренебрегать даже самым малым из того, что имеет отношение к государственным делам (τὴν πολιτείαν πραγμάτων)... Поэтому когда преуменьшается значение стратегического знания (τῆς δὲ στρατηγικῆς μεθόδου), то понижаются прошлые деяния римлян»⁷⁸. Согласно Льву VI, в прежние времена римлянам сопутствовало Божественное благоволение, и усилия опытных стратигов вознаграждались блестящими победами. Впоследствии тактика и стратегия оказались в полном забвении. Командовать войсками начали бездарные полководцы, не знавшие даже общеизвестных истин. По этой причине, победы, ранее привычные для римского государства, стали доставаться его врагам. Пренебрежение правильными боевыми порядками привело к упадку боевой подготовки, а вслед за этим исчезло и мужество лучших воинов. Стратиги не понимали военные установления древних и стали пренебрегать ими⁷⁹.

⁷⁶ Jus Graecoromanum. Vol. 2. P. 114–115; См. также: Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. S. 56–60.

⁷⁷ Leonis VI Tactica. P. 6.62–63.

⁷⁸ Ibid. P. 2.20–24.

⁷⁹ Leonis VI Tactica. P. 4.37 – 6.54.

В данном случае Лев VI пересказывает прооймий к «Стратегикону» Маврикия⁸⁰. Однако сетования на то, что в былые времена военное искусство процветало, но затем пришло в состояние упадка – это *locus communis* для полемологической литературы, начиная от Полибия. Например, Вегетий писал, что перед войной против Ганнибала римское войско «оказалось ослабленным из-за бездействия и отсутствия военных упражнений... только после многих поражений, потеряв консулов и целые армии, римляне вновь стали побеждать, обучившись военному делу на практике и с оружием в руках»⁸¹. В начале XI в. анонимный автор трактата *De castrametatione* писал: «Наставления древних о том, что необходимо тренировать войско и вести его поименный учет мы предали забвению»⁸².

При этом, авторская позиция находилась на тонкой границе между естественной для государства необходимостью вести военные действия и прославлением войны как массового кровопролития. Именно поэтому, вероятно, Лев Мудрый использовал элегантную формулу, позволяющую разрешить это противоречие. «Дьявол, человекоубийца от начала времен⁸³ и враг нашего рода (ὁ ἀρχῆς ἀνθρωποκτόνος διάβολος καὶ τοῦ γένους ἡμῶν διὰ ἐχθρὸς)... внушил людям идею развязать войну с себе подобными (τῆς ἰδίας φύσεως ἀντιστρατεύεσθαι τοὺς ἀνθρώπους παρεσκεύασεν). Затем он обучил одних людей использовать против других всяческие военные приемы (στρατηγικαῖς μεθόδοις). Нам, поневоле вовлеченным в войну, следует использовать эти знания, чтобы защитить себя от врагов. Помимо этого, мы

⁸⁰ См.: Das Strategikon des Maurikios. S. 68–72, Pr. 10–56.

⁸¹ Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris / rec. C. Lang. Leipzig, 1885. P. 30, 1.28.5–11.

⁸² De castrametatione. P. 318, 28.3–4: τὸ δὲ δεῖν γυμνάζεσθαι καὶ ἀδνουμιάζεσθαι τὸν στρατὸν ἀπὸ τῶν παλαιῶν παρελήφαμεν.

⁸³ Ин. 8.44: «Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи».

сможем причинить врагам такие страдания, которых они заслуживают. Ведь всякий, кто первым начал творить зло, подлежит истреблению, и тогда наступит спасительный мир, которого мы страстно желаем»⁸⁴.

Несомненно, эти слова были призваны завуалировать слабость Византии в начале X в. В дальнейшем, по мере усиления империи, они исчезнут из официальной риторики. По мнению Роберта Тафта, оправдание войны как средства достижения прочного и длительного мира было стандартным элементом византийской государственной идеологии. Вне зависимости от того, были войны оборонительными или наступательными, все они считались законными и справедливыми⁸⁵. Также обычным доводом в византийской государственной пропаганде, оправдывающей войны, являлась констатация стремления к миру с соседними странами и народами⁸⁶. Вообще, проблема справедливости войны не могла не интересовать Льва VI. Однако ее решение было, по сути, определено заранее, исходя из внешнеполитической доктрины империи⁸⁷. По мнению автора «Тактики», правильным было, если война началась по законной причине. Ведь прав тот, кто ведет войну с совершающим

⁸⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 4.27–36. См. также: Καρχαπλή Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 255–257.

⁸⁵ Подробнее см.: Taft R. War and peace in the Byzantine divine liturgy // *Peace and war in Byzantium: essays in honor of George T. Dennis* / ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. Washington, D.C., 1995. P. 17–18. См. также: Кучма В. В. Война как инструмент государственной политики по «Тактике Льва» (некоторые идеологические и конфессиональные аспекты) // *Мир православия*. 2006. Вып. 6. С. 62.

⁸⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 2.25 – 4.27: «Люди, почитающие образ и слово Божие, всегда радуются миру, испытывая любовь друг к другу. Они не держат в руках смертоносное оружие (χεῖρας φονίους), не направляют его против своих ближних». См. также: Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 366–367.

⁸⁷ Markopoulos A. The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogenetos. P. 50. Ср.: Stouraitis I. *Methodologische Überlegungen zur Frage des byzantinischen „heiligen“ Krieges* // *Byzantinoslavica*. 2009. T. 67. S. 277–280.

беззаконие, и Бог поддержит его в этой борьбе. Тот же, кто совершает несправедливость против божественной воли, не может одержать победу⁸⁸.

Лев VI утверждал, что любое дело следует начинать, помня о справедливости. Война также должна быть справедливой, и вести ее необходимо осмысленно, на законных основаниях. Конечной целью войны также должно быть достижение справедливости. Если же ведется бесчестная война, то войско начнет разлагаться и быстро утратит силу. Враг же станет презирать такого противника, не считая достойным делом вступить с ним в боевое столкновение⁸⁹. Отметим также, что многие представления Льва VI о законности и справедливости войны основаны на сочинении Онасандра⁹⁰.

Сам Лев Мудрый так определял значение своего труда: «Все известное нам изложено как краткое и простое в использовании практическое наставление по военному делу. <...> Мы повелеваем тщательно и усердно исполнять требования настоящего военного руководства (οὕτως οὐδὲ πολεμίου καταγωνίζεσθαι τάξεως καὶ στρατηγίας ἐκτός). <...> Мы надеемся, что разумный и здравомыслящий стратиг, вдохновленный всем этим, сможет стать еще более мудрым (ἀφ' ὧν ὁρμώμενον σοφὸν ὄντα καὶ ὀξὺν τῇ διανοίᾳ τὸν στρατηγὸν σοφώτερον γενέσθαι ἐλπίζομεν)»⁹¹.

Впрочем, идеал стратига вовсе не ограничивался формальными словесными условиями. Напротив, в «Тактике Льва» представлен реалистичный образ полководца, которому можно доверить армию и славу империи: «Стратиг всегда должен находиться в готовности, проявлять проницательность, разум и усер-

⁸⁸ Leonis VI *Tactica*. P. 556.288–291.

⁸⁹ *Ibid.* P. 594.839 – 596.856.

⁹⁰ См.: Onasander. P. 390–392, 4.1–5. В отличие от греческого военного теоретика I в. н. э., автор «Стратегикона» Маврикия ограничился по этому вопросу короткой ремаркой: «Начало войны должно быть обосновано». См.: *Das Strategikon des Maurikios*. S. 280, 8.2.12.

⁹¹ Leonis VI *Tactica*. P. 6.60–62; 8.91–92; 10.111–112. Ср.: Притч. 1:5: «послушает мудрый – и умножит познания, и разумный найдет мудрые советы».

дие в любом месте и в любых обстоятельствах, не забывая при этом о благоговейном страхе перед Господом»⁹². Этот «страх перед Господом» вовсе не является показателем авторской религиозности. Скорее, данная формулировка – часть системы философских идей и принципов, на которых основывалось его представление об идеальном стратиге.

По словам Льва VI, полководец должен использовать все средства для поднятия боевого духа войска, находящегося в тяжелых условиях военного похода. Именно поэтому почитание Бога должно быть для стратига превыше всего остального. Подвергая себя военным опасностям (τῶν πολεμικῶν κινδύων), следует с чистым сердцем возносить к Богу молитвы и надеяться на спасение⁹³. В данном случае Лев VI вновь заимствовал материал из «Стратегикоса» Онасандра (Ὀνησανδροῦ Στρατηγικός), который писал: «Римляне не случайно перешли границы Италии и расширили свою власть до дальних пределов земли. Несомненно, Фортуна (Τύχη) отблагодарила их за молитвы, но не следует считать, что все зависело только от Фортуны. Глупцами являются те, кто приписывает успехи римлян Фортуне, а не искусству стратегов»⁹⁴. И все-таки без способности критически мыслить и реально оценивать ситуацию полководцу приходилось трудно. По словам Льва VI, стратиг должен предвидеть возможное развитие событий: «ведь если нападёт противник, то слова: «Я не думал, что так будет» станут для тебя плохим оправданием, не достойным полководца (ἐὰν γάρ τι συμβῆ τῶν ἐναντίων καὶ λέγῃς ὅτι «τοῦτο οὐχ ὑπενόουν», οὐκ ἔστι στρατηγικόν)»⁹⁵. Отметим, что и этот фрагмент автор «Тактики» вновь заимствовал, но не из Онасандра, а из

⁹² Leonis VI *Tactica*. P. 78.64–66.

⁹³ Leonis VI *Tactica*. P. 554.251–255. Ср.: Das *Strategikon* des Maurikios. S. 278, 8.2.1.

⁹⁴ Onasander. P. 370, Pr. 5–6.

⁹⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 546.138–142.

«Стратегем» Полиэна (Πολύαινος Στρατηγήματα), написанных во II в. н. э.⁹⁶

Умение предвидеть действия противника во все времена считалось важнейшим качеством выдающегося военачальника. Американский исследователь Эверетт Уилер констатирует: «от Фукидида до фон Клаузевица «туман войны» представлял собой, по существу, одну проблему. Это была неопределенность, отсутствие точной информации о противнике. Многие древние авторы писали о военачальниках, которые допускали ошибки из-за неожиданного появления врага. <...> В дальнейшем недостаток сведений о противнике привел к мысли, что война полна неожиданностей и полностью избавил опытных полководцев от небрежности и иллюзии мнимого спокойствия»⁹⁷.

По утверждению Продолжателя Феофана в Византии второй половины IX в. удивительным даром предвидеть действия противника, обладал император Василий I. Столь лестная оценка основана на рассказе о событиях 878/879 г., когда завершивший успешный поход в Киликию император возвратился на территорию Византии. Первым делом, он разделил между войском пленников и добычу. Однако вскоре, вспомнив о трудной и долгой обратной дороге, он приказал «мечом избавиться от пленников», чем внушил арабам великий страх. В узких ущельях он устроил засады, захватив там немало врагов, которые сами хотели заполучить пленных. Император предвидел

⁹⁶ Polyaei Strategematon libri octo. P. 122, 3.9.17: «Ификрат говорил: «Полководец должен думать наперед» (οὐ στρατηγικὸν τὸ οὐκ ᾄμην). Ификрат (Ἰφικράτης) – афинский военный и политический деятель первой половины IV в. до н. э. См. о нем: Thalheim T. Iphikrates // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1916. Bd. 9. NBd. 2. Sp. 2019–2022.

⁹⁷ Wheeler E. Πολλὰ κενὰ τοῦ πολέμου: the history of a Greek proverb // Greek, Roman and Byzantine studies. 1988. Vol. 29. P. 165–166. Ср.: Клаузевиц К. О войне. С. 79–80: «Война – область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум».

нападение варваров, также он знал, как ничтожны оправдания стратига: «Я не ожидал такого» (οὐκ ἄν προσεδόκησα). Узнав об этом, «пресловутый Авделомел, правивший в тех местах», отправил к императору посольство. Он просил мира и безопасности, обещал стать верным рабом, предлагал сдать некоторые из подвластных ему крепостей и деревень. Василий выполнил его просьбу, и с тех пор Авделомел стал императорским союзником, выступив против своих соплеменников⁹⁸.

Еще одно качество, необходимое для стратига – проницательность. В Распоряжении 18 «Тактики Льва» этому уделяется значительное внимание. В частности, Лев VI писал: «Далее я сообщу тебе о различных военных построениях других народов, а также о методах боевых действий римлян, которые древние стратигои использовали против различных врагов. Получив эти знания, ты не только сумеешь воспользоваться ими, командуя войском, но и сможешь добавить к ним многое другое. Ведь для проницательного стратига (ἀγχίνοια γὰρ στρατηγού) недостаточно только владения основами военного дела (πραγμάτων στρατηγικῶν), он сам способен изобрести что-либо сверх этого»⁹⁹.

Следует отметить, что данный отрывок может послужить показательным примером заимствования Львом VI сведений из сочинений античных авторов. Так, Онасандр в «Стратегикосе» писал: «добиваясь большей похвалы от доверчивых читателей, иной предпочел бы приписать себе все военные хитрости, о которых он сообщил. Этим он превознес бы собственную проницательность, а не проницательность других. Однако я не думаю, что использование чужого опыта уменьшает славу стратега. Ведь это имеет не меньшее

⁹⁸ Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur. P. 174–176, 49.1–14. Авделомел (Абдалмалик) – аббасидский наместник в Тарсе. См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 12, Nr. 20016 (ὁ Ἀβδελομέλεκ).

⁹⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 436.3–9.

значение, чем свои личные достижения. Поэтому выдающиеся поступки других стратегов должны быть удостоены похвалы, как и свои собственные»¹⁰⁰. Далее приведем отрывок из «Киропедии» Ксенофонта (Ξενοφώντος Κύρου παιδεία): «тебе необходимо изучить все военные приемы. Знай, что применять следует не только те, что уже известны, но и самому быть изобретательным в различных военных хитростях. Это будет подобно тому, как музыканты исполняют не только известные произведения, но и стремятся создать что-то новое. В военном искусстве, как в музыке, наибольший интерес вызывает все новое. Тот же, кто применяет всякие новшества, может скорее ввести противника в заблуждение и, победив его, пользоваться заслуженной славой»¹⁰¹. Таким образом, автор «Тактики Льва» заимствовал эти сведения, вероятнее всего, из сочинения Онасандра, который, в свою очередь, использовал «Киропедию» Ксенофонта.

Следующим качеством, необходимым стратигу, по мнению Льва VI была решительность. Император писал: «Если в сражении, с Божьей помощью, будет одержана победа, то не следует довольствоваться только отходом противника. Ибо так поступают только военачальники, не имеющие должного опыта. Будучи не в состоянии использовать благоприятный момент, они предпочитают следовать по принципу: «Побеждай, но не чрезмерно!» (νίκα καὶ μὴ ὑπερνίκα). Проявляя нерешительность, они теряют время, чем ставят под сомнение исход войны. Напротив, следует действовать до тех пор, пока враг не будет полностью уничтожен»¹⁰².

Примечательно, что в данном случае автор «Тактики» приводит фразу из «Изречений Менандра», собрания однострочных стихотворных сентенций-

¹⁰⁰ Onasander. P. 372–374, Pr. 9–10.

¹⁰¹ Xenophon Cyropaedia / transl. by W. Miller. London, 1925. Vol. 1. P. 120–122, 1.6.38. См. также: Wheeler E. “Sapiens” and stratagems: the neglected meaning of a “cognomen” // Historia: Zeitschrift für alte Geschichte. 1988. Bd. 37. P. 170–171.

¹⁰² Leonis VI Tactica. P. 302.146–151.

рекомендаций на все случаи жизни, расположенных в алфавитном порядке по первой букве, начинающей строку. Это литературное произведение, составленное из отрывков сочинений древнегреческих драматургов V–IV вв. до н. э., было хорошо известно в Византии¹⁰³. В частности, эту же фразу цитировал во второй половине XI в. Михаил Атталиат. В рассказе о мятеже македонских аристократов против Константина IX Мономаха осенью 1047 г. он писал: «мятежники одержали легкую победу над малочисленными отрядами императора. После этого они оказались перед оставленными без защиты воротами Константинополя. Однако предводитель мятежников Лев Торник не спешил отдать распоряжение захватить их. Как говорят, он преисполнился высокомерия, посчитав себя победителем. Словно в старой поговорке «побеждай, но не чрезмерно», он проявил нерешительность, и потерял возможность захватить столицу. Тем самым Торник, упустив победу, подготовил собственную гибель»¹⁰⁴. Отметим также, что о необходимости ради достижения победы действовать решительно, без самонадеянности и высокомерия, писал император Василий I в «Поучительных главах сыну Льву» (Κεφάλαια παραινετικά Βασιλείου βασιλέως πρὸς Λέοντα τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν βασιλέα)¹⁰⁵.

Обратим внимание на Распоряжение 4 «Тактики Льва», где перечислены тактические подразделения и командный состав фемного войска. По мнению Джона Хэлдона, значительная часть этой главы основана на «Стратегиконе» Маврикия и более ранних полемологических сочинениях¹⁰⁶. В этой же главе Лев VI представил свои соображения по подбору младшего командного

¹⁰³ См.: Menandri sententiae / ed. S. Jaekel. Leipzig, 1964. P. 57.419: Καλὸν τὸ νικᾶν ἀλλ' ὑπερνικᾶν κακόν. См. также: Ярхо В. Н. Менандр – поэт, рожденный заново // Менандр. Комедии. Фрагменты / изд. подгот. В. Н. Ярхо. М., 1982. С. 380–381.

¹⁰⁴ Michaelis Attalioetae Historia. P. 26.12–21.

¹⁰⁵ Emminger K. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln. S. 73.65.

¹⁰⁶ См.: Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 139.

состава и рядовых воинов фемных ополчений. Он писал: «Повелеваем твоему достоинству, согласно издавна установленному обычаю, выбирать страстиотов и архонтов (τοὺς στρατιώτης καὶ τοὺς ἄρχοντας) среди тех, кто проверен военной службой <...> готов к исполнению своих обязанностей, а также полностью освобожден от всех государственных повинностей. Мы не желаем обременять нашего боевого товарища, пожелавшего заслужить награду от нашего величества и христоролюбивого Римского государства, никакой другой повинностью кроме военной службы»¹⁰⁷.

Примечательно то, что император обращался к стратигам подчеркнуто уважительно. Для обозначения титулатуры стратига фемы Лев VI использовал термин «муж достойный» (ἐνδοξότατος, *vir illustribus*). В частности, обращение «твое достоинство» повторяется в тексте несколько раз¹⁰⁸. Этот старый сенаторский ранг во время правления Льва VI был равнозначен титулу патрикия¹⁰⁹. Отметим также, что стратиг назван «боевым товарищем, соратником» (συστρατιώτην) императора, который за четверть века своего правления ни разу не принимал участия в военных походах¹¹⁰.

¹⁰⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 46.3–14.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 46.3–5; 242.326; 262.576 и др.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 43–48.

¹¹⁰ Для сравнения отметим, что в «Стратегике императора Никифора» при обращении к военачальнику использовались различные речевые обороты. См.: *Praecepta militaria*. P. 24.42–43, 26.65: «стратиг войска» (ὁ στρατηγός τοῦ στρατοῦ), «стратиг народа» (ὁ στρατηγός τοῦ λαοῦ), «предводитель войска» (ὁ ἀρχων τοῦ στρατοῦ). В *De castrametatione* в роли командующего выступает император. Соответственно, обращения имеют официальный характер. См.: *De castrametatione*. P. 252, 1.122: «священный император» (ὁ βασιλεὺς ὁ ἅγιος); 264, 3.28; 278, 9.38: «наш священный император» (τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου) и пр.

Далее Лев VI писал: «Войско следует разделить на тагмы и назначить в них архонтов из числа наиболее доблестных стратиотов, которые ранее проявили себя как опытные воины и верные подданные Римского государства. Пусть это будут люди богатые и благородные. Ведь благородные готовы в решающий момент быстро исполнить приказ, а богатые при необходимости окажут помощь другим стратиотам. Подчиненные, получившие поддержку от своих архонтов, станут относиться к ним с почтением и любовью, последуют за ними во всех опасностях»¹¹¹. В данном отрывке автор либо сознательно идеализирует отношения между фемными архонтами и рядовыми стратиотами, либо показывает свою некомпетентность в этом вопросе. Подобная картина, скорее, была характерна для византийской армии второй половины VIII в. Во время правления Македонской династии оказанием помощи малоимущим стратиотам занимались гражданские структуры фемного управления, а не «люди богатые и благородные»¹¹².

Важным представлялось умение стратига выстраивать отношения не только с подчиненными или начальством (в этом вопросе «Тактике» трудно соперничать с «Поучением» Кекавмена, согретым великолепным авторским цинизмом), но и с гражданским населением, перебежчиками и др. В этих случаях основополагающим принципом, по Льву VI, является выполнение данных обещаний. По всей видимости, здесь проявился унаследованный от ранневизантийского времени обычай отдавать должное не только союзникам, но и достойным противникам. Поэтому Лев VI писал: «никогда не следует нарушать клятву, данную врагам. Ведь обвинение в клятвopреступлении позорно для любого человека, особенно христианина»¹¹³.

¹¹¹ Leonis VI *Tactica*. P. 46.19 – 48.29. См. также: Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 368.

¹¹² Подробнее см.: Успенский Ф. И. *Военное устройство Византийской империи*. С. 158–167, 187–193.

¹¹³ Leonis VI *Tactica*. P. 550.204–208. Ср.: *Das Strategikon des Maurikios*. S. 304, 9.1.16–20.

Отношение к врагам в византийской армии отличалось рациональностью и никогда не было основано на слепой ненависти. Однако, следуя за античными военными теоретиками, Лев Мудрый не исключал пропагандистского использования захваченных в плен вражеских воинов для повышения боевого духа византийских войск. Речь идет о применении некоторых психологических приемов, воодушевлявших стратиотов при виде поверженного противника. Автор «Тактики» предписывал: «если захваченные в плен вражеские воины окажутся крепкими телом и хорошо вооруженными, то показывать их войску не следует. Напротив, если они будут выглядеть жалко, то войско непременно должно их увидеть. Пленников следует обнаженными провести перед строем, заставляя их молить за свою жизнь. В этом случае, стратиоты будут убеждены, что все вражеское войско пребывает в плохом состоянии»¹¹⁴.

Рассказ об этом методе морального воздействия на войско восходит к «Греческой истории» Ксенофонта. В «Военных хитростях» Полиэна говорится: «во время войны в Азии воины Агесилая поначалу опасались персов. Тогда он распорядился собрать войско, перед которым выставил напоказ нескольких раздетых персидских пленников, а отнятое у них имущество велел сложить поблизости. Воины увидели, с одной стороны, изнеженные слабые тела, а с другой – роскошные одежды и украшения. Тогда Агесилай обратился к войску: «Это те, с которыми мы воюем, а вот это то, за что мы сражаемся». С тех пор воины стали презирать варваров»¹¹⁵.

Похожую историю включил в свое сочинение Аммиан Марцеллин. По его словам, во время персидского похода 363 г. император Юлиан, пытаясь поднять боевой дух римской армии, распорядился провести перед строем не-

¹¹⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 280.20–25. Данный фрагмент заимствован из сочинения Онасандра. См.: Onasander. P. 440–442, 14.3–4.

¹¹⁵ Polyaei *Strategematon libri octo*. P. 62, 2.6. Агесилай (Ἀγησίλαος) – царь Спарты в 401–358 гг. до н. э. См. о нем: Niese B. Agesilaos // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1. HbD. 1. Sp. 796–804.

скольких захваченных персидских воинов, которые выглядели изможденными и жалкими. Юлиан обратился к своим солдатам: «Отважные мужи, поглядите, на этих безобразных и грязных козлов. Мы не раз узнавали на деле, что таково все персидское войско. Они бегут от нас, бросая оружие, едва дело доходит до рукопашной схватки»¹¹⁶.

Однако неприглядный внешний вид врага вовсе не гарантировал его телесной слабости. Учитывая это, Лев VI рекомендовал: «Если ты желаешь вызвать презрение к врагам, то прикажи, чтобы принадлежащие к их роду и находящиеся под твоей властью (пленные. – *К. К.*), подверглись осмеянию и унижению во время борцовских поединков. Своих же людей обучи брать верх над ними»¹¹⁷. Данный фрагмент также заимствован из «Стратегем» Полиэна: «Эпаминонд убедил жителей Фив в гимнасиях бороться с проживавшими у них лакедемонянами. Фиванцы легко побеждали их. Сначала они, посчитав себя более мужественными, стали презирать лакедемонян, а затем пошли на них войной, и изгнали»¹¹⁸. Отметим, что рекомендация «унижать врага в гимнасиях» явно не соответствовала византийским реалиям IX–X вв. В это время полезнее было бы тренировать конных лучников в точности и скорости стрельбы.

Порой обстоятельства складывались так, что по отношению к пленным врагам приходилось проявлять жестокость. Лев VI писал, что если во время марша с одной или с двух сторон нападет враг, то необходимо разместить связанных пленников впереди строя и прикрываться ими, словно щитами. Тогда противник пожалеет своих и не станет использовать метательное оружие.

¹¹⁶ Ammianus Marcellinus / transl. by J. C. Rolfe. London, 1948. Vol. 2. P. 470–472, 24.8.1.

¹¹⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 590.779–781.

¹¹⁸ Polyæni *Strategematon libri octo*. P. 79, 3.6. Эпаминонд (Ἐπαμεινώνδας) – прославленный беотийский военачальник (410–362 гг. до н. э.). См. о нем: Swoboda H. Epameinondas // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 5. HbD. 2. Sp. 2674–2707.

Если же он его применит, то пленники погибнут¹¹⁹. Упомянем еще одну рекомендацию, касающуюся захваченных вражеских воинов. Автор «Тактики» советовал проявлять осторожность, если во время набега будут захвачены хлеб или вино. Так как они могли быть отравлены, сначала следовало проверить их на пленных¹²⁰.

В целом, отношение к пленным отличалось подчеркнутой рациональностью и прагматичностью. Например, после захвата вражеского города Лев VI предписывал: «Не следует решать судьбу пленников до полного окончания войны, особенно если среди них есть знатные и прославленные мужи. Ведь из-за переменчивости войны может оказаться, что некоторые из твоих людей попадут в плен, или же враг захватит твою крепость. Тогда можно будет обменять вражеских пленных на своих друзей и союзников. Если же противник откажется поступить таким образом, то следует поступить с пленными по твоему усмотрению»¹²¹.

Таким образом, все рекомендации «Тактики Льва», касающиеся пленных, были основаны на античных или ранневизантийских полемологических сочинениях. Единственным исключением является фрагмент из Распоряжения 9, в котором нашли отражения военные реалии VIII–IX вв.

Лев VI писал о типичной ситуации, в которой неоднократно оказывались как византийские войска на территории противника, так и вражеские

¹¹⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 172.235 – 174.240. Данная стратегема полностью основана на сочинении Полиэна. См.: Polyaei *Strategematon libri octo*. P. 71–72, 2.1.30.

¹²⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 414.305–313. Фрагмент заимствован из «Стратегикона» Маврикия. См.: *Das Strategikon des Maurikios*. S. 320, 9.3.122–124.

¹²¹ Leonis VI *Tactica*. P. 384.48 – 386.55. Данный отрывок почти дословно заимствован из трактата Онасандра. См.: Onasander. P. 488–490, 35.4. Ср.: *De castrametatione*. P. 318, 27.23–25: «Если жители осажденного города хотят сохранить надежду на спасение, то они должны подчиняться добровольно. Если же город будет взят штурмом, то по закону войны они окажутся во власти императора» (ἢ χαυνῶ θέντες νόμῳ πολέμου ἀλῶσι καὶ ὑπὸ τὴν βασιλικὴν γένωνται χεῖρα).

силы в пограничных фемах Византии. Речь идет о завершении грабительского набега, когда основной задачей военачальника являлось благополучное возвращение войска на твою территорию. При этом желательно было сохранить захваченную у противника добычу и пленных¹²². По словам автора «Тактики», если войско оказалось перед узкими теснинами, через которые нельзя безопасно отступить на свою территорию, то следовало договориться с врагами о безопасном проходе, оставив им всю добычу или ее часть. Если же они не согласятся на это, то сначала предписывалось умертвить пленных на глазах противника, а потом продолжить немилосердно разорять его землю. Позднее, когда представится возможность, необходимо было собрать силы и безопасно выйти упорядоченным строем¹²³.

В источниках сохранились несколько упоминаний о расправах над пленными во время отступления армий с вражеской территории. Например, в 837 г., во время похода императора Феофила в Месопотамию, византийские войска уничтожили большинство попавших в плен арабских воинов и мирных жителей. Однако знатных пленников по распоряжению императора отправили в Константинополь¹²⁴. В 838 г. арабы, захватив Аморий, увели из города множество людей, но почти все они были убиты или погибли от голода и жажды по пути к арабской границе. Византийских военачальников и граж-

¹²² Подробнее см.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 197–198.

¹²³ Leonis VI *Tactica*. P. 174.241–249. В более поздних военных трактатах относительно пленных содержится одно общее указание: если захваченных вражеских воинов невозможно быстро вывести на территорию империи, их следует немедленно уничтожить. См.: *De velitatione bellica*. P. 75.24–25; *De castrametatione*. P. 302, 21.13–17.

¹²⁴ Подробнее см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 113–116.

данских чиновников халиф аль-Мутасим приказал невредимыми доставить на арабскую территорию¹²⁵.

Если жизни пленных удавалось сохранить, то на территории Византии они становились большой ценностью. Прежде всего, их обменивали на архонтов и стратиотов, оказавшихся в руках врага¹²⁶. Например, осенью 896 г. на пограничной с арабами р. Ламос (Λάμος, al-Lāamis), между Селевкией и Тарсом, с обеих сторон было обменено более 5 тыс. человек¹²⁷.

Во время военных конфликтов перед византийским командованием периодически возникала еще одна проблема, связанная с иностранными подданными, пожелавшими перейти на сторону империи. Отметим, что отношение к перебежчикам неоднократно рассматривалась как в античной, так и византийской военно-теоретической литературе¹²⁸. Лев VI, в целом, следовал устоявшейся традиции. С одной стороны, он признавал ценность сведений полученных от перебежчиков: «Если перебежчики из вражеского войска желают сообщить какие-либо ценные сведения <...> стратегию следует обеспечить их защиту. Иначе «порочные люди» (κακῶν ἀνθρώπων) могут с ними расправиться»¹²⁹. С другой стороны, он призывал им не доверять: «Не верь перебежчикам от врагов <...> Ведь доверия к беглецам тем больше, чем

¹²⁵ См.: Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский, П. В. Никитин // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб., 1905. Т. 7. № 2. С. 195–196. См. также: Πατούρα Σ. Οι αιχμάλωτοι ως παράγοντες επικοινωνίας και πληροφόρησης (4^{ος} – 10^{ος} αι.). Αθήνα, 1994. Σ. 126–129.

¹²⁶ Подробнее см: Πατούρα Σ. Οι αιχμάλωτοι ως παράγοντες επικοινωνίας και πληροφόρησης. Σ. 136–138.

¹²⁷ Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин VII Багрянородный (867–959 гг.). СПб., 1902. С. 111–112.

¹²⁸ См., например: Onasander. P. 420, 7; Das Strategikon des Maurikios. S. 276, 8.1.41–42.

¹²⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 304.175–180.

меньше они является хозяевами своей судьбы, которая одних вынуждает бежать к своим, а других – от своих»¹³⁰.

Во второй половине XI в. почти дословно Льва VI повторил Кекавмен: «Остерегайся дезертиров и перебежчиков. Ведь многие перебегают из хитрости или по замыслу врагов, желающих обмануть тебя и захватить. Знай, что в последний момент они убегут. Впрочем, есть перебежчики, явившиеся в надежде на твои благодеяния, или из-за несправедливости, перенесенной ими от своих <...> Таковых прими милостиво, с добротой, щедростью и заботой, но держи их под присмотром. Пусть их охраняют, пока ты тайно не разузнаешь об этих людях. Если ты убедишься, что они перешли без тайного умысла, то пусть остаются среди твоих людей»¹³¹.

Характерно, что во времена Льва VI проблема перебежчиков была особенно актуальна. Со второй половины IX в. число беглецов значительно увеличилось как со стороны империи, так и со стороны Халифата. Примечательно, что у арабов зачастую искали убежища высокопоставленные византийские военачальники и чиновники. В частности, весной 907 г. на арабскую территорию отступил отряд уже упоминавшегося патрикия Андроника Дуки, который восстал против Льва VI. До этих событий Андроник успешно командовал императорскими войсками на восточной границе, нанеся мусульманам несколько чувствительных поражений¹³².

Мусульмане переходили на сторону империи как целыми кланами, так и поодиночке. Большая часть перебежчиков, приняв христианство, со временем адаптировалась в византийском обществе. Однако известны случаи «вторичного предательства». Наиболее известный из них связан с захватом войсками халифа аль-Мутасима в 838 г. Амория, административного центра фе-

¹³⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 432.559 – 434.570. См. также: *Ibid.* P. 242.87–90; 552.229–236.

¹³¹ Кекавмен. *Советы и рассказы*. С. 154.1–12.

¹³² Подробнее см.: Canard M. Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle // *Bulletin d'études orientales*. Damas, 1949–1951. Vol. 13. P. 54–62.

мы Анатолик. Причиной, по которой произошло это, пожалуй, самое трагическое событие византийской истории IX в. стало предательство некоего «человека из мусульман, который перешел в христианство, жил в Амории и женился у них»¹³³. Когда арабская армия подступила к городу, он «вышел и отправился к мусульманам, пришел к Мутасиму и сообщил ему, что в городе есть место, где после сильного разлива реки упала стена»¹³⁴. Узнав о слабом месте в обороне Амория, арабы овладели этой крепостью.

Следует также отметить, что большое число христианских и мусульманских перебежчиков является одним из весомых аргументов, опровергающих концепцию «войны на уничтожение», которую, якобы, вели между собой Византия и Халифат. В условиях «священной войны» стороны вряд ли относились бы к перебежчикам столь терпимо. Примечательно также, что о сколь-нибудь массовом переходе на сторону Византии болгар, равно как и о бегстве греков в Болгарию, в источниках не упоминается. Переселения целых племен или кланов, которые происходили в VII–VIII вв., когда соседнее с империей балканское государство было еще языческим, ушли в прошлое.

Распоряжения автора «Тактики», касающиеся отношения к мирному населению на территории противника, зависели от конкретной военной ситуации. Так, во время грабительского набега на вражескую пограничную область любой, кто пытался оказать вооруженное сопротивление, подлежал уничтожению. В плен этих людей брать не следовало¹³⁵. Это объяснялось тем, что когда византийское войско вторгалось на землю врага, ее необходимо было опустошить, сжечь и разорить. Считалось, что материальный ущерб и нехватка продовольствия «сделают войну бессильной, тогда как изобилие будет питать ее и укреплять». Оставаясь на территории противника долгое время,

¹³³ Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им. С. 191.

¹³⁴ Там же. С. 191–192.

¹³⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 410.250–253.

следовало разграбить как можно большую область, а все ценное вывезти для нужд своего войска¹³⁶.

Напротив, если планировалось, что после завершения войны императорская армия останется на захваченной территории, то к мирному населению следовало относиться гуманно. В частности, Лев VI писал: «После того, как война завершится победой, не будь надменным и жестоким, но прояви благонравие, смиренную мудрость и человеколюбие по отношению к покоренным и оказавшимся в несчастье»¹³⁷. Характерно, что он не делал различий между арабскими, балканскими и иными территориями. Зачастую Лев VI вообще не акцентировал внимания на том, против какого противника велись боевые действия¹³⁸.

Сравним слова Льва VI об отношении к мирным жителям на территории врага с его сентенцией о том, как византийские военные должны были строить отношения с гражданским населением империи. В этом случае царственный автор рассуждал так: «стратигу следует позаботиться о подданных нашего императорского величества, проживающих в соседних землях. Прежде всего – о земледельцах (τῶν γεωργῶν), с которыми стратиоты зачастую обходятся жестоко и несправедливо. Мы считаем, что две эти группы наиболее важны для обеспечения единства нашего народа: земледельцы питают и укрепляют (τρέφουσα καὶ αὔξουσα) стратиотов, стратиоты же защищают и оберегают (ἐκδικοῦσα καὶ περιφυλάττουσα) земледельцев... По этой причине следует всегда проявлять заботу об их благополучии. Ведь стратиоты, получив положенное им содержание, будут совершать героические поступки,

¹³⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 160.97 – 162.103. Ср.: Onasander. P. 400–402, 6.11–12. См. также: Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» // *Античная древность и средние века*. 1973. Вып. 9. С. 108–110.

¹³⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 368.238–247. Ср.: Onasander. P. 488–490, 35.4–5; 518–522, 42.18–22.

¹³⁸ См.: Leonis VI *Tactica*. P. 364.194 – 366.216; 384.48 – 386.55. См. также: Καραπλή К. Г. Κατευόδοις στρατοῦ. Σ. 277–278.

а земледельцы, избавленные от несправедливых притеснений, будут добросовестно исполнять свои обязанности»¹³⁹. При этом, Льва VI интересовала именно практическая сторона такой позиции. «Никакие другие занятия не должны привлекать внимание стратига больше, чем забота о земледелии (γεωργικήν), которое кормит стратиотов, и забота о войске (πολεμικήν), которое охраняет и защищает наших кормильцев земледельцев (τρέφοντας γεωργούς)... Другие дела суетны и мимолетны, тогда как эти наиболее важны и благотворны»¹⁴⁰.

Описание Львом VI взаимоотношений между стратиотами и «земледельцами» (соответственно, привилегированной и лишенной каких-либо льгот группами населения) явно противоречило действительности. Политика императоров Македонской династии, направленная на сохранение свободного земледельческого населения, к началу X в. показала свою несостоятельность. В этой ситуации ответственность за сохранение «гармонии» между двумя основными группами сельского населения империи, фактически, была возложена на стратигов фем¹⁴¹.

Упоминания Льва VI о гражданских подданных империи, оказавшихся в районе боевых действий, гораздо реалистичнее. В частности, он дважды повторяет заимствованную из сочинения Онасандра стратегему, согласно которой на своей территории любые попытки грабежей должны немедленно пресекаться. Необходимо «оберегать тех, кто платит подати и земледельцев» (φυλάττης τοὺς ὑποτελεῖς ἡμῶν καὶ γεωργούς), иначе «те, кто ранее были своими, станут врагами»¹⁴².

¹³⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 196.45 – 198.53.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 610.1076 – 612.1080.

¹⁴¹ Подробнее см.: Górecki D. *Constantine VII's Peri ton stratioton* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2009. Vol. 48. P. 140–143, 153.

¹⁴² Leonis VI *Tactica*. P. 154.3–8; 158.73–77. Ср.: Onasander. P. 400, 6.10.

Рассматривая вопрос о том, как лишить противника ресурсов и, тем самым, вынудить его покинуть византийскую территорию, автор «Тактики Льва» опирался на сочинение Вегеция и «Стратегикон» Маврикия». Лев VI писал, что если враги нападут на подчиненную стратегию область (ὕπὸ σε χώρῳ), то следует людей, все ценное имущество, а также скот укрыть в надежно защищенных местах. Нельзя позволить противнику беспрепятственно пополнять припасы. Поэтому лучше уничтожить то, что невозможно вывезти или спрятать до начала вражеского нападения¹⁴³.

Еще одно указание автора «Тактики» касается подготовки города к осаде. В этом случае следовало до ее начала вывести из города бесполезных людей: женщин, стариков, больных и детей (εἰ δὲ μὴ τὴν ἄχρηστον ἡλικίαν ἔκβαλε ἐκ τοῦ ὀχυρώματος πρὸ τῆς τῶν ἐχθρῶν παρουσίας, οἷον γυναῖκας, γέροντας, ἀσθενεῖς, καὶ παιδία). Это необходимо было сделать, чтобы обороняющимся хватило запасов¹⁴⁴.

По нашему мнению, важным аспектом проблемы восприятия войны в том или ином обществе является отношение к раненым и погибшим воинам, а также их семьям. Лев VI указывал, что забота о раненых стратегиотах должна быть нерушимым правилом: «Если не соблюдать этот обычай, то остальные стратегиоты будут пренебрегать службой и уклоняться от участия в сражениях. Следует также помнить, что раненые, при должной заботе о них, смогут восстановить свои силы. Если же бросить их на произвол судьбы, они погибнут»¹⁴⁵. Характерно, что в данном случае, правильные, но общие слова, под-

¹⁴³ Leonis VI *Tactica*. P. 418.377 – 420.389. См. также: Flavi Vegeti Renati *Epitoma rei militaris*. P. 69, 3, 3.3–6; Das *Strategikon des Maurikios*. S. 342, 10.2.30–38.

¹⁴⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 370.258–260. Ср.: Flavi Vegeti Renati *Epitoma rei militaris*. P. 133, 4, 7.10: «Часто за городские ворота изгонялись те, кто ни по возрасту, ни по полу не в состоянии был воевать. Делалось это для того, чтобы голод не погубил остальных, вооруженных и охранявших стены».

¹⁴⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 572.527–531. Ср.: Das *Strategikon des Maurikios*. 286, 8.2.43.

креплялись реальными действиями военных властей. Известно, что в VIII–XI вв. в каждом подразделении византийской армии было несколько депотатов (δεποτάτους), которые должны были заботиться о раненых. Во время сражения они следовали на некотором расстоянии позади своего отряда, подбирая получивших ранения стратиотов. За каждого спасенного ими солдата депотаты получали из казны по одной номисме¹⁴⁶.

Смерть в бою, естественное следствие войны, не должна была остаться незамеченной: после сражения стратиг должен проявить заботу о раненых стратиотах, а также удостоить погребения павших в сражении (τοὺς πληγωθέντας ἐν αὐτῷ τῶν στρατιωτῶν παραμυθεῖσθαι καὶ τοὺς διαπίπτοντας ἐν τῷ πολέμῳ). Следует прославлять их, ведь они отдали жизни за веру и своих братьев. Это будет богоугодное дело, которое поднимет боевой дух войска. Если же у павших, которые мужественно сражались и исполнили свой долг, остались дети или жена, то следует удостоить их надлежащим вознаграждением»¹⁴⁷.

Отметим, что в «Тактике Льва» подобные указания повторяются неоднократно¹⁴⁸. Приведем одно из них: «стратигу следует позаботиться о погребении погибших. Ведь почтение к умершим, особенно к павшим в сражении, благостно и богоугодно. Поэтому никакие обстоятельства или условия местности, даже то, оказался ли стратиг победителем или побежденным, не должны этому помешать. Ведь достойное погребение не только подтверждает

¹⁴⁶ Leonis VI Tactica. P. 236.273 – 238.284. Об организации медицинской службы в византийской армии см.: Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 450–453.

¹⁴⁷ Leonis VI Tactica. P. 306.204 – 308.209. Ср.: Ibid. P. 482.599–606: «Когда наши мужественные стратиоты отправляются в поход против тех, кто не верует в Христа, повелителя мира, они должны быть обеспечены всем необходимым. Однако для войны требуется не только оружие и припасы, необходимо также позаботиться о семьях воинов, которые идут в поход со смелостью и усердием».

¹⁴⁸ См.: Leonis VI Tactica. P. 542.106–108; 560.355 – 562.362.

священство погибших, но и несет утешение живущим. Если стратиоты увидят, что тела погибших остались не погребенными и поруганными, то посчитают это тяжким оскорблением для себя. В сражении они обратятся в бегство, опасаясь не только погибнуть, но даже остаться без погребения. Если же воины будут знать, что в случае гибели удостоятся великой чести и доброй памяти, то не уклонятся от сражения»¹⁴⁹.

Несмотря на то, что эти положения «Тактики» основаны на сочинении Онасандра и «Стратегиконе» Маврикия¹⁵⁰, автор внес в текст существенные дополнения. Прежде всего, он подчеркнул, что солдаты боролись за веру и своих братьев-христиан. Это согласуется с многократно повторенным Львом VI тезисом о божественном благоволении к византийскому государству. Кроме того, в римской и византийской армии существовала давняя традиция: сначала командир должен был достойно похоронить своих павших солдат, а затем жестоко отомстить противнику за их гибель. Стратигов, которые пренебрегали этими неписанными правилами, подчиненные презирали и ненавидели¹⁵¹.

В «Тактике Льва» значительное внимание уделено проблеме поддержания в войске дисциплины, а также необходимости соблюдения законов. Среди этих упоминаний есть формальные суждения, имеющие назидательный характер: «Знай же, стратиг, что ты должен быть полностью предан своему любимому отечеству и готов отдать свою душу за истинную христианскую веру (φιλῶν τὴν πατρίδα καὶ ὑπὲρ τῆς ὀρθῆς τῶν Χριστιανῶν πίστεως ἕτοιμος). Состоящие под твоим командованием архонты и стратиоты также должны быть непоколебимо готовы к этому. Для тех же, кто лишен этой добродетели, несмотря на твою заботу и усердие, верность отечеству и повинно-

¹⁴⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 386.64–73.

¹⁵⁰ См.: Onasander. P. 490, 36.1–2; *Das Strategikon des Maurikios*. S. 272, 8.1.16.

¹⁵¹ Подробнее см.: Détorakis T., Mossay J. Un office byzantin inédit pour ceux qui sont morts à la guerre, dans *Cod. Sin. Gr. 734-35* // *Le Muséon*. 1988. Vol. 101. P. 185–189.

вание властям следует воспитывать или любовью, или страхом (ἀλλ' εἶναι αὐτοὺς φιλοπάτριδας καὶ εὐπειθεῖς τοῖς ἄρχουσιν, ἢ δι' ἀγάπην ἢ διὰ φόβον)»¹⁵².

О различных мероприятиях, которые командование должно предпринимать для поддержания строгой дисциплины, Лев VI подробно писал в Распоряжениях 7 и 8 «Тактики»¹⁵³. Основой для этих рекомендаций являлся древний довод, не утративший актуальности вплоть до нашего времени, – солдат должен быть всегда занят каким-либо делом. Если позволять войску оставаться «в праздности и беззаботности», начнется упадок дисциплины и морального духа. Поэтому в мирное время солдат следует постоянно тренировать и обучать, подготавливать к трудностям военного похода¹⁵⁴.

О наказаниях за различные правонарушения и воинские преступления Лев VI писал, используя в качестве основного источника «Стратегикон» Маврикия. Однако ранневизантийские правовые нормы не соответствовали реалиям второй половины IX – начала X в. Английский исследователь Уолтер Ашбернер установил, что текст VI в. был подвергнут значительной корректировке, а также дополнен параграфами, касающимися произвола архонтов по отношению к рядовым стратиотам¹⁵⁵. Для командного состава, в большинстве случаев, предусматривались наказания в виде денежных штрафов. Например,

¹⁵² Leonis VI *Tactica*. P. 442.94 – 444.101. См. также: Leonis VI *Tactica*. P. 444.104–106: «Проявляй заботу о дисциплине в своем войске. Помни, что командующий достигает большинства целей с помощью разумного планирования и стратегии, а не безрассудной отваги и опрометчивых действий».

¹⁵³ См.: Leonis VI *Tactica*. P. 104.8–20; 108.46–53; 110.88–92.

¹⁵⁴ Джон Хэлдон указывает, что большая часть текста Распоряжений 7 и 8 «Тактики Льва» была заимствована из сочинений Онасандра, Флавия Арриана и Элиана Тактика. См.: Haldon J. *A critical commentary on the Taktika of Leo VI*. P. 205–206.

¹⁵⁵ Ashburner W. *The Byzantine Mutiny Act // Journal of Hellenic Studies*. 1926. Vol. 46. P. 83–84. См. также: Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 158–159.

за то, что «архонт станет препятствовать стратиоту явиться на службу, или подчинит его своей власти... или будет держать в домашнем услужении, заставляя отказаться от службы», полагалось выплатить весьма солидные денежные суммы¹⁵⁶.

Для рядовых воинов наказания были более суровыми. В частности, за уклонение от службы и бродяжничество стратиот, помимо выплаты штрафа, направлялся для дальнейшей службы в гарнизон какой-либо крепости на неопределенное время¹⁵⁷. За тяжкие воинские преступления: отказ во время войны выполнять приказы своего архонта, подготовку мятежа или попытку бегства к противнику для стратиотов полагалась смертная казнь¹⁵⁸.

В целом, правовые нормы, перечисленные в Распоряжении 8 «Тактики Льва», по содержанию аналогичны некоторым законодательным актам императоров Македонской династии. В первой половине X в. они неоднократно издавали новеллы, посвященные стратиотскому землевладению. Государство, несмотря на общее направление военной политики на профессионализацию вооруженных сил, стремилось не допустить резкого сокращения численности провинциальных ополчений¹⁵⁹.

Лев VI осознавал, что опираясь на его распоряжения, некоторые стратиоты станут проявлять чрезмерное служебное рвение. Поэтому он писал: «Стратиоту не следует внушать чрезмерный страх своим подчиненным. С другой стороны, подвластные стратиоту не должны рассчитывать на излишнюю снисходительность. Ведь сильный страх порождает ненависть, а большая снисходительность вызывает презрение. Лучше проявлять умеренность в на-

¹⁵⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 152.82–87: стратиот фемы должен был заплатить 72 номисмы (одна литра золота), турмархи – 36, друнгари – 24, комиты и прочие «младшие» архонты – 12 номисм.

¹⁵⁷ *Ibid.* P. 146.13–15.

¹⁵⁸ *Ibid.* P. 146.9–10.16–21.

¹⁵⁹ См.: Svoronos N. *Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes*. P. 105–107, 124–125.

казаниях, тогда провинившиеся не озлобятся и не совершат безрассудных поступков. Оставлять нарушителей совсем без наказания также нельзя, иначе власть стратига обернется безвластием»¹⁶⁰. Перед решающими сражениями автор «Тактики Льва» предписывал стратигу вообще не налагать взысканий на провинившихся стратиотов. Архонтам войска также не следовало в это время притеснять рядовых воинов¹⁶¹.

Помимо наказания провинившихся, в сочинении Льва VI определенное внимание уделено и награждению отличившихся во время военного похода архонтов и стратиотов. Наградой для них являлась часть военной добычи (τῶν πολεμίων λαφύροις): оружие, лошади, продовольствие, скот и, в крайне редких случаях, деньги. Кроме того, для героически проявивших себя воинов устраивали пиршества, а командиров награждали более высокими должностями. Автор «Тактики» указывает, что стратиг обязан обеспечить распределение военной добычи согласно установленным императорской властью законам. Пятая часть захваченного у противника имущества передавалась в государственную казну (δημόσιος). Остальное равными долями распределялось между командирами и рядовыми солдатами. По словам Льва VI, соблюдение справедливости при разделе военной добычи должно было не только вдохновить отважных воинов на новые смелые поступки, но также ободрить трусливых и павших духом¹⁶².

Как уже упоминалось, большинство распоряжений «Тактики» были адресованы стратигу фемы. Однако в некоторых случаях царственный автор уделял внимание также среднему и младшему командному составу. Напри-

¹⁶⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 568.475 – 570.482. См. также: Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» // *Античная древность и средние века*. 1965. Вып. 3. С. 106–107.

¹⁶¹ Leonis VI *Tactica*. P. 280.26–35.

¹⁶² Leonis VI *Tactica*. P. 604.968–985. См. также: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 136–137.

мер, он требовал, чтобы турмархи фем были «опытными, добродетельными, благоразумными и дисциплинированными; они должны были обладать привлекательной внешностью и быть обучены грамоте... ведь если возникнет необходимость, то один из них займет место стратига»¹⁶³.

Сложно представить, что Лев VI не был осведомлен о реальном положении турмархов в военной иерархии империи. Во второй половине IX – начале X в. они занимали в ней высокое место, уступая только стратигам фем и доместикам столичных тагм. Турмархи получали из казны регулярные денежные выплаты, имели придворные титулы и личные печати. Назначение на эту должность, равно как и смещение с нее, являлось прерогативой императора. Об этом свидетельствуют многие нарративные и сфрагистические источники и, прежде всего, «Клеторологий» Филофея, написанный в 899 г., т. е. в правление самого Льва VI. Однако утверждение о том, что один из турмархов может занять место стратига не соответствовало реалиям времени. По данным исторических хроник известно, что в случае гибели стратига его место занимал топотирит фемной тагмы или любой другой командир регулярного подразделения (дука, клисурарх, катепан)¹⁶⁴.

Предъявляя к средним и младшим архонтам столь своеобразные требования (например, «обладать привлекательной внешностью»), Лев VI демонстрирует формальное, лишённое заинтересованности, отношение к этой группе командного состава. Для сравнения обратимся к сведениям других военных трактатов. Наибольшее внимание данному вопросу уделено в *De castrametatione*. В частности, его анонимный автор писал: «Архонтом для командования второй частью войска следует назначить знающего и опытного

¹⁶³ Leonis VI *Tactica*. P. 60.184–188.

¹⁶⁴ Подробнее см.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 122, 136–137.

человека»¹⁶⁵. Командиры засадных отрядов, по его мнению, «должны превосходить остальных большим опытом и здравомыслием»¹⁶⁶. О младших архонтах, уровня комита тагм, говорится следующее: «следует выделить сто человек под началом любого опытного командира»¹⁶⁷.

В целом, в трактате *De castrametatione* «опытный архонт» (ἄρχοντα τῶν ἐνδόξων) является наиболее важным звеном слаженного армейского механизма. На него возлагается главная роль при выполнении боевой задачи, которую зачастую ставит лично император¹⁶⁸. Можно заключить, что в регулярной полевой армии Василия II у архонтов больше всего ценились боевой опыт, практические знания и здравый смысл. Не подлежит сомнению, что эффективность такой военной системы была значительно выше по сравнению с фемными ополчениями первой половины X в.

Возвращаясь к рассмотрению «Тактики Льва» отметим, что она представляет собой весьма объемный и сложный по структуре текст. Следует, однако, учитывать, что это сочинение задумывалось как практическое руководство для действующих военачальников. Поэтому общих рассуждений о войне, ее природе и изначальных причинах, о влиянии боевых действий на гражданское население Византии в трактате почти не встречается. Более того, многие фрагменты, касающиеся перечисленных вопросов, не были собраны автором в одной главе, а рассеяны по всему тексту. В частности, определяя

¹⁶⁵ De castrametatione. P. 272, 7.14–15: προσήκει δὲ καὶ ἄρχοντα τῶν ἐνδόξων συνέσει καὶ πείρα κεκοσμημένον ἐπιστῆσαι τῷ ἑτέρῳ τμήματι τοῦ στρατοῦ.

¹⁶⁶ De castrametatione. P. 314, 26.8–9: ἐμπειρία δὲ καὶ φρονήσει πλεῖστοι οἱ τούτων ἀρχηγοὶ τῶν ἄλλων διαφερέτωσαν.

¹⁶⁷ De castrametatione. P. 280, 10.28–29: αὐτὸς ἀφορίσας ἑκατὸν μεθ' ἡγεμόνος τινὸς ἐμπείρου.

¹⁶⁸ См. например: De castrametatione. P. 276, 9.14–15: «архонты должны явиться и получить благословение и предписания от нашего священного императора»; P. 326, 32.8–9: архонты получают распоряжения императора в письменном виде (ἐγγράφως ἀποσημειοῦν).

само понятие войны, Лев VI ограничился формальным, граничащим с очевидностью, объяснением: «Война и сражение отличаются друг от друга (διαφέρει γὰρ ὁ πόλεμος τῆς μάχης τοῦ πολέμου καιρῶ). Войной называют все боевые действия от начала и до полного завершения. Война может состоять из многих сражений. Сражением называется одно боевое столкновение, которое может произойти в ходе войны, но может и не состояться. Сражение может не привести к окончанию войны, потом могут последовать другие боевые столкновения (τοῦ πολέμου καιρῶ)»¹⁶⁹. Отметим, что данная дефиниция не принадлежала Льву VI, он заимствовал ее из сочинения Элиана Тактика, жившего на рубеже I–II вв. н. э.¹⁷⁰

В эпилоге «Тактики» автор вновь возвратился к данному вопросу: «Природа военного дела состоит из мастерства разного рода – оплитики, логистики, архитектоники, астрономии, иератики, иатрики» (συνεργοῦσι δὲ τῇ φύσει τοῦ πολέμου αὗται αἱ τέχναι, οἷον ὀπλιτική, λογιστική, ἀρχιτεκτονική, ἀστρονομική, ἱερατική, ἰατρική)¹⁷¹. Далее он характеризует каждое «мастерство», добавляя к уже перечисленным еще два «искусства» – тактику и механику¹⁷².

Под оплитикой подразумевается изготовление оружия и доспехов; логистика ведает учетом и распределением между частями войска солдат и командиров, материальных и финансовых ресурсов¹⁷³. Архитектоника – это умение строить укрепления и возводить военные лагеря¹⁷⁴. Астрономия, в понимании автора «Тактики», является мастерством предсказания погоды,

¹⁶⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 384.33–38.

¹⁷⁰ См.: Αιλιανού Τακτική Θεωρία // Griechische Kriegsschriftsteller / hrsg. von H. Köchly, W. Rüstow. Leipzig, 1855. Teil 2. Abt. 1. S. 234.6.

¹⁷¹ Leonis VI *Tactica*. P. 634.214–215.

¹⁷² Ibid. P. 636.238–243.251–256; 638.285–286.

¹⁷³ Ibid. P. 634.216 – 636.237; 638.280–284.287–289.

¹⁷⁴ Ibid. P. 636.244–250; 638.290 – 640.298.

стихийных бедствий, а также точного определения времени дня и ночи¹⁷⁵. Иатрика – это умение исцелять раны, полученные в сражениях, и врачевание болезней, которые возникли «обычным путем»¹⁷⁶.

Об иератике Лев VI писал: «Иератика – это удел иереев, наполнивших свою жизнь чистотой и святостью, полностью посвятивших себя служению Богу»¹⁷⁷. По его словам, «задача иератики состоит в том, чтобы войско, проникнувшись Божественным началом, правильно и своевременно исполняло предписанные канонами христианской веры обряды, молитвы и другие священнодействия. Иереям следует обращать свои мольбы к Богу, к Богородице и святым угодникам. Воины, верующие в Божественную милость, должны быть готовы стойко переносить любые опасности»¹⁷⁸.

По мнению В. В. Кучмы, данный фрагмент «Тактики Льва» был основан на тексте анонимного военного трактата VI в. *Περὶ στρατηγικῆς* (*De re strategica*)¹⁷⁹. В этом, частично сохранившемся, полемологическом сочинении рассматриваются различные аспекты военного дела. Среди прочих вопросов, в нем дается характеристика различным группам населения, определяется их отношение к военной службе и степень участия в решении военных проблем¹⁸⁰. Следует отметить, что некоторые современные исследователи оспаривают датировку трактата *De re strategica* ранневизантийским временем.

¹⁷⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 636.257 – 638.265.

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 638.273–279.

¹⁷⁷ *Ibid.* P. 640.299–301: τὴν δὲ ἱερατικὴν ἱερεῖς καθαροί, σεμνοὶ τὸν βίον καὶ τὸν τρόπον καὶ καθηγιασμένοι τελεσιουργήσουσιν καὶ αὐτοὶ τὸ τέλος τῆς οἰκείας ἐνεργείας τῷ Θεῷ ἀναστήσουσιν.

¹⁷⁸ *Ibid.* P. 638.266–272.

¹⁷⁹ Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания // *Византийский временник*. 1980. Т. 41. С. 70–71, 88–90.

¹⁸⁰ См.: Anonymous Byzantine treatise on strategy // *Three Byzantine military treatises / text, transl., and notes by G. Dennis*. Washington, D.C., 1985. P. 10–18; О стратегии: византийский военный трактат VI века / изд. подгот. В. В. Кучма. СПб., 2007. С. 52–60.

В частности, немецкий исследователь Филипп Ранс считает, что это произведение было создано в IX в. Сирианом Магистром (Συριανὸς Μάγιστρος)¹⁸¹.

Таким образом, общие рассуждения о войне в «Тактике Льва» и военных трактатах последней трети X – начала XI в., по сути, являются формальными, зачастую заимствованными из более ранней военной традиции. Однако о восприятии войны авторами этих текстов можно судить по их представлениям о некоторых частных вопросах. Прежде всего, речь идет о воинской дисциплине, а также об оценочных суждениях, касающихся раненых и погибших византийских воинах, о мирном населении, пленных и перебежчиках.

В «Тактике Льва» наиболее четко обозначены некоторые положения военно-политической доктрины Византийской империи, определяющие роль и значение армии в государстве и обществе. Так как Лев VI адресовал свои слова стратигам, а не более образованным придворным или церковным иерархам, он использовал образное сравнение войска с человеческим телом. Основой для этой сентенции стал фрагмент из сочинения Полиэна¹⁸². Лев Мудрый перефразировал слова античного автора: «Боевое построение смешанного войска, состоящего из пехоты и кавалерии, подобно телу. Его руками являются псилы (легкая пехота. – *К. К.*), то есть токсоты, аконтисты и сфендонисты (лучники, метатели копий и пращники. – *К. К.*), ногами – кавалеристы, а головой – стратиг... Поэтому, будучи головой, ты в первую очередь должен

¹⁸¹ Rance Ph. The date of the military compendium of Syrianus Magister. P. 719–729. См. также: Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 448–454. Биографические сведения о Сириане Магистре см.: Eramo I. Composition and structure of Syrianus Magister's military Compendium // *Classica et christiana*. 2012. Fasc. 7. P. 101–103.

¹⁸² Polyaei Strategematon libri octo. P. 124, 3.9.22: «Афинский стратег Ификрат говорил, что туловищем следует считать фалангу, руками – легкую пехоту, ногами – кавалерию, а головой – стратига. Если не будет каких-либо частей, то войско окажется хромое и увечное; если же погибнет стратиг, то все войско, став бесполезным, погибнет».

обеспечить безопасность самому себе. Ведь позаботившись о собственной защите, ты оградишь от опасности остальное войско»¹⁸³.

В византийской литературе IX–XI вв. с телом сравнивалось не только войско, но и государство. В частности, Василий I в «Поучительных главах сыну Льву» писал, что государь подобен врачу, который лечит недуги своих подданных или же препятствует их появлению¹⁸⁴. В 70-е гг. XI в. Михаил Пселл в «Хронографии» сравнивал византийское государство с больным и уродливым телом. Кроме этого, он подробно писал о причинах, по которым император Исаак I Комнин, действуя решительно и жестко, стремился отсечь от увечного тела больную плоть¹⁸⁵.

Итак, для Льва VI ключевой фигурой в «большом теле армии» являлся стратиг. Еще в начале «Тактики» он писал о желании «создать идеальный образ стратига (τοῦ στρατηγού προτυπωθείσης εἰκόνας), перечислить и разъяснить его качества»¹⁸⁶. Далее Лев VI, действительно, охарактеризовал решительного и смелого, проницательного и спокойного военачальника. Другие качества – способность реалистично оценивать ситуацию, сохранять верность данным обещаниям, умение благотворно влиять на подчиненных – также были подробно освещены. Однако цельного образа «идеального полководца» автор «Тактики», по нашему мнению, так и не создал. Время от времени, к уже перечисленным качествам добавлялись новые, при этом одни рекомендации вступали в противоречие с другими. Это можно объяснить тем, что первоначально характеристика «идеального стратига» основывалась на

¹⁸³ Leonis VI *Tactica*. P. 604.986 – 606.992.

¹⁸⁴ Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 60.30. Ср.: Leonis VI *Tactica*. P. 612.1107: стратиг «должен уподобить себя врачу большого тела армии» (ὑπολαμβάνω σε ἰατρὸν οἰονεῖ μέγαλου σώματος τοῦ στρατεύματος). См. также: Чичуров И. С. Теория и практика византийской императорской пропаганды. С. 109, 114.

¹⁸⁵ Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio*. Vol. 1. P. 242.51 – 254.60.

¹⁸⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 14.46–48.

античной полемологической традиции. Однако реалии византийского времени внесли коррективы в первоначальные намерения царственного автора.

Французский византист Поль Лемерль заметил, что в Византии «император должен был вести войну, как Василий I, или писать о войне, как Лев VI»¹⁸⁷. Однако общие рассуждения о природе войны, характерные для военных теоретиков Раннего Нового времени, мало интересовали автора «Тактики». Он писал о тактических приемах, вооружении, военных лагерях, осаде и обороне городов, боевых действиях на море и пр. Его представления о войне и армии выражались в рекомендациях стратегу, причем значительная часть этих распоряжений основывалась на боевой практике IX в. Иными словами, восприятие войны Львом VI – это, прежде всего, восприятие деятельности византийских военачальников. Авторы более поздних военных трактатов также видели войну через призму практического руководства военными действиями.

В заключение, обратим внимание на еще один важный аспект данной проблемы. Красной нитью через весь текст «Тактики» и других военных трактатов X – начала XI в. проходит идея о том, что хороший полководец должен почитать Бога, осознавать свою миссию защитника христианской веры и христианского народа. Религиозный аспект восприятия войны является отдельной проблемой, интерес к которой в историографии в последние годы значительно возрос.

¹⁸⁷ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P. 292.

§ 1.3. «Господи, прими нас христианами»: религиозный фактор в повседневной жизни византийской армии X – середины XI в.

Христианское отношение к войне всегда было крайне негативным. Наряду с братоубийственной враждой, насилием, ненавистью, она воспринималась в христианской догматике как следствие грехопадения. Считалось также, что войны, порождаемые человеческими пороками, будут продолжаться на протяжении всей истории вплоть до Второго пришествия¹⁸⁴. Библейское определение войны, как неизбежного зла, получило более широкое толкование в трудах Отцов церкви. Так, архиепископ Константинополя Иоанн Златоуст писал: «три есть самых страшных вида войны. Один вид составляет обыкновенная война, когда на наших воинов нападают иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуем друг против друга; третий, когда каждый борется с самим собою. Последний вид войны опаснее всех, потому что первый вид, то есть война с иноплеменниками, никогда не может принести нам большого вреда. В самом деле, что она может сделать? Она может заколоть, убить, но душе нисколько не причинит вреда. Но и второй вид войны не может повредить нам, потому что, хотя бы другие и враждовали против нас, мы можем оставаться безучастными... Но третьего вида войны мы без труда не избегнем. Когда наше тело восстанет против души, и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно не положив конца этой брани, получить обетованные блага»¹⁸⁵. Очевидно, что на протяжении всей византийской истории война «тела против души» привлекала гораздо большее внимание церковных структур, чем «войны с иноплеменниками».

¹⁸⁴ О христианском отношении к войне подробнее см.: Макаров А. И., Суровцев А. И. Война // Православная энциклопедия. 2005. Т. 9. С. 214–220 и указанную здесь библиографию.

¹⁸⁵ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя. СПб., 1905. Т. 11. Кн. 2. С. 664–665.

Изучению христианского отношения к войне посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных теологов, философов, историков. По утверждению итальянского византиниста Антонио Кариле, даже поверхностный обзор современной литературы по данной тематике представляет собой отдельную историографическую проблему¹⁸⁶. В нашей работе такая задача не ставится, равно как и подробное рассмотрение вопроса об отношении православной церкви к военной службе¹⁸⁷.

В период правления Македонской династии солдаты и командиры императорской армии являлись полноправными членами христианской общины, занимая в ней весьма почетное место. Они воспринимались мирным населением как единственная сила, способная защитить их от вражеских вторжений¹⁸⁸. Известно также, что с VIII в. в византийских храмах возносились молитвы за успех оружия «богохранимого воинства»¹⁸⁹. Так, в «Евхологии Барберини» сохранился текст патриаршей молитвы, которая возносилась во время его встречи с императором: «За наших благочестивейших императоров, за всех придворных, и их воинство, Господу помолимся. Чтобы Господь Бог наш встал на их сторону и поборол всякого их врага и противника, Господу помолимся»¹⁹⁰. В Афинском литургическом кодексе VIII в. также со-

¹⁸⁶ Carile A. Political theology in Byzantium as seen by 20th century historians // *Conservation science in cultural heritage*. 2007. Vol. 7. P. 73.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Цыпин В., прот. Военная служба // *Православная энциклопедия*. 2005. Т. 9. С. 149–153 и указанную здесь библиографию.

¹⁸⁸ Подробнее см.: McCormick M. *Eternal victory: triumphal rulership in late antiquity, Byzantium, and the early medieval West*. Cambridge, 1987. P. 248–252.

¹⁸⁹ Cheynet J.-Cl. *Réflexions sur le «pacifisme byzantin»* // *Pour l'amour de Byzance: Hommage a Paolo Odorico* / éd. C. Gastgeber, A. Simon. Frankfurt am Main, 2013. P. 63: «Позиция церкви по отношению к армии изменилась, скорее, не из-за мусульман, а из-за Исавров».

¹⁹⁰ Евхологий Барберини гр. 336 / изд., предисл. и примеч. Е. Велковской, С. Паренти; пер. с итал. С. Голованова. Омск, 2011. С. 158, 150.11–12. Евхологий Барберини (*Vat. Barber. gr. 336*; конец VIII в.) – древнейшая из сохранившихся рукописей византийского Евхология (Εὐχολόγιον), собрания молитв и иных текстов для совершения богослужения.

хранился текст молитвы за защитников христианской веры: «Дай им, Господи, силы на день битвы, укрепи их тела и руки... Дай им, Господи, силы для усмирения варварских народов, которые желают войны. Даруй нам всем долгий и прочный мир»¹⁹¹.

Христианство играло важнейшую роль в повседневной жизни «богохранимого императорского войска» (τοῦ θεοφυλάκτου βασιλικῆς στρατοῦ)¹⁹². В первую очередь, это подтверждается основными положениями византийской военной доктрины, сформулированной в полемологических сочинениях эпохи Македонской династии. По мнению авторов стратегических руководств, для достижения победы необходимо было следовать тактическим установкам античной военной науки, применять на практике и преумножать боевой опыт византийских полководцев, а также тщательно наблюдать за противником, своевременно выявляя его сильные и слабые стороны. Впрочем, даже буквальное исполнение данных предписаний еще не гарантировало победу над врагом. В конечном итоге, она зависела от божественной воли. Как следствие, авторы византийских военных трактатов считали, что любые военные успехи зависели от благоволения высших сил, тогда как поражения воспринимались как проверка крепости веры¹⁹³. Данные установки отводили религии особое место в подготовке византийских войск к боевым действиям. Кроме того, торжественные литургии, повседневные службы и другие христианские обряды, проводившиеся во время военных походов, содействовали укреплению дисциплины и сплочению воинов, готовили их к самопожертво-

¹⁹¹ См.: Τρεμπέλας Π. Αἱ τρεῖς Λειτουργίαι κατὰ τοὺς ἐν Αθήναις κώδικας. Αθήναι, 1935. Σ. 185.21–186.2.

¹⁹² Добавление к названиям воинских подразделений, а также войска в целом эпитетов «богохранимый» и «императорский» (θεοφύλακτος, βασιλικός) фиксируется в источниках со второй половины VII в., т. е. после формирования первых фем. См.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 70–71.

¹⁹³ Подробнее см.: Καραπλῆ Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 47–49.

ванию ради христианской веры, «богохранимого народа и христоролюбивого императора» (τοῦ θεοφυλακτοῦ λαοῦ καὶ βασιλεοῦ τοῦ φιλοχριστοῦ)¹⁹⁴.

Несмотря на важность религиозного фактора для поддержания высокого морального духа солдат и командиров, в византийской армии IX–XI вв. не существовало религиозной службы как отдельного подразделения или военно-административной структуры. Не было также и постоянных должностей «военных священников», а упоминающийся в источниках термин οἱ ἱερεῖς τοῦ στρατοῦ («иереи войска», «иереи при войске») следует считать неофициальным¹⁹⁵. Можно предположить, что каждый раз для участия в военном походе священники назначались по согласованию между армейским командованием и высшими церковными иерархами. Зачастую это были монахи императорских монастырей, находившихся как в столице, так и в провинциях. В частности, в «Книге церемоний» говорится, что для военного похода под командованием императора было необходимо четверо священников (τῶν δ' παπάδων), которые проводили богослужения в походной часовне (ἐκκλησίαν βασιλικὴν μετὰ ἱερῶν)¹⁹⁶. Весной 961 г., по просьбе стратига-автократора магистра Никифора Фоки на Крит прибыли с Афона инок Афанасий (будущий основатель Великой Лавры) и старец Феодот. Считая своим

¹⁹⁴ О возникновении данной терминологии см.: Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 62–63, 65–67.

¹⁹⁵ См., например: Praecepta militaria. P. 56.17; 58.43. См. также: Dennis G. Religious Services in the Byzantine Army // *Ευλόγημα (Eulogēma): studies in honor of Robert Taft / a cura di E. Carr.* Roma, 1993. P. 108.

¹⁹⁶ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 106.183–184; 118.389.

долгом оказать византийскому войску «молитвенную поддержку», они остались на острове вплоть до его полного освобождения от арабов¹⁹⁷.

Традиция проведения христианских богослужений в армии восходит ко времени правления Константина Великого. В сочинении «Жизнь Константина» Евсевий Памфил (Εὐσέβιος τοῦ Παμφίλου) писал, что с 320/321 г. в императорском дворце по воскресеньям стали проводиться службы, в которых, среди прочих, принимали участие воины дворцовой стражи. Вскоре император распорядился, чтобы и других солдат, исповедовавших христианскую веру, по воскресеньям освобождали от службы. Отныне они могли «свободно пребывать в церквях, никто не препятствовал им совершать молитвы»¹⁹⁸. По словам ранневизантийского историка Сократа Схоластика (Σωκράτης ὁ Σχολαστικός), император Константин пожелал, чтобы во время военных походов также проводились христианские богослужения. Для этого он приказал изготовить палатку из разноцветной ткани. В начале персидской войны ее везли в войсковом обозе, чтобы в пустынных местах, как когда-то у Моисея, была возможность совершать молитвы¹⁹⁹.

Для периода IX–X вв. наиболее подробные сведения о христианском богослужении в византийской армии сохранила «Тактика Льва». По мнению Льва VI, «христианское воинство» во время войны постоянно должно обращаться к Богу молитвы, взывая к его помощи. Архонтам и стратиотам следует просить Бога не оставлять их в предстоящих битвах <...> Ведь лучник никогда не попадет в цель, если не сделает выстрела. Врагов одолеет тот, кто му-

¹⁹⁷ Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 398–408, Nr. 20670 (Ἀθανάσιος ὁ ἐν τῷ Ἄθῳ); Bd. 6. S. 454–455, Nr. 27878 (Θεόδοτος, εἰς τῶν παλαιῶν γερόντων).

¹⁹⁸ Eusebius Werke / hrsg. von I. A. Heikel. Leipzig, 1902. Bd. 1: Über das Leben Constantins S. 124, 18.5–23.

¹⁹⁹ Socrates Scholasticus. Ecclesiastica historia / ed. R. Hussey. Oxford, 1853. T. 1. P. 112, 1.18.12.

жественно сражается, а не тот, кто бежит. Никогда не достигнет успеха тот, кто вообще не приступал к делу. Поэтому вознося Богу молитвы о победе в войне, нам самим следует умело действовать оружием. Призывая Бога в союзники, необходимо сражаться достойно»²⁰⁰.

О порядке проведения богослужений во время похода Лев VI упоминал несколько раз. В частности, он писал: «Вечером по сигналу трубы следует прекратить все работы и после трапезы петь гимн Пресвятой Троице»²⁰¹. «Каждой тагме... необходимо ранним утром на восходе солнца, до начала всех дел, а также вечером после трапезы и команды разойтись пропеть Трисвятую песнь (τὸ τρισάγιον) и выполнить все остальное, что положено по обряду»²⁰². Из этих слов следует, что пение Трисвятого, по сути, завершало походный день византийского войска. После завершения службы начинала нести службу ночная стража, а передвижения внутри лагеря и, особенно, за его пределами прекращались. Лев VI специально акцентирует на этом внимание: «Следует приказать нескольким надежным людям проверять стражу и заставлять всех соблюдать тишину... Ведь тишина приносит много пользы. <...> Следует запретить пляски и другие шумные непристойные игрища, особенно вечером, ведь они не только утомляют без всякой пользы, но и могут привести к беспорядкам»²⁰³.

²⁰⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 562.378–385. В данном случае, Лев VI пересказывает фрагмент из «Киропедии» Ксенофонта, в котором юному персидскому правителю открылась древняя истина: «Бог помогает тем, кто помогает себе». См.: Xenophon *Cyropaedia*. P. 88–90, 1.6.5–6. Ср.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя. СПб., 1901. Т. 7. Кн. 2: Толкование св. Матфея Евангелиста, Беседа 55. С. 566: «Если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ними вместе. Итак, чтобы не случилось того же и с вами, говорит Он, вам беспрестанно должно быть готовыми на смерть. Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся; если и падешь на брани, в ту же минуту оживешь».

²⁰¹ Leonis VI *Tactica*. P. 202.106–107.

²⁰² Ibid. P. 268.639–642.

²⁰³ Ibid. P. 202.108–115.

По мнению Джорджа Денниса, в «Тактике Льва» речь идет о гимне «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас» (Ἅγιος ὁ Θεός, Ἅγιος ἰσχυρός, Ἅγιος ἀθάνατος, ἐλέησον ἡμᾶς)²⁰⁴. Однако известны и другие гимны, которые пелись во время походных богослужений IX–X вв.²⁰⁵

Особое внимание автор «Тактики» уделял организации религиозных церемоний накануне и в день сражения. Он считал, что «стратиоты должны идти в бой просветленными, уверенными в божественном благоволении», поэтому всему войску следовало усердно молиться, а также получить благословение священников²⁰⁶. Направляясь к месту сражения, по христианскому обычаю, стратиоты должны были многократно повторять клич «Крест побеждает!»²⁰⁷

По наблюдению Джона Хэлдона, фрагмент о подготовке армии к сражению был заимствован Львом VI из «Стратегикона» Маврикия. Однако автор «Тактики» проигнорировал достаточно большой отрывок из своего первоисточника, посвященный боевым кличам византийского войска²⁰⁸. В частности, в «Стратегиконе» Маврикия говорится, что до выступления из лагеря войско должно было многократно восклицать «Господи, помилуй!» (Κύριε ἐλέησον!). Покидая военный лагерь, каждое подразделение троекратно выкрикивало призыв «С нами Бог» (νοβισκοῦμ Δέουζ)²⁰⁹. Лев VI ограничился только указанием, что во время сражения клич «Крест побеждает» (τοῦ

²⁰⁴ См.: Dennis G. Religious Services in the Byzantine Army. P. 113.

²⁰⁵ Подробнее см.: Pertusi A. Una acolouthia militare inedita del X secolo // Aevum. 1948–1949. Vol. 22. Fasc. 2. P. 150–152.

²⁰⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 290.3–7. Подробнее см.: Καραπλή Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 238–244.

²⁰⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 248.396–397: νικητήριον τοῦ σταυροῦ.

²⁰⁸ См.: Haldon J. A critical commentary on the *Taktika* of Leo VI. P. 264–265.

²⁰⁹ Das *Strategikon* des Maurikios. S. 138, 18.13–15.

σταυροῦ νίκης) должен был повторяться постоянно. Воинам, находившимся в последних рядах боевого построения, следовало производить всевозможный шум, издавать громкие крики, воодушевляя сражающихся впереди и самих себя²¹⁰.

После успешного сражения стратигу предписывалось организовать отпевание и захоронение павших воинов, а также благодарственный молебен в ознаменование победы над врагом²¹¹. Если результатом битвы был полный разгром противника, завершивший военную кампанию, то торжества по случаю победы могли быть продолжены в Константинополе. В византийских исторических хрониках неоднократно упоминаются триумфы, организованные в столице империи после окончания победоносных походов императорской армии и военного флота²¹².

Сведения об организации религиозных служб во время похода содержатся также в военном трактате *Praecepta militaria*. Анонимный автор этого полемологического текста считал, что ответственным за их проведение является командующий армией (ἀρχηγὸν τοῦ λαοῦ), который отдает соответствующие письменные и устные распоряжения подчиненным ему командирам (στρατηγοῖς καὶ ἄρχουσιν). Сами же богослужения проводили «иереи при войске» (οἱ ἱερεῖς τοῦ στρατοῦ).

В *Praecepta militaria* дважды говорится о молитвах войска перед сражением. Сначала, в главе «Распоряжение о кавалерийских отрядах», автор пи-

²¹⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 264.593–596. Известны также другие варианты этого боевого призыва: ὁ σταυρὸς νικᾷ, σταυρὸς νενίκηκε. См.: Caseau B., Cheynet J.-Cl. *La communion du soldat et les rites religieux sur le champ de bataille // Pèlerinages et lieux saints dans l'Antiquité et le Moyen âge: mélanges offerts à Pierre Maraval / éd. par B. Caseau, J.-Cl. Cheynet, V. Déroche*. Paris, 2006. P. 102–104.

²¹¹ Leonis VI *Tactica*. P. 542.106–108. См. также: Riedel M. *Biblical echoes in two Byzantine military speeches // Byzantine and Modern Greek Studies*. 2016. Vol. 40. P. 208, 219.

²¹² О военных триумфах в период правления Македонской династии подробнее см.: McCormick M. *Eternal victory*. P. 152–184 и указанную здесь библиографию.

сал: «Когда приближаются враги, все войско народа и каждый по отдельности (τὸ πᾶν στράτευμα τοῦ λαοῦ τὴν ἀποσμάχητον), пусть произносит необоримую молитву, подобающую христианам: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь» (Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ἐλέησον ἡμᾶς, ἀμήν). Когда начнется атака против врагов, идя в спокойствии и правильным порядком... то пусть будет дан сигнал, а когда он прекратиться, то все опять должны повторить молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь. Прими нас христианами, удостой за веру и братьев наших постоять и побороться до смерти, укрепляя и усиливая души и сердца и все тело наше, мощный в войнах Бог, несравнимый в силе, и с заступничеством Богоматери и всех святых, аминь»²¹³.

Далее, в главе «О соглядатаях», автор вновь возвращается к этому вопросу: «Необходимо, чтобы предводитель народа заранее предписал стратигам, начальствующим, прочему войску, чтобы в лагере, в котором размещается все воинство, во время богослужения, в вечернее время иереи войска возносят после исполнения гимнов ревностные молитвы. Все войско, вслед за ними, восклицает «Господи помилуй» до сотни раз с рвением и со страхом господним и со слезами (καὶ ἀνακράζη τὸ πᾶν στράτευμα τοῦ λαοῦ τὸ «Κύριε, ἐλέησον» μέχρι τῶν ἑκατὸν μετὰ προσοχῆς καὶ φόβου Θεοῦ καὶ μετὰ δακρύων)²¹⁴. Не следует, если кто-то отважится на это, заниматься в

²¹³ Praecepta militaria. P. 44.106–120. Vid. P. 44.114–120: «Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ἐλέησον ἡμᾶς, ἀμήν» καὶ «χριστιανούς ἡμᾶς παράλαβε, ἀξίους ποιῶν ὑπὲρ τῆς πίστεως καὶ τῶν ἀδελφῶν ἡμῶν ἀναστῆναι καὶ ἀγωνισθῆναι μέχρι θανάτου, ῥωννύων καὶ ἐνισχύων τὰς ψυχὰς καὶ τὰς καρδίας καὶ τὸ ὅλον ἡμῶν σῶμα, ὁ κραταῖος ἐν πολέμοις Θεὸς καὶ ἐν ἰσχυῖ ἀνείκαστος, πρεσβεῖαις τῆς τεκούσης σε Θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἀγίων, ἀμήν».

²¹⁴ Литания «Господи, помилуй» является одной из самых древних молитв, состоящих из повторяющихся коротких фраз. См.: Мф. 20:31: «Народ же заставлял их молчать; но они

час молитвы какой-нибудь другой службой. Если же найдется делающий нечто, то пусть будет найден, будь он конным или пешим. Случись он конным, то пусть спешится и станет в том месте, где найден, к востоку, и воздаст свою молитву со страхом перед Богом. Если же окажется пешим, то пусть делает также. Любой, кто был замечен во время совершающейся пламенной молитвы за каким-либо делом, и не считающим это занятие второстепенным по сравнению с молитвой, то пусть воздаст молитву со страхом перед Богом, или же такового с битьем, с бритьем головы и с поношением достоинства, низведут на самую низшую ступень²¹⁵. Завершается отрывок фразой: «И это все о молитве»²¹⁶.

еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи (Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς), Сын Давидов!» Известно также, что покаянные слезные молитвы практиковались в монашеской среде. См.: Špidlík Th. *La spiritualité de l'Orient chrétien*. Roma, 1978. Vol. 1. P. 173, 193–194. По нашему мнению, сама возможность широкого распространения данной религиозной практики на военных вызывает обоснованные сомнения. Как правило, число религиозных фанатиков среди людей, которые постоянно, осознанно и профессионально рискуют своей жизнью, невелико.

²¹⁵ Praecepta militaria. P. 56.13–30. Ср.: Theophanes Continuatus. P. 277.12–16: в 887 г. император Василий I смягчил наказание участникам заговора доместика иканатов Иоанна Куркуаса. Самого зачинщика ослепили, а остальных «человеколюбиво вразумили бичеванием тела и лишением волос» (τὸ σῶμα πληγῶν καὶ τῆς ἀφαιρέσεως τῶν τριχῶν φιλανθρώπως ἐσωφρονίζοντο). О заговоре 887 г. подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 76–77, Nr. 22824 (Ἰωαννης ὁ Κουρκούας, δομέστικος τῶν ἰκανάτων).

²¹⁶ Praecepta militaria. P. 56.30 – 58.31: καὶ ταῦτα μὲν περὶ προσευχῆς. В данном отрывке речь идет, по сути, об обязательном или скорее принудительном участии воинов в богослужении. Ср.: Eusebius Werke. Bd. 1: Über das Leben Constantins. S. 124, 19.23–26: «Другим воинам, еще не принявшим божественного закона, предписал он особым распоряжением в воскресные дни собираться на открытых площадях в городском предместье и там по данному знаку и всем вместе возносить к Богу заученную предварительно молитву».

В заключительном параграфе трактата анонимный автор дает еще несколько советов по подготовке армии к сражению: «Если приближаются враги, то необходимо устроить совет о том, где и когда должно произойти сражению. После завершения совета должно, чтобы начальник войска собрал всех стратегов и архонтов, и весь народ, что под их руководством. Он должен приказать, чтобы они очистились и постились перед битвой три дня, упражняя сухоядение²¹⁷, питаясь один раз вечером. Соперничество друг с другом и распри каждый пусть отбросит из своей души, а в остальных прегрешениях каждый пусть дополнительно покается перед Богом, чтобы не погрязнуть в злодеяниях, а жить в богоугодной жизни и в раскаянии. Если эти дела благополучно свершатся, то за день до битвы необходимо, чтобы иереи совершили бескровные жертвоприношения, и все войско удостоилось участия, совершенного в обычной последовательности, в божественных и чистых таинствах, а затем неустрашимо и мужественно, через веру в Бога, пусть отправляются они отважно на врага»²¹⁸.

Русский византист Ю. А. Кулаковский, первый издатель военного трактата *Praecepta militaria*, писал: «В соответствии с христианским настроем автора и армии, изложение заканчивается наставлением о строгом соблюдении религиозных обычаев, которые, очевидно, давно уже установились в христоролюбивом воинстве, защищавшем христианский мир от фанатизированного врага на восточной границе»²¹⁹. Отметим, что Ю. А. Кулаковский писал эти слова больше ста лет назад. В последующее время в историографии сформировалось мнение, что рекомендации *Praecepta militaria* о религиозных

²¹⁷ Сухоядение (ξηροφαγία) – одна из строгих степеней поста, когда «не вкушают ни крошки хлеба, ни масла, ни плодов древесных, но только воду и немного мучной похлебки». См.: Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича. М., 2008. С. 245.

²¹⁸ *Praecepta militaria*. P. 58.31–48.

²¹⁹ Стратегика императора Никифора. С. 40–41.

обрядов в военной практике никогда не применялись²²⁰. Так, второй из приведенных выше фрагментов является вставкой, не связанной с предыдущим текстом, в котором речь идет о поиске вражеских разведчиков. Затем в рукописи следует лакуна, и на третьем отрывке (о религиозных обрядах перед сражением) повествование заканчивается²²¹. Таким образом, проблему достоверности сведений трактата *Praecepta militaria* о религиозных службах во время похода следует считать дискуссионной. К сожалению, также не решенным остается и вопрос об авторстве этого военного наставления²²².

Несмотря на указанные проблемы, трактат *Praecepta militaria*, помимо разнообразных сведений по тактике, сообщает важные сведения о религиозном аспекте войны. По мнению его автора, превращение боевых действий против арабов в ярко выраженный межконфессиональный конфликт могло, наряду с постоянными тренировками и соблюдением строгой дисциплины, способствовать повышению боеспособности вооруженных сил Византии. Впрочем, как показали дальнейшие события, армейская верхушка не разделяла подобных настроений. Военная традиция, представленная в трактате *De velitatione bellica*, оказалась для провинциальной аристократии восточных провинций гораздо понятнее и выгоднее, чем навязанный административными методами религиозный фанатизм Никифора II Фоки.

Помимо описания религиозных обрядов, которые проводились в военное время, в полемологических сочинениях большое внимание уделяется поддержанию высокого боевого духа императорской армии. В период «фемного строя», когда большая часть стратиотов происходила из патриархальной сельской среды, наиболее эффективным средством убеждения являлась незамысловатая религиозная риторика. Именно по этой причине простые и по-

²²⁰ См.: Vieillefond J.-R. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires // *Revue des études anciennes*. 1935. Т. 37. No. 3. P. 326–327.

²²¹ *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. 2009. Prolegomena. S. 106.

²²² См.: Кучма В. В. Два трактата – один автор? // *Византийский временник*. 2000. Т. 59 (84). С. 143–144.

нятные призывы, адресованные рядовым воинам и младшим архонтам, неоднократно повторяются в «Тактике Льва». В частности, описывая трудности воинской службы, Лев VI писал: «Все, кто сражается за Христа Господа нашего, за своих родных, друзей, отечество и весь христианский народ (ἐθίζεσθε πάντες ὁμοῦ οἱ διὰ Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν καὶ ὑπὲρ συγγενῶν καὶ φίλῶν καὶ πατρίδος καὶ τοῦ ὅλου τῶν Χριστιανῶν ἔθνους), должны быть обучены выдерживать и жажду, и нехватку пищи, и холод, и жару. Ведь им часто приходится иметь дело с этими и другими невзгодами, мужественно их преодолевая»²²³. Обращения к стратиотам, как правило, проникнуты уверенностью в победе над противником: «Если наше воинство, хорошо организованное и вооруженное, с Божьей помощью, смело и бодро выступит против врага, сражаясь за спасение собственной души, за самого Господа, за своих родных и за наших братьев-христиан, то при всей переменчивости войны мы все-таки окажемся победителями»²²⁴.

В «Тактике Льва» обязанность проводить с воинами беседы на религиозные и нравственные темы возлагалась на стратига и подчиненных ему старших архонтов²²⁵. Лев VI писал, что обращение к войску с мудрыми речами (δημηγορῶν φρονήσεως) – это важнейшее дело для стратига, т. к. обращение с помощью слова (τῆς διὰ λόγων ὁμιλίας) зачастую вызывает большее мужество, чем изнурительные тренировки в полном вооружении. Главное, в чем стратигу необходимо убедить воинов, что сражаться им предстоит с врагами, которые тоже состоят из плоти и крови, которые также испытывают страдания, как и все остальные люди²²⁶.

Утверждение о том, что солдаты противника не обладают какими-либо выдающимися боевыми качествами, и, следовательно, не нужно испытывать

²²³ Leonis VI *Tactica*. P. 444.107–111.

²²⁴ *Ibid.* P. 484.620–625.

²²⁵ См.: Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 354–356.

²²⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 616.1142–1146.

перед ними страха, является древним военным риторическим приемом. По словам Полиэна, афинский военачальник IV в. до н. э. Хабрий (Χαβρίας) воодушевлял свое войско такими словами: «Когда мы намереваемся вступить в бой, мы должны считать, что столкнемся не с врагами, наделенными нечеловеческими свойствами, а с людьми, что имеют кровь и плоть и обладают такой же сущностью, что и мы»²²⁷. В византийских военных трактатах, помимо «Тактики Льва», о похожей по содержанию речи упоминается в *De velitatione bellica*. Анонимный автор этого произведения писал: «Для того чтобы похвалить усердие, укрепить решительность, отвагу и мужество своих воинов, ты должен, подобно лучшим стратигам (οἱ ἀστρατηγὸς ἄριστος), обратиться к ним со сладостными увещеваниями (μελισταγεῖ παραίνεσει): «Римские мужи! Выступим непоколебимо, мужественно и благородно! Покажем врагам нашу силу и мощь! Покажем им, что они посмели напасть на тех, кто привык побеждать, а не быть побежденными. Враги сотворены не из камня или бронзы, поэтому их можно ранить. Их тела не из железа, поэтому они ослабеют, устанут, и не останутся невредимыми»²²⁸.

Еще одним приемом пропагандистской риторики, характерным для византийских военных трактатов, являлось сочетание возвышенных религиозных и будничных житейских мотивов. Так, Лев VI рекомендовал: «Если это необходимо, стратегию следует вдохновлять воинов речами о божественном благоволении, а также обещаниями наград, которыми они получают от нашего императорского величества»²²⁹. В других источниках X–XI вв. этот мотив повторяется неоднократно. В частности, в «Книгу церемоний» включен рассказ

²²⁷ Polyani Strategematon libri octo. P. 147, 3.11.1. О Хабрии см.: Kirchner J. Chabrias // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 3 NBd. 2. Sp. 2017–2021.

²²⁸ De velitatione bellica. P. 125.20 – 127.29.

²²⁹ Leonis VI Tactica. P. 346.703–705.

о встрече императора Василия I с армией перед началом сирийской кампании 878/879 г.

Известно, что во второй половине IX в. местом сбора фемных ополчений, собиравшихся для похода против арабов или павликиан, являлись крепости Дазимон в феме Армениак или Кесария в феме Харсианон²³⁰. В *De ceremoniis* говорится, что должностные лица военной и гражданской администрации фем встретили императора недалеко от укрепленного лагеря (τὸ ἄπληκτον φουσσάτον), где находились войска. Василий I поприветствовал их, а затем спросил: «Как вы, дети мои? Как поживают ваши жены, мои снохи, как ваши дети?» Архонты ответили, что их семьи живут хорошо, и готовы быть верными слугами императора. После слов василевса «Слава Богу, хранящему нас в здравии», все отправились располжжение войска²³¹. В лагере император обратился к стратиотам с теми же вопросами, что ранее задавал архонтам²³². Затем он призвал «воинов Христа и своих детей» (τοῦ Χριστοῦ στρατιῶται καὶ παιδί' ἐμ) сражаться храбро и с благородством духа. Он уверял, что их доблесть и преданность истинному Богу будет достойно возна-

²³⁰ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 80.4–5; 124.461–462: εἶτε ἐν τῷ θέματι τῶν Ἀρμενιάκων εἰς τὸν Δαζιμῶνα, εἶτε ἐν τῷ θέματι τοῦ Χαρσιανοῦ εἰς Καισάρειαν. Подробнее см.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 128, 141–142.

²³¹ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 122.452–456: ὁ βασιλεὺς ὀλίγον τῆς ὁδοῦ, λέγων πρὸς αὐτούς «καλῶς εὗρομεν». εἶτα ἐρωτᾷ αὐτούς «πῶς ἔχετε, παιδία μου; πῶς ἔχουσιν αἱ γυναῖκες ὑμῶν, αἱ νύμφαι μου, καὶ τὰ παιδία» κακεῖνοι λέγουσιν, ὅτι «ἐν τῇ ζωῇ τῆς βασιλείας σου καὶ ἡμεῖς οἱ δοῦλοί σου ὑγιαίνομεν». καὶ πάλιν ὁ βασιλεὺς ἀποκρίνεται «χάρις τῷ ἀγίῳ Θεῷ τῷ ἐν ὑγείᾳ διατηροῦντι ἡμᾶς».

²³² В этом, дважды повторенном автором «Книги церемоний» диалоге, нашло отражение положение византийской политической теории, согласно которой император являлся «отцом народа» или, в данном случае, «отцом войска». Подробнее см.: Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата. С. 3–5.

граждена императором. За мужество и защиту христианской веры он посулил стратиотам замечательные награды и многочисленные привилегии²³³.

Речи военачальников, произнесенные перед армией накануне сражения или военного похода, неоднократно упоминаются в византийских исторических сочинениях X–XI вв. Отметим также, что демегории (δημηγορία) уже становились предметом специального изучения²³⁴. Исследователи отмечают, что зачастую поздние авторы заимствовали тексты речей из более ранних литературных и риторических произведений. Например, таково обращение к войскам магистра Льва Фоки перед сражением с эмиром Халеба Сейф ад-Даулой в 961 г. Эту речь Лев Диакон составил из фрагментов обращений к войску Велизария, которые содержатся в сочинениях Прокопия Кесарийского «Война с персами» и «Война с вандалами»²³⁵. Этот же автор включил в «Историю» речь Никифора Фоки во время критской экспедиции 960 г. М. Я. Сюзюмов писал об этом: «Подражая античным авторам, Лев придумал речь, которую Никифор мог бы произнести перед войском»²³⁶.

²³³ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 122.466–473.

²³⁴ В частности, Жильбером Дагроном была определена основная тематика речей византийских полководцев IX–XI вв. См.: Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. P. 227–229. См. также: Καρχαπλή Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 157–162 и указанную здесь библиографию. Ср: Зверев С. Э. Военная риторика Средневековья. СПб., 2011. С. 48–65.

²³⁵ См.: History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century / introd., transl., and annot. by A.-M. Talbot, D. F. Sullivan. Washington, D.C., 2005. P. 73–74 and n. 21–24.

²³⁶ См.: Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 170, примеч. 52. О достоверности речей военачальников см. также: Stouraitis I. 'Just War' and 'Holy War' in the Middle Ages: rethinking theory through the Byzantine case-study // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2012. Bd. 62. P. 238–239, 243–245.

Помимо стратига и старших архонтов поднимать боевой дух рядовых солдат были призваны кантаторы (καντάτορες). Лев VI предписывал, чтобы в каждое подразделение был назначен хотя бы один «красноречивый стратигот», способный вдохновлять своих соратников речами. Он справедливо полагал, что простые воины более охотно будут прислушиваться к словам тех, с кем они несут совместную службу²³⁷. Обращаясь к сослуживцам, кантаторы должны были напоминать, что самое главное – это служение Господу. «Ведь проявляя любовь к Богу, каждый проявляет любовь к братьям по вере, к женам и детям, к отечеству... Также им следует говорить, что наше войско располагает благоволением Бога. Поэтому оно обладает преимуществом перед врагами, которые действуют против божественной воли»²³⁸.

Таким образом, религиозная риторика играла значительную роль в поддержании высокого боевого духа среди рядовых стратиготов и младших командиров фемных ополчений. Однако для высшего командного состава требовались совершенно иные подходы. Речь идет о сочетании более утонченной, рассчитанной на образованных людей, христианской риторики с административными методами убеждения²³⁹.

В этой связи, следует обратить внимание на одно из первых распоряжений «Тактики Льва», посвященное личным качествам военачальника. Император писал, что первое наставление, которое он желает дать стратигу, касается благочестия. «Стратиг должен постоянно видеть перед глазами Бога, бо-

²³⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 270.665–668. См. также: *Ibid.* P. 250.419–420: «вовремя сказанное слово способно распалить дух человека сильнее, чем изобилие материальных благ (πολλὰ γὰρ ἰσχύει τοιοῦτος λόγος εὐκαίρως γινόμενος διεγείραι ψυχὰς μᾶλλον ἢ χρημάτων πλῆθος).

²³⁸ *Ibid.* P. 248.409 – 250.418. Кантаторам посвящено специальное исследование Катерины Карапли. См.: Карапли К. Οἱ «καντάτορες» // Ἐῶνα καὶ Ἐσπέρια. Αθήνα, 1994–1996. Т. 2. Σ. 229–252.

²³⁹ Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 354–361.

яться и любить его всем своим сердцем и всей своей душой²⁴⁰. Кроме этого, стратег, надеясь обрести благоволение, обязан исполнять божественные заповеди. Тогда, оказавшись в опасности, он может уверенно возносить молитву нашему Господу, прося его о спасении. Ведь прав был тот, кто сказал: «Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их»²⁴¹. Обратим внимание, что данный отрывок имеет определенные параллели с «Эклогой», законодательством иконоборческой династии Исавров: «Те, кто воюет с врагами, должны отбросить все дурные речи и дела. Свои мысли и молитвы следует направлять к одному только Богу, но войну вести продуманно. Ведь божественная помощь дается тому, кто обращает к ней за советом свое сердце²⁴². Победу на войне дает не мощь многочисленного войска, а сила, исходящая от Бога»²⁴³.

По наблюдению Джона Хэлдона, в заключительной части «Тактики Льва» становится значительно больше наставлений религиозного характера²⁴⁴. В частности, первые 17 параграфов эпилога представляют собой пропо-

²⁴⁰ Leonis VI Tactica. P. 30.151–152: οἷον ὀρᾶν διηλεκῶς πρὸ ὀφθαλμῶν τὸν Θεὸν καὶ φοβεῖσθαι αὐτὸν καὶ ἀγαπᾶν ἐξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ ἐξ ὅλης τῆς ψυχῆς σου. Ср.: Мф. 22:37: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь».

²⁴¹ Leonis VI Tactica. P. 30.149–158. Ср.: Псал. 144:19.

²⁴² Мф. 5:8: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

²⁴³ Jus Graecoromanum. Vol. 2. P. 61, 18.1–7: τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθροὺς ἐπὶ πολέμῳ φυλάξαι δεῖ ἑαυτοὺς ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος καὶ πρὸς μόνον τὸν Θεὸν τὸν νοῦν αὐτῶν ἔχειν καὶ τὴν δέησιν καὶ μετὰ συμβουλίας ποιῆσαι τὸν πόλεμον· βοήθεια γὰρ ἐκ Θεοῦ δίδεται μετὰ καρδίας βουλευτικῆς οὐκ ἐν πλήθει γὰρ δυνάμεως νίκη πολέμου, ἀλλ' ἐκ Θεοῦ ἡ ἰσχύς.

²⁴⁴ Haldon J. A critical commentary on the Taktika of Leo VI. P. 443: «Эпилог состоит из 73 параграфов, обобщающих повеления... изложенные в двадцати конституциях и прологе трактата. Начинается он с 17 параграфов, содержащих наставления командиру об особых отношениях между Богом и человеком... Лев подкрепляет свои увещания цита-

ведь, адресованную стратигу²⁴⁵. По нашему мнению, в этой части «Тактики» есть, по меньшей мере, два положения, требующих специально пояснения.

Во-первых, речь идет о словах Льва VI: «Бог сам наставляет царей, ибо сказано: «Мною цари царствуют»²⁴⁶, он и стратига направляет (καὶ στρατηγὸς δι' αὐτοῦ προχειρίζεται), ведь Бог есть источник законной власти»²⁴⁷. Следует отметить, что определение власти стратига как происходящей от Бога, не соответствовало византийской административной практике. Назначение правителей фем, их военных и гражданских заместителей, а также провинциальных судей являлось прерогативой императорской власти²⁴⁸. Более того, оно полностью противоречило наставлениям, полученным Львом VI от своего отца Василия I²⁴⁹. По всей видимости, утверждение о божественном происхождении власти стратига следует расценивать как политическую декларацию, которую император не собирался выполнять. Однако, учитывая сложное внешнеполитическое положение и значительное ухудшение внутривластной ситуации в конце IX – начале X в., Лев VI был заинтересован в поддержке архонтов восточных фем. На македонскую военную элиту он рассчитывать не мог, так как она почти полностью погибла в сражении с болгарами при Булгарофигоне в 896 г.

тами из Ветхого и Нового Заветов, ссылаясь на них в общей сложности 22 раза (для сравнения, в конституции 20 сделано 28 ссылок, а в конституции 19 сделано 18 ссылок)».

²⁴⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 620.2 – 624.78.

²⁴⁶ Притч. 8:15: «Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду».

²⁴⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 622.32–34. Ср.: Ibid. P. 538.26–29: Твои действия, стратиг, и твое усердие в делах обладать для стратиотов силой закона. Каждый твой подчиненный должен следовать отданным ему распоряжениям, исполняя их так, как если бы они были получены от Бога.

²⁴⁸ См.: Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. С. 86–87.

²⁴⁹ Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 64, 39.1: «на земле нет никого выше тебя, никто не смеет заставить тебя делать что-либо»; S. 64, 41.25: «у императорской власти не может быть никакого господина».

Шаги императорской власти, направленные на привлечение в армию представителей влиятельных малоазийских кланов, принесли свои плоды. В частности, на службу вернулся патрикий Константин Дука. В отличие от своего отца Андроника, который после неудачного восстания бежал к арабам и умер в Багдаде, Константин сумел возвратиться в Византию. Он был хорошо принят при дворе, но император взял с него обещание больше не предпринимать попыток захватить престол. После этих событий военная карьера Константина Дуки возобновилась: в 909 г. он был назначен стратигом Харсианоны, а в 912/913 г. – доместиком схол²⁵⁰. Не исключено, что намек на примирение с Дуками содержится и в «Тактике Льва»: «Конечная цель высокочтимого стратига состоит в том, чтобы наслаждаться благоволением Бога и императора. Если же он вместо этого пренебрегает порученными обязанностями, то это приводит к противоположному результату»²⁵¹.

Второй вопрос, требующий пояснения, касается отношений Льва VI с церковью. Дело в том, что в эпилоге «Тактики Льва» среди распоряжений правителю фемы помещены указания по сугубо гражданским делам. В частности, Лев VI писал, что стратигу, ревностно служащему Богу, следует почитать его иереев и архиереев. Он должен знать, что святые храмы являются неприкосновенными, а те, кто ищет в них убежище, могут быть схвачены только по распоряжению императора. Стратигу также предписывалось почитать святые монастыри и целомудренных монахов, оберегать их от вреда и насилия. Он сам и находящимся в его подчинении военные и гражданские чины не имели права посягать на церковное имущество²⁵². Далее автор «Так-

²⁵⁰ См.: Tougher Sh. The reign of Leo VI. P. 210.

²⁵¹ Leonis VI *Tactica*. P. 14.44–46: Τέλος τῷ στρατηγῷ τῷ εὐδοκμήσαντι διὰ πάντων τῆς τε θείας καὶ βασιλικῆς ἀπολαύειν εὐνοίας ἢ κατολιγώρησαντι τῶν πρεπόντων καὶ ἀρμοζόντων πραγμάτων τεύξεσθαι τοῦ ἐναντίου.

²⁵² Ibid. P. 622.46: «протягивать грешную тираническую руку (βεβήλων ἢ τυραννικῶν χεῖρας)».

тики» требовал выказывать священнослужителям всяческое почтение, не допускать дерзости по отношению к ним. Ведь они, «отцы и пастыри человеческих душ», усердно молят Бога за весь христианский народ, как главенствующих, так и подчиненных²⁵³. Подводя итог, Лев VI напоминает стратигу: «Получив от Бога высшее военное руководство, стратиг не должен совершать беззакония, но обязан пресекать его... Несправедливость никогда не получит поддержки высших сил, ведь Бог, судья праведный, всегда противостоит беззаконию и несправедливости»²⁵⁴.

Казалось бы, данный фрагмент совершенно неуместен в полемологическом трактате. Тем не менее, здесь нашли отражение противоречия, которые существовали между Львом VI и высшими церковными иерархами. Прежде всего, это спор из-за права на убежище в храмах для лиц, совершивших тяжкие преступления²⁵⁵. Он завершился уже после смерти Льва VI подтверждением принципа верховенства государственного права над каноническим²⁵⁶. Другая проблема, осложнявшая отношения между императорской властью и церковью, была связана с участвовавшими посягательствами фемных должностных лиц на имущество монастырей. Императоры Македонской династии неоднократно предпринимали попытки навести порядок в данном вопросе. Однако издание новых новелл, направленных против произвола провинци-

²⁵³ Leonis VI *Tactica*. P. 622.37 – 624.60. Отметим, что многие из этих положений были заимствованы Львом VI из «Поучительных глав» Василия I. См.: Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 51.3, 53.10, 59.27.

²⁵⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 624.72–78. См. также: Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. С. 86–87.

²⁵⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 560.338–343: «Будет правильно в любое время относиться с почтением и уважением к священным Божьим храмам, особенно к тем людям, которые укрываются в них, полагаясь на их неприкосновенность. Поэтому оберегай их, стратиг, и ни ты сам, ни кто-то другой из твоих людей не должен вырывать из святого храма того, кто с мольбой ищет там спасение, полагаясь на справедливость. Тех, кто осмеливается на это, покарай как нечестивцев, чтобы они не презирали то, что свято».

²⁵⁶ См.: Karlin-Hayter P. *Aréthas et le droit d'asile // Byzantion*. 1964. Т. 34. P. 613–618.

альных чиновников и архонтов по отношению к монастырям, не привело к улучшению ситуации²⁵⁷.

По всей видимости, данные теоретические вопросы были настолько актуальны, что Лев VI решил написать о них даже в практическом руководстве по тактике. Однако о главной проблеме, длительное время омрачавшей отношения императора и большинства высших церковных иерархов, автор «Тактики» не упомянул. Речь идет о конфликте, возникшем из-за четвертого брака Льва VI с Зоей Карбонопсиной, которая весной 905 г. родила ему долгожданного сына Константина²⁵⁸. Для императора являлось принципиально важным, чтобы права наследника престола были признаны официально. Отказавшегося это сделать патриарха Николая Мистика сместили, а сменивший его на патриаршем троне Евфимий подчинился воле императора. Однако он потребовал, чтобы светское законодательство было приведено в соответствие с каноническим правом, и также запрещало отныне заключение четвертого брака²⁵⁹. После выполнения Львом VI данного требования исчезли препятствия, мешавшие провозгласить Константина соправителем, и в мае 908 г. «венчал император Лев сына своего Константина руками патриарха Евфимия»²⁶⁰. По мнению Шона Тафера, это событие стало «венцом успеха» правления

²⁵⁷ Morris R. *Monks and laymen in Byzantium, 843–1118*. Cambridge, 1995. P. 147–148.

²⁵⁸ См.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 6. S. 756–761, Nr. 28506 (Ζωή Καρβωνοψίνα, βασίλισσα).

²⁵⁹ *Jus Graecoromanum*. Vol. 2. P. 127–128, 48.25–27. См. также: Oikonomides N. *Leo VI's legislation of 907 forbidding fourth marriages: an interpolation in the Procheiros Nomos (IV, 25–27)* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. No. 30. P. 192–193.

²⁶⁰ *Theophanes Continuatus*. P. 375.9–10: τῆ δὲ τῆς πεντηκοστῆς ἡμέρᾳ στέφει ὁ Λέων ὁ βασιλεὺς τὸν υἱὸν αὐτοῦ Κωνσταντῖνον διὰ Εὐθυμίου πατριάρχου. О патриархе Евфимии см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 2. S. 323–331, Nr. 21913 (Εὐθύμιος, πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως).

Льва VI, несмотря на явное нарушение императором канонического и гражданского права²⁶¹.

Следует отметить, что завершение работы Льва VI над «Тактикой» по времени совпало с описанными выше событиями. Можно предположить, что они оказали влияние на содержание и структуру этого военного трактата, значительно увеличив количество сюжетов религиозного содержания.

Для византийских военных трактатов X – начала XI в. характерно обилие религиозной терминологии. В связи с этим, в историографии длительное время ведется дискуссия о том, является ли эта особенность данной группы источников показателем чрезмерного благочестия авторов полемологических сочинений или же отражает крайне высокую степень религиозности самой византийской армии. Нам хотелось бы обратить внимание на заочную полемику между признанным российским специалистом по истории византийского военного искусства В. В. Кучмой и французским филологом Жаном-Рене Вьейефоном. По нашему мнению, в ней нашли отражение основные аспекты указанной проблемы.

В статье, посвященной трактату *De castrametatione*, Жан-Рене Вьейефон писал: «Все религиозные практики военных терпеливо фиксировались. Так, в серии трактатов, которая доходит от середины XI в., можно проследить определенную эволюцию в религиозном духе войск. Однако если в «Стратегиконе», который датируется концом VI в., религия в вооруженных силах только появляется, и пока, без преувеличения, в культе еще нет ничего деспотичного. В трактатах X или XI в., напротив, различные религиозные обряды занимают настолько важное место, что эти военные наставления зачастую напоминают устав какого-нибудь монашеского ордена»²⁶². В. В. Кучма не со-

²⁶¹ Tougher Sh. The reign of Leo VI. P. 163: «Льву VI принадлежит сомнительная честь быть первым и последним человеком в истории Византии, который получил разрешение жениться в четвертый раз».

²⁶² Vieillefond J.-R. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires. P. 324.

гласился с этими доводами и констатировал: «Основная идея авторской концепции (в трактате *De velitatione bellica* – К. К.) формулируется с полной определенностью: победа над врагом есть результат взаимодействия двух составляющих – военного мастерства и Божественного благоволения. Для формулирования второго из указанных компонентов автор располагает целым набором фразеологических оборотов. Выражения типа «с помощью Божией», «по благодати Иисуса Христа, Господа нашего», «благодатию Иисуса Христа, силою и заступничеством Пречистой Матери его» и т. п. встречаются в трактате десятки раз. Чувствуется, что эти языковые единицы уже превращаются в словесные клише, приобретают характер устоявшихся формул, даже несколько стираются от многократного автоматического употребления»²⁶³. Далее В. В. Кучма отмечал: «Мнение о слабой выраженности религиозного акцента в трактате «*De castrametatione*» уже было высказано Ж.-Р. Вьейефоном, автором единственного специального исследования по анализируемой проблеме... Солидаризируясь с этим бесспорным тезисом, мы вместе с тем категорически возражаем против утверждения, что и трактат «*De velitatione bellica*» тождественен по этому показателю трактату «*De castrametatione*». Как мы старались показать ранее, религиозная тональность двух названных трактатов радикально различна, если не противоположна, и причина этого – в различной конфессиональной принадлежности военных соперников, с которыми имели дело наши авторы: болгары-единоверцы в «*De castrametatione*» и воины ислама в «*De velitatione bellica*»²⁶⁴. Тезис французского исследователя, который в данном случае оспаривал В. В. Кучма, был сформулирован следующим образом: «Однако должны быть сделаны некоторые исключения. В предисловии к трактату *De velitatione* о религии говорится мало, за исключением нескольких рутинных формул, в которых автор приписывает победы над сарацинами божественной помощи. То же самое можно сказать о другом

²⁶³ Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины. С. 56–57.

²⁶⁴ Там же. С. 64, примеч. 70.

трактате под названием *De castrametatione*, также созданном во времена Никифора Фоки. Мы насчитали в нем упоминание Христа в двух местах, и еще такие фразы, как τῆ τοῦ Χριστοῦ χάριτι («милостью Христовой». – К. К.). Это означает, что данные произведения были, если можно так выразиться, более профанными, их можно характеризовать как строго технические руководства, включающие только описания определенных маневров, а не жизнь армии»²⁶⁵.

В завершении своего исследования о трактате *De castrametatione* Жан-Рене Вьейефон писал: «Таким образом, вопреки необычайной набожности византийских военных, которая превращала солдат в монахов, сама война по всем правилам была жестокой, как в теории, представленной в наставлениях военных властей, так и в условиях боевых действий»²⁶⁶. В. В. Кучма, подводя итог дискуссии, отметил: «Подчеркивая исключительно важную роль религиозного фактора в жизни армии, следует вместе с тем избегать и его гипертрофированной абсолютизации... При любых условиях армия оставалась армией, т. е. контингентом вооруженных людей, предназначенных решать возлагаемые на них задачи, и религиозная обрядность не могла заслонить или подменить специфически военного содержания данного рода профессиональной деятельности»²⁶⁷.

По нашему мнению, с большей частью доводов как российского, так и французского исследователей необходимо согласиться²⁶⁸. Действительно, во-

²⁶⁵ Vieillefond J.-R. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires. P. 324, n. 3.

²⁶⁶ Ibid. P. 330.

²⁶⁷ Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины. С. 64–65, примеч. 71.

²⁶⁸ Ср.: Зверев С. Э. Военная риторика Средневековья. С. 25: «Заботой о соблюдении нравственного закона *проникнуты все содержание* (курсив. – К. К.) основополагающих византийских трактатов по военному искусству: «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, «Стратегики» императора Никифора II Фоки и «Тактики» императора Льва VI Философа. Монастырская проповедь спасительности для души христианского смирения нашла свое

енный трактат *De castrametatione* отличается от других полемологических сочинений второй половины X – начала XI в. Прежде всего, это самое позднее по времени создания практическое военное руководство. Анонимный автор не отвлекался на общие рассуждения, а давал четкие инструкции по различным тактическим вопросам. Религиозная риторика в тексте полностью отсутствует. Сравнение данного трактата с *De velitatione bellica* не имеет особого смысла, так как в этих произведениях рассматривается тактика действий двух совершенно разных армий, отличающихся по структуре, численности и даже способу комплектования. Византийское войско в *De velitatione bellica* – это небольшие иррегулярные фемные контингенты, которые ведут маневренную, очень скоротечную, борьбу с аналогичными по численности арабскими силами. Военными контингентами, о которых говорится в трактате *De castrametatione*, командовал лично император. Это – регулярная профессиональная армия, нацеленная на крупный завоевательный поход. По сути, в этом трактате речь идет об армии Василия II времен сирийского похода 999 г., закавказской кампании 1000/1001 г. или завершающего этапа войны против Болгарии²⁶⁹.

Возвращаясь к проблеме религиозной терминологии, отметим, что ею насыщены не только военные трактаты. В IX–XI вв. она присутствует также в

отражение в армии как ожидание победы прежде от помощи Божьей и только после нее от приложения собственных сил, превосходства воинского искусства, оружия и укреплений. Отсюда берет начало тщательная регламентация богослужебного окормления воинской деятельности, которая, наряду с сугубо военными вопросами организации боя и всестороннего обеспечения боевых действий, находит широкое освещение в трудах византийских военных теоретиков».

²⁶⁹ Подробнее см.: Мохов А. С. К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: domestik и пургии // ПОЛЕМОЛОГОС: сб. статей памяти проф. В. В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 297–298.

императорских новеллах и хрисовулах, в сборниках законов «Прохирон» и «Эпанагога», даже в «Книге Эпарха»²⁷⁰.

Соответственно, обилие религиозной терминологии в военных трактатах, как и в официальных документах эпохи Македонской династии, не является доказательством высокой степени религиозности рядовых солдат и командиров императорской армии, должностных лиц военной и гражданской администрации фем и пр. Следует согласиться с немецким византинистом Карлом Крумбахом, который из-за бессодержательной риторики, лишенной всякого колорита, применимой ко всем временам и народам, охарактеризовал «Наставительные главы императора Василия I сыну Льву» как «подлинно византийские»²⁷¹.

Вне всякого сомнения, военные трактаты были посвящены не внутренней политике, а содержали рекомендации по решению внешнеполитических проблем с помощью вооруженной силы. В историографии, посвященной истории Византии VII–X вв., наиболее серьезным противником империи традиционно признаются арабы. Отметим также, что среди исследователей нет расхождения во мнении относительно военно-экономического потенциала двух государств: единый, не разрываваемый внутренними противоречиями, Халифат был сильнее Византии. Он всегда располагал большей по численности армией, а также превосходил империю по демографическим, экономическим

²⁷⁰ См.: Византийская Книга Эпарха / вступит. статья, пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 45: ««Бог, создавший распорядок всему сущему на свете и сплотивший все благоустройством, начертавший перстом своим на скрижалях закон, провозгласил совершенно ясно, чтобы род человеческий, им благоустроенный, не пытался обижать безнаказанно друг друга, чтобы более сильный не наносил ущерба более слабому, но чтобы все расценивалось справедливой мерой. Поэтому и нашему Величеству оказалось угодным составить данные законы так, чтобы род человеческий лучше управлялся и чтобы один не притеснял другого». Ср.: *Jus Graecoromanum*. Vol. 2. P. 371.

²⁷¹ Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches* (527–1453). S. 457: «echt byzantinisch».

и финансовым показателям²⁷². Несмотря на это, императорские вооруженные силы уже во второй половине VIII в. остановили арабское наступление, а столетие спустя начали постепенно отвоевывать ранее утраченные территории²⁷³.

Войны Византии против арабов продолжались несколько веков. В ходе этого конфликта происходили как крупные сражения, так и мелкие пограничные инциденты. Зачастую боевые действия полностью прекращались, уступая место торговле и дипломатическим контактам между непримиримыми противниками. Особого ожесточения противостояние между Византией и Халифатом достигало, как правило, в периоды относительного равенства военных сил. Именно тогда стороны несли наиболее ощутимые боевые потери, но, кроме этого, жертвами конфликта становились десятки тысяч мирных жителей с обеих сторон границы²⁷⁴. Для поддержания высокой мотивации и стойкости войск как арабские, так и византийские власти широко использовали религиозную риторику. По нашему мнению, данному аспекту военно-политического конфликта между Византией и Халифатом необходимо уделить особое внимание.

В византийских военных трактатах стратегии и тактике борьбы с арабами уделялось самое пристальное внимание. В Распоряжении 18 «Тактики» Лев VI писал, что «соседство нашей империи с народом сарацин тягостно не меньше, чем для древних императоров соседство с народом персов. Так как сарацины несут вред всем нашим подданным, мы решили создать это воен-

²⁷² Подробнее см.: Kennedy H. The decline and fall of the first Muslim empire // *Der Islam*. 2004. Bd. 81. P. 7–27 и указанную здесь библиографию.

²⁷³ Подробнее см.: Мохов А. С. Эволюция византийской военно-административной системы во второй половине IX – первой половине X в. С. 109–118 и указанную здесь библиографию.

²⁷⁴ Подробнее см.: Haldon J., Kennedy H. The Arab-Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries: military organization and society in the borderlands // *Зборник радова Византолошког института*. 1980. Књ. 19. P. 79–116.

ное руководство (τῆς πολεμικῆς διατάξεως)»²⁷⁵. Однако ранее он формулировал совершенно другие цели своей работы²⁷⁶. В современной историографии данное противоречие объясняется тем, что первоначально отрывок из Распоряжения 18 (параграфы 103–125) являлся самостоятельным сочинением²⁷⁷. Его название было установлено по заголовку в одной из рукописей: «О том, как бороться с сарацинами» (Πῶς δεῖ τοῖς Σαρακηνοῖς μάχεσθαι); имя автора в манускрипте также было указано: «Лев во Христе, царе вечном, василевс ромеев» (Λέοντος ἐν Χριστῷ βασιλεῖ αἰωνίῳ βασιλέως Ῥωμαίων)²⁷⁸.

Большую часть данного произведения составляют рекомендации о различных вариантах боевого построения фемных войск для сражения с арабами, рассматриваются вопросы организации маршей, засад, преследования противника и пр.²⁷⁹ Судя по тексту, Лев VI предполагал, что против мусульман одновременно будут действовать силы нескольких фем. Однако в период его правления боевые действия на восточной границе происходили редко и, в основном, ограниченными силами. Российский исследователь А. А. Васильев писал: «За первые четырнадцать лет правления Льва VI отношения империи к мусульманам отличаются своею незначительностью и случайностью: какого-нибудь определенного плана борьбы с арабами, который можно было заметить в Василии, у Льва не было. Замечается даже совершенно обратное явление: новый император, по-видимому, не желал этой борьбы, уклонялся; как бы ни были случайны арабо-византийские столкновения за это время, ини-

²⁷⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 488.689–693.

²⁷⁶ Ср.: *Ibid.* P. 6.60–62: создать краткое и простое практическое наставление по военному делу; 14.46–49: создать образ идеального стратига.

²⁷⁷ *Ibid.* P. 474.495 – 484.615.

²⁷⁸ Подробнее см.: Dagron G. «Ceux d'en face»: les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // *Travaux et mémoires*. 1987. Vol. 10. P. 221–224; McGeer E. *Sowing the dragon's teeth*. P. 230–242.

²⁷⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 488.596 – 500.846.

циатива нападения всегда принадлежала мусульманам. Византия до 900 г. только оборонялась, всячески избегая наступательных действий. Подобная политика императора совершенно ясно вытекала из его отношений в это время к болгарам»²⁸⁰.

Со многими доводами А. А. Васильева следует согласиться. Действительно, большая часть столкновений, происходивших на восточной границе, была спровоцирована арабами. Однако в конце IX – начале X в. на византийские пограничные фемы нападали не войска халифа, а отряды местных эмиров, которые зачастую отказывались подчиняться правительству в Самарре или Багдаде. Династия Аббасидов постепенно утрачивала контроль над Месопотамией и Северной Сирией, сохраняя под своей властью только Киликию с ключевым городом данного региона – Тарсом. В результате, со времени правления Льва VI основными противниками Византии на Востоке становятся династии Ихшидидов и Хамданидов²⁸¹. Кроме этого, значительно усиливается Армения, которая в правление Ашота I сумела полностью освободиться от власти Халифата²⁸².

В современной историографии восточная политика Василия I и Льва VI рассматривается как продолжение внешнеполитического курса Аморийской династии²⁸³. Основой византийской стратегии продолжали оставаться крупные военные экспедиции, которые, как правило, завершались захватом нескольких городов, большого числа пленных и богатой добычи. Несмотря на

²⁸⁰ Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 103.

²⁸¹ Bonner M. Aristocratic violence and holy war: studies in the Jihad and the Arab-Byzantine frontier. New Haven, Conn., 1996. P. 153–156. См. также: Босворт К. Э. Мусульманские династии: справочник по хронологии и генеалогии / пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 76–77, 82–84.

²⁸² Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 233–240.

²⁸³ Подробнее см.: Haldon J., Kennedy H. The Arab-Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries. P. 101–104; Treadgold W. A history of the Byzantine state and society. P. 543–549.

значительные трудности и финансовые затраты, связанные с организацией таких походов, каждый из них приводил к увеличению территории империи. На завоеванных землях создавались военно-административные структуры (клизуры, дукаты, турмы), которые впоследствии становились опорными пунктами для новых военных кампаний против мусульман²⁸⁴.

Следует отметить, что автор «Тактики Льва» был осведомлен только о такой стратегии. Именно поэтому значительная часть трактата посвящена проблеме организации крупного военного похода на вражескую территорию. Примером успешных действий против арабов для Льва VI являлся поход на Германикею (Мараш, совр. Kahramanmaraş), который был предпринят «при-ной памяти отцом нашим, императором Василием» в 878/879 г. Характерно, что в рассказ об этой экспедиции был включен, казалось бы, малозначительный эпизод о переправе византийских войск через р. Парадисос²⁸⁵. По словам автора «Тактики», император первым вошел в воду и стоял с фонарем в руке посередине речного потока. Все войско проследовало мимо него, причем некоторым воинам Василий подавал руку и даже спас нескольких оказавшихся в опасности стратиотов²⁸⁶.

Лев VI должен был хорошо помнить поход 878/879 г., т. к. вскоре после его завершения судьба среднего сына Василия I кардинальным образом изменилась. Известно, что в сирийской кампании принимал участие старший сын императора Константин²⁸⁷. По словам Продолжателя Феофана, Василий от-

²⁸⁴ Подробнее см.: Мохов А. С. Эволюция византийской военно-административной системы во второй половине IX – первой половине X в. С. 115–116.

²⁸⁵ Река Парадисос (Παράδεισος, совр. Bertiz Çayı), левый приток р. Джейхан. См.: Hild F., Restle M. Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos). Wien, 1981. S. 83.

²⁸⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 158.60–66. См. также: *Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur*. P. 168–174.

²⁸⁷ См. о нем: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 3. S. 541–543, Nr. 23742 (Κωνσταντῖνος ὁ εὐσεβέστατος αὐτοκράτορας).

правился с ним в Сирию, чтобы обучить военному искусству (διδάσκαλος τῶν τακτικῶν), и чтобы его смелый благородный отпрыск, словно молодой пёс, смог вкусить крови перед лицом опасности²⁸⁸. Однако вскоре после триумфального возвращения армии в столицу Константин умер, и наследником престола стал его тринадцатилетний брат Лев. Продолжатель Феофана писал: «Во времена правления мудрого императора Василия наступил покой, расцвела жизнь, радость наполнила столицу, острова и прочие земли... Но, неожиданно, словно буря, на императорский дворец обрушился шквал бедствий, Илиада страданий²⁸⁹. Старшего сына императора, его любимца Константина, который был в расцвете лет и по доблести уже сравнился с отцом, поразила жестокий недуг. Он умер через несколько дней, оставив отца в неутешном горе»²⁹⁰. Драма в царской семье получила закономерную развязку: «Когда любимый сын императора Константин ушел из жизни, любовь и надежды Василия перенесли на Льва, его второго сына»²⁹¹.

Судя по византийским и арабским источникам, в правление Льва VI масштабные боевые действия против мусульман на Востоке почти не велись, а борьба с арабскими грабительскими набегами была возложена на стратигов

²⁸⁸ Theophanes Continuatus. P. 278.11–15. Ср.: Leonis VI *Tactica*. P. 614.1119–1125: «Стратигу должно вести в поход своих сыновей, а также сыновей известных своим мужеством архонтов и стратиотов... Ведь война есть лучший учитель в стратиотском деле и командном мастерстве (στρατιωτικῶν ἔργων καὶ ἡγεμονικῶν). Достигших цветущего возраста сыновей следует взять в поход, чтобы они, подобно щенкам благородных кровей, научились выносливости, спокойствию и невозмутимости среди боевых кличей сражения, увидели тела погибших и страдания раненых».

²⁸⁹ Theophanes Continuatus. P. 34.3: Ἰλιὰς λυπηρῶν. Один из вариантов древнегреческой поговорки Ἰλιὰς κακῶν: ἐπὶ τῶν μέγαλων κακῶν («сказание о бесконечных бедствиях», «нескончаемая вереница несчастий»). См.: *Corpus paroemiographorum graecorum* / ed. E. L. von Leutsch, F. G. Schneidewin. Göttingen, 1839. T. 1. P. 256.

²⁹⁰ Theophanes Continuatus. P. 344.19 – 345.7.

²⁹¹ *Ibid.* P. 348.12–14. См. также: Tougher Sh. *The reign of Leo VI*. P. 52–53.

пограничных фем с их весьма ограниченными ресурсами. Отметим, что в «Тактике Льва» почти нет рекомендаций по тактике отражения стремительных рейдов противника на территорию империи или проведению набегов на вражескую пограничную область. Правда, Лев VI дважды упомянул об успешных действиях талантливого военачальника Никифора Фоки Старшего²⁹². Сначала он похвалил его за смелые и решительные действия во время очередного грабительского нападения арабов. Автор «Тактики» писал, что полководец, разгромив врага, совершил ответный набег, а потом успешно вернулся на территорию Византии, «сохранив всю добычу и пленных варваров»²⁹³. Во второй раз Лев VI сообщил о сражениях Фоки с арабами более подробно: «когда эмир сарацин Апульффер вторгся в Каппадокию, стратиг Никифор, в ответ, занял Тарс и всю Киликию, причинив сарацинам большой ущерб»²⁹⁴. Отметим, что автор «Тактики» преувеличил военные достижения Никифора Фоки. Во время этого похода византийские войска разграбили окрестности Тарса, но даже попыток штурмовать сам город они не предпринимали²⁹⁵. В данном случае важнее то, что речь идет о новой для византийских войск тактике действий – вторжении на вражескую территорию одновременно с походом противника на одну из пограничных областей империи. Этот прием характерен для т. н. малой пограничной войны. В начале X в. византийские полководцы и, даже в большей степени, архонты пограничных фем только начали накапливать опыт проведения таких операций. Более подробно

²⁹² См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 682–687, Nr. 25545 (Νικηφόρος ὁ Φωκάς).

²⁹³ Leonis VI Tactica. P. 202.121 – 204.128. Военные действия происходили в 900/901 г. См.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 114–115.

²⁹⁴ Leonis VI Tactica. P. 418.373–376. События датируются 900–905 гг.

²⁹⁵ Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 308–309, Nr. 20548 (Ἀπουλφέρ ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἀμῆρᾱς).

о тактике «малой» войны через несколько десятилетий будет писать анонимный автор трактата *De velitatione bellica*²⁹⁶.

Характерно, что имена других византийских полководцев, успешно воевавших с арабами в середине IX – начале X в., Лев VI не упоминает. В «Тактике» ничего не говорится о деятельности стратиггов императора Михаила III (Мануил, Феоктист, Константин Армянин, Петрона и др.). Между тем, перелом в войнах с арабами произошел во многом благодаря их победам. Этим командиров, а также Евстафия Аргири и Андроника Дуку, следует считать реальными героями арабо-византийских войн, которые в 850–880-е гг. заставили Аббасидов отказаться от крупных вторжений на территорию Византии. Однако в исторических сочинениях периода правления Македонской династии эти победы оказались забыты²⁹⁷. Лев VI в «Тактике» систематизировал и обобщил боевой опыт, накопленный, прежде всего, полководцами императоров Феофила и Михаила III, но ни одного из них в своем произведении он не упомянул.

Помимо этого, в «Тактике Льва» содержатся фрагменты, характеризующие нравы, обычаи и религиозные особенности «извечного» противника Византии. Лев VI писал: «сарацины идут на войну не из рабского подчинения или строгой дисциплины. Ими движет любовь к наживе, склонность к грабёжам, безнравственность, а также их собственная вера или, точнее сказать, суеверие. Они представляют для нас угрозу, но Бог против них, и ущерба нам они нанести не смогут (Θεὸν ἡγούνηται πολέμιον ἔχειν καὶ τὴν ζημίαν μὴ ὑποφέρειν)»²⁹⁸.

²⁹⁶ См., например: *De velitatione bellica*. P. 113.11 – 115.48. См. также: Strano G. *Le rappresentazioni del nemico: Realien e ideologia nella trattatistica militare bizantina // Miscellanea di studi storici*. 2009–2010. No. 16. P. 194–195.

²⁹⁷ См.: Καρπόζηλος Απ. *Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι*. Σ. 38–40; Treadgold W. *The Middle Byzantine historians*. P. 112–113, 147–148.

²⁹⁸ *Leonis VI Tactica*. P. 446.133–136.

По его мнению, «сарацины не признают Христа истинным Богом и не считают его спасителем мира. Когда они сталкиваются с проявлением Божественной воли, то начинают обвинить Бога во всех своих бедах. Они полагают, что Бог радуется, когда народы ведут между собой войны. Свои законы сарацины соблюдают очень строго, любят ублажать свои тела, но душами пренебрегают. Их нечестивость враждебна нашему благочестию и нашей истинной вере. По этой причине следует противостоять им всеми возможными способами»²⁹⁹. Отметим, что характеристика религиозных «заблуждений» сарацин, приведенная автором «Тактики Льва» содержит основные элементы христианской полемики, направленной против ислама³⁰⁰.

Отношение к арабам в более поздних византийских полемологических сочинениях отличается от характеристик, данных мусульманам Львом VI. Так, уже автор *De velitatione bellica* с оптимизмом заявил: «Однако нынче Христос, наш истинный Бог, уменьшил могущество и ослабил наших врагов, потомков Измаила, которые прекратили свои нападения»³⁰¹. В *Praecepta militaria* положение дел охарактеризовано одной фразой: «По сравнению со сражениями древних мужей, агаряне в значительной степени ослабели»³⁰².

Впрочем, эти ядовитые замечания, касающиеся арабов, таили опасность, в первую очередь, для самих греков. В 950–960-е гг. пренебрежительное отношение и недооценка противника неоднократно приводили византийские войска к болезненным поражениям. Однако к чести полководцев импе-

²⁹⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 478.508–516.

³⁰⁰ Подробнее см.: Hoyland R. *Seeing Islam as others saw it: a survey and evaluation of Christian, Jewish, and Zoroastrian writings on early Islam*. Princeton, 1997. P. 454–519 и указанную здесь библиографию.

³⁰¹ *De velitatione bellica*. P. 33.4–6: Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν τὸ πολὺ τῆς καθ' ἡμῶν δυνάμεως καὶ ἰσχύος τῶν τοῦ Ἰσμαῆλ ἐκγόνων ἀμβλύναντος καὶ τὰς ἐφόδους αὐτῶν ἀναχαιτίσαντος.

³⁰² *Praecepta militaria*. P. 16.74–75: κατὰ τοὺς παλαιῶν ἀνδρῶν πολέμους, κατὰ πολὺ καὶ Ἀγαρηνοὶ ἠλαττώθησαν.

раторской армии следует заметить, что они смогли переломить ситуацию. Наилучший способ избежать таких поражений содержится все в том же трактате *Praecepta militaria*. Его автор утверждал, что во время «накала сражения», главное, – это выстоять, вытерпеть атакующий натиск противника. «Если враги, приблизившись к нашему войску, сохраняют единство строя, то пусть бойцы первой линии завяжут с ними битву. За ними, последовательно и в правильном порядке, должны последовать остальные отряды... Если противник сильно сопротивляется, проявляет упорство, то наши пусть терпят и стоят непоколебимо. Враги не выдержат долгого сражения, и тогда, при помощи божественной длани, наше войско обратит их в бегство»³⁰³. Но при этом продолжало действовать старое правило: «Побеждай, но не чрезмерно!» Поэтому автор *Praecepta militaria* настойчиво повторял: «Бегущих арабов не преследовать»³⁰⁴, поскольку это грозило серьезными последствиями. Бегство могло быть обманным приемом или же привести к бессмысленной потере сил и времени.

В начале XI в., когда бесспорное военное преимущество было на стороне Византии, автор трактата *De castrametatione* с ноткой высокомерия написал: «Многие стратиги имеют большой опыт в опустошении земли агарян (τῶν ἀγαρηνῶν χῶρα). Поэтому мы считаем излишним писать о том, что уже известно»³⁰⁵.

В последнее время интерпретация арабо-византийского конфликта как религиозного получила широкое распространение в историографии. Некоторые зарубежные и, в меньшей степени, отечественные исследователи в своих работах пытаются доказать, что Византия вела против мусульман некую

³⁰³ *Praecepta militaria*. P. 26.79–28.94.

³⁰⁴ *Ibid.* P. 28.104–111; 30.129; 48.180–181.

³⁰⁵ *De castrametatione*. P. 326, 32.16–22.

«священную войну»³⁰⁶. При этом императорская армия и, в особенности, ее высший командный состав, обвиняются в религиозном фанатизме³⁰⁷.

По нашему мнению, арабо-византийские войны не следует рассматривать схематично. Ведь если считать, что «священная война» между Византией и Халифатом началась ранней весной 634 г., то следует также определить, какое событие и когда ее завершило. Кроме этого, войны, как правило, заканчиваются победой одной из противоборствующих сторон. Однако ни Византия, ни Халифат не смогли полностью разгромить противника. Поэтому правильнее будет говорить о серии военных конфликтов, которые с переменным успехом продолжались на протяжении 400 лет³⁰⁸.

Кроме этого, отношения Византии с арабскими соседями не состояли только из военных столкновений. Войны, несомненно, имели место, как и традиционные обвинения «неверных» в безбожии и богохульстве. Однако это не мешало развитию дипломатических отношений, обменам посольствами, подарками, выражениям признательности и взаимного уважения даже среди

³⁰⁶ См. например: Морозов М. А. Культурно-историческая модель «крестового похода» византийского императора // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. С. 15–27. См. также изящную и остроумную критику этих идей французским византинистом Жаном-Клодом Шене: Cheynet J.-Cl. Réflexions sur le «pacifisme byzantin». P. 63–71.

³⁰⁷ Следует напомнить, что современная трактовка «религиозного фанатизма» подразумевает: бездумную приверженность религиозным идеям; неукоснительное следование религиозным догматам в повседневной жизни; нетерпимость к иноверцам. Исходя из этого, «фанатичной» не может быть только армия или десяток стратиггов. Этими идеями должно быть пронизано все общество.

³⁰⁸ См.: Canard M. La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien // Revue africaine. 1936. Т. 79. Part. 2. P. 605–623; Laurent V. L'idée de guerre saint et la tradition byzantine // Revue historique du sud-est européen. Bucarest, 1946. Т. 23. P. 71–98; Oikonomides N. The Concept of 'Holy War' and two tenth-century Byzantine ivories // Peace and war in Byzantium: essays in honor of George T. Dennis / ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. Washington, D.C., 1995. P. 62–86; Bonner M. Jihad in Islamic history: doctrines and practice. Princeton, 2008. P. 118–134.

представителей высшей гражданской и религиозной власти империи³⁰⁹. Не следует также забывать о торговых связях, которые приносили огромную выгоду как Халифату, так и Византии³¹⁰.

Призывая отказаться от схематичности в освещении арабо-византийских отношений, противники концепции «священной войны» полагают, что реальная военно-политическая обстановка постоянно менялась. Обе стороны не вели планомерную войну, направленную на полное уничтожение противника³¹¹. Византийское отношение к арабам, по нашему мнению, наиболее точно выразил итальянский исследователь Джоаккино Страно: «Особенностью византийского представления о варварах было то, что эти народы воспринимались как носители разрушения и беспорядка (ἀκοσμία, ἀταξία). От них исходила одна из наиболее серьезных угроз для империи, которая всегда стремилась создать и поддерживать идеальный порядок (τάξις)»³¹². До второй половины XI в. Византия стремилась упорядочить окружающее ее пространство, используя для влияния на сопредельные страны дипломатические, экономические и культурные возможности. Военная сила для достижения данной цели никогда не являлись главным инструментом.

Обратимся к аргументации сторонников концепции «священной войны»³¹³. Они считают, что Халифат с середины VII в. вел против империи вой-

³⁰⁹ Strano G. Le rappresentazioni del nemico. P. 196. См. также: Малахов С. Н. Новый мир ислама в письмах патриарха Николая Мистика // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 63–80.

³¹⁰ Bonner M. Aristocratic violence and holy war. P. 136–138.

³¹¹ Подробнее см.: Rotman Y. Byzance face à l'Islam arabe, VIIe – Xe siècle. D'un droit territorial à l'identité par la foi // Annales: histoire, sciences sociales. 2005, No. 4. P. 767–788.

³¹² Strano G. Le rappresentazioni del nemico. P. 197.

³¹³ По утверждению греческой исследовательницы Афины Колии-Дермицакис, концепция «византийской священной войны» впервые была сформулирована ею в монографии 1991 г. См.: Κόλια-Δερμιτζάκη Α. Ο βυζαντινός «ίερός πόλεμος». Η έννοια και η προβολή του θρησκευτικού πολέμου στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1991. Отметим также, что

ну на уничтожение, причем военное противостояние почти сразу приобрело характер межконфессионального конфликта. В первую очередь, упоминают о мусульманском джихаде, который был объявлен против Византии «правоверными халифами». В ответ на арабское нашествие, имевшее целью не только уничтожить империю, но и искоренить христианскую веру, Византия начала вести против мусульман «священную войну». Характерно, что *оборонительные* (курсив – К. К.) действия Византии, направленные на отражение арабской агрессии, некоторые исследователи сравнивают с крестовыми походами конца XI – XII вв., которые имели ярко выраженный *наступательный* (курсив – К. К.) характер³¹⁴.

Поборники идеи «византийской священной войны» считают, что апогей конфликта пришелся на правление Никифора II Фоки. В это время на политику византийских властей оказывал влияние ярко выраженный религиозный фанатизм. По свидетельствам византийских и арабских источников, Никифор Фока, опираясь на полную поддержку армии, собирался завоевать Святую Землю. Кроме того, он намеревался отомстить мусульманам за зверства, которые они совершали на христианских землях. Войны сопровождались раз-

работа греческой исследовательницы встретила обоснованную критику со стороны специалистов по арабо-византийским отношениям. В частности Уолтер Кэги писал: «Это преждевременно опубликованная книга. А. Коля-Дермицаки пытается доказать, что до начала крестовых походов в Византии существовала концепция священной войны, и что она восходит к религиозно-политическим идеям IV века. Высоко оценивая усилия автора по сбору материала и постановке проблемы, сам этот тезис следует признать спорным». См.: Kaegi W. E. Rev.: Kolia-Dermizaki A. The Byzantine “Holy War”: the idea and propagation of religious war in Byzantium // *Speculum*. 1994. Vol. 69. No. 2. P. 518.

³¹⁴ См. например: Κόλια-Δερμιτζάκη Α. Ὁ βυζαντινός «ἱερός πόλεμος». Σ. 345–355; Kolbaba T. Fighting for Christianity: Holy War in the Byzantine Empire // *Byzantion*. 1998. T. 68. P. 194–201; El Cheikh N. M. *Byzantium viewed by the Arabs*. Cambridge, 2004. P. 139–178; Laiou A. The Just war of eastern Christians and the Holy War of the Crusaders. P. 30–43; Τακιορτάκογλου Κ. Το θρησκευτικό στοιχείο στους αγώνες του Νικηφόρου Β' Φωκά // *Βυζαντιακά*. 2014. T. 31. Σ. 107–128.

рушением мечетей в захваченных византийскими войсками арабских городах, также политика империи на завоеванных территориях предусматривала христианизацию арабского населения³¹⁵.

Отметим также, что в работах последнего времени ответственность за продолжение военно-религиозного противостояния уже возлагается на Византию. По мнению ряда историков, империя отказывалась идти на компромисс со своими исламскими соседями, чем вынуждала мусульманские государства периодически объявлять против Византии джихад. Сами же войны приобрели, таким образом, характер «столкновения христианской и исламской цивилизаций», а западные крестовые походы стали продолжением этого противостояния³¹⁶.

Среди сторонников идеи «византийской священной войны» следует особо выделить Жильбера Дагрона. В 1986 г. он, совместно с румынским филологом Харламом Михэску, опубликовал комментированное издание трактата *De velitatione bellica*. Во вводной статье и комментариях к этому полемологическому произведению он сформулировал концепцию, которая впоследствии получила развитие в других работах французского византиниста³¹⁷. Жильбер Дагрон считал, что постоянные поражения византийских войск от

³¹⁵ См.: Dennis G. Defenders of the Christian people: Holy War in Byzantium // *Crusades from the perspective of Byzantium and the Muslim world* / ed. by A. E. Laiou, R. Parviz Mottahedeh. Washington, D.C., 2001. P. 31–39; Stouraitis I. Jihād and Crusade: Byzantine positions towards the notions of “Holy War”. P. 14–17, 59–62.

³¹⁶ См. например: Τακιστάκογλου Κ. Το θρησκευτικό στοιχείο στους αγώνες του Νικηφόρου Β' Φωκά. Σ. 126–127: «В ответ на войны Никифора Фоки арабы безотлагательно объявили джихад против Византии, о чем было издано три фетвы... Арабское общество, от Андалусии до Ирака, воспринимало войны Никифора Фоки как настоящие крестовые походы». Проблема, однако, состоит в том, что автор этой статьи ссылается на арабские источники XII–XIV вв., т. е. на время, когда мусульмане уже познакомились с крестоносцами из Западной Европы.

³¹⁷ См.: Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). P. 145–149; Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. P. 224–232.

арабов, потеря территорий, разграбление и разрушение городов, продажа в рабство десятков тысяч человек, вынудили империю предпринять ответные шаги. Основными из них, по мнению исследователя, было заимствование арабской тактики «малой» пограничной войны и придание военному противостоянию с мусульманами ярко выраженного религиозного характера³¹⁸.

Концепция французского византиниста, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального внимания. Однако его указание на то, что Византия начала использовать тактику арабов, источниками не подтверждаются. Более того, в историографии уже есть примеры, когда империи приписывались заимствования в военной сфере у персов, германцев, армян и пр. Например, в 1930-е гг. венгерский исследователь Енё Дарко утверждал, что византийская военная организация VII–IX вв. была заимствована у «туранских народов». Он считал, что отказ от пехоты и организация отрядов конных лучников в составе фемных контингентов позволила Византии впоследствии успешно противостоять *арабской* (курсив. – К. К.) агрессии³¹⁹. По мнению А. С. Мохова, «проблема заимствований в военной сфере достаточно сложна и многогранна. Извечные противники, кочевые и земледельческие народы, взаимодействуя друг с другом на протяжении долгого времени, неизбежно должны были перенимать накопленный соседями военный опыт... Византия заимствовала у гуннов, аваров, арабов, хазар тактические приемы, а также некоторые типы вооружения и доспехов. Однако это нельзя считать проявлением отсталости или деградации византийского военного искусства. Напротив, использование и творческое переосмысление военных достижений противника всегда являлись отличительной чертой греко-римской военной традиции»³²⁰.

Довод Жильбера Дагрона о том, что религиозная риторика, направленная против мусульман, широко использовалась в византийской официальной

³¹⁸ Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. P. 227–229.

³¹⁹ Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 40, 169.

³²⁰ Там же. С. 40–41.

пропаганде, подтверждается многочисленными источниками. Прежде всего, речь идет о частично сохранившемся трактате *Rhetorica militaris*, составленном в IX в. Сирианом Магистром³²¹. Жильбер Дагрон указывал, что в этом произведении большое внимание было уделено речам, направленным против иноверцев. Приведем один из примеров: «Варвары, которые борются с нами, делают это добровольно ради своей веры. Если мы будем защищать свою веру так же, как они, то воевать против нас они не будут. Варвары готовы рисковать жизнью за свою веру, а мы этого боимся. Не защищая нашу веру, мы идем против Бога и предаем Христа, который страдал за нас»³²². Принципиально важным французский исследователь считал противопоставление добровольной военной службы у арабов и военной повинности в византийских фемных ополчениях. Однако, как показали исследования американских востоковедов Хью Кеннеди и Майкла Боннера, призыв мусульманских добровольцев для борьбы с «неверными» в Сирии и Месопотамии объяснялся вовсе не религиозными причинами, а банальными финансовыми проблемами династии Аббасидов³²³.

Подводя итог рассмотрению проблемы «священной войны» в современной историографии отметим, что в «Тактике Льва» и других византийских военных трактатах, действительно, неоднократно упоминается о необходимости защиты «христианской веры, христианского народа и христианской империи». Однако призывов к полному уничтожению арабов, искоренению ислама или необходимости скорейшего отвоевания Сирии и Палестины в данных текстах нам обнаружить не удалось.

Современный немецкий философ Хаймо Хофмайстер писал, что «войны имеют религиозное измерение. Но не потому, что они все ведутся из рели-

³²¹ Подробнее см.: Eramo I. Sul compendio militare di Siriano Magister // *Rivista storica dell'antichità*. 2011. Т. 41. P. 215–222.

³²² Dagron G. *Byzance et le modèle islamique au Xe siècle*. P. 228.

³²³ См.: Haldon J., Kennedy H. *The Arab-Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries*. P. 114–115; Bonner M. *Aristocratic violence and holy war*. P. 155–156.

гиозных мотивов или разыгрываются на религиозном основании, а потому, что война имеет дело со смертью»³²⁴. Концепция «византийской священной войны» полностью подтверждает эти слова. Созданная на основе разрозненных и разновременных фактов, данная концепция не определяет самого важного в любом вооруженном конфликте – его цели. Очевидно, что в эпоху средневековья ни одно государство не могло позволить себе столетиями вести «войну ради войны»³²⁵.

Завершая исследование религиозного аспекта повседневной жизни византийских вооруженных сил, выделим ряд наиболее важных положений. Прежде всего, императорскую армию второй половины X – первой половины XI в. следует считать первой в мировой истории христианской регулярной армией. Несмотря на это, религиозной службы, как отдельной административной структуры, в византийских вооруженных силах не существовало.

Христианские обряды являлись неотъемлемой частью повседневной жизни армейских подразделений, которые были сформированы из православных подданных империи. Именно по этой причине главной задачей государственной пропаганды, нацеленной на военную среду, являлось формирование среди рядовых солдат и командиров убеждения, что их основная

³²⁴ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. С. 264.

³²⁵ В недавно опубликованной статье Афина Колия-Дермицакис констатировала: «Мы должны сделать вывод, что определение «священной войны», которое будет определено раз и навсегда, никогда не будет принято. Более того, само понятие «священной войны» до сих пор не согласовано, поскольку не определены четкие границы между терминами «священный» и «справедливый». Поэтому одни исследователи признают только термин «справедливая война», тогда как другие считают «священную войну» одной из разновидностей «справедливой войны». См.: Kolia-Dermizaki A. “Holy War” in Byzantium twenty years later: a question of term definition and interpretation. P. 132. Иными словами, один из наиболее активных сторонников идеи «византийской священной войны» констатирует, что после двадцати лет дискуссии в историографии не была выработана даже общепринятая терминология, а это, в свою очередь, ставит под сомнение дальнейшие перспективы исследования данной проблемы.

миссия состоит в защите христианской империи и христианского народа. Авторы византийских военных трактатов X – начала XI в. также активно использовали религиозную риторику, зачастую подкрепляя свои доводы изречениями из Библии или цитатами из святоотеческой литературы.

Вне всякого сомнения, христианские богослужения, проводившиеся во время военных походов, способствовали поддержанию высокой боеспособности и укреплению боевого духа императорской армии. Однако они никогда не преследовали цели насаждения среди рядовых солдат идей религиозного фанатизма. Влияние религиозной риторики на командный состав было, по всей видимости, еще меньшим. Армейские архонты воспринимали официальные пропагандистские призывы к умеренности, целомудрию и благочестию с присущим византийским военным рационализмом. По нашему мнению, наиболее точно эта жизненная позиция была сформулирована в одной из сентенций Кекавмена: «Когда ты свободен и не занят службой стратига, читай книги, исторические и церковные... Если будешь достаточно усерден, найдешь в них не одни догматы и назидательные рассказы, но также многое о мудрости, обычаях и стратегии. Ведь почти весь Ветхий завет рассказывает о стратегии и прочих премудростях»³²⁶.

Утверждения некоторых исследователей о массовом распространении в византийской армии X в. идей религиозной нетерпимости не подтверждаются данными источников. Что же касается «священной войны», «межконфессионального конфликта», «столкновения христианской и исламской цивилизаций», то все это, несомненно, происходило. Только не в военно-политической истории Византийской империи и арабского Халифата, а в зарубежной и отечественной историографии.

³²⁶ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 170.23–30.

ГЛАВА 2. ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ X – НАЧАЛА XI В.

§ 2.1. Проблемы войны и мира в византийской дипломатической переписке первой половины X в.

В византийском обществе IX–X вв. отношение к войне, армии и деятельности военачальников не оставалось неизменным. Одним из основных факторов, влиявших на общественное восприятие военных событий, являлось внешнеполитическое положение империи. В конце IX – первой четверти X в. византийские армии терпели от болгар одно сокрушительное поражение за другим, отряды арабских эмиров нападали на приграничные фемы империи, а на море господствовал мусульманский флот. В этих условиях война воспринималась византийским обществом как бедствие, спасение от которого отчаявшиеся подданные Нового Рима искали в защите высших сил.

Внешняя политика Византии в правление Льва VI оценивается в историографии как пассивная, что вполне соответствовало апатичному и праздному характеру самого императора. Боевые действия на Востоке, которые активно велись при Василии I, были прекращены. На Балканах и в Южной Италии империя ограничивалась локальными военными операциями оборонительного характера. Соседние государства немедленно отреагировали на изменение внешнеполитического курса Византии. В итоге, империи одновременно пришлось отбивать нападения на свою территорию с нескольких направлений, к чему правительство Льва VI оказалось совершенно не подготовленным. Дальнейшие события показали, что сухопутная армия и, особенно, военный флот не в состоянии эффективно защитить внешнеполитические интересы государства¹.

¹ См.: Runciman S. A History of the first Bulgarian Empire, 482–1019. London, 1930. P. 126.

Следует отметить, что сам Лев VI недооценивал военные возможности соседних государств, а поражения византийских войск он всерьез не воспринимал. В частности, в «Тактике» император писал: «Поскольку болгары теперь обращены к миру во Христе и являются нашими единоверцами, то согласно клятвенному договору, мы не держим против них вооруженную силу. Теперь мы считаем любые военные действия против них противными Богу. Ведь будучи нашими братьями по вере, они вновь признали нашу власть»². Представления Льва VI о военно-политической ситуации на Апеннинском полуострове также были далеки от реальности: «Франки и лангобарды (Φράγγοι καὶ Λογγίβαρδοι) преданы христианской вере... они либо дружественны нам, либо признают нашу божественную власть (Θεοῦ βασιλεία)»³. Эти утверждения, как минимум, выглядят попыткой выдать желаемое за действительное. На самом деле, в конце IX – начале X в. византийские владения в Южной Италии и на Балканах находились в крайне тяжелом положении⁴.

Период внешнеполитических неудач Византии оказался весьма длительным. Только в правление Романа I Лакапина, с конца 920-х гг., империя начала постепенно восстанавливать военно-политическое могущество. Очевидно, что череда военных поражений негативно отразилась и на общественных настроениях.

² Leonis VI *Tactica*. P. 452.227 – 454.230. См также: *Ibid.* P. 458.295–298: «Болгары приобщились к христианской вере и, хотя бы в малой степени, приняли римские обычаи, забыв дикое безверие». Ср.: Жеков Ж. Стратегията на унищожението в българо-византийските военни конфликти VII–IX в. // Военно-исторически сборник. 2005. № 2. С. 28: «Всякий раз, когда византийские императоры думали, что геополитическая ситуация на границах империи им выгодна, они организовывали военные кампании, главной стратегической задачей которых являлось уничтожение болгарского государства».

³ Leonis VI *Tactica*. P. 462.360 – 464.369.

⁴ См.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 103–106; Tougher Sh. *The reign of Leo VI*. P. 164–166.

Об отношении византийского общества к армии и войне известно не только из исторических сочинений, но также из сохранившихся до наших дней писем чиновников, военачальников и религиозных деятелей периода правления Македонской династии. Следует отметить, что почти все они признавали важность армии для стабильного внешнеполитического положения Византии⁵. Например, патриарх Николай Мистик в послании митрополиту Никеи Александру писал: «В каждом начинании сперва следует проявить себя, а потом уже ожидать помощи от Бога. Ведь никто не сможет безопасно плыть по морю, если он предается сонливости и лени»⁶. Далее патриарх пустился в рассуждения о деятельности полководцев. По его словам, при Василии I, деде нынешнего императора, военачальники были старательными и смелыми. Результат не замедлил сказаться: была разрушена Тефрика, подчинена Лонгобардия, а Бари, Тарент и другие города Южной Италии оказались «вырваны из власти сарацин». Однако позже, в правление императора Льва, полководцы стали нерешительны и беспечны, что привело к потере Сиракуз, Таормины и всей Сицилии. Затем враги напали на Фессалонику и, хотя ее жители много дней молили о помощи, отправка флота была задержана, что сделало ситуацию в осажденном городе безнадежной. В завершении своего «исторического экскурса» Николай Мистик нравоучительно заявил: «Благодаря божественной милости, мы на собственном опыте можем понять, отчего наше государство процветает или бедствует»⁷. Нельзя не отметить лукавство патриарха, который обвинял военачальников в пренебрежении своими обя-

⁵ Подробнее см.: Малахов С. Н. Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // *Античная древность и средние века*. 1995. Вып. 27. С. 19–31.

⁶ Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae. P. 326, Ep. 75.43–47. Письмо датируется 919/920 г. О митрополите Никеи Александре см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 1. S. 148–151, Nr. 20231 (Ἀλέξανδρος, μητροπολίτης Νίκαια).

⁷ Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae. P. 326, Ep. 75.53–69.

занностями, но при этом сам был причастен к гибели наиболее энергичных и талантливых византийских полководцев⁸.

Важным источником, характеризующим восприятие войны в придворной и чиновной среде Константинополя первой половины X в., являются письма Феодора Дафнопата.

Биографические сведения о Дафнопате известны, в основном, из его переписки, а также из хроники Продолжателя Феофана⁹. Его длительная служба в столичных гражданских ведомствах началась в правление Романа I Лакапина и продолжалась до смерти Романа II. В одном из писем, которое датируется 930-ми гг., он упоминает свою должность – ὁ διερμηνευτής («толкователь, комментатор»)¹⁰. Однако в византийских документальных источниках IX–X вв. такая должность не упоминается. В «Клеторологии» Филофея, среди подчиненных логофета дрома, перечислены ἐρμηνευταί («переводчики»). Однако, по мнению Р. Гийана, переводчики служили также в императорской канцелярии¹¹. Предположение французского исследователя подтверждается сведениями о *cursus honorum* Феодора Дафнопата. В 20–40-е гг. X в. его служба была связана с императорской канцелярией. Он занимал должности ἐπὶ τοῦ κανικλείου («хранитель чернильницы»), личный секретарь импе-

⁸ Подробнее см.: Polemis D. I. The Doukai. P. 22–24.

⁹ См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 336–339, Nr. 27694 (Θεόδωρος ὁ Δαφνοπάτης); Мохов А. С., Капсалыкова К. Р. Образы войны в византийской исторической литературе X в.: Феодор Дафнопат // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2015. № 19 (216). Вып. 36. С. 45–46.

¹⁰ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 109, Ep. 10.6.

¹¹ Подробнее см.: Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles: Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972. P. 117.15, 312; Guiland R. Grand Interprète // Guiland R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976. XX. P. 17–26.

ратора) и протоасикрит (πρωτοασηκρητης, глава императорской канцелярии), получил титулы протоспафария и патрикия¹².

В начале единоличного правления Константина VII Феодор Дафнопат, как и многие другие приближенные Романа Лакапина, оказался в немилости. После увольнения со службы ему пришлось на некоторое время покинуть Константинополь. На императорскую службу Феодор Дафнопат вернулся во второй половине 950-х гг., получив назначение на должность ὁ στρατιωτικὸς λογοθέτης («военный логофет»). Следует отметить, что в административной иерархии империи этот пост считался достаточно низким. С начала X в. логофеты стратиотиков не играли значимой роли ни в гражданском, ни в военном управлении империей¹³.

Исключение составляют только последние годы правления Константина Багрянородного и царствование его сына Романа II. В это время на должность главы «военного ведомства» назначались весьма влиятельные лица с титулами патрикиев или магистров. Изменение ситуации следует связывать с борьбой придворных бюрократических группировок во главе с Василием Лакапином и Иосифом Врингой¹⁴. Эти «придворные партии» стремились установить контроль над системой гражданского управления империи. При этом большое значение придавалось борьбе за ключевые посты в столичных ведомствах (логофет дрома, протоасикрит, протовестиарий, паракимомен). Должность логофета стратиотиков в их число не входила, являясь второсте-

¹² Darrouzès J. Un recueil épistolaire byzantin: le manuscrit de Patmos 706 // *Revue des études byzantines*. 1956. T. 14. P. 116–117.

¹³ Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P. 249.11, 269.28.

¹⁴ Подробнее см.: Brokkaar W. G. Basil Lacapenus. Byzantium in the 10th century // *Studia byzantina et neohellenica Neerlandica*. 1972. Vol. 3. P. 211–217. О Василии Лакапине и Иосифе Вринге см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 1. S. 588–598, Nr. 20925 (Βασίλειος ὁ Λακαπηνός, νόθος); Bd. 3. S. 414–418, Nr. 23529 (Ἰωσήφ ὁ Βρίγγης).

пенной. В связи с этим, на посту главы «военного ведомства» оказывались, как правило, представители той группировки, которая терпела поражение в политической борьбе. Назначение логофетом стратиотиков с должности, например, логофета дрома было унижительным понижением по службе¹⁵.

Судя по сведениям хроники Продолжателя Феофана, Феодор Дафнопат принадлежал к сторонникам препозита Иосифа Вринги. При Константине VII эта придворная группировка временно утратила свое влияние, с чем и связано назначение бывшего главы императорской канцелярии на должность «военного логофета». Однако с 959 г., после прихода к власти Романа II, политическое господство перешло к «придворной партии» Иосифа Вринги. Продолжатель Феофана писал, что бывший военный логофет (ἀπὸ στρατιωτικῶν) Феодор Дафнопат получил титул магистра и должность епарха Константинополя, причем помощников ему подобрал и назначил сам Иосиф Вринга¹⁶.

Не вызывает сомнения, что вершина служебной карьеры Феодора Дафнопата пришлась на непродолжительное правление Романа II. В это время он не только занимал пост ὁ ἑπαρχος τῆς Πόλεως, но также являлся одним из ближайших советников императора. Сохранилась переписка между Феодором Дафнопатом и Романом Младшим, состоящая из четырех писем¹⁷.

После смерти Романа II политическая группировка, к которой принадлежал Феодор Дафнопат, была разгромлена. Новый император Никифор II Фока поручил гражданское управление Василию Лакапину, который назначил на важнейшие посты, включая должность епарха Константинополя, своих сторонников. Дафнопат, которому в это время было около 60 лет, окончатель-

¹⁵ Подробнее см.: Мохов А. С., Боровков Д. С. Логофеты стратиотиков в Византии VII–XI в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 2 (90). С. 11–12.

¹⁶ Theophanes Continuatus. P. 470.7–18.

¹⁷ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 19–20, Ep. 13–16.

но покинул службу. Однако нет никаких оснований считать, что он подвергся преследованиям со стороны Василия Лакапина. Несомненно, что бывший епарх утратил политическое влияние, но продолжал появляться при дворе, вел переписку с должностными лицами, занимался литературным творчеством. Последние упоминания о нем относятся к 963–964 гг.¹⁸

Литературное наследие Феодора Дафнопата неоднократно привлекало внимание византинистов¹⁹. В первую очередь, исследователей интересовало, являлся ли он автором заключительной части хроники Продолжателя Феофана, охватывающей период с 948 по 961 гг. Вплоть до нашего времени данный вопрос остается дискуссионным²⁰. Однако не вызывает сомнений, что Феодором Дафнопатом была написана некая историческая хроника, которую во введении к своему «Синописису историй» упоминал Иоанн Скилица²¹. Помимо этого, Феодором Дафнопатом был создан ряд агиографических сочинений (Житие Феофана Исповедника, Житие Феодора Студита, Мученичество святого Георгия), несколько энкомиев, торжественных речей, богословских трактатов и поэтических произведений²². Авторство еще нескольких текстов приписывается Феодору Дафнопату только предположительно. Наиболее извест-

¹⁸ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 3–4.

¹⁹ Подробнее см.: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 166–172.

²⁰ См.: Сюзюмов М. Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. С. 295–302; Markopoulos A. Théodore Daphnopatès et la Continuation de Théophane // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1985. Bd. 35. P. 171–182.

²¹ Ioannis Skylitzes. P. 3.26 – 4.39 (3.26: ὁ Δαφνοπάτης Θεόδωρος).

²² См.: Страдание святого славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату и ныне впервые изданное (с русским переводом) / изд. и предисл. В. В. Латышева // Православный палестинский сборник. 1910. Т. 20. Вып. 59. Ч. 1; Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом / изд. и пер. В. В. Латышева // Православный палестинский сборник. 1911. Т. 20. Вып. 59. Ч. 2; Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 4–6.

ным из них является энкомий по поводу заключения мира с Болгарией, написанный в 927 г.²³

Отдельно следует упомянуть эпистолярное наследие Феодора Дафнопата. До нашего времени сохранилось 40 его писем, опубликованных в 1978 г. Жаном Даррузе и Лендертом Вестеринком. Значительная часть из них имеет официальный характер. Они были написаны по поручению Романа Лакапина и адресованы болгарскому царю Симеону, римскому папе Иоанну XI (931–935), «эмиру Египта»²⁴, митрополиту Ираклии Фракийской Анастасию и др. влиятельным иностранным и византийским персонам. Кроме того, Дафнопат направлял письма императорам Роману Лакапину, Константину VII и Роману II. Среди других его адресатов были духовные лица, чиновники гражданских ведомств, придворные²⁵.

Подробности военных походов, описание сражений, деятельность отдельных военачальников не привлекали пристального внимания Феодора Дафнопата. Он не служил в императорской армии, не имел боевого опыта и, по всей видимости, мало общался с военными. Во всяком случае, армейские командиры или стратеги византийских фем не были адресатами его писем. Характерно, что он противопоставлял себя и других должностных лиц импе-

²³ См.: Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians // *Dumbarton Oaks Papers*. 1978. No. 32. P. 217–295.

²⁴ Мы присоединяемся к авторитетному мнению К. Н. Юзбашяна, который считал, что данное письмо было адресовано не кому-либо из мусульманских правителей, а архонту Тарона магистру Григорию Тарониту. См.: Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988. С. 268–275. О Григории Тароните см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 2. S. 622–626, Nr. 22497 (Γρηγόριος ὁ Ταρωνίτης ὁ τοῦ Ταρῶν ἄρχων).

²⁵ Подробнее см.: Chernoglazov D. Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. *Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts // Byzantinische Zeitschrift*. 2013. Bd. 106. Heft 2. S. 623–644.

раторской канцелярии даже гражданским провинциальным чиновникам: «мы дышим словами, едим слова, пьем слова»²⁶.

Однако считать, что Феодор Дафнопат намеренно дистанцировался от военной тематики, и вообще старался избегать конфликтных ситуаций, было бы неверным. Так, в его письмах нашлось место описанию инцидента с Феодором Велоний²⁷. Об этом Дафнопат рассказал в письме, адресованном некому китониту Иоанну: «Он просто переполнил чашу нашего терпения ужасными оскорблениями! В ушах у меня он снова и снова хрипит: «Хрю, хрю»! Он приказал слугам: «Удалите его, ударьте его, преследуйте его, выгоните как можно дальше отсюда». Вот что он сказал, и воздействие его слов до сих пор сильно. Выпроводил, оскорблял, чуть не ударил – увы, увы, кто пострадал, кто был с ним? – я ничего не скажу больше – мы расстались позорно. Тем не менее, мы не дали остаться наглецу безнаказанным, мы не дали вору возможность завершить свой проступок, но, не теряя времени, мы отправились к императору. Едва мы открыли дверь, как вскоре он был вызван, в свою очередь, чтобы появиться перед василевсом. Он, когда-то такой надменный и высокомерный, не смог заставить нас страдать от своего сарказма, как и прежде, но был вынужден отчитываться за свои действия. Выслушав все, что недостойно нас, он пожалел о своих поспешных поступках. Теперь он невольно расширил число заключенных монахов, такую награду Велона получил за свою гордыню»²⁸. Отметим, что причина конфликта между двумя епархами, прежним и новым, так и не была указана Дафнопатом. Однако это письмо

²⁶ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 215, Ep. 37.130.

²⁷ Известно, что за содействие в строительстве «изящного и светлого храма Апостолов» Феодор Велона получил от императора Константина VII титул патрикия. Через некоторое время, как «человек достойный, ученый и опытный в законах», он был назначен на должность епарха Константинополя. См.: Theophanes Continuatus. P. 452.11–12, 461.4–8. См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 349–351, Nr. 27708 (Θεόδωρος ὁ Βελωνᾶς).

²⁸ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 225–227, Ep. 39.

представляет собой живое свидетельство, как политической действительности, так и повседневной жизни столичной гражданской знати середины X в.

Грамотный и прекрасно образованный чиновник, Дафнопат обладал необходимыми знаниями о структуре и численности императорской армии, а также был знаком с классическими и византийскими военно-теоретическими сочинениями. Не следует также забывать, что в его необычно долгой, продолжавшейся около 40 лет, чиновной карьере, был непродолжительный период, когда он возглавлял логофессию стратиотиков.

Специальную военную терминологию в своих сочинениях Феодор Дафнопат использовал редко²⁹. Исключение составляет «Страдание святого великомученика Георгия», главным героем которого является святой воин. Несмотря на то, что речь в этом произведении идет о времени правления «жестокоего тирана» Диоклетиана (284–305), наименования большинства военных должностей не соответствуют реалиям начала IV в. Напротив, почти все упомянутые автором командные посты существовали в византийской армии IX–X вв. В тексте упоминаются стратиги, стратилаты, топархи и даже комит схол первой тагмы³⁰. Отметим также, что рассказ о сборе войска для похода против персов совпадает с порядком организации крупных военных кампаний второй половины IX в., когда к регулярным войскам, выступившим из Константинополя, по пути к границе присоединялись фемные ополчения во главе со стратигами³¹.

²⁹ См. например: Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 55, Ep. 4.59.62: ἀρχῶν τῆς Ἀνατολῆς, στρατηγός, θέμα.

³⁰ Страдание святого славного великомученика Георгия. С. 38–40. Должность комита тагмы схол (κόμητες τῶν σχολῶν) появилась не ранее 770-х гг. См.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 86–87.

³¹ Страдание святого славного великомученика Георгия. С. 38. Ср.: Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 80.

Не вызывает сомнения, что Феодор Дафнопат считал войну трагедией, несущей людям неисчислимые страдания. Однако следует учитывать, что большинство его эпистолярных текстов, наполненных миролюбивой риторикой и призывами к миру, содержали положения официальной внешнеполитической доктрины Византии, а не личные суждения императорского ратора (ὁ βασιλεὺς ῥήτορος). В 920–930-е гг. империя старалась избегать широкомасштабных военных конфликтов, предпочитая решать внешнеполитические проблемы дипломатическим путем.

Наиболее ярко миролюбивая риторика Феодора Дафнопата проявилась в письмах к болгарскому царю Симеону. Эти послания были написаны по распоряжению императора Романа Лакапина в 925–927 гг. Незадолго до этого, в сентябре 924 г., состоялась личная встреча Романа I и Симеона, завершившаяся заключением перемирия. В обмен на выплату Византией дани, болгары обещали передать Византии приморские крепости Созополь и Агатополь. Однако Симеон всячески затягивал выполнение соглашения, и укрепления на черноморском побережье перешли к империи не раньше осени 927 г.³²

С одной стороны, задача Феодора Дафнопата состояла в том, чтобы убедить болгарского царя выполнить взятые на себя обязательства. В одном из писем он взывал к здравому смыслу Симеона: обладание приморскими крепостями (τὰ παραθαλάσσια κάστρων) не дает болгарам никакого преимущества, зато ведет к значительным финансовым затратам. Ведь из-за отсутствия у болгар флота использовать приморские укрепления в военных целях Симеон не сможет³³.

В другом послании Дафнопат упрекал Симеона в нарушении условий мирного соглашения. Он утверждал, что болгары постоянно разоряли византийскую приграничную область. Далее Дафнопат писал: «Какая польза тебе

³² Подробнее см.: Runciman S. A history of the first Bulgarian empire. P. 171–173, 179–180.

³³ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 75, Ep. 6.90–102.

от того, что ты силой захватил наши земли? Какие ты получаешь от этого доходы? Какие налоги? Если разобраться, то после многих грабежей и убийств ничего тебе не досталось. Ты получил только крепости, но это принесет большие расходы по их обустройству и снабжению припасами. Жители же напрасно мучаются и погибают»³⁴.

С другой стороны, византийский ритор постоянно призывал Симеона вообще прекратить военный конфликт. По его словам, Византия прилагала для этого все усилия. Однако новые требования Симеона не позволяли заключить прочный и долговременный мир: «не желая совершить отступничество и подвергнуться осуждению, мы не предадим своих подданных кровавым иноплеменникам. <...> По традиции ромеев, не могут быть переданы под власть твою люди, отданные Богом под наше попечение»³⁵. В этом аспекте примечательны письма старшего современника Дафнопата, магистра Льва Хиросфакта³⁶. В письме к Симеону Лев Хиросфакт также настаивал на мирном решении вопроса: «Если у вас возникли сомнения, то пусть победит чувство человечности. Той человечности, которая сможет освободить узников»³⁷. Для Льва Хиросфакта ведение войны представлялось скорее вынужденной мерой, а кровопролитие – варварством. Между тем, за учтивыми формулировками скрывалась легкая авторская ирония: «Я получил Ваше письмо, которое не было отмечено крестом, как обычно. Я восхищаюсь величием, величию и славной искренностью, и, как вы понимаете, боюсь ос-

³⁴ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 59, Ep. 5.20–31.

³⁵ Ibid. P. 65, Ep. 5.114–128.

³⁶ См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 61–71, Nr. 24343 (Λέων ὁ Χοιροσφάκτες). Ср.: Magdalino P. In search of the Byzantine courtier: Leo Choerosphaktes and Constantine Manasses // Byzantine court culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 2004. P. 146–161.

³⁷ Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice: biographie, correspondance. P. 81, Ep. 6.17–18: Εἰ δ' ἀμφίβολου, νικάτω τὸ φιλόανθρωπον. Φιλόανθρωπον δὲ τὸ τὴν αἰχμαλωσίαν ἀπολυθῆναι.

квернить их. И мне не дает покоя отсутствие креста в начале у маленького письма»³⁸. Как и Дафнопат, Лев Хиросфакт практически не интересовался подробностями войны. Иногда он старался отвлечь внимание Симеона, позволяя себе почти неприкрытую издевку: «Словом, если читать твое письмо, не замечая упущенные тобой знаки препинания, то окажется, что письмо довольно изящно»³⁹.

Одним из наиболее важных вопросов, которому Лев Хиросфакт и Феодор Дафнопат уделяли значительное внимание, была критика притязаний Симеона на византийский императорский престол. В частности, Дафнопат писал: «Сколько угодно ты можешь называть себя хоть амермумном сарацин (ἀμερμουμνήν τῶν Σαρακηνῶν)... Называть себя царем римлян и болгар может тот, кто получил эту власть от Бога, а не захватил ее через кровопролитие и убийства. Не может тот, кто разорил весь Запад и поработил его жителей, именовать себя римским царем. Ведь наши люди не добровольно прибежали к твоей власти, но были захвачены посредством насилия и войны»⁴⁰.

Еще один риторический прием, который использовал Феодор Дафнопат, касался религиозной стороны конфликта. Он постоянно подчеркивал, что война ромеев с болгарами – это война двух христианских народов: «Нет больше скифов и варваров, теперь мы все христиане и дети Божии. <...> Ромеи и болгары – это единый народ Христа, вера объединяет болгар и ромеев

³⁸ Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice: biographie, correspondance. P. 91, Ep. 14.3–7: Ἐδεξάμην σου τὴν ἐπιστολὴν, κατὰ τὴν ἀρχὴν τὸν σταυρικὸν τύπον οὐ περιέχουσιν ὡς συνήθως, καὶ θαυμάζω τῆς σῆς ἀληθείας τὸ μέγα καὶ περιβόητον, πῶς τῷ ἀμφιβόλῳ τῆς μικρᾶς ἐκείνης γραφῆς, καὶ τῷ μὴ προχαραχθέντι κατὰ τὴν ἀρχὴν τύπῳ, τὸ μὴ ἀληθές αὐτῆς ἡρέμα πως ὑπεδήλωσας.

³⁹ Ibid. P. 83, Ep. 6.19–21: Εἰ δὲ τὸ ὄλον ἐν ὑποκριτικαῖς ὑποστιγμαῖς διελεῖν βουλεύσιτό τις τῆς σῆς ἐπιστολῆς τὸν νοῦν, οὐκ ἄκομψον εὔρε καὶ οὕτως τὴν πρὸς κατάνευσιν ἐπιχείρησιν.

⁴⁰ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 59, Ep. 5.34–45.

как сыновей с отцами»⁴¹. Отметим также, что Дафнопат категорически отвергал сравнение военного конфликта с Болгарией и арабо-византийских войн: «сарацины народ иного обычая, иной веры, находящийся с нами в постоянных войнах. На них невозможно воздействовать ни изречениями из Священного Писания, ни ссылками на договоры. С арабами не бывает длительного мира, мы заключаем с ними только перемирие на два или три года. Они соблюдают эти договоренности, зная, что нарушив их, получат жестокий ответ»⁴².

Послание Феодора Дафнопата царю Симеону, в котором он упомянул о войнах против арабов, датируется 924/925 г.⁴³ Известно, что в это время Византия активизировала свою восточную политику, пытаясь воспользоваться внутривосточным кризисом халифата Аббасидов. Среди сохранившихся до нашего времени текстов, свидетельствующих об активных дипломатических контактах с окружением халифа аль-Муктадира Биллаха (908–929), наиболее известным является письмо архиепископа Кесарии Каппадокийской Арефы⁴⁴ эмиру Дамаска Али ибн Исе. В этом послании, которое было написано в 926/927 г. по поручению императора Романа Лакапина, высокопоставленный церковный иерарх писал: «В том, что вы овладели всем светом, подобает вам скорее плакать, чем радоваться. Ибо мы, по благодати сыны Божии, любимые им, терпим скорби... это и сам Христос возвестил нам: в мире скорбны будете. И пророк Давид (ὁ προφήτης Δαυὶδ) говорил: не ревнуй стоящему в пути своему человеку, творящему беззаконие. Как вы не перестанете творить беззаконие и убивать людей, когда пророк говорит: не радуйся

⁴¹ Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians. P. 265.165–167, 274.320–323.

⁴² Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 69–71, Ep. 6.15–34.

⁴³ См.: Златарски В. Н. Писмата на византийския император Роман Лакапен до българския цар Симеон // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1896. Кн. 13. С. 291–295, 307–314.

⁴⁴ См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 311–320, Nr. 20554 (Ἀρέθας Πατρεύς, ἀρχιεπίσκοπος Καισαρείας Καππαδοκίας).

смерти человеческой, ниже погибели живущих? Хотя и ваш лжепророк Мухаммед говорит в Коране (τοῦ ψευδοπροφήτου ὑμῶν Μωχούμετ ἐν τῷ κουρᾶν λέγοντος): не убивай человека, который с тобой не воюет и не поднимает на тебя оружие, не убивай ни земледельца, ни женщины, ни монаха, ни священника (μηδὲ γεωργὸν μηδὲ γυναῖκα μηδὲ ἀβᾶν μηδὲ παπᾶν)⁴⁵, однако вы и заповедь своего лжепророка не соблюдаете, но убиваете и тех, которые выходят против вас с оружием, и тех, кто не воюет с вами»⁴⁶. По сути, обвинения Арефы по отношению к арабам совпадают со словами Феодора Дафнопата из письма царю Симеону. Это свидетельствует о том, что в официальной византийской дипломатической переписке 920-х гг. использовалась одинаковая аргументация и риторические приемы, независимо от адресата послания.

Обращаясь к болгарскому царю от имени императора, Феодор Дафнопат неоднократно подчеркивал отношение к войне, как к трагедии: «Как легко мы становимся объектом для презрения и насмешек наших соседей и наших врагов! Знай же, мой духовный брат, что мы не созданы Богом для убийства друг друга. <...> Мы более жестоки, чем звери, а звери оказываются более мягкосердечными, чем люди. Пока наши народы страдают и воюют между собой, словно неверующие язычники, не будут нам доверять живущие рядом народы. Разве мы можем научить их миру?»⁴⁷

Аналогичные мысли высказывались Дафнопатом в послании «эмиру Египта»: «Бог есть мир и называется миром, и установлено, чтобы сотворенные им жили мирно и спокойно; и в то время как мир животворит, война обрекает на смерть; мир умножает и обогащает людей, а война сокращает и об-

⁴⁵ Ср.: Коран. 2:190.

⁴⁶ Arethae archiepiscopi Caesariensis scripta minora / rec. L. G. Westerink. Leipzig, 1968. Vol. 1. Ep. 26, P. 242.22 – 243.8. См. также: Karlin-Hayter P. Arethas' letter to the Emir at Damascus // Byzantion. 1959–1960. T. 29–30. P. 281–302.

⁴⁷ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 81–83, Ep. 7.22–43.

рекает на нищету. <...> Если считать, что Бог в восторге от войн и сражений, и с удовольствием убивает людей, то, неужели сначала он сотворил человека, лишь для того, чтобы его убить? Но это не происходит из-за божественного творения, эти несчастья создал князь тьмы, чтобы насладиться существованием войны, а человеку, знакомому с течением истории известно, что Бог ненавидит войну и убийства, плоды человеческой изобретательности, появившиеся в нашей жизни по зависти и злобе дьявола. <...> Я уверен, что вы проявите благоразумие, предпочтете лучшее и проявите здравый смысл, чтобы не начались массовые убийства и войны»⁴⁸.

Похожая аргументация, призванная склонить правителей соседних государств к прекращению военных действий и заключению мира, использовалась и другими византийскими авторами. В частности, в 921/922 г. патриарх Николай Мистик писал царю Симеону: «Я пишу тебе со слезами, болью и горечью, ибо душа моя наполнена страхом из-за того, что народ болгар могут постигнуть страдания, которые уже выпадали на долю многих, кому ранее долгое время сопутствовала удача... Расскажу о том, что случилось с пресловутым Львом Триполитанским⁴⁹, который некогда сумел, из-за грехов наших, захватить Фессалонику... Замыслив новый поход, он оказался на острове Лемнос, где и получил справедливое воздаяние от Бога. Стоит восхищаться божественным долготерпением, ведь от той поры (захвата Фессалоники в 904 г. – *К. К.*) прошло уже десять и еще семь или восемь лет... Когда он был беспечен и ничего не опасался, наш флот застиг его на острове, и с Божьей помощью, обрушился на него. Тогда он потерял все свои корабли, своих воинов, одним словом, погибла вся эскадра сарацин⁵⁰. Так, после долгого време-

⁴⁸ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 53–57, Ep. 4.10–14.41–44.68–70.

⁴⁹ См. о нем.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 91–92, Nr. 24397 (Λέων Τριπολίτης).

⁵⁰ О разгроме арабского флота у Лемноса подробнее см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 219.

ни, Бог смирил его высокомерие и хвастливость... Молю, во имя Христа, спасителя нашего, пусть он обратит ваши мысли к любви и миру! Молю о том, чтобы ваша вражда угасла! Прогоните любящего войну демона (ἀπελαθῆναι δὲ τὸν φιλοπόλεμον δαίμονα), не беритесь за оружие, и вы остановите беспощадность, которую по природе своей вызывает война (ἡ φύσις ἐπιφέρει τοῖς ἐπὶ μοῖραν δυστυχεστέραν διὰ τῶν ὅπλων κατακλινομένοις)⁵¹.

В случае с письмами к Симеону византийских политических и религиозных деятелей миролюбивая риторика и призывы прекратить военные действия объяснялись значительным военным превосходством болгарского царя. Не имея возможности защитить внешнеполитические интересы с помощью военной силы, империя использовала различные дипломатические ухищрения. В посланиях Симеону мы можем отметить попытку представить войны против Болгарии как конфликт между единоверцами. Это противоречило характерному для Византии утверждению о «ромейской» исключительности, но ради подписания мира можно было пойти на самые серьезные уступки⁵².

Подводя итоги, отметим, что образ войны, который был создан в сочинениях Николая Мистика, Феодора Дафнопата, Льва Хиросфакта, являлся выражением, прежде всего, общего внешнеполитического курса Византии. Стремление избежать новых войн и как можно скорее прекратить старые конфликты подчеркивалось ими постоянно. Кратко подобное отношение к войнам было сформулировано в последнем письме Феодора Дафнопата к царю Симеону: «дивное дело мира нуждается в защите и укреплении, поскольку позволяет человеку гармонизировать с Христом»⁵³.

Миролюбивая внешняя политика первого десятилетия правления Романа Лакапина вскоре уступила место агрессивному внешнеполитическому курсу

⁵¹ Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae. P. 164–166, Ep. 23.132–176.

⁵² См.: Kaldellis A. *Ethnography after antiquity: foreign lands and peoples in Byzantine literature*. Philadelphia, 2013. P. 128–129.

⁵³ Théodore Daphnopatès. *Correspondance*. P. 77, Ep. 6.132–134.

су. После смерти царя Симеона с Болгарией был заключен мирный договор, что позволило сосредоточить основные военные силы Византии на восточном направлении. В уже упоминавшемся письме эмиру Дамаска Али ибн Исе архиепископ Кесарии Каппадокийской Арефа писал: «Вы хвалитесь, что будто воюете, пользуясь особенным расположением божьим, и так завладеваете миром. Но напомним, что окончательную погибель принес вам Карамитис, также и Андроник пролил кровь восемнадцати тысяч в одном сражении под Тарсом. Где же была добрая вера сарацин, когда они все так погибли? Где также была вера ваша, когда Имерий уничтожил целое войско ваше? Впрочем, мы надеемся, что вы вскоре исчезнете»⁵⁴.

Характерно, что перечисляя доверенному лицу халифа крупнейшие поражения арабских войск⁵⁵, Арефа упоминает не только о победах византийских военачальников Андроника Дуки в 904/905 г. и Имерия в 906/907 г.⁵⁶

⁵⁴ Arethae archiepiscopi Caesariensis scripta minora. Vol. 1. Ep. 26, P. 243.9–18: καὶ περὶ τοῦ ἐγκαυχᾶσθαι ὑμᾶς ὅτι ὡς ἀγαπώμενοι ὑπὸ θεοῦ πολεμεῖτε καὶ κατακυριεύετε τοῦ κόσμου, τί εἰπεῖν ἔχετε ὅτι ὁ Καραμίτης ἐνίκησεν ὑμᾶς καὶ ἐξωλόθρευσεν; ἀλλὰ καὶ ὁ Ἀνδρόνικος, ὅτε εἰς τὰ μέρη τῆς Ταρσοῦ δεκαοκτὼ χιλιάδας εἰς ἓνα τόπον ἀπεκεφάλισεν, ποῦ ἦν ἡ καλὴ πίστις τῶν Σαρακηνῶν, ὅτε οὕτως εἰς ἓν αἶμα ἔπεσον πάντες; ἀλλὰ καὶ ὁ Ἡμέριος ὅτε τὸν στόλον ὑμῶν ὅλον ἠφάνισε καὶ ἐξωλόθρευσε, ποῦ ἦν ἡ πίστις ὑμῶν; πλὴν ἐλπίζομεν ὅτι καὶ ὁ καιρὸς ὑμῶν ἐπληρώθη ἀπάρτι καὶ τελείως ἔχετε ἀφανισθῆναι.

⁵⁵ В правление аль-Муктадира Биллаха Али ибн Иса (‘Alí ibn ‘Īsà) дважды занимал должность визиря (913–917; 926–929). Известно также, что в середине 920-х гг. он был аббасидским наместником Египта и Сирии. В византийских источниках его имя никогда не упоминалось, назывались только должности, которые занимал Али ибн Иса (οὐζήτορ, ὁ ἐν Δαμασκῶ ἀμηράς). См. о нем.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). 2013. Bd. 1. S. 163–165, Nr. 20254.

⁵⁶ Подробнее см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 154, 156–157; Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie

Первым в числе полководцев, громивших войска Халифата, назван предводитель карматов Абу Тахир аль-Джаннаби⁵⁷. По всей видимости, Арефа писал о захвате отрядами исмаилитов Куфы в 926/927 г. Если бы речь шла о захвате Карамитисом Мекки тремя годами позже, то, вероятно, риторика митрополита Кесарии была бы несколько другой⁵⁸. В любом случае, упоминание военных успехов карматов было направлено на то, чтобы уязвить самолюбие Али ибн Исы, а также подтвердить намерение Романа Лакапина действовать против арабов более решительно.

С 930-х гг. Византия вновь начала проводить масштабные военные кампании, присоединяя при этом новые территории, как на Востоке, так и на Западе. Американский исследователь Майкл МакКормик образно назвал период, охватывающий последние годы царствования Константина VII и периоды правления Романа II, Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия, «временем триумфов»⁵⁹. Действительно, за эти двадцать лет Константинополь увидел больше победных триумфальных шествий, чем за несколько предшествующих веков.

(650–1040). Berlin, 1966. S. 259–260. Об Имерии см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* (867–1025). Bd. 2. S. 717–722, Nr. 22624 (Ἡμέριος, λογοθέτης τοῦ δρόμου, δρογγάριος τοῦ πλοῦμου).

⁵⁷ Об Абу Тахире аль-Джаннаби см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* (867–1025). Bd. 1. S. 55–56, Nr. 20082 (Καρραμίτης).

⁵⁸ Подробнее см.: Bowen H. *The life and times of ‘Alī ibn ‘Īsā, ‘the Good Vizier’*. Cambridge, 1928. P. 266–273, 289–290.

⁵⁹ McCormick M. *Eternal victory*. P. 159.

§ 2.2. Официальное видение войны в Византии середины X в.: «военные» речи императора Константина VII

Французский исследователь Поль Лемерль назвал Константина VII Багрянородного «комнатным стратегом»⁶⁰. Столь ироничная оценка связана с тем, что этот император никогда не принимал участия в военных походах. Безусловно, Константин VII проявлял теоретический интерес к военному делу. По его распоряжению и, вероятно, при личном участии, в середине X в. был составлен большой «корпус» полемологических сочинений. В его состав входили труды античных и ранневизантийских авторов по различным направлениям военной науки: стратегия, тактика, рекомендации по оснащению военных кораблей, указания по изготовлению метательных машин и пр.⁶¹ Следует также упомянуть т. н. военные отрывки «Книги церемоний», в которых был обобщен опыт организации морских и сухопутных военных экспедиций в составе большой армии⁶². Одновременно с этим, столь знаменитого полемологического упражнения на военную тему, как «Тактика Льва», в 940–950-е гг. создано не было.

В историографии обсуждался вопрос о внесении при Константине VII некоторых поправок и дополнений в саму «Тактику Льва». Однако достоверно обосновать удалось только то, что частичному исправлению подверглось Распоряжение 20 «Тактики»⁶³. Известно, что данный текст является ярким образцом византийской гномической литературы (греч. γνῶμη – «мысль, мнение»). Однако французский филолог Жозе Гросдидье де Матон, посвя-

⁶⁰ Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin*. P. 292: «stratège en chambre».

⁶¹ Подробнее см.: Dain A., De Foucault J.-A. *Les stratégestes byzantins*. P. 382–385.

⁶² См.: Haldon J. *Theory and practice in tenth-century military administration*. P. 201–352; Pryor J., Jeffreys E. *The age of ΔΡΟΜΟΝ*. P. 183–187.

⁶³ См.: Mazzucchi C. M. *Dagli anni di Basilio Parakimomenos (Cod. Ambr. B 119 Sup.) // Aevum*. 1978. Vol. 52. Fasc. 2. P. 279–281.

тивший этому тексту специальное исследование, установил, что первые буквы 220 параграфов Распоряжения 20 образуют акростих (ἀκροστιχίδα): «Во имя Отца и Сына и Святого духа, святой и единосущной и досточтимой Троицы, единого и истинного Господа нашего, Лев, миролюбивый во Христе автократор, благоверный, благочестивый, во веки священный август и <τοοθπννιοα> император римлян»⁶⁴.

Первоначально на месте бессмысленного набора букв τοοθπννιοα было слово Александр (Ἀλέξανδρος)⁶⁵. Так звали младшего брата и соправителя Льва VI, который единолично занимал императорский престол в 912–913 гг. Из исторических хроник второй половины X в. известно, что окружение безвольного и тяжело больного Александра всячески настраивало его против племянника. В частности, Симеон Магистр писал: «Император Александр... замыслил сына Льва сделать евнухом. Однако этому помешали те, кому покровительствовал Лев, указывая на малый возраст и телесную немощь Константина»⁶⁶. Впоследствии Константин VII постарался, насколько это было возможно, уничтожить любые упоминания об императоре Александре. Одним из примеров такого *damnatio memoriae* (лат. «проклятие памяти») является исправление текста «Тактики Льва». Впрочем, при Константине Багрянородном исправлению и корректировке подверглись не только военные трактата-

⁶⁴ См.: Grosdidier de Matons J. Trois études sur Léon VI // Travaux et mémoires. 1973. Vol. 5. P. 229–242. См.: ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου καὶ προσκυνητῆς τριάδος τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν λέων ὁ εἰρηνικὸς ἐν χριστῶ αὐτοκράτωρ πιστὸς εὐσεβῆς εὐμενῆς ἀεισέβαστος αὐγουστος καὶ <τοοθπννιοα> βασιλεὺς ῥωμαίων.

⁶⁵ Grosdidier de Matons J. Trois études sur Léon VI. P. 239.

⁶⁶ Symeon Magister. P. 716.14–19: ὁ δὲ βασιλεὺς Ἀλέξανδρος... τὸν δὲ τοῦ Λέοντος παῖδα πολλάκις εὐνουχίσει βουληθεὶς διεσκεδάσθη παρὰ τῶν ὑπὸ τοῦ Λέοντος εὐεργηθέντων, ποτὲ μὲν ὡς νήπιον, ποτὲ δὲ ὡς ἀσθενοῦντα ὑποβαλλόντων.

ты, но и другие тексты – исторические, агиографические, риторические и пр.⁶⁷

Длительное правление Константина VII было наполнено судьбоносными для Византии военно-политическими событиями. Так как после смерти в 927 г. царя Симеона исчезла болгарская угроза Константинополю, геополитическая обстановка позволила Византии возобновить широкомасштабные боевые действия против Халифата⁶⁸. Несмотря на то, что войны с арабами шли с переменным успехом, к середине X в. империи удалось добиться на Востоке впечатляющих успехов. Почти ежегодно византийские войска совершали походы в Сирию, Месопотамию или Закавказье. В результате, к 959 г. восточные рубежи державы Константина VII протянулись от Киликийских ворот к среднему течению Евфрата, и далее к Феодосиополю и Трапезунту⁶⁹.

Важными документами, фиксирующими отношение императорской власти к вооруженным силам и войне в целом, являются новеллы Константина VII и его т. н. солдатские речи⁷⁰. Принадлежность этих текстов перу самого императора в историографии оспаривается⁷¹. В частности, установлено, что вступительные части новелл, которые были посвящены военным пробле-

⁶⁷ См.: Grosdidier de Matons J. *Trois études sur Léon VI*. P. 241–242; Brandes W. *Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / hrsg. von L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. S. 99–107.*

⁶⁸ Подробнее см.: Nikolov A. *Making a new basileus: the case of Symeon of Bulgaria (893–927) reconsidered // Rome, Constantinople and newly-converted Europe: archaeological and historical evidence / ed. by M. Salamon et al. Kraków; Leipzig, 2012. P. 101–108.*

⁶⁹ Подробнее см.: Васильев А. А. *Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 309–310.*

⁷⁰ См.: Каждан А. П. *Византийская армия в IX–X веках. С. 19–20.*

⁷¹ См., например: Шевченко И. И. *Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 28–29 и примеч. 49.*

мам, были написаны патриkiem Феодором Декаполитом, который занимал должность квестора (глава судебного ведомства империи)⁷².

Несмотря на официальную миролюбивую риторику, в большинстве войн Византия стремилась добиться заранее определенных целей. Рациональный и практический подход к военным конфликтам стал характерен для империи со второй половины VIII в., когда правящая династия Исавров включилась в борьбу с соседними государствами за человеческие и материальные ресурсы. Пришедшая им на смену Аморийская, а затем и Македонская династии продолжали вести войны с целью приобретения новых территорий. Прежде всего, это предоставляло возможность использования экономического потенциал вновь завоеванных областей. Однако гораздо более важным результатом успешных военных кампаний являлся не контроль над новыми крепостями, портами или дорогами, а увеличение численности населения. Рост числа налогоплательщиков увеличивал доходы казны, военные мобилизационные возможности и пр.⁷³ Для того чтобы успешно проводить такую политику необходима была сильная и боеспособная армия, причем от нее требовалось не только вести боевые действия на землях противника, но и оборонять территорию империи.

Основой византийских вооруженных сил в IX–X вв. являлись провинциальные ополчения. Сохранению их высокой боеспособности государство придавало первостепенное значение. Императоры Македонской династии, начиная со Льва VI, издали ряд законодательных актов (новелл), посвящен-

⁷² См. о нем: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 6. S. 351–353, Nr. 27708 (Θεόδωρος ὁ Δεκαπολίτης).

⁷³ Подробнее см.: Haldon J. *The organisation and support of an expeditionary force: manpower and logistics in the middle Byzantine period // Byzantium at War (9th – 12th century)* / ed. by K. Tsiknakēs. Athens, 1997. P. 114–119; Мохов А. С. *Византийская армия в середине VIII – середине IX в.* С. 80–81.

ных защите стратиотского сословия⁷⁴. Рефреном в них звучала идея: «Что в теле голова, то в государстве войско; сообразно с тем или другим состоянием той и другого, все изменяется подобно всякому организму; кто не прилагает о них большой заботы, тот погрешает против собственной безопасности»⁷⁵.

По утверждению Продолжателя Феофана, в первые годы единодержавного правления Константин VII решил покончить с ужасными поборами, которым со времен его предшественника Романа I подвергали бедняков стратиги и протонотарии фем, а также с насилием, которое творили с этими несчастными стратиоты, пешие и конные⁷⁶. Далее в хронике перечислены фемы, куда император отправил своих доверенных лиц: Анатолик, Фракисий, Опсикий, Армениак. Характерно, что это были основные районы, где проживало наибольшее число стратиотских семей. По всей видимости, Константину VII удалось на время прекратить беззаконие: «бедняки получили передышку, и это была заслуга императора, совершенная с божественной помощью»⁷⁷.

⁷⁴ Основные публикации этих документов: Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. 4. С. 250–331; Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994; Land Legislation of the Macedonian emperors / ed., transl. and comment. by E. McGeer. Toronto, 2000.

⁷⁵ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. P. 118.1: Ὅσπερ ἐν σώματι κεφαλὴ, οὕτως ἐν πολιτείᾳ στρατεύμα.

⁷⁶ Theophanes Continuatus. P. 443.13–18. Отметим, что обвинения Продолжателя Феофана в адрес Романа I являются намеренным искажением реальных событий. На самом деле, Константин VII продолжил политику своего предшественника, который также пытался остановить процесс деградации стратиотских ополчений. В частности, в 928 г. Романом Лакапином была издана новелла, направленная против произвола фемных архонтов. Подробнее см.: Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 230–231.

⁷⁷ Theophanes Continuatus. P. 443.22 – 44.1: οἵτινες τῇ προτροπῇ τοῦ αὐτοκράτορος μικρὰν ἀνακωχὴν τοῖς πένησιν ἐδώρησαντο. καὶ τοῦτο ἄθλον καὶ προτερήματα τοῦ θεοῦ συνεργοῦντος τῷ ἄνακτι.

Продолжая политику, направленную на защиту стратиотского сословия, весной 947 г. Константин Багрянородный издал новеллу «О воинских участках», вступительное слово к которой написал Феодор Декаполит⁷⁸. Примечательно, что опытный в судебных делах квестор избрал резкий обличительный тон, стараясь показать всю сложность ситуации и необходимость ее скорейшего исправления⁷⁹.

Другой особенностью текста, написанного Декаполитом, являлось использование образных сравнений. В частности, он называл «в высшей степени зверским и жестоким» обычаем лишать стратиотских привилегий тех, кто выбыл из солдатских списков. Данную ситуацию квестор считал традицией «медведей, привитой государству»⁸⁰. Такое оригинальное сравнение не характерно для законодательных актов, и, в целом, для византийской литературы. Далее оно разворачивается следующим пассажем: «известно, что медведи, будучи мучимы голодом, лижут свои пальцы, а стратиоты не суть ли то же, что пальцы или, скорее, даже руки у государства»⁸¹.

Как человек образованный, Феодор Декаполит мог вдохновлялся сюжетами басен Эзопа, в которых медведь всегда выступает как могучее животное,

⁷⁸ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 116: Νεαρὰ κυροῦ Κωνσταντίνου βασιλέως τοῦ πορφυρογεννήτου, περὶ στρατιωτῶν, ἦν ὑπηγόρευσε Θεόδωρος πατρίκιος καὶ κοιαίστωρ ὁ Δεκαπολίτης.

⁷⁹ Ibid. P. 118–126 (текст новеллы). См. также: Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства. С. 286–293; Land Legislation of the Macedonian emperors. P. 75–76.

⁸⁰ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 122.80–81: τὴν αὐτὴν ταῖς ἄρκτοις φύσιν τῇ πολιτείᾳ προσέμενον.

⁸¹ Ibid. P. 122.81–83: λόγος γὰρ ἔχει μόνας θηρίων τὰς ἄρκτους λιμῶ πιεζομένας τοὺς δακτύλους περιλιχμᾶσθαι καὶ που καλῶς τις εἰδῶς χειῖρας ἂν μᾶλλον ὅλης τῆς πολιτείας ἀλλ' οὐχὶ δακτύλους τοὺς στρατιώτας εἶναι δοκοίη.

символизирующее свирепую силу и неукротимую мощь⁸². Не исключено также, что он был знаком с трактатом Артемидора «Онейрокритика» (Ὀνειροκριτικά), весьма распространенным в Византии X в. В частности, у древнегреческого автора есть толкование сна, связанное с привычкой медведей от голода сосать лапу: «Одному человеку приснилось, будто руки его превратились в медвежьи лапы. Этот человек был приговорен к смерти и отдан на съедение диким зверям: его, привязанного к деревянному столбу, растерзал медведь. В самом деле, лежа в берлоге, медведь лижет и сосет свою лапу, как бы питаясь ею»⁸³.

Далее Феодор Декаполит объяснил причину, побудившую императора обратить внимание на проблемы рядовых солдат. Характерно, что в этой части его слова во многом совпали с приведенным выше фрагментом из хроники Продолжателя Феофана. Квестор писал, что «римское государство пришло на край гибели»⁸⁴. Виновны в этом архонты, которые разными способами притесняли стратиотов. Они превращали их в слуг, требовали подарки и т. д. В целом, квестор весьма эмоционально описывал размах этого явления: «шло ужасное как бы состязание на арене зла; зло не остановилось только на динатах, но начавшись от них, коснулось и беднейших»⁸⁵.

⁸² Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 1: О поэтах. С. 276, 278.

⁸³ Artemidorus' Oneirocritica / text, transl. and comment. by D. E. Harris-McCoy. Oxford, 2012. P. 388, 49.

⁸⁴ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 125.128–129: ἐκ τῆς σφῶν καταφορᾶς εἰς ἔσχατον κίνδυνον τὴν τῶν Ῥωμαίων ἤλασαν ἀρχήν.

⁸⁵ Ibid. P. 124.119–121: Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ μέχρι τῶν δυνατῶν ἔσθη τὸ δεινόν, ἀλλ' ἐκεῖθεν ἀρξάμενον καὶ εἰς τοὺς ὀλιγοσθενεῖς ἐτελεύτησεν. В. Г. Васильевский при переводе данного фрагмента использовал термины «властели» (τῶν δυνατῶν) и «малосильные» (ὀλιγοσθενεῖς). См.: Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства. С. 292. Роман Лакапин в новелле 928 г. пояснял, что динатами (δυνατοί) «следует считать всех... кто может наводить страх на крестьян, продающих

В новелле Περί τῶν στρατιωτῶν нравы, царящие в военной среде, подвергаются суровой критике. В сложившейся негативной ситуации Декаполит обвинял командиров: «Эти люди были люди продажные, и в то же время, беспечные и невоинственные: трусливее муравьев и хищнее волков»⁸⁶. В этих сравнениях вновь проявляются влияние классической традиции. Так, малодушие муравья описано в басне Эзопа «Муравей и цикада», где главный герой отказывает в помощи легкомысленной и сладкоголосой певичке⁸⁷. Образ волков как синонима безудержной жестокости, яростной воинственности, часто использовался в античной литературе. Так, он встречался еще у Гомера, в описании преимущества ахейцев над троянцами: «Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев, // Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь // Дал по горам рассеяться»⁸⁸.

По нашему мнению, знакомство Феодора Декаполита с античной назидательной литературой бесспорно. В новелле «О воинских участках» квестор не только продемонстрировал свою образованность, но также применил знание басен Эзопа для создания ярких образов и сравнений. Хотя напомним,

землю... или же тех, кто может обещать им какие-либо благодеяния». См.: Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 70.83–85. В «Тактике» Льва VI термины «архонт» и «динат» также используются; первый из них обозначал командира при исполнении обязанностей, а второй – командира, свободного от службы. См.: Leonis VI *Tactica*. P. 510.121–123.

⁸⁶ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 124.121–127: ἄνθρωποι ὄνιοι, ἀμελεῖς, ἀπόλεμοι, μυρμηκῶν ἀγενέστεροι καὶ λύκων ἀρπακτικώτεροι δι' ὧν τοὺς ἐχθροὺς δασμολογεῖν οὐκ ἔχοντες ἠργυρολόγουν τοὺς ὑπηκόους.

⁸⁷ См.: Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. С. 252.

⁸⁸ Hom. II., 16.352–353: ὡς δὲ λύκοι ἄρνεσσιν ἐπέχραον ἢ ἐρίφοισι σίνται ὑπ' ἐκ μῆλων αἰρεύμενοι.

что новелла в целом была призвана прекратить беззаконие фемных архонтов по отношению к беднейшей части стратиотского сословия⁸⁹.

Следует отметить, что использование произведений античных писателей при подготовке императорских новелл было явлением редким. Гораздо чаще авторы официальных документов обращались к христианской традиции. Текст Феодора Декаполита не был исключением. В нем значение армии для государства постоянно подчеркивается при помощи эпитетов «христолубивое войско», «собранные Богом тагмы», «богохранимые фемы», и даже – «наши священные легионы»⁹⁰. В данном случае это не указывает на особую религиозность византийских властей. Речь идет скорее об обязательных элементах текста, нежели о благочестии.

Обратимся к «военным» речам Константина Багрянородного, которых до наших дней сохранилось две: *Oratio ad milites* и *De contionibus militaribus*. Они были обнаружены в одном из кодексов Амброзианской библиотеки в Милане (*Biblioteca Ambrosiana; cod. Ambr. B 119 Sup.*). В состав этой рукописи входят византийские полемологические сочинения последней четверти IX – середины X в. Детальный анализ данного манускрипта был проведен Карло Мария Маззучи. Итальянский филолог пришел к выводу, что кодекс был заказан паракимоменом Василием Лакапином в конце правления Константина Багрянородного, но работа над ним завершилась позднее, в 960–970-е гг.⁹¹

Греческий текст *Oratio ad milites* впервые был издан греческой исследовательницей Элени Гликадзи-Арвелер в 1967 г.⁹² Далее приведен перевод этого важного для исследуемой нами темы источника. Так как заглавие и начало

⁸⁹ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). 2009. Prolegomena. S. 149–151; Górecki D. Constantine VII's *Peri ton stratioton*. P. 152.

⁹⁰ Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens. P. 122.71: ταῖς ἱεραῖς λεγεῶσι.

⁹¹ Mazzucchi C. M. Dagli anni di Basilio Parakimomenos. P. 305–306.

⁹² Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P. 397–399. См. также английский перевод речи: McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 117–120.

первой строки в рукописи отсутствуют, в историографии принято называть данный текст «Обращение к армии» или «Обращение к восточной армии»⁹³.

«1. <...> Уже давно император получает известия о ваших славнейших подвигах. Сейчас появилась у меня возможность воздать вам должную хвалу. Многочисленные донесения моих верных слуг рисовали передо мной величественное и, вместе с тем, правдивое полотно вашей доблести, мужества, усердия в битве и негиблого боевого духа. Вы одержали победу так легко, будто бы сражались не в гуще страшной войны против свирепых врагов, а восторжествовали над слабыми женщинами, словно успех пришел к вам не в бою, а в детской игре. Словно не было у врага многочисленной конницы, мчащейся, обгоняя ветер, закованной в доспехи непревзойденной прочности, словно у врага не было недостатка в смертоносном оружии и хитроумных военных изобретений. Но не было у них нашего главного преимущества – надежды даруемой Христом, и потому все их старания были бесплодны. Как говорит Господь: «и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их»⁹⁴. Несокрушимая надежда, с которой вы доверились ему, помогла вам одолеть врага и завоевать трофеи. Эти победы известны теперь в далеких землях, где каждый человек знает о ваших подвигах.

2. Мои мужи, мой избранный народ, сила моя и неукротимая мощь! Бейтесь против врага еще яростней, и пусть в сражениях ободряет вас эта божественная надежда. Согласно естественному порядку вещей так все и должно быть. Человек, который однажды бился со своим противником и победил его, уже никогда не будет прежним. Он легко одолеет все страхи, которые мучили его перед испытанием, а потом с большим дерзновением бросится в гущу битвы с уже известным ему врагом. Все это верно и в отношении

⁹³ Mazzucchi C. M. *Dagli anni di Basilio Parakimomenos*. P. 303–304.

⁹⁴ Иер. 9:22: «Скажи: так говорит Господь: и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их».

противника: враг не вернется с тем же рвением. Теперь, когда он увидел нашу доблесть, он станет куда более сдержан и опаслив. Он будет бояться вновь вступить в ту юдоль страданий, что выпала ему раньше. Надежда внушает смелость вам, но ужасает врага. Поэтому не бойтесь, люди мои, не бойтесь, пусть ваши души исполняются усердием. Покажите врагу, поклоняющемуся Велиару или Мухамеду, чего может достичь вера в Христа. Будьте защитниками и воителями не только ради христиан, но и самого Христа, которого враг нечестиво отрицает⁹⁵. Что будет потом? Всем известно, что те, кто сражается от его имени, будут им вознаграждены, и что Христос не простер руки тем, кто не опоясался мечом к битве за него. Мои мужи! Он является нашим союзником, который один «крепок и силен в брани»⁹⁶, чей «изострен сверкающий меч, чьи стрелы упыются кровью»⁹⁷, воюющих с Ним. Он «разрушил советы язычников»⁹⁸, «превратил твердую крепость в развалины»⁹⁹, перед ним «глаза гордых поникли»¹⁰⁰. Он «научает руки мои брани, и мышцы мои

⁹⁵ Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P.398.28–32: Θαρσεῖτε τοιγαροῦν, ᾧ ἄνδρες ἐμοί, θαρσεῖτε, καὶ προθυμίας ἐμπλήσατε τὰς ψυχὰς, καὶ τοῖς ἐχθροῖς δεῖξατε τί μὲν οἱ πεποιθότες εἰς Χριστὸν δύνανται, τί δὲ οἱ Βελιάρ, εἶπουν Μουχοῦμετ, ἐπιγραφόμενοι βοηθόν. Οὐ γὰρ χριστιανῶν μόνον ἐκδικηταὶ καὶ ὑπέρμαχοι, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ Χριστοῦ γίνεσθε, τοῦ κακῶς ὑπ' ἐκείνων ἀθετουμένου.

⁹⁶ Псал. 23:8: «Кто сей Царь славы? – Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани».

⁹⁷ Втор. 32:41–42: «Когда изострю сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам; упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага».

⁹⁸ Псал. 32:10: «Господь разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов, [уничтожает советы князей]».

⁹⁹ Ис. 25:2: «Ты превратил город в груду камней, твердую крепость в развалины; чертогов иноплеменников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен».

¹⁰⁰ Ис. 5:15: «И преклонится человек, и смирится муж, и глаза гордых поникнут».

сокрушают медный лук»¹⁰¹ и «праведников подкрепляет Господь»¹⁰². Мы должны возложить все свои надежды на Него. Вооружившись, мы возьмем крест Его, с которым вы совсем недавно превратили свирепых воинов Хамвдана в добычу своих мечей, как ранее были обречены на волны египтяне.

3. Мы слышали, что воины, которые были у грязного Хамвдана, являлись его опорой. В них он вложил все свои надежды, считал их своей силой и мощью. Вы же, легко разгромившие тех, кто считал себя руками Хамвдана, можете ли стать неспособными к войне, забиться в ужасе и совершенном испуге? Пророческие слова святого Исаяи исполнились в их судьбе: «Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю»¹⁰³. По правде говоря, Хамвдан не имеет силы. Не верьте в его интриги и уловки – он испуган, он исполнен коварства, за ним нет надежной силы. Он, находясь в смертельном страхе перед вашим натиском, пытается заронить этот же страх в ваши умы с помощью разных хитростей и обманов. Однажды он провозгласил, что к нему уже спешит пополнение, что союзники собираются под его командованием. В другой раз, они якобы выделили ему огромные деньги для войны. Хамвдан специально распространял эти лживые сведения, чтобы вместе со слухами разрастался и страх слушателей. Все это – порождения глубоко испуганного ума, ни в чем не уверенного, потому что был бы уверен – не прибежал бы к злокозненным проискам. Сейчас он чувствует всю свою ничтожность и прибегает к помощи низкопробного хитроумия. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы лев, царь зверей, с его врожденным превосходством, унижался бы до криводушия и гнусных ухищрений? Оставляя в стороне такие бесполезные мелочи, он идет прямо на своего противника. Напротив, лис и подобные ему трусливые

¹⁰¹ Псал. 17:34–35: «научает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук».

¹⁰² Псал. 36:17: «ибо мышцы нечестивых сокрушатся, а праведников подкрепляет Господь».

¹⁰³ Ис. 13:14: «Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю».

существа, которые испытывают недостаток в правде и силе, ищут убежища в мерзкой подлости, которая позволяет им ловко охотиться и избегать смерти. Если можно было бы заглянуть в ум Хамздана, то вы бы увидели, как много слабости и сколько ужаса гнетут его. Даже через военные донесения он ощущает вашу силу. И с какой опаской ждет этого наступления?! Ведь он совсем не знает, что с ним будет и куда обратиться за помощью. Он суетливо пытается изобразить себя смелым и выстроить грамотную оборону. Не обращайтесь внимания, мои воины, на его потуги, на эту нелепую игру. С уверенностью во Христе восстаньте против врага. Вы знаете: слава настигает тех воителей, что посвятили свои добродетельные жизни борьбе за Господа. Это лучше всех богатств, прочнее любой другой славы.

4. Какая огромная тоска владеет мной, какое большое желание возгорается в моей душе, как я поглощен мечтою о тех днях, когда я, надев доспех на грудь и шлем на голову, взмахну копьем в правой руке и услышу трубу, зовущую в бой. И это мне предпочтительнее, чем носить корону и пурпур, потрясать скипетром и слушать церемониальные речи. Последнее даруется человеку, который не заслуживает этого Господом по причинам, ведомым только ему одному. Но оружие и доспехи даруется тем, кто любит только добродетель и почитает славу прежде прочих удовольствий. Не без причины я отправляю своих людей к вам. Я хочу, чтобы они стали моими глазами. Теперь я должен связать их клятвою и обращаюсь к ним.

5. Я требую, чтобы вы именем Господа и нашим именем, ничего не ставили выше любви, лучше сказать, добродетели и истины. Я требую, чтобы вы обо всем сообщали вашему императору и имели мужество говорить правду. Еще лучше, если вы будете вести письменный учет всем событиям, чтобы, когда вы приедете сюда, то могли рассказать, а мы могли посмотреть и хорошо подумать, кого и за что можно наградить и возвысить. Командиры малых фем будут переведены в большие, в то время, как стратеги больших фем получают богатые награды и пышные подарки. Командующие тагмами и другими подразделениями, кто воевал смело, будут вознаграждены соответственно их

деяниям. Некоторые станут турмархами, другие клисурархами или топотири-тами. Не только эти мужи получают награды. Если те, кто составляют воинское сообщество, продемонстрируют доблесть, то получат подлежащее выплате вознаграждение¹⁰⁴. Мы считаем вас нашими глазами и полагаемся на ваши сообщения и суждения. Но когда мы получим возможность убедиться в мужестве каждого воина, то сами решим, какие следует дать награды каждому».

Обратимся к анализу содержания и структуры *Oratio ad milites*. Прежде всего, следует согласиться с мнением Элены Арвелер о том, что в данном источнике отсутствуют важные сведения о военно-политической истории Византии середины X в.¹⁰⁵ Более того, в тексте вообще не упоминаются какие-либо события, позволяющие точно его датировать. Тем не менее, большинство исследователей считают, что «Обращение к восточной армии» было написано, а затем отправлено в войска в 950/951 г.¹⁰⁶

По данным византийских и арабских источников известно, что в первые годы единоличного правления Константина VII крупных боевых столкновений с арабами не было. Правда, значительное изменение произошло в расстановке политических сил в Северной Сирии. К 947–948 гг. Хамданид Сейф ад-Даула захватил Хомс, Ракку, Халеб и другие важные города данного региона. Это позволило эмиру серьезно увеличить свои военные и финансо-

¹⁰⁴ Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P.399.87–93: καὶ ὅσοι μὲν τῶν στρατηγῶν εὐτελεστέρων ἀρχουσι θεμάτων εἰς μείζονα μετατεθῆναι, ὅσοι δὲ μείζόνων, δωρεαῖς ἑτέραις καὶ ἀμοιβαῖς φιλοτιμηθῆναι. Ἀλλὰ καὶ τῶν ταγματικῶν καὶ τῶν ἄλλων, οἵτινες ἂν εὐψύχως ἀγωνίσωνται, κατὰ τὸ ἔργον ἕκαστον τιμηθῆναι· καὶ τοὺς μὲν τουρμάρχας, τοὺς δὲ κλεισουράρχας, τοὺς δὲ τοποτηρητὰς γενέσθαι. Μὴ τούτων δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων τῶν εὐτελῶν καὶ κοινῶν, ὅσοι ἂν ἀρετῆς ἐπιδείξωνται τρόπους, ἄξιον ἀπολαβεῖν τὸν μισθόν.

¹⁰⁵ Ibid. P. 400.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Markopoulos A. The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogenetos. P. 48–49 и указанную здесь библиографию.

вые ресурсы, которые впоследствии были направлены на войну против Византии¹⁰⁷.

В конце 940-х гг. столкновения между силами восточных пограничных фем и отрядами Сейф ад-Даулы возобновились, причем борьба протекала с переменным успехом. Из византийских военачальников наиболее успешно действовал патрикий Лев Фока, обладавший выдающимися качествами военного лидера¹⁰⁸. В частности, в 948–950 гг. он трижды наносил поражения войскам Сейф ад-Даулы. По предположению Эрика МакГири, в начале «Обращения к восточной армии» Константин Багрянородный упоминал именно его военные успехи¹⁰⁹. Американский исследователь указал, что единственное событие, по которому весьма условно можно датировать данный источник, также связано со Львом Фокой. Речь идет о той части *Oratio ad milites*, где император, подкрепляя свои доводы библейскими цитатами, призывает «богохранимое воинство» отважно сражаться с врагами. Он напоминает, что византийские воины «совсем недавно превратили свирепых воинов Хамвдана в добычу своих мечей, как ранее были обречены на волны египтяне»¹¹⁰. Казалось бы, такое сравнение лишено смысла. Однако одна из побед Льва Фоки была одержана как раз на берегу большого озера ал-Хадат (совр. İnekli Gölü) в Месопотамии. В 948 г. византийские войска взяли штурмом город Адата

¹⁰⁷ См.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 267. О Хамданиде Абу-л-Хасан Али Сейф ад-Дауле см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 5. S. 716–727, Nr. 26998 (Χαμβδᾶν, Χαμβδᾶς).

¹⁰⁸ См. о нем.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 117–125, Nr. 24423 (Λέων ὁ Φωκάς).

¹⁰⁹ Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P. 397.4–8; McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 116.

¹¹⁰ Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P. 398.41–43: ᾧ καὶ πρόην ὑμεῖς ὀπλισάμενοι τοὺς τοῦ Χαμβδᾶν κραταίους τοὺς μὲν ἔργον μαχαίρας πεποιήκατε, τοὺς δέ, κατὰ τοὺς πρόπαλαι Αἰγυπτίους, ὕδατι παρεδώκατε.

(Ἀδατᾶ), уничтожили гарнизон, разрушили крепостные стены, а затем с богатой добычей и пленными возвратились на территорию империи¹¹¹.

Элени Арвелер констатировала, что по жанру *Oratio ad milites* следует считать демегорией (δημηγορία). В классической античной литературе данный термин обозначал «речь перед народом», «речь на народном собрании» или «речь перед войском»¹¹². По утверждению Афанасиоса Маркопулоса, в Византии IX–X вв. демегории составлялись по определенным правилам, с использованием стандартных риторических приемов. От классических античных образцов они отличались, в первую очередь тем, что содержали значительное число библейских изречений, цитат из святоотеческой литературы, а также устоявшейся религиозной терминологией¹¹³.

Действительно, «Обращение к восточной армии» Константина VII имеет четкую структуру. Речь разделена на пять частей: 1) Восхваление войска, его героических побед, обоснование тезиса об армии как главной защите и опоре империи; 2) Призыв к воинам храбро сражаться с врагами, подкрепленный обильной религиозной риторикой; 3) Унижение и высмеивание врага (Хамвдана); 4) Декларативное заявление императора о намерении лично возглавить армию; 5) Щедрые обещания наград, почестей, титулов и должностей¹¹⁴. Все части логично связаны между собой, а многочисленные повторы тех или иных тезисов только призваны подчеркнуть их особую важность.

¹¹¹ Ioannis Skylitzes. P. 245.33–35. См. также: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 268.

¹¹² Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. P. 393–394.

¹¹³ Markopoulos A. The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogenetos. P. 49, 52–54. См. также: Riedel M. Biblical echoes in two Byzantine military speeches. P. 209–210.

¹¹⁴ Подробнее см.: Καραπλή Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 244–246; Riedel M. Biblical echoes in two Byzantine military speeches. P. 210–215. Ср.: McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 115–116.

Авторы ряда исследований, посвященных византийской военной риторике X в., полагают, что основным источником для «военных» речей Константина VII являлся трактат *Rhetorica militaris* Сириана Магистра¹¹⁵. Однако судя по числу сохранившихся рукописных копий, широкого распространения это сочинение не имело¹¹⁶. Гораздо более доступным и востребованным военным трактатом была «Тактика Льва». В этом произведении содержались многочисленные рекомендации для военачальников по поводу речей, произносимых перед войском¹¹⁷. Константин VII также использовал военно-теоретическое наследие своего отца, в некоторых случаях заимствуя из него целые фрагменты¹¹⁸.

Исходя из приведенного выше краткого обзора военно-политической ситуации на Востоке, можно заключить, что «Обращение к армии» было получено в войсках при достаточно благоприятной обстановке. Одновременно с этим, каких-либо выдающихся побед в борьбе с Сейф ад-Даулой доместиксхол Варда Фока, несмотря на локальные успехи его сына Льва, не добился¹¹⁹. Возникает вполне обоснованный вопрос: по какой причине императору потребовалось обращаться к армии именно в это время? Ответ на него очеви-

¹¹⁵ См.: Καραπλή Κ. Γ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Σ. 208; Markopoulos A. The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogenetos. P. 49–52.

¹¹⁶ Подробнее см.: Zuckerman C. The military Compendium of Syrianus Magister // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1990. Bd. 40. P. 210–212; Eramo I. Composition and structure of Syrianus Magister's military Compendium. P. 97–100.

¹¹⁷ См. например: Leonis VI *Tactica*. P. 616.1142–1146: стратег должен обращаться к войску с мудрыми речами (δημηγορῶν φρονήσεως).

¹¹⁸ Dain A., De Foucault J.-A. *Les stratégistes byzantins*. P. 361–363.

¹¹⁹ По словам Продолжателя Феофана, в декабре 944 г. Константин VII награждал Варду Фоку титулом магистра и назначил доместиком схол за «многолетнюю мужественную службу в войске». См.: Theophanes Continuatus. P. 436.5–8: ὁς αὐτίκα Βάρδαν τὸν τοῦ Φωκᾶ τῆ τοῦ μαγίστρου ἀξία τιμήσας, ὡς χρόνῳ πολλῶ τὴν ἐν τοῖς πολέμοις ἀνδραγαθίαν πολλάκις ἐπιδειξαμένου, δομέστικον τῶν σχολῶν προχειρίζεται.

ден – Константин VII опасался недовольства военных после катастрофического провала экспедиции на Крит в 949 г.¹²⁰

Известно, что для Константина VII эта военная кампания была крайне важна. На нее выделили огромные денежные средства, император лично руководил оснащением флота, отбирал воинские контингенты, назначал архонтов и пр. Все этапы подготовки скрупулезно фиксировались, чтобы не упустить ни одной, даже мельчайшей детали будущей великой победы¹²¹. Однако все эти невероятные усилия оказались тщетными. По словам российского византиниста А. А. Васильева, «жалким образом окончилась критская экспедиция 949 года, столь долго и заботливо подготовляемая... Неудача сильно подействовала на население империи и самого императора»¹²². Несомненно, главным виновником поражения являлся патрикий Константин Гонгила¹²³. Однако определенная доля вины лежала и на самом императоре, который назначил командовать флотом совершенно неопытного в военных делах придворного евнуха. По нашему мнению, *Oratio ad milites* была призвана укрепить пошатнувшийся авторитет Константина VII среди военных.

Вторая «военная» речь Константина VII получила в исследовательской литературе наименование *De contionibus militaribus*. Впервые она была опубли-

¹²⁰ Об экспедиции на Крит в 949 г. подробнее см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 270–286.

¹²¹ О подготовке критского похода подробнее см.: Haldon J. Theory and practice in tenth-century military administration. P. 258–265.

¹²² Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 286. См. также: Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine. P. 181–182.

¹²³ См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 584–585, Nr. 23823 (Κωνσταντῖνος ὁ Γογγύλιος, δρογγάριος τοῦ πλοῦμου).

ликована в 1908 г. венгерским историком военного искусства Режё Вари¹²⁴. Однако в рукописи (cod. *Ambro. B 119 Sup.*) сохранилось также ее греческое название: Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς στρατηγούς¹²⁵. В «Обращении» к стратигам восточных фем император Константин VII писал:

«1. О мужи! Часто говорить с вами, даже не имея надлежащего повода, горячее желание моего сердца. Мне дорога сама возможность вести беседы с вами о тревожащих и беспокоящих меня вещах. Я считаю каждого из вас достойным ласкового обращения и приветствий, выраженных в письменной форме. Я не могу любить и заботиться обо всех воинах ежечасно, но Господь, тот, кто единственный вечен и бессмертен, в своем безграничном сострадании даровал мне законное правление, может это делать. Он собрал великое множество солдат, лучших из числа всех моих подданных. Я же знаю, что всегда могу рассчитывать на вашу добрую волю и повиновение моим словам. Это является самым приятным из всего множества государственных дел. Бог через мои слова учит и наставляет вас в искусстве войны. Храбростью следует вдохновить тех, кто малодушен, смелостью окрылить вялых, выносливость станет лекарством для слабых. Эти добродетели, столь знакомые мне, должны стать для вас более приятными, чем все удовольствия и все восхищенные речи. Священные слова святого Евангелия, которые выразили величие Бога и любовь Отца к человечеству, таковы: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»¹²⁶. Я отдаю единственного мной рожденного сына, всего себя,

¹²⁴ Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos. S. 78–84. Перевод речи на английский язык см.: McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 127–134.

¹²⁵ Mazzucchi C. M. Dagli anni di Basilio Parakimomenos. P. 303–304.

¹²⁶ Иоан. 3:16. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

душу и тело. Я соединяю и смешиваю мою плоть с вашей плотью и мои кости с вашими костями, мои руки и ноги, двигающиеся и идущие с вами. Моя душа, хотя она одна, разлита между всеми вами. И я хочу, чтобы Господь мой всех собрал воедино, чтобы вдохнул жизнь в войско – и, тем самым, в меня. «Дети, я родил вас во Христе Иисусе благовествованием»¹²⁷ и «Ввел его и насадил на горе достояния Твоего»¹²⁸. Бог вас воспитал до зрелости и привел к полной мере юной энергии. Примите же это увещание, что вышло вам от самой глубины моей души и ее скрытых тайников. Мое сердце и моя плоть радуются псалму пророка Давида: «Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании»¹²⁹. Действительно как можно не ликовать и не радоваться, когда Бог наградит своих последователей, могучую армию, храброе и отважное воинство, сильных борцов и защитников римлян? Много раз через письма мы пробуждали вас к храбрости и передавали наставления. Но мы не чувствуем избытка общения с вами. Что же? Мы желаем выразить все рвение, пыл, теплоту нашей тоски по вам. Но мы не можем даже надеяться заполучить «крылья, как у голубя и успокоиться»¹³⁰ среди вас и нашей любви к вам.

2. Но сейчас я недоволен нашими предыдущими начинаниями и оцениваю их как скудные, по сравнению с огненной теплотой нашей любви к вам. Нами были посланы к вам люди, которых мы привыкли считать самыми послушными, самыми верными, самыми достойными, отличающимися мудро-

¹²⁷ 1Кор. 4:14–15: «Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием».

¹²⁸ Исх. 15:17: «Введи его и насади его на горе достояния Твоего, на месте, которое Ты соделал жилищем Себе, Господи, во святилище, которое создали руки Твои, Владыка!»

¹²⁹ Псал. 15:9: «Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании».

¹³⁰ Псал. 54:6: «И я сказал: кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы».

стью и опытом. Также эти слуги пользуются у нас бóльшим уважением, чем другие. Вы можете это видеть, ведь нам далеко не просто далось решение отпустить их так далеко от себя. Мы поставили их над вами, как ваших лидеров и командиров. Их первая задача состоит в том, чтобы выбрать самого мужественного и отважного между вами, и выделить его среди других людей. Это значит, что ваша добродетель не останется незаметной и незамеченной. Трусость последних среди вас отбрасывает тень и затемняет мужество остальных, поэтому трусливых людей заменят на избранных ими. Такого рода подготовка, выбор, тяжелый труд, кропотливые усилия, пусть приведут наши христоролюбивые тагмы и фемы к более могучему и лучшему состоянию. Одним своим именем они смогут запугать своего противника.

3. Так как мы узнали через донесения тех же самых знатных мужей и наших самых достойных служителей, что в соответствии с моим приказом, или, вернее, в соответствии с предрасположением и влиянием Бога, они уже отвергли все, что бесполезно и непригодно к войне. В это же время нужные и исправные вещи, которые несут на себе всю тяжесть боя, они выбрали и выделили. Они заботились о войске, ведь таков их непрестанный тяжелый труд, касающийся распоряжений вашими боевыми порядками. Эти слуги нашей царственности готовы стать вашими командирами и наставниками. Теперь, когда вы готовы начать военную экспедицию и стоять против врага в тех областях, куда они были назначены нашей царственностью, наша радость увеличилась в тысячу раз. Мы, заливаясь слезами и восторгом, считали себя недостойными такого счастья. Мы читали молитвы, обращались с мольбой к Богу. Святые отцы, те самые, «которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли»¹³¹, вняли нашим речам: мы просили их молить о прощении непрестанно за вас и от вашего имени. То же самое делают в церквах и благочестивых монастырях хранимого Богом

¹³¹ Евр. 11:38: «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли».

Города. Мольбы всех этих святых людей поднимутся до ушей Господа Бога и смешаются воедино с вашим рвением и доверием к нам. Пусть путь, лежащий перед вами, будет легким и гладким, но мы настоятельно требуем от вас смелости и предусмотрительности. Помощь нашего благоволящего Бога, молитвы святых отцов способствуют похвальной вашей храбрости и доблести. Примите наше увещевание как от ласкового и любящего вас отца, который каждый день, несмотря на его бесчисленные дела, стремится к вашему благосостоянию.

4. Верные и возлюбленные чада; армия, освященная и собранная Богом, теперь, как никогда, пришло время для храбрости и славного мужества ваших отрядов, а также всем известной похвальной доблести. И хотя в последние годы вы много раз смело боролись, одолевая врагов, все-таки некоторые из этих подвигов были совершены благодаря зыбкой и случайной возможности. Другие же подвиги только внешне имели черты мужества, но, на самом деле, не было и этого. Ваши храбрые деяния не были отделены от трусливых поступков. Ваши дела были скрыты безлунной ночью или схваткой в темноте в беспорядочной путанице. Мы выбрали самых верных слуг и истинных служителей из числа тех, чье мужество и отвага поселятся в сердце каждого из вас. Те мужи, которые раньше были неизвестными или забытыми из-за происков завистников (я не могу говорить ничего, кроме правды), могут выступить вперед, выйти на свет, проявить храбрость и смелость. Их долготерпение будет оценено – «плевелы и пшеницы оставьте расти вместе»¹³². Теперь следует разбросать их свободно, смело броситься в непреодолимый натиск против врага. Выступайте против неприятеля, не прячьтесь и не убегайте в тыл, а оставайтесь на месте. У меня есть свидетели вашего мужества, это те

¹³² Мф. 13:29–30: «Но он сказал: нет – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою».

люди, которые выступают от моего имени. Они должны пробудить ваше военное рвение словами и делами. Покажите им самую благородную и твердую врожденную решимость. Пусть они увидят ваши крепкие руки, борющиеся с врагом, пусть поражаются и пусть они славят Бога. Я полностью предан вам, и как есть один вход в жилище, так вы одни в моем сердце. Я был так тронут, в моей душе смешались любовь и тоска по вам, что с одобрения и разрешения Бога подготовился сопровождать вас в походе. Наконец, я сумею увидеть своими глазами то, о чем в прошлое время мог прочитать только в докладах.

5. Ваше страстное желание увидеть нас и нашего сына, братья кавалеристы, братья пехотинцы, братья по оружию, должно подтверждаться вашими делами. Укрепляйте подвигами любовь к нам в ваших сердцах, ведь ваш героизм дает нам силы и дарует бодрость. Все это важно для будущей победы. И я готов стать вместе с вами участником военной кампании. Теперь все более распространяются слухи относительно нечестивого Хамвдана и ненавидящих Христа жителей Тарса. Дескать, они смелы и в делах войны стали совершенно непобедимы. Раньше, из страха или слабости, вы избегали этих врагов в бою. Но теперь, как вы сами знаете, все совершенно иначе. Некоторое время назад против этих земель и самой проклятой крепости Тарс был отправлен стратиг со значительными силами. Он далеко продвинулся в пределы Тарса, а затем, подготовив свое войско с величайшим рвением и вдохновляющими речами, повел военную кампанию. О том, что он взял в плен множество тарсиотов и многих их предводителей, известно каждому из вас. Кроме того, воинство во главе с патрикием было отправлено в Месопотамию, которое сошлось с доблестными и непобедимыми, как думали, отрядами Хамвдана и легко одолело их. Ручаюсь, что это вдохновит ваши души быть более смелыми и уверенными в борьбе с врагом¹³³.

¹³³ Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos. S. 81, 5.7–17: πρότερον μὲν γὰρ ὑπέτροχε τις φήμη περὶ τοῦ δυσσεβεστάτου Χαμβδᾶ καὶ τῶν μισοχρίστων Ταρσιτῶν, ὡς εἰσὶν ἀνδρεῖοί τε καὶ λαὸν πρὸς πολέμους ἄμαχον

6. Пространный, изобилующий подробностями доклад о вашем несравненном мужестве, могучем натиске, а также то, что вы показываете в сражении непреодолимый дух, достиг ушей иноземцев. Несколько отрядов из этих чужеродных народов, недавно присоединившихся к вам в походе, были поражены, желали увидеть своими глазами мужество и доблесть тех, кто столь часто рисковал жизнью. Пусть они теперь будут вдохновлены вашим мужеством, пусть они восхищаются вашей несокрушимой и непревзойденной мощностью, направленной против варваров. Что до меня, то пусть народы удивляются и поражаются силой и мощью моих людей. Укрепите ваши души, тренируйте ваши руки, оттачивайте ваши зубы как дикие кабаны. Пусть не будет ни одной попытки показать врагу свою спину, и пусть человек, которому в голову приходит такая мысль, знает, что в скором времени она окажется для него гибельной. Пусть слава о ваших героических подвигах достигнет чужих краев, пусть отряды иноземцев, сопровождающие вас, изумляются вашей дисциплине, пусть они шлют к своим соотечественникам гонцов-свидетелей ваших триумфов. Пусть они привезут трофеи, эти символы одержанных побед, чтобы все могли их увидеть.

7. Христоролюбивые и призванные Богом силы Востока! Мы упомянем также о том, что армии Македонии и Фракии присоединятся к нам по ходу кампании. Об этом мы заявляем, чтобы слышали все: эти люди тоже ваши братья по оружию и соратники, они продемонстрировали доблесть во многих битвах. Когда они были отправлены в Лонгобардию, то одержали победу над

κέκτηνται, ἐξ οὗ πτοούμενοι καὶ καταχαυνούμενοι τὴν πρὸς ἐκείνους συμπλοκὴν ὑπεφεύγετε· ἀλλὰ νῦν τοῦτο οὐκ ἔστιν· ὡς γὰρ καὶ αὐτοὶ γινώσκετε, ὅτι ἀποσταλεῖς ὁ δεῖνα μετὰ καὶ τῶν λοιπῶν στρατηγῶν πρὸ καιροῦ τινος κατὰ τῶν χωρῶν καὶ κάστρων τῆς θεολέστου Ταρσοῦ, καὶ εἰς τὰ ἐνδότατα τούτων εἰσελθὼν, καὶ πάσῃ προθυμίᾳ καὶ λόγοις προτρεπτικοῖς τὸν σὺν αὐτῷ λαὸν καθοπλίσας ὁποῖον εἰργάσατο ταξειδίον, καὶ ὁπόσους ἐχειρώσατο καῖτας καὶ λαὸν πλεῖστον τῶν Ταρσιτῶν, οὐδένα ὑμῶν διέλαθεν.

врагом, усмирили и покорили тех, кто выступал против нашей царственности. Порука в том – наше слово. И потому, будучи преданными воинами императора, будьте готовы вместе провести этот поход. Будьте расположены к ним, как братья, и как отцы позаботьтесь об их безопасности. Они же, отправленные чтобы разделить с вами славу, станут верными товарищами в опасностях и подвигах.

8. Все, и василевс, и военачальники, и служители, и солдаты, должны принести пользу государству. В этом письме я уповаю на Христа, истинного Бога, единственного бессмертного царя, и надеюсь, что вы не сделаете позорным мое ожидание, что не угаснет моя вера в вас, что вы не дадите повода к унынию и не обесцените ваше служение. Как истинные и самые верные слуги и подданные нашей царственности, как крепкие и непобедимые защитники людей нашей державы, вы уже показали высшую степень мужества, доблести и отваги. Вернетесь же победителями, блестящими триумфаторами, достойными торжественных аккламаций. Мы будем целовать раны, полученные ради Христа, будем почитать вас как мучеников, будем гордиться пролитой кровью, будем прославлять вас и ваши доблестные сражения и победы. Так что знайте, насколько я воспламенен душевно, насколько поглощен думами о вас. Помните, «принял дары для человеков»¹³⁴ – и будет святая вода из чистейших источников, самые священные реликвии Страстей Христа, нашего истинного Бога. Драгоценные деревянные фрагменты Животворящего Креста, неоскверненное копье, бесценная табличка с титулом, чудотворный калам, живительная кровь, которая текла из Его драгоценного ребра, священная туника, святые пелены, богонесущая простынь и другие реликвии Его пречистых страстей, отправлены вам, чтобы вы могли сами ощутить их божест-

¹³⁴ Псал. 67:19: «Ты восшел на высоту, пленил плен, принял дары для человеков, так чтоб и из противящихся могли обитать у Господа Бога».

венную силу¹³⁵. Ибо я верю в истинного Бога и Спасителя Христа, который одарил род человеческий жизнью через кровь, которая истекала из его драгоценного ребра. Так что Он через окропление этой святой водой оживит вас, ниспошлет вам уверенную победу над врагом. Ведь Христос – наш создатель и защитник всего сущего, истинный наш Бог, которому мы поклоняемся. Мы восславим Его предвечного Отца и животворящего Духа, у коих одна природа, которая укрепляет беспомощных и ободряет кротких. По воле Бога войско фараона было поглощено в морской пучине. Он – «с чистым – чисто»¹³⁶, господин, «восседающий на Херувимах»¹³⁷, и «смиренного видит»¹³⁸. Те, кто «препояшет Себя по бедру мечом Твоим»¹³⁹, кто сильны в войне и оказывают помощь свыше для тех, кто призывает Его, «над кощунниками он посмеивается»¹⁴⁰. Он «нечестивых унижает до земли»¹⁴¹, «научает руки мои брани» и «поражает войско и сокрушает медный лук»¹⁴², «дал щит спасения»¹⁴³, чтобы

¹³⁵ Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos. S. 83, 8.17–23: καὶ τὰ διὰ Χριστὸν τραυματισθέντα σώματα ὑμῶν, ὡς μαρτυρικὰ μέλη, κατασπασόμεθα καὶ τῷ τοῦ αἵματος λύθρῳ ἐγκαυχησόμεθα καὶ ἐνδοξασθησόμεθα ἐφ' ὑμῖν καὶ τοῖς ὑμετέροις γενναίοις κατορθώμασί τε καὶ ἀγωνίσμασιν, ἵνα δὲ γνῶτε, ὅποσον περὶ ὑμῶν ἐμπυρίζομαι τὴν ψυχὴν καὶ ὅλος διακαίομαι καὶ καταφλέγομαι πάντοθεν ὑμῖν ἐπινοῶν τὰ πρὸς σωτηρίαν συντείνοντα καὶ κατευοδοῦντα ὑμᾶς, ἰδοὺ ἐκ τῶν ἀχράντων καὶ πανσέπτων συμβόλων τοῦ πάθους Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν.

¹³⁶ Псал. 17:27: «с чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его».

¹³⁷ Псал. 98:1: «Господь царствует: да трепещут народы! Он восседает на Херувимах: да трясется земля!»

¹³⁸ Псал. 137: 6: «высок Господь: и смиренного видит, и гордого узнает издали».

¹³⁹ Псал. 44:3: «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею».

¹⁴⁰ Притч., 3:34: «Если над кощунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать».

¹⁴¹ Псал., 146:6: «Смиранных возвышает Господь, а нечестивых унижает до земли».

¹⁴² Псал., 17:34: «научает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук».

преследовать безбожных врагов, пока они не «падают под ноги»¹⁴⁴. Он «препоясал силою для войны»¹⁴⁵, «обратил ко мне тыл врагов» и в «прах пред лицом ветра»¹⁴⁶ Он превратил борющихся с ним. Пусть Он в своей бесконечной и невыразимой, неизмеримой и непостижимой благодати смотрит, сострадая, на вас с милосердием и благосклонностью. Он смотрит на вас сверху добрым взглядом. Да расстелет Он ваш путь перед вами, направит ангела своего, и тот укажет дорогу. Пусть он окружит вас сонмом ангелов, чтобы те хранили вас от врага. Так, благодаря Его власти, вы вернетесь с победой, и славословия триумфа навечно останутся в памяти всех новых поколений. И это, несомненно, будет причиной для нашей радости, радости за ваши достижения, украшенные подвигами, совершенными благодаря заступничеству Пречистой Матери Божией и всех бесплотных ангелов, и всех святых, служивших ему вечно и принявших мученическую смерть ради него. Аминь!»

В отличие от первой «военной» речи Константина VII, «Обращение к восточным стратигам» неоднократно рассматривалось в научной литературе. Большинство исследователей считает, что *De contionibus militaribus* была написана весной 958 г., когда на восточной границе империи сложилась угрожающая ситуация¹⁴⁷. В предыдущие годы византийские войска потерпели от Сейф ад-Даулы несколько серьезных поражений. Чтобы не допустить даль-

¹⁴³ Псал., 17:35: «Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня».

¹⁴⁴ Псал., 17:38: «поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои».

¹⁴⁵ Псал., 17:39: «ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои вставших на меня».

¹⁴⁶ Псал., 17:42: «я рассеваю их, как прах пред лицом ветра, как уличную грязь попираю их».

¹⁴⁷ См.: Shepard J. Constantine VII, Caucasian openings and the road to Aleppo // *Eastern approaches to Byzantium: Papers from the Thirty-third Spring Symposium of Byzantine Studies*, University of Warwick, Coventry, March 1999 / ed. by A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 29–36; McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 121–127 и указанную здесь библиографию.

нейшего ухудшения обстановки, против «безбожного Хамвдана» были отправлены значительные подкрепления¹⁴⁸. Вместе с ними отправился паракимоен Василий Лакапин, который и доставил восточным стратигам послание императора¹⁴⁹.

Василий Ноф пользовался полным доверием Константина VII. По всей видимости, незаконнорожденный сын Романа Лакапина был наделен чрезвычайными полномочиями, так как положение в армии требовало немедленных и самых решительных действий со стороны властей¹⁵⁰. Одновременно с этим, император знал об огромном влиянии, которое имели на восточные войска полководцы из семейства Фок. Игнорировать их интересы было опасно, так как для этого аристократического клана война против Сейф ад-Даулы имела принципиальное значение¹⁵¹. Дело в том, что в 953 г. под Германикеей (Марашем) в плен к Сейф ад-Дауле попал стратиг Селевкии Константин Фока, младший сын доместика схол Варды Фоки. Несмотря на многочисленные попытки освободить его, Константин скончался в Халебе через несколько месяцев. Отец и братья поклялись отомстить эмиру, и впоследствии исполнили свою клятву. Следовательно, Василию Лакапину предстояло не только навести порядок в армейской верхушке, но также договориться с Фоками о сохранении их лояльности императору.

По мнению Эрика МакГира, в *De contionibus militaribus* Константин VII подробно разъяснял высшему командному составу восточных войск причины

¹⁴⁸ О ходе военных действий в 950-е гг. см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 286–299.

¹⁴⁹ Theophanes Continuatus. P. 461.9–11: Τὸν δὲ πατρικίον καὶ παρακοιμώμενον Βασίλειον ὁ πορφυρογέννητος κατὰ τοῦ ἀθέου Χαμβαδᾶ μετὰ ἐκστρατείας καὶ δυνάμεως λαοῦ καὶ πολλῆς ἐξοπλίσεως ἀποστέλλει.

¹⁵⁰ Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogennetos. S. 79, 2.5–14.

¹⁵¹ Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 600–602, Nr. 23841 (Κωνσταντῖνος ὁ Φωκᾶς, στρατηγός τῆς Σελευκείας).

столь активного вмешательства императорской власти, а также подтверждал чрезвычайные полномочия Василия Лакапина¹⁵². По этой причине «Обращение к восточным стратигам» нельзя считать обычной «речью перед войском». Характерные для демагории декларативные заявления, религиозная риторика, пропагандистские призывы и щедрые обещания присутствуют в речи, но выполняют второстепенную функцию. Главное, о чем император хотел сообщить архонтам Востока, сводилось к следующему: 1) Старое руководство армией не справилось со своими обязанностями; 2) Будут назначены новые, более компетентные, командиры; 3) Для военных операций против Сейф ад-Даулы вскоре отправят войска из западной части империи и контингенты иностранных наемников; 4) Архонты обязаны выполнять все распоряжения доверенного представителя императора Василия Лакапина, что позволит в кратчайшие сроки разгромить врага.

Следует отметить, что все перечисленные мероприятия по повышению боеспособности восточной армии были реализованы в короткие сроки. Это подтверждается многочисленными свидетельствами византийских и арабских источников. В первую очередь, покинул свой пост магистр Варда Фока, а новым domestиком схол был назначен его старший сын Никифор¹⁵³. По словам Продолжателя Феофана, при новом командующем быстро был наведен порядок: никто больше не боялся врага, не нарушал приказов, не избегал сражений, не пьянствовал, не нарушал строй. Войско Никифора двинулось на арабов, чувствуя себя на земле врага, как на своей, и вскоре одержало славную победу¹⁵⁴.

¹⁵² См.: McGeer E. Two military orations of Constantine VII. P. 121–127.

¹⁵³ Theophanes Continuatus. P. 459.13–17.

¹⁵⁴ Ibid. P. 459.17 – 460.4: ἄνδρα ἐν πολλοῖς καὶ διαφόροις πολέμοις εὐδοκμήσαντα καὶ ἄριστον ἀναφανέντα· καὶ τῇ ἡδυτάτῃ διαλαλιᾷ καὶ θωπείᾳ αὐτοῦ κοσμήσας τὰ στρατεύματα καὶ πρὸς τοὺς πολεμίους Ἀγαρηνοὺς ἐχώρει, ὡς πάντα τὰ στρατεύματα θαρρεῖν καὶ ὡς ἐν ἰδίῳ χώρῳ παροικίαν ποιήσασθαι καὶ μήτε

Напомним, что первые подкрепления прибыли на Восток вместе с Василием Лакапином. Помимо фемных контингентов из Фракии и Македонии, в сражениях с арабами принимали участие наемники: франки, венгры, росы и болгары. С 959 г. к ним начали присоединяться отряды грузинских и армянских союзников Византии¹⁵⁵.

Неоднократно высказанная Константином VII в *De contionibus militaribus* уверенность в разгроме Сейф ад-Даулы оказалась вполне обоснованной, так как военные потенциалы Византийской империи и эмирата Хамданидов были несопоставимы. Отметим, что первые победы византийских войск над мусульманами были одержаны еще до прибытия Василия Лакапина. Неудивительно, что первым отличился Лев Фока. В 956 г. он уничтожил арабский отряд, которым командовал двоюродный брат Сейф ад-Даулы по имени Абу-л-Ашаир¹⁵⁶. Иоанн Скилица писал, что Лев Фока разгромил Абу-л-Ашаира, человека выдающегося, родственника Хамвдана, который шел войной на римлян с бесчисленным войском. Одну часть его армии Лев уничтожил в бою, а другую захватил в плен и отправил в Константинополь. Когда Абу л-Ашаира привезли в столицу, император Константин приказал устроить триумф, поставил пленнику ногу на шею, но затем доброжелательно распорядился оказывать ему почести¹⁵⁷.

κρυπτομένων ἢ βακχευόντων ἢ ὑποστρεφόντων, ὡς ἔθος ἦν αὐτοῖς· ἀλλὰ πάντες τομῶς ἐχώρουν πρὸς τοὺς πολεμίους ταῖς ἀσπίσι περιφραξάμενοι καὶ τοῖς δόρασιν ἀμυνόμενοι καὶ κατὰ κράτος τοὺς Ἀγαρηνοὺς ἀφανίζοντες.

¹⁵⁵ См.: McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 200–201.

¹⁵⁶ Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 29–30, Nr. 20040 (Ἀπολασαεῖρ).

¹⁵⁷ Ioannis Skylitzes. P. 241.18–24: ὁ δὲ Λέων Ἀπολασαεῖρ, ἐπίσημον ἄνδρα καὶ τοῦ Χαμβδᾶν συγγενῆ, σὺν ἀπίρῳ πλήθει κατὰ Ῥωμαίων ἐξελθόντα τρεψάμενος καὶ κατασχὼν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπέστειλε, τοῦ ἄλλου πλήθους τὸ μὲν ἐν τῇ τοῦ πολέμου προσβολῇ κατακτείνας, τὸ δὲ ζωγρήσας. ὄν ἀχθέντα πρὸς τὴν βασιλῖδα ὁ

По мнению Майкла МакКормика, триумфальное шествие было устроено Константином VII для того, чтобы продемонстрировать жителям Константинополя «хотя бы какие-то признаки военного успеха»¹⁵⁸. Однако именно с этого события началось знаменитое византийское «время триумфов», которое продолжалось до 972 г.

Оставив нового domestika схол Никифора Фоку действовать против арабов в Северной Сирии, Василий Лакапин отправился дальше на восток, в Месопотамию. Незадолго до его прибытия стратиг Месопотамии патрикий Иоанн Цимисхий разгромил большое арабское войско, захватив в плен около 3 тыс. воинов Сейф ад-Даулы. Когда Лакапин и Цимисхий объединили свои силы, было принято решение наступать на Самосату. Продолжатель Феофана писал, что «в земле врагов Христа» паракимомен Василий захватил и разрушил Самосату на берегу Евфрата. Затем он сразился с самим Сейф ад-Даулой, причем арабы обратились в бегство, не выдержав атаки византийских войск. После боя римляне сняли доспехи с мертвецов, заковали пленников, и вообще заполучили много всякой добычи. Позже все это было показано в Константинополе во время шествия и триумфа на ипподроме¹⁵⁹. По сведениям арабских и сирийских авторов, войско Сейф ад-Даулы было разгромлено в октябре 958 г. Воины Иоанна Цимисхия захватили в плен многих знатных арабов. Впоследствии 1700 всадников были отправлены в Константинополь.

βασιλεὺς Κωνσταντῖνος θρίαμβον ποιήσας καὶ κατὰ τοῦ τραχήλου πατήσας τιμαῖς τε καὶ δωρεαῖς ἐφιλοφρονήσατο. По всей видимости, Скилица упомянул о *calcatio colli* (τραχηλισμός), одном из древних ритуалов, который демонстрировал полное подчинение поверженного врага. Пленник должен был лежать на земле, а триумфатор символически наступал ему ногой на шею. См.: McCormick M. *Eternal victory*. P. 57–58.

¹⁵⁸ McCormick M. *Eternal victory*. P. 159–160.

¹⁵⁹ Theophanes Continuatus. P. 461.13 – 462.4. См. также: Brokkaar W. G. *Basil Lacapenus*. P. 214–215.

Их показали жителям византийской столицы, заставив торжественно проехать по городу на боевых конях и при оружии¹⁶⁰.

Триумфальное шествие, в котором по Константинополю прошли не только византийские войска, но и пленные арабские воины, состоялось весной 959 г. Однако возглавил его не прославленный военачальник патрикий Иоанн Цимисхий, а придворный евнух Василий Лакапин. Он полностью выполнил возложенные на него Константином VII обязанности, вследствие чего стали возможны победы византийских войск над Сейф ад-Даулой. Однако более значимым для дальнейшей истории Византии событием стало заключение союза между Василием Нофом и полководцами из династии Фок. Впоследствии этот союз позволил незаконнорожденному сыну Романа I взять под контроль гражданское управление империей¹⁶¹.

К триумфу 959 г. Константин VII готовился с присущей ему тщательностью. Об этом свидетельствуют отрывки из различных исторических текстов, повествующие о праздновании военных побед, включенные в «Книгу церемоний». Судя по сохранившимся данным источников, этот триумф Василия Лакапина был скопирован с торжественных шествий войск после побед Василия I над арабами и павликианами в 873 и 876/877 гг.¹⁶² Нововведение состояло в том, что жителям Константинополя показали захваченную у мусульман добычу: оружие, доспехи, метательные машины и другое военное имущество. После весьма красочного шествия отрядов дворцовой стражи, которая заменяла войска восточных фем, а также упомянутого выше проезда по городу пленных арабских воинов, состоялось торжественное богослужение в храме св. Софии. Известно также, что члены синклита и придворные получи-

¹⁶⁰ Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 300–301. См. также: McCormick M. *Eternal victory*. P. 161–165.

¹⁶¹ Подробнее см.: Brokkaar W. G. *Basil Lacapenus*. P. 218, 220.

¹⁶² *Theophanes Continuatus*. P. 171.1–10; 284.2–5. См. также: Ioannis Skylitzes. P. 148.18–20.

ли щедрые подарки, а для торжествующей толпы горожан предназначались различные увеселения¹⁶³.

По нашему мнению, триумфы 950–970-х гг. следует считать весьма эффективным методом официальной пропаганды, направленной на прославление императора, его военачальников и армии. Вовлечение в празднование жителей Константинополя, которые получали возможность увидеть вражеское оружие и пленных, превращало триумф в незабываемое зрелище. Страх перед поверженным противником исчезал, а вместо него появлялось чувство сопричастности героическим победам «христоролюбивого воинства».

Константин VII скончался в ноябре 959 г., передав власть своему сыну и соправителю Роману II Младшему. Итоги правления Константина Багрянородного весьма точно выразил автор «Геопоник»: «О том, сколько ты совершил, благодетельствуя своим подданным или отражая врагов, можно было бы много распространяться <...> Во-первых, ты привлек философию и риторику, пришедшие уже в упадок и погруженные в немую глубину Леты; они были хорошо и разумно налажены и развиты твоей правящей рукой. Затем – все прочие науки и искусства, обновленные тобой. Затем, узнав и о трех сферах, различаемых в государственной жизни, я имею в виду войско, священство и земледелие, ты привнес немало рвения и в эту область, обладающую способностью более всего владычествовать над человеческой жизнью... <...> Но будь же счастлив, о справедливейший император Константин, сладкий цветок порфиры (τὸ τερπνὸν τῆς πορφύρας ἀπάνθισμα), и да руководит тобою Бог, и да господствуешь ты всегда над врагами, предусматривая наилучшее для твоих подвластных!»¹⁶⁴

Следует отметить, что неизвестный автор сельскохозяйственного трактата на удивление точно показал разносторонность личности Константина VII.

¹⁶³ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 275–277.

¹⁶⁴ Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae / rec. H. Beckh. Leipzig, 1895. P. 1.16–17, 1.20 – 2.9, 2.28 – 3.3.

Действительно, он не был военачальником, не принимал участия в сражениях. Однако он старался, по мере возможности, поддерживать армию, понимая ее значение для византийского государства. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, новеллы Константина VII о стратиотах и стратиотском землевладении. Одна из сохранившихся «военных» речей Константина Багрянородного (*Oratio ad milites*) представляет собой яркий пример официальной пропагандистской риторики, предназначенной для армии. В этом тексте император не только пытался оправдаться за неудачу критского похода 949 г., но и в ясной доступной для рядовых солдат и младших архонтов форме изложил основные принципы византийской военной доктрины. Вторую его речь – *De contionibus militaribus* – неправомерно относить к демегориям. Это было скорее заявление о намерении навести порядок в вооруженных силах, адресованное весьма ограниченному кругу старших командиров восточных войск.

§ 2.3. «Время триумфов» в византийской поэзии

Исследуемый нами период характеризуется значительным количеством сохранившихся литературных памятников. Поэтическим произведениям, появившимся в эпоху триумфов и славы византийского оружия, было присуще жанровое и стилистическое разнообразие: от рафинированных размышлений Арефы Кесарийского о месте художника в мире до библейских сюжетов Симеона Нового Богослова¹⁶⁵. При этом, военная тема оставалась маргинальной и не рассматривалась как самостоятельная проблематика. Однако в отдельных жанрах полководцы и сражения все же оказались в центре поэтического пространства. В данном разделе будут рассмотрены эпиграммы Иоанна

¹⁶⁵ Великолепные переводы поэтических произведений этих и других авторов см.: Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1969.

Геометра (Кириота), Христофора Митиленского, а также эпитафии Анонимного Патрикия.

Сведения о биографии Иоанна Геометра отрывочны и противоречивы. Известно, что он служил в византийской армии при Константине VII, Романе II, Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Однако о должностях, которые он занимал, в источниках не упоминается. В начале самостоятельного правления Василия II протоспафарий Иоанн Геометр, как сторонник Василия Лакапина, был уволен со службы, а затем принял монашество. В 990-е гг. он пребывал в столичном императорском монастыре τὰ Κύρου¹⁶⁶.

По мнению Марка Лаукстерманна эпиграммы Иоанна Геометра следует считать «подлинно византийскими»¹⁶⁷. Они написаны возвышенным, подчеркнуто серьезным стилем, в духе уже застывших изящных поэтических форм¹⁶⁸.

Главным героем небольшого цикла эпиграмм является Никифор Фока. Для Иоанна Геометра он был «идеальным императором», гармонично сочетавшим черты полководца и государственного деятеля. Отметим, что данный образ был характерен, в большей степени, для военных трактатов, чем для поэтических произведений. Например, Лев VI в «Тактике», упоминая о своем отце, переходил, как правило, на возвышенный и торжественный стиль. При этом речь могла идти не только о героических воинских свершениях, но и об административных делах. Так, в рассказе о славянах, живших в Македонии и Северной Греции, Лев VI писал: «Отец наш, римский автократор Василий, который удалился теперь в божественное жилище, убедил эти народы отка-

¹⁶⁶ Подробнее см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 3. S. 210–214, Nr. 23092 (Ἰωάννης Γεωμέτρης, Ἰωάννης Κυριώτης).

¹⁶⁷ Lauxtermann M. *Byzantine poetry and the paradox of Basil II's reign // Byzantium in the year 1000* / ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 214.

¹⁶⁸ Lauxtermann M. *Byzantine poetry from Pisides to Geometres*. P. 147.

заться от своих обычаев. Он организовал их власть по римскому образцу, а также украсил их жизнь крещением»¹⁶⁹.

Главный герой Иоанна Геометра также удостоился льстивых речей. Приведем текст небольшого посвящения Никифору Фоке: «Благочестиво я властвовал целых шесть лет над народом – // Столько же лет просидел скованным скифский Арес. // Я подчинил города ассирийцев и всех финикиян, // Я неприступнейший Тарс Риму склонил под ярмо, // Освободил острова, их избавив от варварской власти, // И захватил я большой, славный красой своей Кипр. // Запад, а также Восток бежали пред нашей угрозой, // Высохшей Ливии степь, счастье дарующий Нил. // Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой // Женских предательских рук, вдруг и злосчастен, и слаб. // Были со мною столица, и войско, и стены двойные – // Истинно, нет ничего призрачней смертных судьбы!»¹⁷⁰

Отметим, что в краткой эпитафии поэту удалось перечислить все наиболее значимые военные победы Никифора Фоки. Пределы этих завоеваний Геометр простирал «от Востока до Запада», упоминая Египет и Ливию (Африку), стратегически важные Кипр и Тарс. Несомненно, что он использовал сюжеты, связанные с прославившими Фоку славными делами. Кроме того, здесь мы видим излюбленный прием Геометра – неперевожимую игру слов. Он многократно называет Никифора «победоносным» (νικήφορος). В греческом языке эти слова созвучны.

Основное внимание поэт сосредоточил на императорском дворце в Константинополе: ни столица, ни крепкие стены не уберегли Никифора от

¹⁶⁹ Leonis VI Tactica. P. 470.453–460. См. также: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 70–72.

¹⁷⁰ Из Иоанна Геометра: на василевса господина Никифора // Лев Диакон. История. С. 133 (пер. С. А. Иванова); Jean Géomètre: poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques / éd., trad., comment. par E. M. van Opstall. Leiden, 2008. P. 210, Num. 61: Εἰς τὸν κύριον τὸν βασιλέα.

предательства и смерти от рук жены, красавицы Феофано. Характерно, что о роли Иоанна Цимисхия и его сторонников Геометр ничего не сообщает. Мотив страдания смелого воина из-за женского коварства был распространен в византийской литературе, в том числе, эпосе. Так, Дигенис Акрит стыдился своего поведения перед спасенной им девушкой, мучился из-за девы-воительницы Максимо и пр.¹⁷¹ С другой стороны, именно здесь таится анти-военный пафос поэзии Геометра. Никакие завоевания не вечны; более того, чаще они идут не на пользу, а во вред победителю.

Можно предположить, что Иоанн Геометр подспудно сравнил Никифора с мифологическим Гераклом, погибшим из-за ревности своей супруги Деяниры. Известно также, что в античности смерть от руки женщины не была желанна для героев. Следовательно, Геометр, в отличие от многих других авторов, использовал античные параллели не только для прославления достойных качеств и великих деяний неутомимого воина Никифора, но и в описании краха, который он потерпел. Его жизнь не удалась, как, впрочем, не удалась ни одна жизнь настоящего воина и героя. За блестящие триумфы, победы и славу он расплатился предательством, сгущавшимся вокруг него, и гибелью «во цвете лет».

Несомненно, что Геометр искренне почитал покойного императора Никифора. Возможно, он вспоминал о своей молодости, когда служил под началом опытного полководца. Однако позже, приняв монашескую схиму, он уже не видел в военных делах никакой пользы, а бессмысленное кровопролитие считал тягчайшим преступлением. Подтверждением этому могут быть строки из другого стихотворения Геометра, в котором поэт показал истинный образ войны, добавив к нему тоску по мирной, безоблачной жизни: «Где люди жили, там сейчас коней пасут. // О, как мне не заплакать, поглядев вокруг! // Горят поля, деревни гибнут в пламени, // Но что с тобой, Византий, город цар-

¹⁷¹ См.: Digenis Akritis. P. 190, 231–233.

ственный? // Что за судьба тебя гнетет? Скажи мне, Град: // Ты бедами всех превзошел, как раньше всех // Превосходил благополучьем»¹⁷².

Интересно и еще одно стихотворение – «На комита». В нем показаны два героя, противоположные друг другу. Один из них – будущий болгарский царь Самуил, досаждавший Византии частыми набегами как при Иоанне Цимисхии, так и при Василии II. Ко второму же герою, Никифору Фоке, обращены жалобы и призыв Геометра: «А сей Тифон восстал с победоносного // Никифора закатом – все сжигает он, // Объятый духом мщенья. Где твой властный рык, // О воевода Рима необорного? // Царь по природе, по делам же – победительный, // Чуть приподнявшись из могилы, зарычи, как лев. // Пусть лисы в норы убегут, поджав хвосты!»¹⁷³

В греческой мифологии Тифон – один из поверженных Зевсом титанов. В трагедии Эсхила «Прометей прикованный» он описан так: «Стоглавый обитатель Киликийских гор, // Злосчастный великан, Тифон неистовый, // Побит и сломлен. Челюстями страшными // Он скрежетал, бунтуя против всех богов. // Глаза его сверкали диким пламенем, // Вот-вот, казалось, Зевсову низвергнет власть. // Но Зевс в него стрелу свою бессонную // Направил, громом и огнем разящую, // И вмиг с его бахвальством и надменностью // Покончил. Прямо в грудь стрела ударила, // Испепелила силу, мощь дотла сожгла. // И нынче, дряблой распластавшись тушею, // Подножьем Этны накрепко придавленный, // Близ узкого пролива он лежит, Тифон»¹⁷⁴.

Такая оценка Самуила – очевидная аллюзия на болгаро-византийские отношения начала X в. Тогда, в правление Симеона Великого, Бориса и Пет-

¹⁷² Из Иоанна Геометра: На апостасию. С. 134 (пер. С. А. Иванова); Jean Géomètre: poèmes en hexamètres. P. 277, Num. 77: Εἰς τὴν ἀπόστασιν.

¹⁷³ Из Иоанна Геометра: на комита. С. 135 (пер. С. А. Иванова); Jean Géomètre: poèmes en hexamètres. P. 306, Num. 90: Εἰς τὸν κομίτης.

¹⁷⁴ Эсхил. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. и коммент. С. К. Апта, вступит. статья Н. Л. Сахарного. М., 1971. С. 184.

ра, Византии с невероятным трудом удалось сохранить военно-политическое влияние на Балканах. Однако Прометей предупреждал: «Так гнев Тифона шквалом огнедышащим // Вскипит и страшной изольется бурей, // Хоть и перуном Зевса опален гордец»¹⁷⁵.

«Страшная буря» пришлась на конец X в. Мщение греческого Тифона и Тифона болгарского представлялись Иоанну Геометру делом естественным, но ничего хорошего не сулящим. Его призыв к Никифору – не только литературный прием, это и напоминание современникам об ободряющих речах, которые некогда произносил Никифор, а также о времени триумфов и побед. Ведь недаром Геометр снова прибегает к излюбленному приему – игре слов. Комит омонимичен комете: в греческом языке эти слова пишутся и произносятся похоже. Одновременно здесь присутствует характерный для византийской литературной традиции ономастический каламбур: Никифор – победительный – победоносный. Покойный император уподоблен Зевсу, способному быстро укротить врагов, но при этом Геометру было известно, что очередная страшная буря не за горами...

Итак, по Иоанну Геометру, «идеальный полководец» обладал чертами характера вовсе не воинственными. Война и жестокость не поглощали его всецело. Кроме того, он являлся противником кровопролития и бессмысленных убийств. Вместе с тем, такой военачальник стремится прославить себя все новыми завоеваниями. Его судьба, тем не менее, от этого не становится счастливее. Подобно античным героям, он терпит крах, а его деяния со временем ускользают от внимания потомков или замалчиваются теми, кто ему подражает.

Творчество позднего современника Иоанна Геометра, Христофора Митиленского, приходится на 30–50-е гг. XI в. Известно, что он служил в столичных и провинциальных гражданских ведомствах при четырех императорах: Романе III Аргире, Михаиле IV Пафлагоне, Михаиле V Калафате и Кон-

¹⁷⁵ Эсхил. Прометей прикованный. С. 185.

стантине IX Мономахе. Судя по сохранившимся отрывочным данным, карьера Христофора складывалась довольно успешно: начиная с должности секретаря в императорской канцелярии (ὕπογραφεὺς βασιλέως) и завершая постом судьи Пафлагонии и Армениака (πατρίκιος ἀνθύπατος κριτῆς τῆς Παφλαγονίας καὶ τῶν Ἀρμενιάκων)¹⁷⁶. В отличие от Иоанна Геометра, Христофору Митиленскому не было необходимости пользоваться слухами. Его высокое служебное положение и, главное, «сенаторское звание», давало возможность получать достоверные сведения по самым разным вопросам.

Литературное наследие Христофора Митиленского состоит из 145 стихотворных произведений, опубликованных немецким филологом Эдуардом Курцем¹⁷⁷. По мнению Л. А. Фрейберг, «поэзию Македонской эпохи завершает творчество Христофора Митиленского – поэта светского и оригинального (насколько это понятие вообще приложимо к византийской литературе), во всяком случае, по непринужденно выраженному в его стихах мировосприятию и по тематическому разнообразию в пределах очень небольшого наследия»¹⁷⁸. При этом, Христофору свойственен юмор и сарказм. Так, в одной из эпиграмм он весьма иронично и тонко указывал на распространенную в византийском обществе X–XI вв. страсть к собиранию «священных реликвий». Кроме того, это стихотворение является прямым свидетельством популярности культа святых воинов: «Ты рад, когда предложит продавец тебе // Святителя останки досточтимые; // Что будто ты наполнил все лари свои // И часто открываешь – показать друзьям // Прокопия святого руки (дюжину),

¹⁷⁶ Подробне см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 210–214, Nr. 21324 (Χριστοφόρος τοῦ Μιτυληναίου).

¹⁷⁷ Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios / hrsg. E. Kurtz. Leipzig, 1903.

¹⁷⁸ Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета. IX–XV вв. М., 1978. С. 86.

// Феодора лодыжки... посчитать, так семь, // И Несторовых челюстей десятка два // И ровно восемь черепов Георгия!»¹⁷⁹

Другое произведение Христофора является, пожалуй, самой необычной интерпретацией исторического сюжета о гибели императора. Речь идет о «Поэме на смерть Романа Аргира» (Εἰς τὸν βασιλέα Ῥωμανόν ἐπιτάφια ἠρωϊκά), который считал себя полководцем, прославленным победами над «восточными и западными варварами»¹⁸⁰. Поначалу слог автора мало отличается от классического античного героизма эпитафий Иоанну Цимисхию или Василию II: «Где же твой скипетр, Роман, завидный и громкая слава? // Где твой трон, где сидел ты, великий властитель народов?»¹⁸¹. Однако далее возвышенный слог и героический гекзаметр уступают место описанию обстоятельств гибели императора, но не на поле брани, а в «мыльне». Еще более комичным является живописание траурной процессии Романа III: «И собирався народ и мертвому ложе воздвигли, // И проносили царя по городу лучшие люди. // После того, как достигли они знаменитого храма, // Там на покой положили царя знаменитого тело // И к молодому пошли государю, забывши Романа. // Так и владыки-цари лишаются блеска и жизни. // Так настигает и их напоенная горечью чаша»¹⁸². Безусловно, контраст между пышными условиями и настоящими чувствами людей делает поэму оригинальной.

Поэтическое восприятие войны не ограничивается только наследием Иоанна Геометра и Христофора Митиленского. Заслуживающей внимания

¹⁷⁹ Христофор Митиленский. На собирателя реликвий // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. С. 287 (пер. С. С. Аверинцева); Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios. S. 76, Nr. 114.1–11.

¹⁸⁰ О военных «талантах» Романа Аргира писал также Михаил Пселл. См.: Michele Psello. Imperatori di Bisanzio. Vol. 1. P. 78–86.

¹⁸¹ Христофор Митиленский. На смерть императора Романа III. С. 287 (пер. Д. В. Шестакова); Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios. S. 4, Nr. 8.1–2.

¹⁸² Христофор Митиленский. На смерть императора Романа III. С. 287–288 (пер. Д. В. Шестакова); Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios. S. 5, Nr. 8.28–32.

группой стихотворных произведений являются эпитафии, которые Марк Лаукстерманн назвал «голосом смерти»¹⁸³. Этот голос раздавался, в том числе, в печальные моменты гибели талантливых военачальников, воскресая их лучшие черты, победы и даруя им вечную славу. Парадоксально, но подлинных эпитафий императорам Македонской династии, сохранилось только две: Иоанну Цимисхию и Василию II. Более того, из посмертных стихов на могиле победителя киевского князя Святослава сохранилась до наших дней только одна строчка: «Я вдохнул огонь в битвы против скифов» (κατὰ Σκυθῶν ἔπνευσας θερμὸν ἐν μάχαις)¹⁸⁴.

Эпиграмма, посвященная императору Василию II похожа на стандартное ученическое упражнение: «Василевсы старых времен похоронены в разных местах; но у меня, Василия, рожденного в Пурпурной палате, могила в Хебдомоне. Здесь я в субботний день отдыхаю от многочисленных несчастий, что я переносил на поле боя. Ибо с того дня, как Царь Небесный призвал меня, чтобы стать великим повелителем мира, никто не видел мое копьё без дела. Я всю жизнь был готов к войне и защищал детей Нового Рима, доблестно сражаясь как на Западе, так и на всех границах Востока, завоевывая мириады трофеев во всех частях мира. И свидетелями этого являются персы и скифы, земли абазгов, исмаилитов, арабов и иверийские страны. О, добрый человек, увидевший мою могилу, помяни меня за военные походы (στρατιγίας) в молитвах!»¹⁸⁵

По всей видимости, для неизвестного автора кровопролитные походы Василия II в Закавказье, Сирию и на Балканы представляли собой совершен-

¹⁸³ Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 215.

¹⁸⁴ Об истории обнаружения этой эпиграммы, а также попытку ее стилистического анализа см.: Ibid. P. 238–239.

¹⁸⁵ Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 236–237. См. также: Stephenson P. The Tomb of Basil II // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / hrsg. von L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. S. 227–238.

ную абстракцию. Несмотря на это, он указал, что целью императора являлась именно защита Византии, а не завоевание новых земель. Как уже было показано на примере военных трактатов, для империи, в целом, была характерна декларация своих оборонительных намерений. Установка – если участвовать в боевых действиях, то не быть их инициатором, – не имеет ничего общего с пацифизмом или слабостью византийской армии. Отметим еще один важный аспект. Судя по тексту эпитафии, Василий словно предстал перед народами, которые ожидали прихода императора и его армии. По нашему мнению, некая театральность придает особый, торжественный тон поминальному слову прославленного императора Македонской династии.

Отношение греков к памяти Василия II известно благодаря фрагменту из «Истории» Георгия Пахимера. В своем подробном рассказе византийский историк сообщил множество важных деталей. Пахимер писал, что в 1260 г., незадолго до захвата Константинополя Михаилом VIII Палеологом, некоторые приближенные императора, чтобы отдохнуть от своих трудов, отправились к месту, где был монастырь Иоанна Богослова в Хебдомоне. К этому времени почти все старинные постройки были уже разрушены. Они зашли в руины церкви, которые кто-то использовал как загон для домашнего скота. Долго бродили они здесь и там, восхищаясь красотой старинного здания, теперь обращенного в руины. Затем эти люди, во главе которых был логофет частных имуществ Димитрий Ятропул¹⁸⁶, увидели скрытое в углу тело давно умершего человека. Оно было обнаженным с ног до головы, но все его части были в сохранности. Во рту у него была флейта из тростника – так издевательски поступили с телом местные смотрители стад. Увидев покойника, спутники логофета были удивлены столь хорошей сохранностью скелета. Также они задались вопросом, кому принадлежал этот прах, до сих пор пол-

¹⁸⁶ См. о нем: Prosopographischen Lexikons der Palaiologenzeit / Erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien, 1980. Fasc. 4, Nr. 7968 (Γατρόπουλος Δημήτριος, λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν).

ностью сохранявший форму человеческого тела. С правой стороны от тела они увидели надгробную плиту со стихами. Выгравированные на надгробии строки сообщали, кто лежал под ним. Это был, как сообщала надпись, Болгаробойца Василий (ὁ Βουλγαροκτόνος Βασιλείος). Когда они возвратились, то сообщили о находке императору Михаилу Палеологу.

Огорченный император незамедлительно распорядился отправить слуг с вышитыми золотом шелковыми покрывалами, чтобы обернуть останки. Также он отправил певчих и многочисленных архонтов. Затем, большая процессия, с великими почестями, пением псалмов и гимнов, доставила тело, помещенное в драгоценный гроб, в Галату. Император приказал своему брату, севастократу Константину Палеологу (σεβαστοκράτορος Κωνσταντῖνος ὁ Παλαιολόγος), охранять гроб в собственной палатке. Гроб поместили около кровати севастократора, накрыли шитыми золотом пеленами, и поставили вокруг светильники, которые никогда не угасают. Вскоре император, сопровождая гроб с надлежащими почестями, направился в Силиврию. Здесь останки нашли упокоение в монастыре Спасителя¹⁸⁷.

Восхваление военных заслуг полководцев является неотъемлемой частью эпитафии (ἐπιτάφιος), ведь в классическом смысле это и есть речь на торжественном поминовении павших за отечество. Одним из самых плодотворных авторов, создавший серию эпитафий, является т. н. Анонимный Патрикий. Это условное имя было введено в обращение Спиридоном Лампросом, который в 1920-е гг. изучал рукопись из библиотеки Ватикана (cod. Vat. Pal. gr. 367), содержащую произведения неизвестного византийского поэта X в.

¹⁸⁷ Georges Pachymérès. *Relations historiques* / éd., introd. et not. par A. Failler; trad. française par V. Laurent. Paris, 1984. T. 1. P. 175.11 – 177.10.

Греческий исследователь обосновал свое предположение аббревиатурой Πτρο, обнаруженной им в манускрипте¹⁸⁸.

Сведения о биографии Анонимного Патрикия не сохранились. Предположения о том, что он занимал высокое положение в придворных кругах, а в последние годы жизни принял монашество, являются дискуссионными¹⁸⁹. Литературное наследие Анонимного Патрикия насчитывает 39 стихотворений, которые датируются 940–970 гг.¹⁹⁰ Недавно греческий исследователь Иоаннис Вассис опубликовал эти поэтические произведения, однако его комментарии имеют, в основном, филологический характер¹⁹¹.

Для исследуемой нами темы наибольший интерес представляют две изящные эпитафии Анонимного Патрикия, написанные *in memoriam* о стратиге Фессалоники Катакалоне, погибшем во время войны с венграми весной 945 – осенью 946 г.

Первая эпитафия: «Необоримая душа и сила духа: таков могучий стратилат Фессалии (ὁ στερεὸς εἶχε Θετταλῶν στρατηλάτης). Но даже железо огонь сокрушает, Катакалона же – пламя любви боговдохновенной и верности деспоту Константину и Роману, свету, исходящему от луны Елены. В пы-

¹⁸⁸ Другое условное имя для этого автора – Анонимный Монах – не получило распространения в историографии. См.: Λάμπρος Σπ. Τὰ ὑπ' ἀριθμὸν ΡΙΖ' καὶ ΡΓ' κατάλοιπα // Νέος Ἑλληνομνήμων: τριμηνιαῖον περιοδικὸν σύγγραμμα. 1922. Τ. 16. Σ. 32–33.

¹⁸⁹ См.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 7. S. 518, Nr. 31326.

¹⁹⁰ В статье 1922 г. Спиридон Лампрос опубликовал большую часть эпитафий Анонимного Патрикия. См.: Λάμπρος Σπ. Τὰ ὑπ' ἀριθμὸν ΡΙΖ' καὶ ΡΓ' κατάλοιπα. Σ. 47.10 – 57.7. Впоследствии итальянский исследователь Сильвио Джузеппе Меркати вновь издал эти стихотворные произведения с комментариями и существенной корректировкой текста. См.: Mercati S. G. Osservazioni alle poesie del codice Vaticano Palatino greco 367 edite in Νέος Ἑλληνομνήμων 16 (1922), pp. 39–59 // Mercati S. G. Collectanea Byzantina / a cura di A. A. Longo. Bari, 1970. Vol. 1. P. 406–425 (текст эпитафий: P. 415.1 – 426.48).

¹⁹¹ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios im cod. Vat. Pal. gr. 367. S. 329–356 (текст эпитафий: S. 333–345).

лу битвы острый осколок стрелы скифов и гуннов (τῶν Σκυθῶν Οὐννων) поразил его прямо в сердце. Ненасытный Харон подсчитывает прибыль, и его в числе вновь пришедших. Почему же он забирает лучших? Почему скифы ходят по нашей земле безнаказанно? Вторглись они, грязные и дикие, на зеленеющее разнотравье¹⁹². Он же, кроме праведного ума и сердца, обладал справедливостью. Число его ран безмерно, как безмерно число новых всходов на полях. Кровь лилась, обагрила землю, и означала поражение. В боевом порядке стояли мученики (συνάπτον τάξις ἔνθα μαρτύρων). Все стратеги и войско, и сатрапы (στρατηγοὶ καὶ στρατὸς καὶ σατράπαι) до последней капли крови сражались¹⁹³, защищая христианскую веру (ὑπερμαχοῦντες πίστεως χριστωνύμων), воевали тысячи суровых мужей с храбрыми сердцами, чей дух силен как крепость. Увенчан он пышным, сложно сплетенным венком, приносящим победу мученику нашего Господа <...> (лакуна в тексте. – К. К.). Через три дня после смерти тело его благоухало, словно жизнь еще искрилась в нем»¹⁹⁴.

Вторая эпитафия: «Если зазвучит зовущая к бою труба, то Катакалон, Фессалии свет, мученик или стратилат (μάρτυς ἢ στρατηλάτης), ринется в атаку на врага, – так страстно он нетерпелив. Но если он не появится, то виною тому могила, в которой он ждет трубного гласа архангела»¹⁹⁵.

¹⁹² Псал. 36:2: «ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут».

¹⁹³ Евр. 12:4: «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха».

¹⁹⁴ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 341–342, Nr. 32: Εἰς τὸν στρατηγὸν Κατακλών.

¹⁹⁵ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 342, Nr. 33. По мнению Марка Лаукстерманна, слово σάλπιγξ из последней строки этой эпитафии означает «военная труба». См.: Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 226. Однако в данном случае Анонимный Патрикий использовал библейскую цитату. См.: 1Фес. 4:16: «потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией,

В обоих стихотворных текстах Катакалон назван «стратилатом Фессалии»¹⁹⁶, но в византийских вооруженных силах не было такой должности. В исторических хрониках его имя не упоминается. Более того, не представляется возможным определить, было ли Κατακαλὼν фамильным или личным именем военачальника. Однако, учитывая особенности источника, можно согласиться с исследователями, которые считают Катакалона стратигом Фессалоники¹⁹⁷.

Стратиг (стратилат) Фессалоники Катакалон дважды упоминается в актах афонского Протата. В первом из документов, датированном маем 942 г., он перечислен среди должностных лиц, принимавших участие в разрешении территориального спора между монастырями Афона (Ἀθωνῖται, τοῦ Ἄθωνος μονή) и жителями города Иериссос (Ἱερῖσσοσ, κάστρον Ἱερῖσόσ)¹⁹⁸.

Вторая грамота точно датирована 2 августа 943 г. В ней говорится, что стратиг и архиепископ Фессалоники, при участии гражданских чиновников фемы, определили границы владений афонских монастырей и города Иериссос. Данный документ является уникальным, т. к. сохранились прикрепленные к нему печати трех подписавших его должностных лиц¹⁹⁹. На одном из этих моливдовулов помещена надпись: «Господи, помоги своему рабу Ката-

сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде (τὴν σάλπιγγα τὴν ἀρχαγγέλου ἐν φωνῇ ἀρχαγγέλου καὶ ἐν σάλπιγγι θεοῦ)».

¹⁹⁶ См.: Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 341, Nr. 32.2; 342, Nr. 33.1: Θετταλῶν στρατηλάτης.

¹⁹⁷ См.: Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 321; Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 353.

¹⁹⁸ Actes du Prôtaton / éd. par D. Papachryssanthou. Paris, 1975. P. 188–192, no. 4; 191.4.13: στρατηλάτου Κατακαλῶν.

¹⁹⁹ Actes du Prôtaton. P. 197–202, no. 6.

калону, императорскому протоспафарию и стратигу Фессалоники»²⁰⁰. Упомянем также, что на лицевой стороне данной печати изображен грифон – редкий сюжет в византийской сфрагистике X–XI вв.

По мнению Марка Лаукстерманна, эпитафии Катакалону были «стандартным продуктом» своего времени. Однако заслуживает внимания неоднократное использование Анонимным Патрикием слов «мученик» или «мученик божий» (μάρτυρας, μάρτυς Κυρίου) по отношению к воинам и полководцам, которые по долгу своей службы обязаны были убивать людей. Далее голландский исследователь пишет: «Конечно, это тот самый вопрос, ответ на который пытался получить император Никифор Фока. Он предложил церкви, чтобы солдат, погибших в сражениях за империю и истинную веру, объявили мучениками. Как известно, патриарх Полиевкт категорически отверг это предложение. Только гораздо важнее, чем это официальное отрицание идеи «священной войны», чего и следовало ожидать из-за ее явной неортодоксальной природы, является тот факт, что данный вопрос был поставлен вообще. Ведь это означало, что некоторые люди принимали мысль о том, что смерть на войне может обеспечить место на небесах»²⁰¹.

Действительно, вопрос о том, следует ли считать мучениками солдат, погибших в сражениях с иноверцами, был весьма актуален для византийского общества X в.²⁰² Однако упоминание Марком Лаукстерманном спора между императором Никифором II и патриархом Полиевктом – это неудачный аргумент для обоснования данного тезиса. Прежде всего, об этом событии писал только Иоанн Скилица. По словам хрониста, в 964 г. Никифор Фока захотел установить закон о том, чтобы погибшим на войне солдатам предоставлялись

²⁰⁰ Oikonomides N. A collection of dated byzantine lead seals. Washington, D.C., 1986. P. 70–71, no. 65: Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Κατακαλῶν βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατιγῷ Θεσσαλονίκης.

²⁰¹ Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 226–227.

²⁰² См.: Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. P. 231–232.

почести мучеников. Он настаивал, чтобы патриарх и епископы согласились с его предложением, но некоторые из них выступили против столь энергично, что нарушили намерения императора. Противники Фоки смогли доказать свою правоту сославшись на канон Василия Великого, который требовал человека, убившего в бою врага, оставлять отлученным от святых таинств на три года²⁰³.

Упомянутый Иоанном Скилицей «канон Василия Великого» гласил: «Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо святых тайн»²⁰⁴. Однако по этому вопросу существовало другое каноническое правило, сформулированное Афанасием Великим: «не позволительно убивать: но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени, и в некоторых обстоятельствах не позволительно: а в других обстоятельствах, и благовременно, допускается и по-зволяется»²⁰⁵. То есть христианская церковь принципиально отделяла убийства врага на поле сражения от всех других видов убийств. Однако существовало противоречие между свт. Василием Великим (Βασίλειος ὁ Μέγας; 329–379) и свт. Афанасием Великим (Ἀθανάσιος ὁ Μέγας; ок. 295 – 373). Пыта-

²⁰³ Ioannis Skylitzes. P. 274.62 – 275.69: ἐσπούδασε δὲ καὶ νόμον θεῖναι τοὺς ἐν πολέμοις ἀποθνήσκοντας στρατιῶτας μαρτυρικῶν ἀξιοῦσθαι γερῶν... προθέντες εἰς μέσον τὸν τοῦ μεγάλου Βασιλείου κανόνα, ἐπὶ τριετίαν ἀκοινωνήτους εἶναι λέγοντα τοὺς πολέμιον ἔν τινι πολέμῳ ἀνηρηκότας.

²⁰⁴ Василий Великий. Первое каноническое послание к епископу Амфилохию иконийскому // Правила святых отцов с толкованиями. М., 1884. С. 210, Правило 13.

²⁰⁵ Послание св. Афанасия Великого к монаху Аммуну // Правила святых отцов с толкованиями. С. 114–115.

ясь объяснить это противоречие, Иоанн Зонара писал: «Не в виде обязательного предписания, а в виде совета предлагает святой, чтобы убивающие на войне в течение трех лет воздерживались от причащения. Впрочем, и этот совет представляется тяжким, ибо он может вести к тому, что воины никогда не будут причащаться божественных даров, и, в особенности, лучшие... они всю жизнь будут лишены благого причащения, что для христиан – нестерпимое наказание. Но зачем считать имеющими нечистые руки тех, которые подвизаются за государство и за братьев, чтобы они не были захвачены неприятелями или чтобы освободить тех, которые находятся в плену? Ибо если они будут бояться убивать варваров, чтобы чрез это не осквернить рук своих, то все погибнут и варвары всем овладеют... Итак, я думаю, что это предложение Василия Великого никогда не действовало: но, по крайней мере, оно приносило иногда пользу тем, кто защищал церковные предания. Так как мы знаем из истории, что когда император Никифор Фока стал требовать, чтобы убиваемые на войне воины причислялись к мученикам, и подобно им были чтимы и прославляемы, тогдашние архиереи представляли со своей стороны, что такое чествование было бы несправедливо, и, не быв выслушаны, воспользовались, наконец, словами Василия Великого, как правилом»²⁰⁶.

Характерно, что этот сюжет Иоанн Скилица включил в пространный рассказ о том, как среди подданных росло недовольство Никифором II. Сначала автор «Синописа историй» упомянул о высокомерном и несправедливом отношении императора к военачальникам Михаилу Вурце и стратопедарху Петру. Далее он сообщил о беззакониях, которые творили в столице и провинциях грузинские и армянские союзники Фоки, грабившие мирных жителей. И наконец, хронист подверг критике налоговую и финансовую политику

²⁰⁶ Василий Великий. Первое каноническое послание к епископу Амфилохию иконийскому // Правила святых отцов с толкованиями. С. 211–212, Правило 13, Толкование Иоанна Зонары. См. также: Oikonomidès N. Cinq actes inédits du patriarche Michel Àutôreianos // *Revue des études byzantines*. 1967. Т. 25. P. 131–135.

«императора-полководца»²⁰⁷. Таким образом, момент для решения вопроса о признании мучениками солдат, погибших в борьбе против арабов, был выбран Никифором Фокой крайне неудачно. Его популярность, основанная исключительно на былых заслугах, стремительно таяла: «Никифор стал ненавистным и ненавидимым всеми»²⁰⁸.

По нашему мнению, рассказ Иоанна Скилицы о том, как церковные иерархи отвергли предложение Никифора II признать погибших стратиотов мучениками, не позволяет утверждать, что с этих пор данный вопрос утратил какое-либо значение. Следует помнить о народных симпатиях к армии и полководцам, прилагавшим героические усилия в борьбе с врагами империи²⁰⁹. Более того, в восточных фемах (Каппадокия, Харсианон, Ликанд и др.) павших в битвах с арабами воинов действительно считали мучениками за христианскую веру²¹⁰.

Эпитафии Анонимного Патрикия также подтверждают, что идея о равенстве ратных подвигов и мученичества была востребована в византийском обществе. Прежде всего, она находила понимание у родственников и близких павших солдат, хотя сами эпитафии, вероятно, нельзя считать действенным утешением для тех, кто горевал по погибшим воинам.

Помимо эпитафий стратилату Катакалону, Анонимный Патрикий написал еще несколько поминальных слов военачальникам. В первую очередь, упомянем эпитафию магистру и доместику схол Востока Варде Фоке Старшему. Она считается самым поздним из произведений этого автора, и датиру-

²⁰⁷ Ioannis Skylitzes. P. 272.11 – 273.36; 275.69–87.

²⁰⁸ Ibid. P. 273.37–38: μισητὸν τοῖς πᾶσι καὶ βδελυκτὸν τὸν Νικηφόρον.

²⁰⁹ Подробнее см.: Oikonomides N. The Concept of ‘Holy War’ and two tenth-century Byzantine ivories. P. 63–65.

²¹⁰ О почитании памяти павших архонтов в церквях Каппадокии в X–XI вв. см.: Thierry N. Portraits funéraires inédits de deux officiers byzantins morts au combat sur les frontières de la Cappadoce: étude préliminaire // Δελτίου της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2009. Т. 48. P. 169–176.

ется 969/970 г. Об отце императора Никифора II и военачальника Льва Фоки Анонимный Патрикий писал: «Твоя могила стала для войска гробницей, как только могучий домашник схол, думавший о долге перед державой, горько скорбевший, покинул христоименную армию, Варда магистр, домашник схол (Βάρδα μαγίστρου, τῶν σχολῶν δομεστίκου)»²¹¹.

Следует упомянуть также цикл из двенадцати стихотворений, которые считаются самыми ранними произведениями Анонимного Патрикия²¹². По жанру это не эпитафии, а эпиграммы. Они посвящены восхвалению некого Феофана, который являлся заказчиком двух икон великолепной работы с изображениями архангелов Михаила и Гавриила. Судя по тексту эпиграмм, на них, помимо предводителей небесного воинства, были изображены Христос, Богородица, Иоанн Предтеча и святые воины. По всей видимости, иконы произвели большое впечатление на жителей Константинополя, а для Анонимного Патрикия стали поводом написать такие строки: «Стоящие в боевом порядке стратиго подняли скипетр, явился стратиг и бросил скипетр, Михаил ополчившийся в сонме ангелов²¹³, он привел в жуткий трепет врага»²¹⁴.

К сожалению, в других источниках упоминания об этих иконах не сохранились, а стихотворения Анонимного Патрикия не позволяют определить, в каком из храмов или монастырей византийской столицы они находились. По весьма обоснованному предположению Марка Лаукстерманна, заказчиком икон был влиятельный придворный евнух патрикий Феофан, который в по-

²¹¹ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 341, Nr. 31. См. также: Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 226, 236–237.

²¹² Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 338–340, Nr. 16–27.

²¹³ Псал. 33:8: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их».

²¹⁴ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 338, Nr. 16: Εἰς τὸν ἀρχιστράτηγον Μιχαήλ, μεθ' οὗ εἰκονίσθη ὁ Χριστὸς καὶ ἡ Θεοτόκος καὶ ὁ Πρόδρομος καὶ μάρτυρες ὑπὲρ Θεοφάνους. См. также: Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 322–323.

следние годы правления Романа Лакапина был протовестиарием и паракимоменом²¹⁵. В сентябре 941 г. Феофан командовал императорской эскадрой, которая разгромила флотилию киевского князя Игоря. Продолжатель Феофана писал, что победа над росами (οἱ Ῥῶς) была одержана благодаря «неусыпной и доблестной душе» патрикия Феофана, т. к. тому удалось своевременно обнаружить противника, одержать блестящую победу, а затем триумфально возвратиться в Константинополь. Император встретил своего приближенного с великими почестями, вознаградив должностью паракимомена²¹⁶. По всей видимости, иконы архангелов Михаила и Гавриила были заказаны Феофаном в ознаменование столь славной победы²¹⁷.

Таким образом, военная проблематика оставалась в византийской поэзии эпохи Македонской династии темой несамостоятельной и малозначительной, уступая религиозным сюжетам или лирике. Однако яркие и самобытные поэты этого времени все же оставили стихотворные произведения, раскрывающие, порой с неожиданной стороны, образы войны и полководцев. Так, в эпиграммах Иоанна Геометра главным героем был Никифор Фока. В одной из них поэт привел перечень его завоеваний и заслуг, описал роскошь императорского дворца и, в соответствии с античным каноном, назидательно завершил эпиграмму строками о крахе этого смелого воина, который, словно Геракл, погиб от рук жены. Ироническая нотка, связанная с идеей

²¹⁵ См.: Lauxtermann M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres. P. 321–323. О Феофане см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 501–505, Nr. 28087 (ὁ πατρίκιος Θεοφάνης, παρακοιμώμενος).

²¹⁶ Theophanes Continuatus. P. 425.18 – 426.2: παρὰ τοῦ ῥηθέντος πατρικίου Θεοφάνους ὑπηντήθησαν· οὐδὲ γὰρ ἔλαθον τὴν αὐτοῦ ἐγρηγορωτάτην καὶ γενναίαν ψυχὴν... Θεοφάνης δὲ ὁ πατρίκιος μετὰ νίκης λαμπρᾶς καὶ μεγίστων ὑποστρέψας τροπαίων ἐντίμως καὶ μεγαλοπρεπῶς ὑπεδέχθη καὶ παρακοιμώμενος ἐτιμήθη. См. также: Ioannis Skylitzes. P. 229.90 – 230.24.

²¹⁷ Vassis I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios. S. 350–352.

бренности завоеваний и бессмысленности войны, была продолжена Христофором Митиленским. Этому поэту занимала проблема соотношения торжественной традиции изображения смерти и ее повседневной рутинности. Кроме этого, Христофор высказался о поклонения святым мощам, остроумно указав на сомнительное происхождение большинства подобных реликвий. В многочисленных, в основном, написанных на заказ, эпитафиях Анонимного Патрикия, образы войны, смерти и героических полководцев представлены в ином ракурсе. В частности, этот автор прямо соотносил образ погибшего в битве «света Фессалии» Какаталона с образом святого мученика. Официальная позиция церкви была направлена против подобных инициатив, но у родственников и близких погибших воинов данная идея находила понимание.

В заключение отметим, что в эпиграммах и эпитафиях «эпохи триумфов», посвященных императорам Македонской династии, проявились черты редкого типа императора-полководца. Наиболее ярким примером следует считать эпитафию Василию II, в которой представлен образ правителя, способного не только успешно командовать армией, но также принимать важные, а порой и тяжелые политические решения.

§ 2.4. Образы войны в произведениях Никифора Урана

История Византии середины X – середины XI в. представлена в современной историографии как период военно-политического могущества, экономического подъема и культурных достижений. Особое значение для усиления византийского государства имело правление императора Василия II. В 976–1025 гг. были проведены многочисленные преобразования в сфере гражданского и провинциального управления, а также завершена военная реформа, начатая при Никифоре II Фоке (963–969) и Иоанне I Цимисхии (969–976). В результате укрепления императорской власти и мобилизации внутренних ресурсов Византии были достигнуты значительные внешнеполитиче-

ские успехи. К 1025 г. к империи были присоединены обширные территории на Балканах, в Северной Сирии и Закавказье²¹⁸.

Несмотря на длительное правление, в исторических хрониках XI–XII вв. Василию II уделяется незначительное внимание. Единственным исключением является «Обозрение истории» Иоанна Скилицы, где содержится подробный рассказ о периоде 976–1025 гг.²¹⁹ Тексты, специально посвященные прославлению блестящего царствования Василия II, до нашего времени не сохранились. По мнению Марка Лаукстерманна, в первой четверти XI в. составлять панегирики было некому. Однако в отсутствии восхваляющих императора литературных произведений виновен был он сам, так как «показал полное презрение к интеллектуалам... и вместо панегириков мы слышим полную тишину»²²⁰.

Следует отметить, что точка зрения голландского исследователя опирается, прежде всего, на весьма субъективную характеристику, данную Василию II Михаилом Пселлом. Автор «Хронографии» писал, что император пренебрежительно относился к своим подданным. Когда Василий стал старше и опытнее, то сам принимал все решения, командовал армией, распоряжался гражданскими делами, управлял по законам, установленным им самим. Необыкновенно одаренный от природы, он не обращал никакого внимания на ученых мужей, совершенно ими пренебрегая²²¹. О ближайшем окружении императора Пселл отзывался крайне негативно. По его словам, Василий II окружил себя людьми низкого происхождения, лишенными мудрости, и не-

²¹⁸ Подробнее см.: Мохов А. С. Основные направления военной политики Василия II. С. 134–147; Holmes C. Basil II and the governance of Empire (976–1025). P. 16–29.

²¹⁹ См.: Капсалыкова К. Р. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы // Античная древность и средние века. 2014. Вып. 42. С. 101–103 и указанную здесь библиографию.

²²⁰ Lauxtermann M. D. Byzantine poetry and the paradox of Basil II's reign. P. 214.

²²¹ Michele Psello. Imperatori di Bisanzio. Vol. 1. P. 40–42, 29.3–13.

сведущими в науках. Он поручал им составление царских посланий и доверил государственные тайны²²².

Подобное отношение Михаила Пселла к Василию II объясняется тем, что политическая группировка, к которой он принадлежал, была тесно связана с «придворной партией» паракимомена Василия Лакапина. Этот могущественный государственный деятель возглавлял гражданское управление Византии при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и в первое десятилетие правления Василия II. Однако в 985 г. император обвинил Лакапина в «негодном управлении», и отправил в отставку. В последующие годы из армии, провинциальной администрации и центральных бюрократических структур были изгнаны многочисленные сторонники Василия Нофа. Освободившиеся должности занимали лично преданные Василию II представители столичной и провинциальной знати. В итоге, к 996 г. император установил полный контроль над государственным аппаратом и вооруженными силами²²³.

Недовольство сторонников Василия Лакапина, лишившихся должностей, имущества, доходов и привилегий, вполне объяснимо. Тем не менее, открыто критиковать внешнюю или внутреннюю политику Василия II они не решались даже после его смерти. Именно поэтому попавший в опалу Иоанн Геометр, как и Михаил Пселл, обвинял не самого императора, а его окружение. По словам бывшего армейского командира, «в славные былые времена», т. е. при Василии Лакапине, высокие посты при дворе и в войске занимали только самые талантливые и образованные. Теперь же, по вине бездарных чиновников и неопытных полководцев, не имеющих должного образования, «государство лежит в руинах»²²⁴.

²²² Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio*. Vol. 1. P. 42–44, 30.9–11.

²²³ Подробнее см.: Мохов А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран // Уральский исторический вестник. № 3 (32). 2011. С. 43–45.

²²⁴ Lauxtermann M. D. John Geometres – Poet and Soldier // *Byzantion*. 1998. Т. 68. P. 369–370.

Точка зрения, согласно которой Византия при Василии II представляла собой «государство без интеллектуалов», встретила обоснованные возражения ряда византинистов. В первую очередь, оппоненты Марка Лаукстерманна обратили внимание на то, что свидетельства Михаила Пселла довольно противоречивы. В частности, автор «Хронографии» писал, что, несмотря на презрение императора к «ученым мужам», в те годы появилось много философов и риторов. Объяснение этому, по словам Пселла, было только одно: науками тогда занимались ради них самих, а не с другой посторонней целью²²⁵. Луиза Андриолло считает, что необходимо учитывать сведения других источников, тогда полученная картина станет более точной и сбалансированной. По ее мнению, духовная атмосфера правления Василия II была полностью созвучна предыдущему периоду. В конце X в. среди гражданских чиновников и армейских командиров было достаточно много людей, получивших классическое образование. Прежде всего, они создавали богословские и агиографические литературные произведения, так как эти жанры стали «модными» в это время²²⁶.

Среди военачальников и гражданских чиновников, входивших в ближайшее окружение Василия II, наиболее значимой фигурой следует считать магистра Никифора Урана (Νικηφόρος ὁ Οὐρανός). Он происходил из знатной столичной семьи, получил хорошее образование, современники считали его знатоком и почитателем греческой мифологии и классической литературы²²⁷. Будучи разносторонним человеком, Никифор Уран интересовался ри-

²²⁵ Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio*. Vol. 1. P. 42, 29.14–18.

²²⁶ Andriollo L. *Aristocracy and literary production in the 10th century* // *Author in middle Byzantine literature: modes, functions, and identities* / ed. by A. Pizzone. Boston; Berlin, 2014. P. 136.

²²⁷ См.: Hunger H. *The classical tradition in byzantine literature: the importance of rhetoric* // *Byzantium and the classical tradition: Thirteenth spring symposium of Byzantine studies*, University of Birmingham, 1979 / ed. by M. Mullett, R. Scott. Birmingham, 1981. P. 39, 45. См. также: Капсалькова К. Р. *Война в письмах Филита Синадина* // *Материалы VI Междунар.*

торикой и философией, в круг его общения входили Симеон Метафраст, основатель Великой Лавры прп. Афанасий Афонский, патриарх Антиохии Иоанн III, митрополит Никомедии Стефан, митрополит Синады Лев, образованный гражданский чиновник Филит Синадин и др.²²⁸

Семья Уранов была тесно связана со столичными бюрократическими структурами. Около 970 г. Никифор начал свою служебную карьеру в императорской канцелярии. За десять лет ему удалось сделать блестящую карьеру, получив титул патрикия и должность каниклия (ἐπί τοῦ κανικλείου, личный секретарь императора). В первой половине 980-х гг. Никифор Уран дважды посетил с дипломатической миссией Багдад, где вел переговоры о возвращении в Византию бежавших к арабам участников мятежа Варды Склира. После возвращения в Константинополь, около 986 г., Никифор получил титул магистра. Он принимал самое активное участие в политической борьбе со сторонниками Василия Лакапина, а также в реформировании столичных органов гражданского управления²²⁹.

Не вызывает сомнения, что Никифор Уран входил в число ближайших советников Василия II, которым император доверял самые сложные и важные государственные дела. Об этом свидетельствует, в частности, назначение Никифора светским эпитропом (ἐπίτροπος) лавры Афанасия на Афоне. По традиции, покровителями афонского монашества являлись сами императоры. Однако Василий II не последовал примеру своих предшественников Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. По всей видимости, он отклонил просьбу Афанасия из-за поддержки, которую афонские монастыри оказывали мятежнику

науч.-практ. конф. «Документ. Архив. История. Современность», Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 259–261.

²²⁸ См.: Andriollo L. Aristocracy and literary production in the 10th century. P. 137.

²²⁹ См.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 720–727, Nr. 25617 (Νικηφόρος ὁ Οὐρανός).

Варде Фоке²³⁰. В итоге, по распоряжению императора, эпитропом стал «любящий Христа и монашество почтенный патрикий и каниклий Никифор»²³¹. Следует отметить, под влиянием своего наставника Симеона Метафраста Никифор Уран вел скромный, почти аскетический, образ жизни²³². Поэтому он весьма серьезно относился к новой обязанности, и вплоть до смерти Никифора лавра св. Афанасия имела надежного покровителя и защитника в Константинополе. Память об этом сохранялась долгие годы. Известно, что в 1052 г. афонские монастыри, которые подверглись притеснению со стороны должностных лиц и архонтов дуката Фессалоника, просили Константина IX Мономаха вновь назначить им влиятельного покровителя, каким был магистр и каниклий Никифор²³³.

В 996/997 г. карьера Никифора Урана на гражданской службе совершенно неожиданно завершилась. Это произошло после неудачного столкновения византийских войск с болгарской армией царя Самуила (976–1014) под Фессалоникой. Иоанн Скилица писал, что получив известие о гибели в этом сражении дуки Фессалоники магистра Григория Таронита, Василий II назначил магистра Никифора Урана доместиком схол Запада²³⁴. Несмотря на то, что ранее Никифор никогда не командовал войсками и не принимал участия в

²³⁰ См.: Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204 / éd. diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, 1970. P. 19–20.

²³¹ Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster / hrsg. von Ph. Meyer. Leipzig, 1894. S. 125.22–24: φιλόχριστον καὶ φιλομόναχον Νικηφόρον τὸν ἐνδοξότατον πατρίκιον καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου.

²³² О Симеоне Метафрасте см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 228–233, Nr. 27504 (Συμεών Μεταφραστής).

²³³ Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204. P. 191, no. 31.16–17: τῷ μαγίστρῳ Νικηφόρῳ καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου.

²³⁴ Ioannis Skylitzes. P. 341.23–24: πάσης δύσεως ἄρχων ὁ μάγιστρος Νικηφόρος ὁ Οὐρανός.

военных походах, ему удалось заставить болгар отступить из Фессалии. Боевые действия переместились на юг, на территорию фемы Эллада. В 997 г. византийская армия уничтожила войско Самуила в ночном сражении на р. Сперхей (ποταμόν τοῦ Σπερχειοῦ), недалеко от крепости Ламия²³⁵.

Победа на р. Сперхей имела большое значение для общего хода византийско-болгарской войны²³⁶. Однако для рассматриваемой нами темы более важным является другой аспект. Разгром войск Самуила сделал Никифора Урана знаменитым, прославленным военачальником. На некоторое время он оказался в центре внимания военно-политической и церковной элиты Византии. В частности, митрополит Синады Лев, который в 997 г. находился с дипломатической миссией в Италии, направил Никифору Урану поздравительное послание. Характерно, что о самом сражении в письме почти не говорится. Лев Синада писал о возможных последствиях этого события для своего давнего друга: «Известие о Вашей победе, великолепный стратиг (θαυμάσιε στρατηγέ), разнеслось по всей Италии, а затем достигло отдаленных мест в Галлии и Испании (κατὰ τὴν Ἰταλίαν πᾶσαω... κατ' αὐτάς τὰς Γαλλίας, Ἰσπανίας). В свои шестьдесят лет я не знаю и не слышал ничего равного этому. Однако те, кто старше меня, несомненно, станут утверждать, что уже видели подобное. Эти болтливые старики начнут хвалиться тем, что происходило в старые времена. <...> Вы уже поступили как человек действия, а теперь, как мудрый человек, сумеете избежать зависти и неодобрительных взглядов. <...> Я молюсь, чтобы Вы достигли старости таким же здоровым и совершенным»²³⁷.

²³⁵ Ioannis Skylitzes. P. 341.23 – 342.51.

²³⁶ Подробнее см. Strässle P. M. Krieg und Kriegführung in Byzanz. Die Kriege Kaiser Basileios' II. gegen die Bulgaren (976–1019). Köln; Weimar, 2006. S. 270–271.

²³⁷ Correspondence of Leo, metropolitan of Synada and syncellus / ed. by M. P. Vinson. Washington, D. C., 1985. P. 22, Ep. 13. О Льве Синаде см.: Prosopographie der mittelbyzantini-

По нашему мнению, предположение Марты Винсон о том, что упоминание в письме «стариков» и «старых времен» следует понимать как намек на победы, одержанные византийскими войсками под командованием императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, является ошибочным²³⁸. Никифор Уран не был настолько тщеславным, чтобы попытаться сравниться с императорами-полководцами. Однако вряд ли магистр и domestik схол Запада, как полагает американская исследовательница, ощущал «чувство неполноценности» при общении с военными, своими современниками. Единственным человеком, которому он должен был доказать свою способность командовать войсками, являлся Василий II.

Следует отметить, что в письмах самого Никифора Урана император упоминается неоднократно. Например, в послании митрополиту Никомедии и патриаршему синкеллу Стефану, он посчитал необходимым специально подчеркнуть, что является верным слугой императора, честно исполняющим свой долг, а василевс щедро вознаграждает его за службу²³⁹. В другом письме, также адресованном Стефану, Никифор Уран вновь упомянул об императоре. Известно, что это послание было отправлено вскоре после завершения очень сложного и опасного похода в Северную Сирию летом и осенью 999 г. По словам автора, войско с трудом выдерживало тяготы военной кампании. Основная заслуга в том, что боевые действия завершилась победой, принадлежала императору, который разделял все трудности и лишения наравне с остальными²⁴⁰.

Примечательно, что Никифора Урана связывала с митрополитом Никомедии многолетняя дружба. Поэтому неверно считать, что в частных посла-

schen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 108–110, Nr. 24416 (Λέον, μητροπολίτης Σύναδα καὶ σὺγκελλος).

²³⁸ Correspondence of Leo, metropolitan of Synada and syncellus. P. 102–103.

²³⁹ Épistoliers byzantins du Xe siècle. P. 219–220, Ep. 5.14–17.

²⁴⁰ Ibid. P. 245, Ep. 47.1–4.

ниях Никифор лукавил или старался ввести Стефана в заблуждение²⁴¹. По всей видимости, он действительно был предан Василию II. Император же, в свою очередь, доверял Урану, и давал ему самые ответственные поручения. В 999 и 1000/1001 г. он сопровождал василевса в военных походах в Сирию и Закавказье. Кроме того, с 999 по 1007 гг. магистр Никифор Уран занимал должность дуки Антиохии²⁴². При Василии II, который не назначал доместиков схол Востока, это был высший административный пост в восточной части империи²⁴³.

Помимо военной и административной деятельности, Никифор Уран занимался литературным творчеством. В первое десятилетие XI в. им было написано несколько агиографических и поэтических произведений. Наиболее известными из них являются «Житие преп. Симеона Столпника Дивногорца» (*Symeon stylites iunior in monte Mirabili Vita; BHG 1690*) и «Житие и мученичество св. Феодора Тирона» (*Theodorus tiro Vita et martyrium; BHG 1762m*)²⁴⁴. Кроме этого, к антиохийскому периоду относится 50 писем Никифора Урана, изданных Жаном Даррузе²⁴⁵. В последние годы жизни он, по поручению императора, составил объемную компиляцию из античных и византийских военных трактатов, получившую название «Тактика Никифора Урана»²⁴⁶.

Несмотря на компилятивный характер, «Тактика» представляет значительный интерес для изучения истории византийского военного искусства. В. В. Кучма писал: «Говоря о значении «Тактики Никифора Урана» в истории

²⁴¹ О митрополите Стефане см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 115–118, Nr. 27315 (Στέφανος, μητροπολίτης Νικομηδείας καὶ σύγκελλος).

²⁴² Ioannis Skylitzes. P. 345.35–37: τὸν μάγιστρον Νικηφόρον τὸν Οὐρανὸν ὁ βασιλεὺς ἄρχοντα Ἀντιοχείας ἐκπέμπει.

²⁴³ См.: Мохов А. С. «Хозяин Востока» Никифор Уран. С. 46–48.

²⁴⁴ Halkin F. Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos (la Vie de S. Theodore le Conscrit) // *Analecta bollandiana*. 1962. Т. 80. P. 308–310.

²⁴⁵ *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. P. 217–248.

²⁴⁶ McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 79–86.

военной литературы, нужно иметь в виду, что это последний по времени, самый полный свод сведений военного характера, по существу, военная энциклопедия, завершающая многовековое развитие византийской военной науки. В этом плане, казалось бы, самые отрицательные черты данного сочинения – крайняя несамостоятельность, слепое следование оригиналу – оборачиваются бесценными достоинствами: трактат воспроизводит содержание многих военных сочинений, ныне полностью утраченных или дошедших до нас во фрагментах»²⁴⁷.

К сожалению, полностью текст «Тактики Никифора Урана» пока не опубликован. Фрагменты этого весьма объемного сочинения, состоящего из 178 глав, сохранились в двух десятках рукописей. По мнению французского исследователя Альфонса Дэна, первые 55 глав представляют собой почти дословное воспроизведение текста «Тактики Льва»; главы с 56 по 74 являются переработанным и дополненным пересказом анонимного трактата *Praecepta militaria*; главы 75–178 – это компиляция трудов древнегреческих полиоркетиков²⁴⁸. Первые 40 глав «Тактики Никифора Урана» были изданы венгерским историком Режё Вари, главы 56–65 опубликовал американский византист Эрик Макгир, а главы с 63 по 74 – французский исследователь Жюль-Альбер де Фуко²⁴⁹.

Неопубликованной остается значительная часть трактата, в которую входят фрагменты античных военно-теоретических сочинений. Представление о том, произведения каких древних авторов были использованы Никифором Ураном, можно получить из заглавия рукописи «Тактики», хранящейся в

²⁴⁷ Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль. С. 294.

²⁴⁸ См.: Dain A., De Foucault J.-A. Les stratégistes byzantins. P. 372–373.

²⁴⁹ Leonis imperatoris *Tactica* / rec. R. Vári. Budapest, 1917. Т. 1. Fasc. 1; McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 88–163; De Foucault J.-A. Douze chapitre inédits de la *Tactique* de Nicéphore Ouranos. P. 281–312.

музее Топкапы в Стамбуле (Cod. *Constantinopolitanus* gr. 36)²⁵⁰. Соглашаясь с приведенной выше характеристикой «Тактики», данной В. В Кучмой, обратим внимание на то, что автор компиляции должен был хорошо знать произведения античных военных теоретиков. Судя по приведенному списку, Никифор Уран использовал сочинения Флавия Арриана, Элиана Тактика, Полиэна, Онасандра, Плутарха, Диодора Сицилийского, Полибия, Диона Кассия, а также византийских императоров Маврикия и Никифора Фоки. По мнению Фрэнка Тромбли, наиболее важным древним источником для Никифора Урана являлся военный трактат *Στρατηγήματα* Полиэна. Главы «Тактики» с 123 по 171 основаны именно на материале «Военных хитростей»²⁵¹.

Широкое использование Никифором Ураном произведений античных полиоркетиков подтверждает сложившееся в историографии представление о нем, как об одном из наиболее образованных людей своего времени. Однако актуальным является вопрос о практической значимости «военной энциклопедии», составленной Никифором. С этой точки зрения наиболее важной частью «Тактики» следует считать главы 56–65, которые содержат существенно переработанный и дополненный текст трактата *Praecepta militaria*. Изменения, внесенные Никифором Ураном, позволяют получить представление о личном военном опыте этого византийского военачальника. Эрик Макгир, который выявил основные различия в текстах двух военных трактатов, писал: «Рекомендации Никифора Урана по организации осады городов представляют собой набор практических методов, которые применялись в его время.

²⁵⁰ Dain A., De Foucault J.-A. *Les stratégistes byzantins*. P. 371: Τακτικὰ ἤγουν στρατηγικὰ Ἀριανοῦ, Αἰλιανοῦ, Πέλοπος, Πολυαίνου, Ὀοσάνδρου, Ἀλκιβιάδου, Ἀρταξέρξου, Συριανοῦ, Ἀνίβα, Πλουτάρχου, Ἀλεξάνδρου, Διοδώρου, Δίωνος, Πολυβίου, Ἡρακλείτου, Μαυρικίου, Νικηφόρου καὶ ἄλλων τινῶν, συλλεγὲν παρὰ Νικηφόρου μαγίστρου τοῦ Οὐρανοῦ ἀπὸ πολλῶν ὡς εἴρηται ἱστορικῶν ἐν ἐπιμελείᾳ πολλῇ.

²⁵¹ Trombley F. *The Taktika of Nikephoros Ouranos and military encyclopaedism // Pre-modern encyclopaedic texts / ed. by P. Binkley. Leiden; New York, 1997. P. 272–273.*

<...> Более ранние тексты по осадной технике и тактике Никифор Уран не считал бесполезными. Напротив, они являлись для него полезными источниками информации, из них заимствовались идеи, позволяющие решить военную задачу более эффективно и в более короткие сроки»²⁵².

В целом, военно-теоретические воззрения Никифора Урана соответствовали основным принципам византийской полемологической традиции. По этой причине в «Тактике» отсутствуют философские рассуждения о войне, значимости армии для государства и общей стратегии ведения боевых действий. Автор предпочитает давать конкретные рекомендации, которые могли быть реализованы командным составом императорской армии на практике. В частности, это касается различных способов преодоления водных преград. Несомненно, что в этом случае Никифор Уран опирался на личный боевой опыт. Прославившая его победа над болгарами в 997 г. была бы невозможной без скрытной переправы византийских войск через р. Сперхей²⁵³.

Автор уделяет большое внимание подготовке войска к походу. По его мнению, за исход военной кампании полностью отвечал командующий. Среди прочего, он нес ответственность за подготовку своих воинов: «Обучать стратиотов необходимо так, чтобы они были готовы к любому бою»²⁵⁴. Перед тем, как начать военную кампанию надлежало собрать достаточные запасы продовольствия, фуража и вооружения. Там, где это возможно, сухопутную армию должен был поддерживать военный флот. На территорию противника следовало отправить лазутчиков, которые должны были сообщать командованию византийской армии о планах врага²⁵⁵.

Целью большинства военных экспедиций, по мнению Никифора Урана, являлось овладение городами или важными крепостями противника. По этой

²⁵² McGeer E. Tradition and reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos. P. 138.

²⁵³ См.: Dain A., De Foucault J.-A. Les stratégistes byzantins. P. 373.

²⁵⁴ McGeer E. Sowing the dragon’s teeth. P. 88.5–7.

²⁵⁵ Ibid. P. 142.

причине, автор уделяет особое внимание осадным приемам. В первую очередь он рекомендовал обезопасить свои войска, с этой целью необходимо было построить один или два хорошо укрепленных лагеря. Возведя полевые укрепления, следовало полностью блокировать осажденного противника, не допуская получения им подкреплений и продовольствия. В дальнейшем предполагалось измотать силы врага мелкими стычками, одновременно выявляя наиболее слабые участки его обороны. После проведения всех этих мероприятий, по мнению автора, можно было начинать штурм²⁵⁶.

Следует отметить, что описание тактических приемов при осаде городов в «Тактике» почти дословно совпадает с некоторыми главами военного трактата *De castrametatione*. По этой причине ряд исследователей предполагают, что Никифор Уран являлся автором обоих полемологических произведений. Дополнительным аргументом, подтверждающим данную версию, стало совпадение времени появления этих военных трактатов – около 1000 г.²⁵⁷ Рассматривая данную проблему, В. В. Кучма констатировал: «Что же касается старой гипотезы Р. Вари о принадлежности *De castrametatione* Никифору Урану, т. е. гипотезы, с которой декларативно или молчаливо солидаризировалось большинство исследователей, то при нынешнем состоянии источников она не может быть ни опровергнута, ни подкреплена какими-либо дополнительными аргументами»²⁵⁸.

В «Тактике» большое внимание уделено морально-психологической подготовке солдат и командиров. Опираясь на текст *Praecepta militaria*, Никифор Уран перечисляет методы позволяющие уменьшить страх воинов перед битвой, способствующие сплочению войска и т. д. Он утверждает: «На войне не следует терять голову от страха, необходимо действовать спо-

²⁵⁶ McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 152–162.

²⁵⁷ Incerti scriptoris byzantini saeculi X. Liber de re militari / rec. R. Vári. Leipzig, 1901. P. XXI–XXII.

²⁵⁸ Кучма В. В. Два трактата – один автор? С. 143.

койно»²⁵⁹. Однако он хорошо понимал, что подобных увещеваний может оказаться недостаточно, особенно, если в войске много новобранцев. Поэтому Никифор советовал прибегать к старому, но эффективному средству: «стратегам для поддержания боевого духа подчиненных необходимо раздавать обещания, награды и подарки»²⁶⁰. Одновременно с этим, автор «Тактики» был хорошо знаком с византийской военной историей. Поэтому он неустанно напоминал о необходимости соблюдения строгой дисциплины: «лучше, чтобы было объявлено заранее, как делали еще древние – за любое нарушение дисциплины, допущенное в условиях войны, последует наказание»²⁶¹.

Одним из средств поддержания высокого боевого духа Никифор Уран, считал обращение к религиозным чувствам солдат. Основой для его рекомендаций по организации богослужений в походных условиях являлся, по всей видимости, текст трактата *Praecepta militaria*²⁶². Определенное внимание в «Тактике» уделяется вопросам, связанным с вооружением византийских воинов. Например, вооружению тяжелой кавалерии (κατάφρακτος), предназначенному для ближнего боя. Здесь же автор упоминает об основном тактическом приеме, который катафракты должны были использовать в сражении: разрушить единство боевого построения противника и затем уничтожить его по частям²⁶³.

Следует отметить, что к описанию вооружения воина Никифор Уран обратился также в агиографическом сочинении «Житие и мученичество св. Феодора Тирона». В этот краткий текст автор включил эпизод, повествующий о поединке между Феодором и драконом. Никифор писал о том, что чудовище обосновалось в окрестностях Амасии. Пользуясь полнейшей без-

²⁵⁹ McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 104.145–146.

²⁶⁰ Ibid. P. 156.55–57

²⁶¹ Ibid. P. 102.94–95.

²⁶² См.: Ibid. P. 126.165–172; 128.209–214; 140.95–111. См. также: Crostini B. The emperor Basil II's cultural life // Byzantion. 1996. Т. 66. P. 66–68.

²⁶³ McGeer E. Sowing the dragon's teeth. P. 128.209–214.

наказанностью и попустительством властей, дракон напал на местных жителей, приходивших к некому чудодейственному источнику. Феодор решил избавить беззащитных людей от этой напасти. Перед поединком воин произнес страстную речь, обращенную к единственному слушателю – родственнице императора по имени Евсевия, которая была отправлена в ссылку в Амазию за приверженность христианской вере. Феодор говорил, что надеется, с Божьей помощью, которая переполняет его сердце, победить дракона. Далее автор описывает поединок: вооруженный копьем Феодор вложил все силы в удар, и чудовище дрогнуло, а затем, когда оружие святого пронзило его тело, дракон умер²⁶⁴.

Обратимся к эпистолярному наследию Никифора Урана. Итальянская исследовательница Луиза Андриолло отмечает: «Среди ближайших соратников Василия II мы видим ученого генерала (*learned general*) Никифора Урана. <...> Его письма отличаются изящным стилем и подражанием древним образцам, они наполнены ссылками на классическую литературу и мифологию»²⁶⁵. Данная характеристика является достаточно точной, но требует дополнения. Несмотря на то, что Никифор Уран занимал высшие военно-административные должности империи, адресатами его писем были исключительно гражданские чиновники, церковные иерархи и служащие придворного ведомства. Ни одного послания, адресованного военачальникам или же специально посвященного военной проблематике, не сохранилось.

В письмах Никифор Уран иногда сообщал подробности военных кампаний, в которых ему довелось участвовать. Например, весной 1001 г., когда Василий II возвращался из удачного похода в Закавказье, он писал препозиту сакеллы патрикию Льву: «Мне некогда ни спать, ни говорить... Мы быстро приближаемся к Антиохии. Теперь вся Иверия, ранее принадлежавшая куро-

²⁶⁴ Halkin F. Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos. P. 317–318.

²⁶⁵ Andriollo L. Aristocracy and literary production in the 10th century. P. 136–137.

палату Давиду (τοῦ κουροπαλάτου Δαβίδ), с Божьей помощью, перешла под власть императора»²⁶⁶.

Особого внимания заслуживает письмо, адресованное митрополиту Никомедии Стефану. Ценность данного текста заключается в том, что он предоставляет редкую возможность увидеть повседневную жизнь византийского военного лагеря. Никифор писал: «Пусть другие рассказывают тебе о прибылях и роскоши, что приносит с собой война. Говорю тебе, что вокруг нас только разнообразные мучения. Дневные утомительные заботы без вина, без самых насущных вещей и ночные переходы. «Звуки свирелей и флейт, немолчный шум людской» не прекращаются даже тогда, когда надлежит спать. Мы едим хлеб, вернее, камень, сделанный наподобие хлеба, настолько твердый, что об него ломаются зубы, болит все тело. Но мы в один присест, словно Кронос, заглатываем эти перепеченные ломти. Мы страдаем от болезней желудка, подвергая себя множеству опасностей. Продолжая, я упомяну о веренице забот и множестве поручений, препирательствах, ревности и вражде, об ужасах и опасностях, блужданию туда и сюда, волнении и вечной путанице»²⁶⁷.

Письмо было написано осенью 999 г., вскоре после завершения похода Василия II в Сирию. Годом ранее византийская армия потерпела от арабов тяжелое поражение при Апамее. Греки понесли большие потери, причем среди погибших был дука Антиохии патрикий Дамиан Далассин²⁶⁸. Император предпринял ответный поход, стараясь нанести противнику максимальный экономический ущерб. В течение нескольких месяцев византийские войска

²⁶⁶ *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. P. 226, Ep. 19.3–8. О походе Василия II в Закавказье в 1000/1001 г. подробнее см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 2. S. 70–74, Nr. 21432 (Δαβίδ Κουροπαλάτης).

²⁶⁷ *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. P. 246, Ep. 47.26–40.

²⁶⁸ Подробнее см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 2. S. 43–45, Nr. 21379 (Δαμιανός ὁ Δαλασσηνός).

действовали на территории Сирии, продвинувшись на юг до Хомса и Триполи. Прибрежная пограничная область вокруг Латтакии была полностью разорена, укрепления разрушены, населенные пункты уничтожены, а местные жители уведены в плен²⁶⁹.

Характерно, что при описании трудностей походной жизни Никифор Уран обращается к примерам из греческой мифологии. Он цитирует Гомера, сравнивая византийский военный лагерь с полевым укреплением троянцев: «Ибо когда озирает он (Агамемнон. – К. К.) троянский стан, удивлялся // Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом, // Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа»²⁷⁰.

Мифологические сюжеты постоянно использовались Никифором Ураном в своих посланиях. Примером может служить письмо судье Павлу. В нем дук Антиохии убеждал чиновника милостиво отнестись к некому патрикию. Призывая судью проявить снисхождение, он приравнивал милосердие к победе в борьбе со злом, а также утверждал, что филантропия является оружием, способным сокрушить любую несправедливость²⁷¹. Для подтверждения своих доводов Никифор упомянул о первой попытке ахейцев напасть на Трою. Тогда, не зная верного пути, они вместо Илиона обрушились на Мисию. Местный царь Телеф, сын Геракла, сразился с ними, но был ранен Ахиллом и потерпел неудачу. Однако, впоследствии Телеф примирился с ахейскими царями, исцелился от своей раны и указал Ахиллу морской путь к Трое²⁷².

Большинство сохранившихся писем Никифора Урана были адресованы людям, которых он знал много лет. Например, в послании своему давнему другу патрикию Мануилу он с горечью писал: «Я не могу вынести всю ту боль, что окружает меня плотным кольцом из суровых битв, вечной усталости»

²⁶⁹ Мохов А. С. «Хозяин Востока» Никифор Уран. С. 46–47.

²⁷⁰ Hom. II., X.11–13.

²⁷¹ *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. P. 234–235, Ep. 35.15–24.

²⁷² *Ibid.* P. 234, Ep. 35.1–8. См. также: Apollodorus. *The library* / transl. by J. G. Frazer. London, 1921. Vol. 2. P. 186, E 17; 188–190, E 20.

сти, потери родных и друзей»²⁷³. Никифор жалуется своим друзьям на спартанские условия походной жизни, чувство постоянного страха, непрерывный шум военного лагеря, не позволяющий заснуть. При этом сложно определить, являлись ли его слова искренними, или же Никифор старался продемонстрировать собственную смелость и самоотверженность. По нашему мнению, следует согласиться с Жаном Даррузе, считавшим, что «ученый генерал» следовал за императором на войну «храбро, но без особого желания»²⁷⁴.

Судя по сохранившимся сведениям источников, Никифору Урану была присуща вера в справедливость, умение быстро принимать важные решения, способность вникнуть в суть любого административного вопроса, а также талант использовать любые, даже самые неблагоприятные, обстоятельства в свою пользу. Современники и авторы исторических хроник XI в. отзываются о нем только положительно. Даже беспристрастный Иоанн Скилица считал Никифора «человеком, исполненным чести и благородства», называл его «умиротворителем Сирии» и «знаменитым магистром Антиохии старых времен»²⁷⁵.

Скилица в «Обзрении историй» упоминал о Никифоре в эпизоде, посвященном завершению византийско-болгарской войны. В 1018 г. император Василий отправился в Афины. Когда он проезжал Зетуний (Ζητούσιον, Λάμια), то ему показали кости болгар, которые пали в этом месте, когда магистр Никифор Уран разгромил Самуила²⁷⁶. Сам военачальник умер за несколько лет до этих событий, в 1010/1011 г. Однако память о нем и его победе сохранилась. Никифор Уран хорошо осознавал свою значимость для созданной Василием II системы военно-административного управления империи. Прежде всего, об этом свидетельствует принадлежавшая ему печать, опубли-

²⁷³ *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. P. 236, Ep. 36.2–3.

²⁷⁴ *Ibid.* P. 246, n. 21.

²⁷⁵ *Ioannis Skylitzes*. P. 327.34; 345.35–37; 483.5–6.

²⁷⁶ *Ibid.* P. 364.76–78.

кованная Э. Макгиром. Надпись этого моливдовула уникальна: «Богородица, помоги своему рабу Никифору Урану, магистру и хозяину Востока»²⁷⁷.

Не вызывает сомнений, что Никифор Уран был наиболее ярким и неординарным человеком в окружении Василия II. Его роль в административных преобразованиях, а также определении военной политики Византии в конце X – начале XI в. очевидна. Отношение к войне у этого гражданского чиновника, волей императора отправленного командовать войсками, было очень сложным. По всей видимости, до конца жизни война оставалась для Никифора Урана психологическим потрясением. Поэтому его восприятие войны следует определить как симбиоз практического, граничащего с мелочностью, регламентирования и тонкого религиозного чувства, понимающего войну как борьбу добра и зла.

²⁷⁷ McGeer E. Tradition and reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos. P. 139: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Νικηφόρῳ μαγίστρῳ τῷ κρατοῦντι τῆς Ἀνατολῆς τῷ Οὐρανῷ.

ГЛАВА 3. «НЕ ЛАНИ ДОЛЖНЫ КОМАНДОВАТЬ ЛЬВАМИ, А ЛЬВЫ ЛАНЯМИ»: ТИПЫ ПОЛКОВОДЦЕВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X–XI ВВ.

§ 3.1. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы

В византийской исторической литературе X–XI вв. большое внимание уделялось войнам, которые империя вела с соседними государствами. В сочинениях Продолжателя Феофана, Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Михаила Агталиата, Кекавмена и других авторов сохранились ценные сведения о военных походах, сражениях, осадах вражеских и обороне византийских городов. Однако наибольший интерес для хронистов представляла деятельность военачальников. В современной историографии преобладает мнение, что некоторым известным полководцам IX–XI вв. были посвящены литературные произведения, прославляющие их победы над врагами империи¹.

К сожалению, большая часть этих сочинений не сохранилась до нашего времени. Только отдельные их фрагменты вошли в состав «императорских» исторических хроник. В 1958 г. Дьюла Моравчик отметил, что в сочинениях Льва Диакона, Продолжателя Феофана и Иоанна Скилицы «некоторые детали имеют большое сходство». Далее он констатировал, что «точно не может быть определено, обращались ли эти авторы к общему источнику («военному дневнику»), который был написан в X веке»². Использованный венгерским исследователем термин *Kriegstagebuch* («военный дневник») впоследствии получил широкое распространение. В современной историографии под ним

¹ Подробнее см.: Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 298–303; Markopoulos A. Byzantine history writing at the end of the First. P. 183–197.

² Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 1. S. 399.

подразумевают тексты, посвященные деятельности византийских военачальников IX–X вв.³ В частности, Я. Н. Любарский считал, что во время работы над своей хроникой Иоанн Зонара использовал жизнеописание Никифора Фоки⁴. Другие исследователи полагают, что существовали также «военные дневники», восхвалявшие воинские подвиги Иоанна Куркуаса, Иоанна Цимисхия и Василия II⁵.

Следует отметить, что в византийской литературе периода правления Македонской династии сформировался образ «идеального полководца». Качества, присущие такому военачальнику, были заимствованы из классической античной литературы, а также из византийской полемологической традиции. В первую очередь, стратиг должен был обладать обширными познаниями в стратегии и тактике, иметь богатый боевой опыт, пользоваться авторитетом среди архонтов и рядовых стратиотов. Считалось также, что исход войны во многом зависел от личных качеств полководца: мужества, рассудительности, трудолюбия, умеренности в страстях, трезвости ума и бескорыстия⁶.

Судя по данным византийских хроник X–XI вв. многие командиры императорской армии обладали перечисленными качествами. По этой причине их литературные образы близки к чертам «идеального полководца». Например, Продолжатель Феофана писал об «умнейшем» доместике схол магистре Иоанне Куркуасе, называя его за множество достойных деяний «новым Трая-

³ См.: Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1. S. 391.

⁴ См.: Ljubarskij Ja. Nikephoros Phokas in Byzantine historical writings: trace of the secular biography in Byzantium // *Byzantinoslavica*. 1993. Т. 54. Fasc. 2. P. 245–253.

⁵ Подробнее см.: Holmes C. *The rhetorical structures of Skylitzes' Synopsis Historion* // *Rhetoric in Byzantium: Papers from the Thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies*, Exeter College, University of Oxford, March 2001 / ed. by E. Jeffreys. Burlington, 2003. P. 195–198.

⁶ Перечисленные качества «идеального стратега» упоминались в античной литературе со времен Ксенофонта. См.: Xenophon. *Memorabilia. Oeconomicus* / transl. by E. C. Marchant. London, 1923. P. 170, 3.1.6.

ном или Велизарием»⁷. По мнению Афанасиоса Маркопулоса, большой фрагмент хроники Продолжателя Феофана, посвященный Куркуасу, первоначально являлся самостоятельным произведением⁸. Автором этого «военного дневника» был протоспафарий и судья Мануил⁹.

Среди прочих качеств военачальника особое место занимали храбрость, отвага и способность вести за собой войска на битву. В исторических сочинениях сохранилось немало рассказов о схватках, в которых старшие архонты принимали личное участие, рискуя жизнью наравне с рядовыми стражниками. В частности, в хронику Иоанна Скилицы включен эпизод о сражении войска магистра Варды Склира с силами киевского князя Святослава под Аркадиополем весной 970 г. По словам Скилицы, когда византийские воины отразили первую атаку кавалерии противника, она отступила, смешавшись с собственной пехотой. Сражение стало затухать, но некий скиф, похвалявшийся физической силой и крепостью, бросился на самого магистра, который объезжал строй и воодушевлял всех воинов. Скиф ударил магистра мечом по шлему, но меч соскользнул, не причинив тому никакого вреда, а магистр в ответ ударил врага. Тяжелая рука и хороший меч обеспечил его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, который был братом магистра, поспешил к нему на выручку, наперерез другому скифу, которому он попытался нанести смертельный удар по голове. Тот скиф

⁷ Theophanes Continuatus. P. 425.12–13: τοῦ δομῆστικῶν τῶν σχολῶν τοῦ Κουρκοῦα... τὸν ἐχέφρονα καὶ νουνεχῆ εὐβουλον; 427.16–19: Τραϊανὸν ἢ Βελισάριον εἰκάσαι καὶ ὀνομάσαι. Об Иоанне Куркуасе подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 122–130, Nr. 22917 (Ἰωάννης ὁ Κουρκοῦας, δομῆστικὸς τῶν σχολῶν).

⁸ Theophanes Continuatus. P. 426.15 – 429.2.

⁹ Markopoulos A. Byzantine history writing at the end of the First Millennium. P. 193, 195 and n. 62. См. также: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 4. S. 321, Nr. 24880 (Μανουὴλ οἱ Βυζάντιοι, πρωτοσπαθάρης καὶ κρίτης).

бросился на Варду, и сумел уклониться от удара, а Константин, промахнувшись, обрушил меч на коня. Скиф упал, Константин соскочил с коня и, схватив бороду врага, вонзил в него меч. Этот поступок пробудил отвагу и храбрость римлян»¹⁰.

Портреты военачальников в византийских исторических хрониках могли быть разными: от пространных жизнеописаний, до коротких емких характеристик. Вот пример «маленького шедевра» от Продолжателя Феофана – рассказ о Феофиле Куркуасе, двоюродном брате выдающегося военачальника магистра и доместика схол Иоанна Куркуаса. Продолжатель Феофана писал: «Следует рассказать о Феофиле, который был прославлен подвигами и славными деяниями. Когда он остался в Халдии единственным стратигом (Χαλδίαν μονοστράτηγος), он не предался, подобно многим, безделью, роскоши и наслаждениям. Он обратился к суровым трудам, принялся разорять области агарян, пока не заставил подчиниться жителей сильного и достойного удивления Феодосиополя, а также окружающих его крепостей (τὸ κάστρον τὸ ἀνδρειότατον καὶ πανθαύμαστον Θεοδοσιόπολιν)¹¹. Потом и в Месопотамии он проявил себя так превосходно, что признан был новым Юстиниановым Соломоном (Σολομών ὁ ἐπὶ Ἰουστινιανού)¹². Возведенный в награду за доблесть, мужество и старание в патрикии, Феофил был стратигом в разных фемах, а уже при императоре Никифоре по прозвищу

¹⁰ Ioannis Skylitzes. P. 290.71–291.100. Ср.: Leonis Diaconos. P. 110.2–9. См. также: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 494–503, Nr. 20785 (Βάρδας ὁ Σκληρός); Bd. 3. S. 628–630, Nr. 23921 (Κωνσταντῖνος ὁ Σκληρός).

¹¹ Феодосиополь (Карин, совр. Erzurum) был захвачен Феофилом Куркуасом в 949 г. См.: Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 130–131.

¹² О военачальнике Соломоне, многолетнем правителе провинции Африка при Юстиниане Великом, см.: Prosopography of the later Roman Empire / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martin-dale, J. Morris. Cambridge; London, 1992. Vol. 3 B. P. 1167–1177.

Фока стал магистром и домашником схол. А еще он оставил потомкам своего внука, Иоанна Цимисхия»¹³.

Историческая хроника Иоанна Скилицы (Σύνοψις Ἱστοριῶν) входит в число важнейших источников по военно-политической истории Византии IX–XI вв. В «Синописе историй» наибольший интерес представляют заключительные книги, повествующие о событиях последней четверти X – первой половины XI в. Основываясь на не сохранившихся до нашего времени источниках, Скилица подробно описывает период правления Василия II и его преемников, вплоть до прихода к власти Исаака I Комнина¹⁴.

Несомненным достоинством сочинения Скилицы является его достоверность. Придерживаясь провозглашенного им принципа написания «правдивой истории», автор рассказывает об известных ему событиях подробно и беспристрастно¹⁵. В отличие от своих современников Михаила Пселла и Михаила Атталиата, Иоанн Скилица уделяет внимание самым разнообразным событиям: войнам, церковной истории, стихийным бедствиям, пророчествам, порой даже малодостоверным слухам. Именно поэтому Σύνοψις Ἱστοριῶν долгое время удостаивался в историографии уничижительных оценок. Скилицу обвиняли в сухости и примитивности изложения, хронологической путанице, а болгарский исследователь В. Н. Златарский называл сведения Σύνοψις Ἱστοριῶν о болгаро-византийских отношениях «лживыми»¹⁶.

Столь острая реакция на произведение Скилицы вполне понятна, так как стиль этого автора может привести в замешательство любого ценителя

¹³ Theophanes Continuatus. P. 428.3–21. См. также: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 6. S. 547–549, Nr. 28152 (Φεόφιλος ὁ Κουρκούας).

¹⁴ Ioannis Skylitzes. P. 314–500.

¹⁵ Ibid. P. 4.57–59.

¹⁶ См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). S. 366; Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 2007. Т. 1. Ч. 2. С. 609.

классической античной литературы. Действительно, для «Синописа историй» характерны сухие, краткие оценки и характеристики. Зачастую Скилица переходит от описания важнейших исторических событий к изложению мелких фактов, легко «перемещается» по территории Византии и сопредельных стран. Из-за этого нередко возникает хронологическая путаница, так как автор прерывает рассказ об одних событиях и начинает описывать другие¹⁷.

О биографии Скилицы известно немного. По всей видимости, его карьера на императорской службе началась в 50-е гг. XI в. и была успешной. При Алексее I Комнине куропалат Иоанн Скилица занимал должности протовестиария и друнгария вила¹⁸. Последнее упоминание о нем относится к марту 1092 г., когда «куропалат и бывший друнгарий вила» Иоанн Фракийский направил императору *ὑπόμνησις* («памятную записку»), посвященную правовым вопросам¹⁹.

Сочинение Скилицы является продолжением «Хронографии» Феофана. В основном автор придерживается хронологического принципа повествования. Во вступительной части хроники Скилица писал, что ему знакомо значительное число исторических произведений. Далее он перечислил имена четырнадцати авторов, «писавших историю» до него. Следует отметить, что хрониста многое не устраивало в сочинениях предшественников. Прежде всего, он упрекал их в предвзятости²⁰. Скилица писал: «...истории вышеупомянутых писателей были рассмотрены мной с большой осторожностью...

¹⁷ См.: Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. С. 122–123; Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. С. 419.

¹⁸ Georgius Cedrenus *Historiarum compendium*. Т. 1. Р. 5.4: ὁ δὲ πρωτοβεστιάριος Ἰωάννης ὁ Θρακῆσιος; Ioannis Skylitzes. P. 3.4–5: Ἰωάννου κουροπαλάτου καὶ γεγονότος μεγάλου δρουγγαρίου τῆς βίγλας Σκυλίτζη. Подробнее о происхождении и карьере Иоанна Скилицы см.: Seibt W. *Ioannes Skylitzes*. S. 81–85.

¹⁹ См.: Antoljak S. *Wer könnte eigentlich Joannes Scylitzes sein?* S. 678–679.

²⁰ Ioannis Skylitzes. P. 4.36–38.

многие противоречия и разногласия были оставлены в стороне». В итоге он собрал и изложил «правдивую историю», которую готов передать будущим поколениям²¹.

Несмотря на то, что «Синописис историй» лишен многих литературных достоинств, присущих «Хронографии» Михаила Пселла²², сочинение Скилицы насыщено уникальными историческими сведениями. Занимая высокие должности в императорской администрации, автор имел доступ к архивам столичных ведомств²³. Как никому другому, ему были понятны причины кризиса Византии в конце XI в. Более того, Скилица предчувствовал дальнейшее ослабление империи, с тоской вспоминая о блеске прошедших времен. По его мнению, упадок начался после смерти Василия II, в правление его младшего брата Константина VIII²⁴.

Событиям, связанным с военно-политической историей Византии X–XI вв., Скилица уделял самое пристальное внимание. Во многих случаях, при описании военных действий он упоминал титулы и должности византийских военачальников, а также перечислял воинские контингенты, входившие в состав императорской армии. Хроника Скилицы является единственным византийским источником, в котором подробно описаны военные кампании Василия II и боевые действия на Востоке в 30–40-е гг. XI в.²⁵

²¹ Ioannis Skylitzes. P. 4.45–47.54–55

²² Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. С. 419: «Действительно, что может быть общего между неприязнительной «монашеской» хроникой и одним из самых совершенных созданий византийской литературы, произведением учнейшего Пселла!»

²³ . Подробнее см.: Markopoulos A. Byzantine history writing at the end of the First Millennium. P. 193–196; Мохов А. С. Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2014. № 4 (133). С. 101.

²⁴ Ioannis Skylitzes. P. 370.21–23.

²⁵ Cheynet J.-Cl. Jean Skylitzès, lecteur des chroniqueurs du Xe siècle. P. 117–120.

В историографии существует предположение, что на начальном этапе карьеры Скилица был хорошо знаком с высокопоставленными византийскими военачальниками. Наибольшим влиянием и известностью среди них пользовался Катакалон Кекавмен (Κατακαλὼν ὁ Κεκαυμένος). А. П. Каждан отмечал, что с определенного момента Скилица, который ранее редко находил одобрительные слова для представителей светской знати, начал подробно и с восхищением описывать подвиги Катакалона Кекавмена²⁶.

Прославленный военачальник стал главным героем заключительной части «Обозрения историй». Следует отметить, что в данном случае Скилица отступил от характерных для него беспристрастности и спокойствия²⁷. Фактически на страницах Σύνοψις Ἱστοριῶν была воссоздана военная карьера Катакалона Кекавмена: протоспафарий и командир тагмы Армениака в 1041/1042 г.; катепан Паристриона в 1043 г.; дука Иверии в 1047–1048 гг.; стратилат Востока в 1049 г.; магистр и дука Антиохии в 1056 г.²⁸ Особенно подробно Скилица писал о «выдающейся» роли Катакалона Кекавмена во время мятежа Исаака Комнина, который вознаградил военачальника титулом куропалата²⁹.

²⁶ Каждан А. П. Рец. на: Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. Editio princeps. Recencuit I. Turn. “Corpus fontium historiae byzantina”. Vol. 5. Apud. W. de Griuter et socios. Berolini et Novi Eboraci, 1973 // Историко-филологический журнал. Ереван, 1975. № 1. С. 207.

²⁷ Shepard J. A suspected source of John Scylitzes’ Synopsis Historion: the great Catacalon Cecaumenus // Byzantine and Modern Greek Studies. 1992. Vol. 16. P. 180.

²⁸ Ioannis Skylitzes. P. 406.17–18 (πρωτοσπαθάριος... καὶ τοῦ τάγματος ἄρχων τῶν Ἀρμενιακῶν); 433.27–28 (ἄρχων ὦν τῶν παρὰ τὸν Ἱστρον πόλεων καὶ χωρίων); 438.62 (δοῦξ Ἰβηρίας); 467.5 (στρατη-λάτην τῆς ἀνατολῆς); 483.3 (μάγιστρος καὶ δοῦξ... Ἀντιοχείας).

²⁹ Ioannis Skylitzes. P. 495.47–50; 497.3–11; 500.84–88 (κουροπαλάτης). См. также: Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. С. 31–32; Мохов А. С. Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белго-

Образ Катакалона Кекавмена, созданный в хронике Иоанна Скилицы, является эхом представлений об идеальном полководце, что господствовали в особом мире византийского пограничья. Такие качества Кекавмена, как ум, выдержка, справедливость, осторожность и умение избегать излишнего кровопролития, сформировались на основе опыта, накопленного поколениями фемных архонтов, оборонявших восточные границы империи. А. П. Каждан предполагал, что Скилица использовал не сохранившийся до нашего времени текст, посвященный воинским подвигам Катакалона Кекавмена³⁰. Об этом косвенно свидетельствует также сама манера изложения событий, связанных с его полководческой деятельностью. Хронист не только перечислил личные качества военачальника: «мужественный, умный, предусмотрительный»³¹. Помимо этого, он обладает большим военным опытом, знанием тактических приемов «варваров», умеет находить способы эффективного противодействия любому противнику³².

Благородное происхождение, хорошее воспитание и образование занимали важное место среди качеств византийского полководца XI в. Однако гораздо важнее были его действия, реальные заслуги и победы, одержанные над врагами империи. Об этом писал не только Иоанн Скилица, но и его современники Михаил Атталиат, Кекавмен (возможно, дальний родственник куропалата Катакалона Кекавмена), Никифор Вриенний³³. Автор «Синописа историй» упоминал, что его «главный герой» происходил из знатной семьи, связанной родственными узами с малоазийскими и македонскими кланами про-

родского государственного университета. Сер. История. Политология. Белгород, 2012. № 1 (120). С. 54–57.

³⁰ Каждан А. П. Рец. на: Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. С. 208: «вполне вероятно, что Скилица жил и писал в окружении если не самого Катакалона Кекавмена, то его почитателей и родственников».

³¹ Ioannis Skylitzes. P. 483.13; 487.27.

³² Ibid. P. 449.22–45. 450.85 – 451.44.

³³ См.: Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата. С. 5–6, 8.

винциальной военной знати. Одновременно хронист утверждал, что «Кекавмен ничем не был обязан родителям»³⁴. Быстрое продвижение по службе он заслужил благодаря собственному мужеству, храбрости и хорошему знанию военного дела.

Иоанн Скилица включил в заключительную часть *Σύνοψις Ἱστοριῶν* описание нескольких военных кампаний и сражений, в которых принимал участие Катакалон Кекавмен. В 1041/1042 г. он командовал гарнизоном Мессины. Несмотря на то, что под его началом было всего 800 воинов, византийский военачальник вынудил арабов отступить от города, одержав над ними «великую победу»³⁵. Летом 1049 г., во время похода восточной полевой армии против печенегов, Катакалон Кекавмен безуспешно призывал стратига-автократора ректора Никифора напасть на противника внезапно, не давая ему собраться с силами. В итоге византийские войска бежали с поля боя, не выдержав атаки кочевников под Диакеей. Только небольшой отряд под командованием Катакалона Кекавмена оказал печенегам ожесточенное сопротивление. Враги окружили его и уничтожили, а раненый стратилат Востока попал в плен³⁶.

Следует отметить, что чудесное спасение смелого и достойного воина – один из весьма распространенных сюжетов византийской литературы. В исторических хрониках, агиографических и эпических произведениях сохранились сюжеты, повествующие о заступничестве небесных сил за императоров и полководцев, оказавшихся в смертельной опасности. Михаил Атталиат пи-

³⁴ Ioannis Skylitzes. P. 483.15.

³⁵ Ioannis Skylitzes. P. 406.16 – 407.45. Подробнее см.: Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981. S. 214–215.

³⁶ Ioannis Skylitzes. P. 467.2 – 469.51. Подробнее см.: Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2005. № 39. С. 20–21.

сал, что только чудо спасло от гибели будущего императора Никифора Вотаниата (1078–1081), когда он находился в плену у узов в 1064/1065 г.³⁷ В «Дигенисе Акрите» упоминаются святые покровители этого собирательного образа византийских воинов: «Было с ним благословление Божие // и неборимой Богоматери, // и всех ангелов и архангелов, // и Феодоров праведных мучеников, // наградами увенчанных, прославленных: // один зовется Стратилат, другой Тирон, // святой Георгий много помогал ему // и больше всех ему благоприятствовал славнейший Димитрий»³⁸.

Иоанн Скилица не связывал спасение Катакалона Кекавмена, получившего в битве при Диакее несколько тяжелых ран, с вмешательством небесных сил³⁹. На поле боя византийского военачальника нашел знатный печенежский воин Кулин (*πατζινάκος... Κουλίνος*). Он отвез его в свою палатку, приказал ухаживать и заботиться о нем. По словам Скилицы, Катакалон Кекавмен был знаком с Кулином со времени службы на должности катепана Паристриона⁴⁰. По нашему мнению, упоминание мелких деталей, вплоть до характера полученных Кекавменом ран, подтверждает предположение А. П. Каждана. Иоанн Скилица использовал не сохранившийся до нашего времени текст, посвященный Катакалону Кекавмену.

По всей видимости, сначала в неизвестном тексте, а потом в хронике Иоанна Скилицы был создан образ Катакалона Кекавмена – идеального полководца. Известны сходные по жанру произведения, посвященные деятельности прославленных византийских военачальников: Петроны, Иоанна Куркуа-

³⁷ Michaelis Attaliothae Historia. P. 87.9–22.

³⁸ Digenis Akritis. P. 2.17 – 4.25.

³⁹ По сфрагистическим данным известно, что Катакалон Кекавмен считал своим небесным покровителем архангела Михаила, изображение которого помещено на печатях, принадлежавших прославленному военачальнику. См.: Cheynet J.-Cl. Par saint Georges, par saint Michel // Travaux et mémoires. 2002. Vol. 14. P. 125.

⁴⁰ Ioannis Skylitzes. P. 469.50–60.

са, Никифора Фоки⁴¹. Как и все эти полководцы, Катакалон Кекавмен был опытным командиром, знатоком различных приемов боя, военных построений и маневров. Перед нами предстает образ предводителя многотысячных армий, а не героя, добывающего себе славу в опасных и часто бессмысленных поединках.

В заключительной части сочинения Скилицы упоминаются многие представители византийской военно-политической элиты. Однако ни талантливые военачальники Никифор Ксифий, Георгий Маниак и Михаил Иасит, ни будущие императоры Исаак Комнин, Константин Дука и Никифор Вотаниат не удостоились в *Σύνοψις Ἱστοριῶν* столь подробного жизнеописания, как Катакалон Кекавмен. Скилица кратко упоминал о деятельности многих византийских полководцев. Его характеристики отличаются емкостью, точностью биографических данных и уважительным отношением к военной службе. Кроме того, по этим отрывочным, и зачастую не связанным друг с другом, упоминаниям можно проследить историю знатных провинциальных семейств империи: Комнинов, Дук, Склиров, Фок, Аргиров, Куркуасов⁴².

Иоанн Скилица уделял внимание не только византийским, но и иностранным военачальникам. В первую очередь, это относится к полководцам болгарского царя Самуила: Никулице, Добромиру, Драксану, Кракре и др. Сведения хроники уникальны тем, что другие письменные источники не сохранили подробной информации о болгарских военных деятелях, принимавших участие в войнах с Византией в последней четверти X – начале XI в.⁴³

⁴¹ Подробнее см.: Καρπόζηλος Απ. Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι. Σ. 35–39; Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). С. 298–303.

⁴² См.: Stephenson P. Rev.: Catherine Holmes, Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford Studies in Byzantium. Oxford, Oxford University Press 2005. 625 p. // Byzantinische Zeitschrift. 2007. Bd. 100. Heft. 1. S. 221.

⁴³ Исключение составляет рассказ Кекавмена о Деметрии Полемархе (Δημήτριος ὁ Πολεμάρχιος). См.: Кекавмен. Советы и рассказы. С. 190.18 – 192.10.

В 989/990 г. болгарские войска захватили крепость Сервия. Это позволило им контролировать южные подступы к Фессалонике и важную дорогу, соединяющую Лариссу и Веррию. Болгарским гарнизоном Сервии командовал Николай (Никулица), один из наиболее доверенных соратников Самуила⁴⁴. В 1000/1001 г. он сдал крепость войскам Василия II, получив за это титул патрикия. Однако вскоре Никулица бежал к Самуилу и вместе с болгарским царем предпринял неудачную попытку осады Сервии. Через некоторое время Никулица попал в плен к византийцам и был брошен в тюрьму⁴⁵.

Военачальник Дамиан (Добромир) командовал болгарскими войсками в Веррии. Он происходил из боярского рода и был женат на сестре царя Самуила⁴⁶. В 1001 г., после недолгой осады, Добромир сдал Веррию императорским войскам, получив за это титул анфипата. Скилица писал, что сын Добромира, также Добромир (ὁ νέος Δοβρομηρός), отказался переходить на византийскую службу. Добромир Младший продолжал вести военные действия вплоть до гибели царя Ивана Владислава. Весной 1018 г. он вместе с архонтами Несторицей (ὁ Νεστορίτζης) и Лазарицей (ὁ Λαζαρίτζης) явился к василевсу и «был принят с честью»⁴⁷.

«Доблестный муж» Драксан (Драгшан) руководил обороной неприступной крепости Воден. Длительное время он успешно отражал попытки византийских войск завладеть крепостью, «поразив своим упорством императора». Тем не менее, гарнизон сдался, не получив подкреплений от царя Самуила. Драгшан получил разрешение поселиться в Фессалонике. Он женился на дочери первого священника (τοῦ πρώτου τῶν πρεσβυτέρων) храма

⁴⁴ Ioannis Skylitzes. P. 344.93–94: ὁ δὲ τὰ Σέρβια φυλάττων Νικόλαος... Νικολιτζᾶς.

⁴⁵ Ibid. P. 344.98–16. См. также: Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв. С. 24–25.

⁴⁶ Ioannis Skylitzes. P. 344.89–93 (Δοβρομηρός ὁ τῆς Βερροίας κατάρχων). См. также: Strässle P. M. Krieg und Kriegführung in Byzanz. S. 160–161.

⁴⁷ Ioannis Skylitzes. P. 359.29–32.

св. Димитрия, у них было четверо детей. По сообщению Скилицы, Драксан дважды предпринимал безуспешные попытки бежать в Болгарию. В конечном итоге, он был казнен по распоряжению Василия II⁴⁸.

Судя по рассказу Скилицы, переговоры с болгарскими военачальниками принесли Василию II гораздо большую пользу, чем кровопролитные и неоправданно дорогостоящие осады хорошо укрепленных крепостей. Полководцы Самуила сдавали «неприступные твердыни» в обмен на византийские придворные титулы, что предусматривало пожизненные денежные выплаты. Естественно, что ни один болгарский военачальник не получил хоть сколько-нибудь значимую должность в императорской армии. В отличие от Василия II, Самуил ничего не мог предложить своим полководцам. По сути, победа над Болгарией была одержана не только на полях сражений, но и в финансовой сфере. Захват ключевых укрепленных пунктов в Фессалии и Македонии открывал византийской армии путь во внутренние области Болгарского царства.

В 1004 г. императорские войска начали осаду Перника, мощной крепости, которая господствовала над долиной р. Струмы. Болгарским гарнизоном командовал «искусный в военном деле муж» Кракра⁴⁹. Об этом военачальнике известно мало, его христианское имя в источниках не упоминается. Кракра же, скорее всего, является прозвищем⁵⁰. По словам Скилицы, после неудачного штурма крепости византийское командование попыталось склонить болгар

⁴⁸ Ioannis Skylitzes. P. 345.27–33 (Δραξάν τὰ Βοδινά κατάρχων). См. также: Kapsalykova K. The Slavic military commander in Byzantium: Dragshan of Voden // Thematic sessions of Free communications: Proceeding of the 23rd International congress of byzantine studies, Belgrade, 22-27 August 2016 / ed. D. Dželebdžić, St. Bojanin. Belgrade, 2016. P. 225.

⁴⁹ Ioannis Skylitzes. P. 347.70–75 (οὗ φύλαξ ἦν ὁ Κρακράς); 355.26 – 356.36; 357.63–71. См. также: Пириватрић С. Самуилова држава: обим и карактер. Београд, 1997. С. 117–118.

⁵⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2. С. 365: «Кракша – птица, близкая к вороне, Colaris» (Даль)... Далее сюда же кречет (см.), кимр. crech «крик», др.-инд. krakaras «куропатка серая».

к сдаче льстивыми речами и щедрыми обещаниями. Однако Кракра отказался переходить на сторону императора, и василевс вынужден был отступить.

Кракра удерживал Перник и его окрестности до 1018 г. После смерти царя Ивана Владислава сопротивление болгар прекратилось. Кракра отправил к императору своего брата, который договорился о сдаче Перника и еще 35 крепостей в обмен на «почести и титулы». Встреча Василия II, Кракры и 35 подчиненных ему воевод («находившихся под рукой») состоялась в Серрах. Кракра получил от императора титул патрикия⁵¹.

Таким образом, герои Иоанна Скилицы, в отличие от персонажей Льва Диакона или Михаила Пселла, имели мало общего с античным идеалом военачальника. Как правило, эти люди были неразрывно связаны с византийскими реалиями. Скилица особенно ценил в своих героях знание военного дела. Однако качества полководца не ограничивались только военной сферой. Порой должности и официальные назначения значили гораздо меньше, нежели признание со стороны сослуживцев, семьи, рода. Помимо этого, Иоанн Скилица ценил у военачальников мужество, честность и стремление к справедливости. Это касалось не только византийских полководцев, но и врагов империи.

§ 3.2. «Бездарный полководец» Михаил, сын логофета Анастасия

Военная история Византии IX–XI вв. состояла не только из блистательных побед и пышных триумфов над поверженными врагами. В источниках неоднократно упоминается о тяжелых поражениях императорских войск, которые сопровождались гибелью значительного числа командиров и простых воинов. Для византийских исторических сочинений не характерно умолчание о проигранных битвах или неудачных военных кампаниях. Напротив, в

⁵¹ Ioannis Skylitzes. P. 357.63–71. См. также: Пириватрић С. Самуилова држава. С. 127–128.

большинстве случаев, авторы хроник стремились не только сообщить подробности, но и указать на причину поражения. В первую очередь, они, как, и, в случае, с одержанными победами, акцентировали внимание на действиях командования разгромленного византийского войска. При этом, несмотря на сопутствующие неблагоприятные факторы (подавляющее численное превосходство противника, незнакомая местность, недостаток продовольствия и других ресурсов), главным виновником поражения чаще всего считался командующий.

Критической оценке со стороны авторов исторических сочинений подвергалась деятельность, как военачальников высшего ранга, так и командиров небольших отрядов, выполнявших отдельные боевые задачи. Например, Иоанн Скилица включил в рассказ о войне между Византией и эмиром Халеба Хамданидом Сейф ад-Даулой характеристику доместика схол магистра Варды Фоки, отца прославленных полководцев Никифора и Льва Фок. Хронист писал, что с того времени, как император Константин VII назначил Варду доместиком схол, тот не совершил ничего достойного упоминания. Раньше, когда Фока служил под чужим командованием, он проявил себя как прекрасный командир, равный «стратигам древних времен»⁵². Однако получив под свое начало восточные войска, когда все стало зависеть от его собственной воли, Варда не принес империи никакой пользы. Его, словно болезнь, лишаящая разума, поглотила жажда наживы. В качестве примера бездарного командования доместика схол Скилица упомянул о стычке с войском Сейф ад-Даулы под Германикеей в 953 г. Несмотря на численное превосходство, византийское войско бежало, бросив своего командира. Варду защитили телохранители, которые «сплотились вокруг него» и спасли от плена. В этом сражении

⁵² Вероятно, Скилица намекал на события 941 г., когда патрикий Варда Фока командовал кавалерией в войске доместика схол Иоанна Куркуаса во время нападения росов на Вифинию. См.: Theophanes Continuatus. P. 423.14 – 425.23; Ioannis Skylitzes. P. 229.90 – 230.24.

Фока получил опасную и глубокую рану, шрам от которой был виден на его лбу до конца жизни⁵³.

По утверждению Скилицы, Варда Фока был хорошим командиром среднего ранга, но для руководства восточной армией ему не хватало воинского таланта. С этой задачей гораздо лучше справился его «возлюбленный сын» и будущий император Никифор⁵⁴. В хронике Скилицы ситуации, когда посредственные командиры, не обладающие нужными качествами, получали назначение на ответственные должности, упоминаются неоднократно. В некоторых случаях это приводило к весьма печальным последствиям. Так, в рассказе о начальном этапе восстания Варды Склира, хронист писал об Анфе Алиате (Ἀνθης ὁ Ἀλυάτης), «самом преданном и деятельном человеке из окружения» предводителя мятежа⁵⁵. В начале лета 976 г. Склир со своими силами отправился в поход на Запад. Впереди мятежного войска двигались отряды катаскопов (τῶν κατασκόπων). Экзарх (ἑξάρχος) Анф Алиат командовал одним из них. Вскоре его стратиоты столкнулись с передовой частью императорской армии под руководством опытного военачальника, стратега Тарса магистра Евстафия Малеина (Εὐστάθιος ὁ Μαλεΐνος)⁵⁶. По словам Скилицы, сначала противники обстреливали друг друга из луков, но не потерпели от этого серьезного ущерба. Тогда «Алиат, не сумев сдержать свой пыл, в безрассудном порыве бросился на врагов, но смертельно раненный пал, не успев совершить ничего достойного упоминания, а его воины укры-

⁵³ Ioannis Skylitzes. P. 240.99 – 241.14.

⁵⁴ Theophanes Continuatus. P. 427.13–18.

⁵⁵ Ioannis Skylitzes. P. 315.1–2. См. о нем: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 264, Nr. 20452 (Ἀνθης ὁ Ἀλυάτης).

⁵⁶ О Евстафии Малеине см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 288–291, Nr. 21861 (Εὐστάθιος ὁ Μαλεΐνος).

лись в окрестных горах и лесных зарослях»⁵⁷. В данном эпизоде следует обратить внимание на то, что Варда Склир и Евстафий Малеин действовали согласно предписаниям военного трактата *De velitatione bellica*. В этом сочинении содержались рекомендации об охране дорог на своей территории и о разведке путей перемещения войск на землях противника⁵⁸.

В некоторых случаях фатальные просчеты, приводившие к катастрофическим последствиям, совершали опытные военачальники. Например, во время войны с печенегами в правление Константина IX Мономаха (1042–1055) византийские войска потерпели несколько сокрушительных поражений из-за беспечности, недооценки сил противника и трусости высшего командного состава императорской армии. Одно из сражений произошло весной 1049 г. под крепостью Диамполис (Ямбол). Иоанн Скилица писал, что византийским войском командовал архонт Запада магистр Константин Арианит (Κωνσταντῖνος ὁ Ἀριανίτης). Подойдя к Диамполису, Константин Арианит допустил ошибку, не разбив лагерь и не дав своим отрядам отдохнуть после марша. Дисциплина среди македонских и фракийских воинов была низкой, передовые отряды без приказа командующего атаковали противника, за ними в сражение втянулось остальное войско. Печенеги отразили атаку и сами перешли в наступление. Византийская кавалерия, не ожидавшая от кочевников ожесточенного сопротивления, обратилась в бегство, погибло множество архонтов и рядовых воинов. Константин Арианит с остатками разбитой армии возвратился в Адрианополь⁵⁹.

Краткое сообщение о поражении западной армии сохранилось также в сочинении Кекавмена. Отметим, что его сведения менее достоверны, чем у

⁵⁷ Ioannis Skylitzes. P. 318.59–71. См. также: Мохов А. С. Византийская провинциальная знать во второй половине X в.: Анф Алиат // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 144–146.

⁵⁸ См.: *De velitatione bellica*. P. 39–41. Ср.: *De castrametatione*. P. 294–302.

⁵⁹ Ioannis Skylitzes. P. 466.81 – 467.90.

Иоанна Скилицы. По всей видимости, Кекавмен объединил рассказ о битве при Диамполисе с известными ему сведениями о другом сражении византийских войск против печенегов, которое произошло в конце лета 1049 г. под Диакеной и также завершилось разгромом императорской армии⁶⁰.

Однако автор «Советов и рассказов» перечислил основные ошибки, совершенные командующим византийскими войсками: «надеясь на свое бесчисленное войско, ни лагеря не разбил, ни своего шатра не поставил, ни отдыха уставшей армии не дал, а тотчас устремился на битву... Римляне же и их кони, измученные и трудностями пути, и зноем, и жаждой, не смогли устоять против слабого натиска и тотчас обратились в бегство»⁶¹. Таким образом, Кекавмен подтвердил слова Скилицы о том, что главной причиной поражения являлись тактические просчеты Константина Арианита. Несмотря на значительный боевой опыт, архонт Запада пренебрег, как минимум, двумя рекомендациями военного трактата *De castrametatione*, который специально был посвящен особенностям проведения военных кампаний на Балканах. Прежде всего, он проигнорировал предписание о необходимости возводить полевые укрепления (военные лагеря), когда армия находится на вражеской территории. Кроме того, Арианит не учел рекомендации анонимного автора трактата, согласно которому «опасно вести сразу две войны – с неприятелем и с жарой»⁶².

Среди византийских полководцев, обвиненных авторами исторических хроник в бездарном командовании, специального рассмотрения заслуживает Михаил, сын логофета Анастасия. Его военная карьера продолжалась с 1042 по 1057 гг., о нем упоминали в своих сочинениях Иоанн Скилица, Иоанн Зо-

⁶⁰ Подробнее о хронологии событий см.: Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970. P. 66–67; Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.). С. 20–21.

⁶¹ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 179.

⁶² См.: *De castrametatione*. P. 284, 322.

нара и Кекавмен. Однако перед тем как рассматривать отдельные этапы карьеры Михаила, следует обратиться к сведениям о его семье.

В историографии утвердилось мнение, что семья Михаила принадлежала к столичной бюрократической элите⁶³. Оно основано на том, что в хронике Иоанна Скилицы Михаил назван «сыном логофета Анастасия»⁶⁴. О детстве и юности Михаила сведений в источниках не сохранилось, как и о том, были ли у него жена и дети. Следовательно, единственная «подробность» его биографии, не связанная с военной службой, – это имя и должность его отца, логофета Анастасия. Однако в письменных источниках, которые рассказывают о событиях последней четверти X – середины XI в. логофет Анастасий не упоминается. Опубликованы три печати, принадлежавшие логофетам по имени Анастасий. Одна принадлежала логофету дрома⁶⁵, две – логофетам геникона⁶⁶. Все моливдовулы относятся к одному сфрагистическому типу, издатели датируют их первой половиной XI в.

Учитывая, что имя Анастасий редко встречается в источниках, ряд исследователей высказывали предположение, что в апреле 1042 г. отец Михаила

⁶³ См.: Кекавмен. Советы и рассказы. С. 399, примеч. 283; Jean Skylitzés. *Empereurs de Constantinople / texte trad. par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet*. Paris, 2003. P. 353, n. 17: «Михаил, происходил из семьи столичной бюрократии, этим объясняется его неопытность в военном деле».

⁶⁴ Ioannis Skylitzes. P. 424.67: ἦν δὲ Μιχαὴλ πατρικίος, ὁ Ἀναστασίου τοῦ λογοθέτου υἱός; 456.68: ὁ μάγιστρος Μιχαὴλ ὁ τοῦ Ἀναστασίου υἱός. Ср.: Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.11–12: Μιχαὴλ τῷ τοῦ λογοθέτου υἱῷ.

⁶⁵ Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. Paris, 1981. T. 2. P. 210, no. 432: Ἀναστασίῳ μαγίστρῳ βέστη καὶ λογοθέτῃ τοῦ δρόμου.

⁶⁶ Zacos G. *Byzantine lead seals / ed. by J. W. Nesbitt*. Berne, 1984. Vol. 2. P. 367, no. 791: Ἀναστασίῳ ἀνθυπάτῳ πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ; Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. Paris, 1981. T. 2. P. 155–156, no. 325: Ἀναστασίῳ πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ.

занимал должность епарха Константинополя (τῷ τῆς πόλεως ἐπάρχῳ)⁶⁷. По словам Иоанна Скилицы, епарх Анастасий был отправлен Михаилом V Калафатом на форум Константина, чтобы зачитать народу указ об изгнании императрицы Зои и патриарха Алексея Студита. Однако толпа начала требовать их возвращения в столицу. В епарха бросали камни и палки; чтобы спасти свою жизнь Анастасию пришлось обратиться в бегство. Важно также, что Скилица называет титул епарха – патрикий, а также упоминает, что Анастасий служил еще отцу императрицы Зои, Константину VIII (1025–1028)⁶⁸. По сфрагистическим данным известен Анастасий, протоспафарий Хрисотриклина и епарх, печать которого датируется первой половиной XI в.⁶⁹

По мнению Ж.-Кл. Шене, отец Михаила занимал должность логофета дрома. Будучи весьма влиятельным столичным чиновником, он способствовал продвижению по службе своего сына Михаила⁷⁰. Данное предположение представляется наиболее обоснованным, так как титулы Анастасия, логофета дрома – магистр и вест – очень высокие для гражданского чиновника, служившего при Василии II (976–1025) и его ближайших преемниках. Гипотеза о том, что отец Михаила был епархом Константинополя, по нашему мнению, является несостоятельной. Скилица писал, что после свержения Михаила V с престола столичным епархом был назначен Никифор Кампанарий (Νικηφόρος ὁ Καμπανάρης)⁷¹. Его предшественник Анастасий, как и прочие сторонники Калафата, вероятнее всего, подвергся репрессиям или же был уволен со службы.

⁶⁷ См., например: Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: l'Éparchie // Byzantinoslavica. 1980. Т. 41. Fasc. 2. P. 156.

⁶⁸ Ioannis Skylitzes. P. 418.24–32.

⁶⁹ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Т. 2. P. 559, no. 1020: Ἀναστασίῳ πρωτοσπαθαρίῳ ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου καὶ ἐπάρχῳ.

⁷⁰ Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople. P. 353, n. 17.

⁷¹ Ioannis Skylitzes. P. 420.87.

Обратимся к военной карьере Михаила. О раннем ее этапе ничего не известно. Впервые Михаил упоминается в хронике Скилицы как патрикий и архонт Диррахия⁷². На эту должность он был назначен в правление Константина IX Мономаха, т. е. после 11 июня 1042 г. Кекавмен писал, что Михаил занимал должность катепана Диррахия⁷³.

Военно-политическая ситуация на Адриатическом побережье Балканского полуострова была сложной. Несмотря на восстановление фемных структур в Диррахии после подавления восстания Петра Деляна (1040–1041), некоторые горные районы не контролировались императорской администрацией. Наиболее сложным было положение в сербских областях Дукля и Зета, где власть оказалась в руках противника Византии Стефана Воислава (Στέφανος ὁ καὶ Βοϊσθλάβος, Τριβούνιος)⁷⁴.

По распоряжению императора патрикий Михаил должен был подавить мятеж Воислава. В сочинении Иоанна Скилицы содержится подробное описание неудачного похода византийских войск в горные районы Сербии. «Отказываясь терпеть эти дерзкие выходки, император Мономах написал письмо, предписывающее архонту Диррахия, патрикию Михаилу, сыну логофета Анастасия, собрать армию, в которую войдут подчиненные ему соседние фемы, и выступить вместе с ипостратигами против серба Тривуния. Но Михаил, как человек бесславный и изнеженный, был далек от понимания военной науки. Он предпринял атаку, лишённую всякого смысла и стал причиной большого несчастья римского государства. Он собрал силы в соответствии с приказом (говорят, там было около шестидесяти тысяч человек) и пошел в страну Тривуния. На извилистых и узких дорогах, где два всадника не могли двигаться

⁷² Ioannis Skylitzes. P. 424.66–67: τῷ ἄρχοντι τῷ τότε τοῦ Δυρραχίου... Μιχαὴλ πατρίκιος.

⁷³ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.11: κατεπάνω Δυρραχίου Μιχαὴλ.

⁷⁴ Подробнее см.: Василевски Т. Стефан Воислав от Захумлье, Стефан Доброслав от Зета и Византия в средата на XI век // Василевски Т. България и Византия IX–XV век / съст. и ред. И. Божилов. София, 1997. С. 139–157.

вместе, сербы, как говорят, вполне сознательно позволили римлянам свободно пройти. Когда архонт решил отправиться в обратный путь, они соорудили на перевалах заграждения. Пока Михаил пребывал в их области, грабя и сжигая равнины, сербы захватили узкие и крутые пути на перевалах, где ждали его возвращения. Когда Михаил подумал, что он довольно награбил и был обременен большой добычей и множеством пленных, то решил, что у него есть время для безопасного возвращения. Однако когда его люди следовали по этим неудобным дорогам, враги начали сбрасывать на римлян камни, метать стрелы, скатывали вниз огромные глыбы. Люди Михаила не успели ни схватиться за оружие, ни показать врагу свою храбрость. Некоторые погибли от камнепада, другие упали в глубокие ущелья, кто-то бежал от преследователей. Сорок тысяч мужей, вместе с семью стратигами были убиты. Уцелевшие прятались в кустах, лесах, искали убежище в пещерах, они бежали, едва завидев врага, рыщущего в ночи. Бредущие пешком, безоружные, жалкие и одинокие, они производили по-настоящему плачевное зрелище на любого, кто их видел. Михаил скрылся в безопасном месте, плакал и делился с другими переживаниями»⁷⁵.

В отличие от Скилицы, Кекавмен увидел в поражении Михаила повод для наставлений по тактике ведения боевых действий: «Ты же имей лазутчиков и опытных проводников, и, прежде чем ты вторгся, пусть они разведают дороги. Вторгшись для разорения одной дорогой, возвращайся по другой – и не будешь иметь забот. Если же нет другой дороги, вторгайся внезапно и скрытно, а совершив разорение, возвращайся поскорее тем же путем, кото-

⁷⁵ Ioannis Skylitzes. P. 424.65–425.97. Примечательно, что реакция Михаила на поражение в сербских теснинах расцвечена в рассказе Скилицы в настолько драматичных тонах, что полностью лишает патрикия всякого достоинства. Хронист наделил военачальника такими чертами характера, которые больше присущи женщинам. См.: Ioannis Skylitzes. P. 424.71–72: ὁ δὲ πολεμικῆς ἐπιστήμης ἀπέχων μακρὰν, οἷα σκιατραφῆς ἄνθρωπος καὶ ἐμπαθείαις ἐντετραμμένος.

рым вторгся. А если это невозможно, то, когда ты нападаешь для опустошения, прикажи отряду из храбрых воинов с опытными предводителями занять клисуры и вершины гор и, совершив набег, возвращайся с Божьей помощью спокойно, радуясь и веселясь»⁷⁶. Следует отметить, что рекомендации Кекавмена кратко повторяют раздел военного трактата *De castrametatione*, посвященный преодолению клисур, захваченных противником⁷⁷.

Судя по описанию похода 1042 г., Михаил совершил множество ошибок, нетипичных для полководца, знакомого с византийской полемологической традицией. Кроме того, архонт Диррахия недооценил своего противника. По-видимому, он рассчитывал на быструю победу. Следует признать правоту Кекавмена, который высказывал сомнения в целесообразности похода: «Ты получил по заслугам. Какая тебе была нужда, не подвергшись нападению, вредить чужой стране, делать своими врагами и поднимать против себя людей, не причинивших тебе ущерба?»⁷⁸

Между тем, достоверность рассказов Скилицы и Кекавмена вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, это касается численности византийских войск. Утверждение, что под началом правителя одной западной фемы было 60 тыс. воинов не соответствуют военным реалиям первой половины XI в. В это время контингенты всех западных фем, включая фракийские и македонские регулярные тагмы, едва достигали половины численности армии Михаила. Более того, в этом войске было больше солдат, чем под началом магистра Георгия Маниака во время завоевательного похода на Сицилию в 1037–1039 гг. или у Романа IV Диогена (1068–1071) во время битвы при Манцикерте⁷⁹. По нашему мнению, в походе против Стефана Воислава в 1042 г.

⁷⁶ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 185.

⁷⁷ См.: *De castrametatione*. P. 294–302.

⁷⁸ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.3–5.

⁷⁹ О численности византийских войск на Западе в 30–40-е гг. XI в. подробнее см.: Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.). С. 19–20.

принимало участие от 6 до 10 тыс. человек, включая в это число союзные сербские отряды.

Примечательно, что Иоанн Зонара, который без изменений заимствовал из хроники Скилицы целые разделы, при описании событий 1042 г. внес в текст своего сочинения значительные коррективы. Зонара писал: «После бегства скифа Воислава из Византии вокруг него собралась толпа соплеменников. Скрываясь в горах Иллирии словно дикие звери, они грабили народы, которые жили в этих горах, подчиняясь власти римлян. Когда об этом сообщили императору, он отправил архонту Диррахия (τὸ Δυρράχιον ἄρχοντι) распоряжение вступить в борьбу с Воиславом. Однако архонт начал войну необдуманно, поскольку не имел стратегического опыта. По его вине случилось крупное поражение. Некоторые из стратиотов с трудом спаслись, но остальная часть армии была уничтожена»⁸⁰.

Главным аргументом, который ставит под сомнение рассказ Скилицы о «страшном поражении» византийской армии в 1042 г. является тот факт, что виновник разгрома не понес никакого наказания. В источниках сохранились упоминания о том, что после тяжелых поражений полководцы добровольно или по императорскому распоряжению покидали службу, а затем постригались в монахи. В 1017 г. войска катепана Италии протоспафария Кондолеонта Торника (Τορνίκιος ὁ Κοντολέων) были трижды разбиты мятежными отрядами герцога Апулии Мело (Μέλης). Василий II сместил Торника с должности и перевел на менее значимый пост стратига Эллады. Посчитав понижение по службе унижительным, бывший катепан Италии постригся в монахи⁸¹. В 1030 г., после нескольких поражений от Мирдасидов Халеба, покинул

⁸⁰ Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII. P. 617.12 – 618.7.

⁸¹ Ioannis Skylitzes. P. 348.1–8. См. также: Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. С. 50–52.

службу и постригся в монахи бывший катепан Антиохии Михаил Спондил (Μιχαήλ ὁ Σπονδύλης)⁸².

Новым местом службы Михаила, сына логофета Анастасия, стала дунайская граница Византии. В 1045–1047 гг. он занимал должность катепана Паристриона («архонта подунайских городов»)⁸³. Его титул в эти годы в источниках не упоминается. Однако известна печать Михаила, вестарха и катепана Паристриона с изображением архангела Михаила на лицевой стороне⁸⁴.

В 1045 г. Михаил сыграл важную роль в переселении на территорию Византии нескольких печенежских кланов во главе с ханом Кегеном (Κεγένης). Незадолго до этого предводитель кочевников поднял восстание против верховного хана Тираха. Потерпев поражение, и опасаясь истребления сородичей, Кеген обратился в Константинополь с просьбой о предоставлении убежища на территории Византии. В ответ Константин IX распорядился расселить печенегов на правом берегу Дуная при условии, что они примут крещение. Приказ императора должен был исполнить катепан Паристриона Михаил. Печенеги переправились через Дунай, местом их поселения стал о. Пэкуюл луй Соаре (совр. название), расположенный поблизости от административного центра фемы Дристры (Силистры). Кегена с почетом отправили в столицу, причем Михаил написал императору письмо, исполненное надежд на союз между римлянами и кочевниками. В Константинополе Кеген принял

⁸² Ioannis Skylitzes. P. 379.61–66.75–77.

⁸³ Ioannis Skylitzes. P. 456.67–68: τῷ τῆς χώρας ἄρχοντι Μιχαήλ; 457.31–32: Μιχαήλ τὸν ἄρχοντα τῶν παριστριῶν πόλεων.

⁸⁴ Zacos G. Byzantine lead seals. P. 300, no. 602: Μιχαήλ βεστάρχη καὶ κατεπάνω Παραδουνάβου.

крещение, получил титул магистра и был отправлен обратно на Дунай, чтобы вместе с соплеменниками усилить оборону границы империи⁸⁵.

Зимой 1046 г. на Балканы вторглась основная группа печенежских племен во главе с верховным ханом Тирахом (Τυράχ). Война с кочевниками продолжалась до 1047 г. и завершилась победой византийских войск⁸⁶. Катепан Паристриона принимал активное участие в боевых действиях. Отметим, что никаких сведений о допущенных им в этот период тактических просчетах или же, напротив, о демонстрации Михаилом высокого воинского мастерства в источниках не сохранилось.

Последнее упоминание в источниках Михаила, сына логофета Анастасия, датируется началом сентября 1057 г., т. е. завершающим этапом мятежа Исаака Комнина против императора Михаила VI Стратиотика (1056–1057). К тому времени Михаил уже получил титул магистра и входил в состав синклита. Иоанн Скилица писал об этих событиях: «Неожиданно, рано утром, в Великой Церкви Божией магистр Михаил, сын Анастасия, патрикии Феодор Хрисилий и Христофор Пирр, словом, все архонты этерии (ἄρχοντες τῶν ἐταρειῶν) кричали, чтобы патриарх спустился к ним, потому, что они желали подать ему срочные ходатайства... они попросили его доставить василевсу послание, где Комнина называли императором»⁸⁷.

Из-за того, что переговоры о передаче власти Исааку Комнину затягивались, сторонники патриарха Михаила Кирулария организовали в столице нападения на дома приверженцев императора. Магистр Михаил принимал в

⁸⁵ Ioannis Skylitzes. P. 456.67–8; 457.31 – 458.53. И. Йордановым была опубликована печать Кегена. См.: Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia, 2003. Vol. 1. P. 138–142, no. 59.1: Ἰωάννη μαγίστρῳ καὶ ἄρχοντι Πατζινακίας τῷ Κεγένῃ.

⁸⁶ Ioannis Skylitzes. P. 457.31 – 458.53. См. также: Bănescu N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946. P. 78–81; Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. P. 57–58.

⁸⁷ Ioannis Skylitzes. P. 498.30–48.

них самое активное участие. В «Хронографии» Михаила Пселла говорится, что «среди синклита нашлись смутьяны и мятежники, которые устроили беспорядки, угрожали городу пожарами и прочими несчастьями. Они проникли в ограду храма Божественной мудрости, ворвались в алтарь, где без труда уговорили патриарха принять их сторону. Они сделали его своим предводителем, а потом, громко проклиная царя, провозгласили Исаака единственным достойным власти»⁸⁸. По словам Скилицы, беспорядки прекратились только 3 сентября 1057 г., когда передовые отряды армии Исаака Комнина вступили в Константинополь. Они достаточно быстро навели порядок в охваченном бунтом городе⁸⁹.

Подводя итоги, отметим, что военная карьера Михаила, сына логофета Анастасия, является достаточно типичной для византийских армейских командиров высокого ранга. В итоге, Михаил достиг максимально возможного для своего времени положения в иерархии империи – получил титул магистра и вошел в состав синклита. Неудачное командование во время похода в Сербию в 1042 г. не помешало ему продвигаться по служебной лестнице. Критика, которой он подвергся со стороны хрониста Иоанна Скилицы, вероятнее всего, была вызвана субъективными причинами. Не исключено также, что предвзятость оценок по отношению к Михаилу была связана с хитросплетениями внутривластной борьбы между группировками столичной бюрократии.

Следует отметить, что, несмотря на достаточно полные сведения о военной карьере Михаила, сына логофета Анастасия, для большинства византийских авторов XI в. на протяжении всей жизни он оставался легкомысленным и неопытным архонтом, потерпевшим унижающее поражение от сербского князя. Литературный образ Михаила, сформированный Иоанном Скилицей и, отчасти, Кекавменом, является почти точной противоположностью

⁸⁸ Psello Michele. *Imperatori di Bisanzio*. Vol. 2. P. 224.9–19.

⁸⁹ Подробнее см.: Мохов А. С. Военная политика Исаака I Комнина. С. 52–60.

образа «идеального военачальника». Несомненно, что он не способен был вдохновенно командовать большими армиями, не мог повести за собой воинов, не отличался познаниями в военном искусстве. Напротив, образ Михаила – это редкий в византийской исторической литературе пример плохого военачальника.

Необходимо констатировать, что о бездарных, не обладавших необходимым военным опытом и знаниями, военачальниках византийские авторы писали реже, чем о полководцах-победителях. Между тем, подробности военной карьеры командиров, терпевших со своими войсками сокрушительные поражения, представляют значительный интерес. За пеленой неодобрения и резких характеристик скрываются неординарные характеры и важные подробности военно-политической истории Византии.

§ 3.3. «Жизненные реалии» византийских полководцев IX–XI вв.

На эмалевой иконе распятия середины XII в. из Мюнхенского археологического музея (Archäologische Staatssammlung, München)⁹⁰ есть весьма примечательный фрагмент: несколько довольных жизнью римских солдат играют в кости. Такое изображение типичной сцены повседневной жизни военных в исторических сочинениях, частной переписке или других источниках IX–XI вв. – редкость. Парадоксальным образом хорошая информированность большинства византийских авторов о военно-политических событиях сочеталась с полным равнодушием к повседневной жизни военных. Кроме того, если черты идеального (или просто хорошего) полководца повторялись в нарративных текстах с античных времен, то неумелый или неопытный военачальник почти не интересовал византийских писателей.

⁹⁰ См.: Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe: Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / hrsg. von L. Wamser. Darmstadt, 2004. S. 173.

Впрочем, типичные черты плохих или порочных военачальников также не претерпели изменений с древних времен. Так, в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт писал: «если бы началась война, то мы выбрали бы человека, под командованием которого надеялись не только спасти себя от поражения, но и победить врага. Мы не стали бы выбрать того, который не в силах совладать с чревоугодием, пристрастием к вину, сластолюбием, сонливостью и неспособен к труду»⁹¹. В конце IV в. архиепископ Константинополя Иоанн Златоуст говорил, что воины «грешат каждодневно, оскорбляя, понося других, неистовствуя, и всячески стараясь сделать их несчастными. Будучи подобны волкам, они никогда не чужды злодеяний. По отношению к равным они исходят ненавистью, завистью и тщеславием... Воины надменны перед подчиненными и вверенными их власти, которые трепещут перед ними и боятся их, так как они жестокостью своей превосходят зверей. Ничего не делают ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбия и тщеславия. Никто не в состоянии описать их насмешки, неумеренный смех, неприличные разговоры, постыдные слова»⁹². Среди других пороков, распространенных в военной среде, византийские авторы упоминали страсть к азартным играм и женщинам, увлечение гаданиями, толкованием снов и др.

Однако для официальных властей наиболее страшным пороком, который разъедал армию изнутри, считалось корыстолюбие. Лев VI в «Тактике» уделил данной проблеме значительное внимание. Характерно, что рекомендации по борьбе с этим пороком он не заимствовал, как многое другое у античных военных теоретиков. Опираясь на наставления своего отца Василия I, он писал: «Мздоимство (ἀφίλαργυρία) не приличествует хорошему стратегу. Управляя своей фемой, ты должен решать дела неподкупно, отвергая любые подношения. Ведь многие, показавшие себя мужественными и сильными

⁹¹ Xenophon. Memorabilia. P. 64, 1.5.1–2.

⁹² Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя. СПб., 1901. Т. 7. Кн. 2. С. 626.

перед лицом врага, теряли ясность разума при виде золота. Знай же, что сребролюбие (ἀφιλαργυρία) – опасное и действенное оружие, которое может привести стратига к гибели»⁹³. Развивая эту мысль, император утверждал: «Если стратиг принимает подношения (δωρολήπτης προᾶγμα), то он погубит свое войско. Ведь по этой причине происходят большие неприятности. Стратиоты приносят дары ради освобождения от службы, но сами постепенно разоряются. Архонты же, от первого до последнего, заражены злом корыстолюбия (οἱ ἄρχοντες ἄνανδροι προχειρίζονται, ἀπὸ τῶν πρώτων ἕως τῶν ἐσχάτων ἀφορίζοντος τοῦ τῆς δωροληψίας κακοῦ)... Такое войско не сможет сражаться с врагом»⁹⁴.

Обязанность бороться с алчностью архонтов Лев VI возложил на стратига фемы, которому следовало приказать подчиненным не принимать от стратиотов «какие-либо дары, даже так называемые обычные подношения»⁹⁵. По всей видимости, усилия высших провинциальных властей по искоренению мздоимства оказались безуспешными. Через 100 лет после Льва VI анонимный автор трактата *De castrametatione* сетовал, что некоторые фемные архонты в мирное время привыкли к чрезмерной роскоши. Поэтому они и в поход берут с собой бесполезное имущество и еще более бесполезных слуг. Далее он констатировал: «если ты усердно изучал исторические книги, повествующие о великих военных победах эллинов и римлян, ты должен был узнать

⁹³ Leonis VI *Tactica*. P. 18.28–34. Ср.: Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 57, 22; 61–62, 34.

⁹⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 566.427–431.

⁹⁵ Ibid. P. 510.119–120: ἢ τὸ οἰονοῦν δῶρον παρ' αὐτῶν λαμβάνειν ἢ τὰς λεγόμενας συνήθειας λείξουροι καὶ δωρολήπται ἄκουσοῦ τι ποιούσιν. Ср.: Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 60.30: «когда подданные творят несправедливости, то хороший император будет назначать на начальствующие посты людей, искореняющих несправедливости».

о простоте их походной жизни, вооружения и доспехов»⁹⁶. Во второй половине XI в. Кекавмен рекомендовал стратегу свой способ борьбы с корыстолюбием: «если твои архонты жадные и продажные <...> следует вразумлять ихстрижением волос, поркой и денежным штрафом»⁹⁷.

Впрочем, во времена Кекавмена попытка навести порядок могла плачевно обернуться для самого стратега. Об одном из таких случаев писал Иоанн Скилица. В 1040 г., когда началось восстание болгар под руководством Петра Деляна, стратег Диррахия Василий Синадин (Βασίλειος ὁ Συναδηνός, στρατηγὸς Δυρραχίου) собрал подчиненные ему силы и выступил против мятежников. По дороге Синадин поссорился со своим заместителем Михаилом Дермокаитом (τῶν ὑποστρατῆγων Μιχαὴλ τοῦ Δερμοκαίτου), причем обиженный ипостратиг пожаловался императору, заодно обвинив своего начальника в подготовке мятежа. Василия Синадина арестовали и посадили в тюрьму, а оговоривший начальника Дермокаит занял его должность. По словам Скилицы, Михаил «ничего не зная и не умея, вскоре погубил все. Заполучив власть, он и его слуги принялись отнимать у стражиоттов телеги, оружие и даже лошадей. В итоге, рядовые воины взбунтовались, а Дермокаиту пришлось тайно бежать»⁹⁸. Больше всего от этого инцидента выиграл глава болгарских мятежников Петр Делян, так как стратегиоты из Диррахия присоединились к его войску⁹⁹.

Итак, долгая борьба византийского руководства со стяжательством в военной среде не принесла ощутимых результатов. Наиболее вероятную при-

⁹⁶ De castrametatione. P. 288, 16.3–17: εὖροις ἂν φίλοπόνως τὰς ἱστορικὰς βίβλους ἀνερευνώμενος τοὺς ἐγείραντας ἐν τοῖς πολέμοις μεγάλα τρόπαια Ἕλληνας καὶ Ῥωμαίους πᾶσαν λιτότητα εἰς τε τὰς διαίτας καὶ τὰ σκεύη καὶ τὰ ὄπλα αὐτῶν ἔχοντας.

⁹⁷ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 308.21–22, 310.9–12.

⁹⁸ Ioannis Skylitzes. P. 410.8–24.

⁹⁹ Подробнее см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 381–382.

чину этой неудачи сформулировал еще Лев VI: «Как можно говорить о достоинстве стратига, если он вообще ничего не делает, пока не получит от подчиненного ему человека, малого или старшего, какого-нибудь подарка?»¹⁰⁰

Идея о превосходстве мудрого и предусмотрительного стратига над порочным полководцем интересовала Льва VI. В одном из первых Распоряжений «Тактики», перечисляя качества хорошего военачальника, он утверждал: «Тебе необходимо проявить себя лучшим во всех отношениях среди своих подчиненных, превосходя их верой в Господа Бога, благочестием и остальными добродетелями. Как известно, дух командиров руководит поведением подчиненных: согласно пословице, не лани командуют львами, а львы ланями»¹⁰¹. В заключительном Распоряжении 20 он возвратился к метафоре лани и льва: «Знай, что тебе следует выдвигать на должности архонтов тех людей, которые окажутся лучше других твоих подчиненных: ведь хорошо известно, что состояние духа воинства всегда определяется теми, кто командует. Именно этот смысл вложен в древнюю мудрость: не лани должны предводительствовать львами, а львы ланями»¹⁰².

О том, что во время боевых действий нельзя предаваться праздности и лени, писали многие авторы военных трактатов эллинистического и римского времени. Например, Онасандр видел в лени, безделье и легкомыслии причину неохотного исполнения воинами своих обязанностей, ослабления тела и потери мужества¹⁰³. Однако наиболее точно значение умеренности вы-

¹⁰⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 510.121–123: μήτε δῶρον τὸ οἶον δῆποτε ἀπὸ μικροῦ ἢ μεγάλου ἀνθρώπου τοῦ ὑπὸ σε τελοῦντος λαμβάνειν τὸ σύνολον.

¹⁰¹ Leonis VI *Tactica*. P. 36.217–221. Ср.: Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. S. 67, 46.3–4: «не начальствуют олени львами, но львы оленями» (ἵνα μὴ ἄρχωσιν ἔλαφοι λεόντων, ἀλλὰ λέοντες ἐλάφων).

¹⁰² Leonis VI *Tactica*. P. 580.631–634. Ср.: Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. 72–73, 30: «Лев царствует над другими животными благодаря своей силе, а власть одного человека над другим человеком оправдана только превосходством ума».

¹⁰³ Onasander. P. 406–408, 9.3.

ражено в «Тактике Льва»: «Итак, мы повелеваем стратигу быть воздержанным телесно, умеренным в повседневной жизни, трезвым и неусыпным, простым и неприхотливым в потребностях, выносливым в трудах, рассудительным и благоразумным, презиравшим сребролюбие, пользующимся доброй славой, не молодым и не старым, способным держать речь перед большой массой людей, быть, по возможности, отцом, имеющим детей, не быть склонным к торговым делам или к чему-либо подобному, не быть малодушным, равно как не увлекаться мелочными хлопотами, и, вообще, быть благородным духовно, а если это возможно, то и телесно, и быть великодушным во всем. Воздержанным, чтобы ради удовольствий, губительно воздействующих на естество, он не пренебрегал бы заботой и радением о делах насущных. Умеренным, поскольку ему предстоит взять на себя столь большую власть. Ведь люди, наделенные неумеренными и несдержанными порывами, становятся еще более необузданными в своих устремлениях, если они приобретают возможность действовать по собственному произволу, как они соблаговолят»¹⁰⁴.

Характерно, что в рассказе о неудачном византийском походе против печенегов в 1053 г. Кекавмен кратко повторил рассуждения Льва VI и Онасандра: «Избегай, стратиг, наслаждений, чтобы не попасть как птица в тенета»¹⁰⁵. По мнению Кекавмена, причина разгрома кочевниками императорской армии заключалась в бездарном командовании «пристрастного к неге» проноита Болгарии Василия Монаха (ὁ μοναχὸς Βασίλειος καὶ προνοητής

¹⁰⁴ Leonis VI *Tactica*. P.16.3–15. По сути, этот фрагмент «Тактики» представляет собой краткий пересказ объемной сентенции Онасандра о качествах идеального полководца. См.: Onasander. P. 374–386, 1.1–25.

¹⁰⁵ Кекавмен. *Советы и рассказы*. С. 182.5–6: Φεῦγε, στρατηγέ, τὰς ἡδονάς, ἵνα μὴ περιπέσεις ὡς ὄρνεον εἰς παγίδα.

Βουλγάρων)¹⁰⁶. Совет Кекавмена созвучен рекомендации из трактата *De velitatione bellica*: «Если ты не устроишь войско, не научишь его использовать оружие, переживать многочисленные тяготы и сложности воинской жизни, не избавишь его от разнеженности и пьянства, пристрастия к роскоши и иных пороков, ты не можешь с успехом использовать военное искусство и подготовиться к сражению»¹⁰⁷.

В византийских исторических хрониках X–XI вв. сохранились упоминания о том, что враги Византии нередко получали преимущество из-за «гибельного пристрастия» греков к вину¹⁰⁸. Например, в сочинении Льва Диакона, который подробно описывал критский поход 960/961 г., сохранился рассказ о смерти способного военачальника Никифора Пастилы¹⁰⁹.

По словам автора «Истории», стратиг-автократор Никифор Фока отправил Пастилу с отборным отрядом обследовать остров в поисках противника. При этом он велел Пастиле «бодрствовать и трезвиться, не предаваться

¹⁰⁶ Там же. С. 180.20 – 182.4. О Василии Монахе см.: Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.). С. 24–25.

¹⁰⁷ *De velitatione bellica*. P. 109.18–22: Οὐκ ἐνὸν δὲ ἄλλως στρατηγικῶς καὶ ἐμπείρους πρὸς πόλεμον παρασκευασθῆναί σε, εἰ μὴ πρότερον ἐξασκήσεις καὶ ἐκπαιδεύσεις τὸ ὑπὸ σὲ στράτευμα, ἐθίζων αὐτὸ καὶ ἐγγυμνάζων εἰς τε τὴν τῶν ὀπλῶν μεταχειρίσιν, καὶ πόνων καὶ ταλαιπωριῶν τὸ δορυμὸν τε καὶ ἐπίπονον καρτερεῖν καὶ μὴ χαυνότητι καὶ ῥαθυμίᾳ μέθη τε καὶ τρυφαῖς καὶ ταῖς ἄλλαις ἀσωτίαις τὸ ἐαυτῶν πᾶν ἐπιτρέπειν.

¹⁰⁸ Подробнее см.: Grünbart M. Store in a cool and dry place: perishable goods and their preservation in Byzantium // *Eat, drink, and be merry (Luke 12:19) – food and wine in Byzantium* / ed. by L. Brubaker and K. Linardou. Aldershot, 2007. P. 39–49.

¹⁰⁹ См. о нем: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 4. S. 713–714, Nr. 25606 (Νικηφόρος, ὃ τὸ ἐπιφκλήν Παστιλᾶς). В 960/961 г. Никифор Пастила занимал должность стратига Фракисия (στρατηγὸς τῶν Θρακησίων), а во время похода на Крит был стратегетом (στρατηγέτης), т. е. командующим пехотой.

праздности и лени»¹¹⁰. Тем не менее, Пастила пренебрег словами командующего. Вместо того чтобы вести разведку, византийские воины беспечно разбрелись по округе, вели себя праздно и невоздержанно. Когда на отряд Пастилы напали арабы, «все ромеи были абсолютно пьяны и едва держались на ногах»¹¹¹. Итог битвы оказался весьма печальным: погибла большая часть отряда и сам Никифор Пастила¹¹². После этого Никифор Фока обратился к войску, призвав стратиотов не повторять ошибок своих товарищей, «погибших столь ужасно. <...> Мы не станем тратить время, пребывая в праздности и пьянстве, но будем ромеями и докажем в битвах силу и благородство нашего рода!»¹¹³

Судя по приведенным Львом Диаконом подробностям, Никифор Пастила проигнорировал не только приказ командующего, но и один из важнейших принципов тактики. Стратигов предостерегали авторы военных трактатов: «Если Бог дарует нам победу, и враг обратится в бегство, следует приказывать стратиотам воздержаться от ограбления убитых вражеских воинов. Ведь

¹¹⁰ Leonis Diaconos. P. 8.20 – 9.8: ταῦτα ἐς τὸ ἀκριβὲς βουλευσάμενός τε καὶ συμπεράνας, σπεῖραν λογάδων ἀνδρῶν τῷ στρατηγῷ Νικηφόρῳ, ᾧ τὸ ἐπίκλην Παστιλᾶς... πολλὰ τοῦ Νικηφόρου Φωκᾶ ἐπισκήψαντος, γρηγορεῖν τε καὶ νήφειν, καὶ μὴ πρὸς ῥαστώνην καὶ τρυφήν ἀπιδεῖν, ὡς μὴ τι ἀνήκεστον πρὸς τῶν ἐναντίων αὐτοῖς καττυθῆ· καταδραμόντας δὲ τὸν χῶρον καὶ γενναῖόν τι δεδρακότας, ἐπὶ τὸ στρατόπεδον θᾶπτον παλινοοστεῖν.

¹¹¹ Leonis Diaconos. P. 9.22 – 10.1: οἱ δὲ, καίπερ ἀκροσφαλεῖς τῇ μέθῃ τελοῦντες καὶ ἀκροχάλικες, ὅμως τοῖς βαρβάροις ἀντεπήεσαν καὶ ῥωμαλέως ἀντικαθίσταντο.

¹¹² Ibid. P. 10.2–10.11.

¹¹³ Ibid. P. 12.23 – 13.10: εἰ γὰρ τὰς ἐμὰς ἐπισκήψεις σὺν τῷ Παστιλᾶ Νικηφόρῳ οἱ προκατασκοπεῖν σταλέντες τῆς χώρας ἐφύλαξαν, καὶ μὴ ἐς τρυφήν καὶ τὴν ἄλλην ἀπέκλεισαν ἡδονήν, οὐκ ἂν τοιαύτη πανολεθρία ἀπώλοντο <...> μὴ οὖν νωθεία καὶ μέθη προϊστάμεθα τὸν καιρὸν, ἀλλὰ Ῥωμαῖοι τελοῦντες τὸ νεανικὸν καὶ γενναῖον τῆς ἡμῶν εὐγενείας παράστημα ἐν τοῖς ἀγῶσιν ἐπιδειξόμεθα.

ограбление трупов, как и грабеж вражеского лагеря или обоза до завершения сражения опасно. Такие беззаботные действия нарушают боевой порядок, и могут оказаться губительными. Если появится враг и внезапно атакует, то наше войско окажется в смертельной опасности»¹¹⁴.

Так как в боевых действиях принимали участие не только командиры, но и рядовые солдаты, авторы военных трактатов предписывали архонтам контролировать их действия: «Стратиотам следует чаще напоминать, что не позволительно грабить врага (σκυλεύειν ἔχθρον) до тех пор, пока не станет ясен исход сражения»¹¹⁵. По всей видимости, данная проблема оставалась актуальной для византийского командования на протяжении столетий. В военных наставлениях второй половины X – начала XI в. вновь повторяется рекомендация сохранять правильный боевой порядок до полного разгрома противника¹¹⁶.

В *Praecepta militaria* сказано: «Ни один из архонтов или воинов, участвующих в сражении, не должен грабить или захватывать пленных, лошадей или прочее имущество. Следует объявить о наказании для тех, кто покинет строй ради грабежа»¹¹⁷. Далее в этом трактате специально упоминаются солдаты регулярных контингентов: «схолариям вообще следует запретить грабить или захватывать пленных»¹¹⁸. В данном случае, автор подчеркивал различие между воинами фемных ополчений и тагм. В регулярных войсках солдаты и командиры получали жалование, доля захваченной у врага добычи также была им гарантирована.

¹¹⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 286.82–88.

¹¹⁵ Leonis VI *Tactica*. P. 270.682–683. Ср.: Das *Strategikon* des Maurikios. S. 240, 7 A, 14.2–8; 266, 7 B, 17.194–195.

¹¹⁶ Подробнее см.: Dennis G. *The Byzantines in Battle // Byzantium at War (9th – 12th century)* / ed. by K. Tsiknakēs. Athens, 1997. P. 177–178.

¹¹⁷ *Praecepta militaria*. P. 26.72–79.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 48.164–166.

Таким образом, гибель Никифора Пастилы стала не только результатом трагического стечения обстоятельств. Опытный и закаленный в сражениях с арабами командир погиб, нарушив хорошо известное ему тактическое установление. Отметим также, что этот случай был далеко не первым, и не последним в византийской военной традиции. Однако для историографии X–XI вв. данная ситуация уникальна. Обычно авторы исторических сочинений не сообщали подробности гибели полководцев. Вероятно, Пастила был хорошо известен и популярен в войсках, и его смерть стала горькой утратой для многих людей. Впрочем, Никифор Фока использовал эти события как повод для обращения к армии с очередной нравоучительной речью.

Известно, что Лев Диакон был хорошо информирован о многих военных операциях последней трети X в. Обладая более полными и точными сведениями, он чаще других авторов упрекал византийских командиров в склонности к пьянству, стяжательству и распутству. Например, об Иоанне Куркуасе, доместике схол Запада и магистре, Лев Диакон писал: «вместо заботы о войске, он предавался постоянно безделью и пьянству, проявляя нерасторопность в управлении делами»¹¹⁹.

В «Истории» сохранилось описание гибели Иоанна Куркуаса под Доростолом летом 971 г. Отметим, что оно наполнено злорадством и лишено какого-либо сочувствия к императорскому родственнику. По словам Льва Диакона, магистру Иоанну была доверена охрана метательных машин, которые обстреливали укрепления Доростола, нанося большой ущерб осажденным в городе силам князя Святослава¹²⁰. Когда скифы (Σκύθαι) внезапно атаковали византийские метательные машины (Ῥωμαίων πυρπολεῖν μηχανάς), маги-

¹¹⁹ Leonis Diaconos. P. 126.15–20. Об Иоанне Куркуасе см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 3. S. 224–226, Nr. 23108 (Ἰωάννης ὁ Κουρκοῦας, μάγιστρος καὶ δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς Δύσεως).

¹²⁰ Leonis Diaconos. P. 148.5–7: Ἰωάννης δὲ ὁ Κουρκοῦας καὶ μάγιστρος, ἐκ γένους προσήκων τῷ βασιλεῖ, τὴν τῶν τοιούτων μηχανημάτων ποιούμενος φυλακὴν.

стру пришлось отбивать нападение, «несмотря на то, что у него сильно болела голова и ему хотелось спать из-за вина, выпитого за завтраком». Он вскочил на коня, но тот остутился и сбросил всадника. Магистр сломал себе шею. Увидев великолепное вооружение, скифы решили, что это сам император. Они изрубили его, насадили голову на копье и стали надсмехаться над византийскими войсками. Завершая рассказ, Лев Диакон злорадно сообщил, что гибель двоюродного брата императора от рук варваров стала справедливой карой за то, что ранее Куркуас «ограбил в Мисии многие храмы, забирая себе священные реликвии и церковные сосуды»¹²¹. Отметим, что об этом эпизоде, в характерной лаконичной и беспристрастной манере, писал также Иоанн Скилица. Никаких обвинений в злоупотреблении вином или ограблении болгарских церквей этот рассказ не содержит¹²².

Иногда в источниках упоминаются случаи, позволившие византийским военачальникам одержать победу из-за пристрастия к вину противника. Так, Иоанн Скилица писал о том, как осенью 1030 г. стратиг Телуха Георгий Маниак (τοῦ θέματος στρατηγοῦντος Τελοῦχ τοῦ Μανιάκη) отбил вражеское нападение на свою фему. «Когда к Телуху подошло восемьсот арабов... Маниак пообещал наутро увести своих людей из цитадели. На ночь арабы расположились под крепостной стеной, а стратиг прислал им пищи и вина. Дождавшись, когда враги уснули, Маниак велел схватить их, отрезать уши и носы, а затем в таком виде отправил арабов к императору (Роману III Аргиру –

¹²¹ Leonis Diaconos. P. 148.18–22: ἀλλὰ τοιαῦτα μὲν Ἰωάννης ὁ Μάγιστρος ἀπηνέγκατο τὰ ἐπίχειρα, ὧν εἰς τοὺς θεῖους πεπαρωνήκει σηκοὺς, θυμοῦ βαρβαρικοῦ γεγονῶς παρανάλωμα. λέγεται γὰρ πολλοὺς τῶν κατὰ Μυσίαν κεραῖσαι, καὶ τὰ τούτων ἔπιπλα καὶ σκεύη τὰ ἱερὰ εἰς ἰδιωτικὰ μετασκευάσαι κειμήλια.

¹²² См.: Ioannis Skylitzes. P. 304.74–83.

К. К.). Помимо пленников, Маниак захватил 280 верблюдов и другую богатую добычу»¹²³.

Примечательно, что употребление вина мусульманами не вызывает у Скилицы удивления. Интересно, что упоминания об этом сохранились также в византийском фольклоре. Так, в сказании «Об Армуре» приведен разговор между захваченным сарацинами Армуром-старшим, арабским эмиром и его архонтами¹²⁴. Эмир, не обращая напрямую к пленнику, спрашивает у своих подчиненных: «Поглядите, что с ним такое, что стонет? Обед что ли плох, пусть есть от моего стола; вино что ли худое, пусть пьет моего (εἶτ' ἔνε τὸ οἰνάριον του κακόν, νὰ πῆ ἐκ τὸ ἐδικόν μου); тюрьма что ли смердит, пусть накурят мускусом; тяжелы что ли оковы, так пусть облегчат их». Армур также отвечает не самому эмиру, а его архонтам: «Ни обед мой не плох, чтобы стал я есть от его стола, ни вино не худо, чтобы пить мне его вина (οὐδὲ τὸ οἰνάριον μου κακόν, νὰ πῶ ἐκ τὸ δικόν του); не тяжелы оковы, чтобы их облегчить»¹²⁵.

В византийских текстах X–XI вв. слова «в состоянии опьянения» (μετὰ μέθης) могли трактоваться не прямо, а иносказательно. Наиболее часто подобные случаи встречаются при описании мятежей. Так, в «Истории» Льва Диакона приведен текст письма Иоанна Цимисхия, адресованного «склонившемуся к тирании» Варде Фоке (Βάρδας, ἄπαξ ἀποκλίνας εἰς

¹²³ Ibid. P. 381.38–44. О Георгии Маниаке см.: Stavrakos Ch. Unpublizierte Bleisiegel der Familie Maniakes: der Fall Georgios Maniakes // Studies in Byzantine sigillography. München, 2003. Vol. 8. S. 103–109, Nr. 3 (Γεώργιος ὁ Μανιάκης).

¹²⁴ Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи. С. 12.104: ὁ ἀμηρᾶς τοῦς ἄρχοντες.

¹²⁵ Там же. С. 12.104–114.

τουραννίδα)¹²⁶. Надеюсь уговорить мятежников сложить оружие, император писал: «Мы советуем вам выйти из состояния опасного опьянения и немедленно воспользоваться предлагаемым нами спасением»¹²⁷. Михаил Пселл упоминал, что во время восстания македонской знати под руководством Льва Торника некоторые мятежники бесстрашно подъезжали к самым стенам осажденного ими Константинополя. Сойдя с коней, они издевались над императором Константином Мономахом, называли его «любителем нечестивых забав, погибелью для города и народа». Затем македонцы «стали разыгрывать комические сценки, изображать пьяных, петь и танцевать». Император наблюдал за этим действием, стоя на городской стене¹²⁸.

С античных времен вино имело символическое значение. Оно часто использовалось в воинских ритуалах, для врачевания ран или могло послужить драгоценным подарком¹²⁹. Однако в первую очередь вино сопровождало различными увеселениям. Так, Ксенофонт в «Анабасисе» писал об одном из бесхитростных развлечений воинов: «Во всякой деревне размещались солдаты... всегда за едой и в веселом настроении. Никого они не отпускали, не предло-

¹²⁶ Эти события происходили летом и осенью 970 г. См.: Leonis Diaconos. P. 112.1 – 126.4; Ioannis Skylitzes. P. 291.5 – 294.93. О Варде Фоке Младшем, племяннике императора Никифора II, см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025). Bd. 1. S. 486–493, Nr. 20784 (Βάρδας ὁ Φωκᾶς).

¹²⁷ Leonis Diaconos. P. 115.21–22 τῆς τοιαύτης ἀνασφήλαντας μέθης τῆς δεδομένης ἀμελλητὶ σωτηρίας ἀντιποιήσασθαι.

¹²⁸ Michele Psello. Imperatori di Bisanzio. Vol. 2. P. 50, 6.110.4–16. По мнению Франца Тиннефельда, император сам дал мятежникам повод для насмешек, окружив себя пьяницами и цирковыми мимами. См.: Tinnefeld Fr. Zum profanen Mimos in Byzanz nach dem Verdikt des Trullanums (691) // Βυζαντινά. 1974. Т. 6. S. 335–336.

¹²⁹ Xenophon. Anabasis / ed. and transl. by C. L. Brownson. Cambridge, 1980. P. 90, 1.9.25: Персидский царь Кир имел обыкновение посылать своим друзьям наполненные до половины сосуды с вином. При этом он сообщал им, что столь приятное на вкус вино не попадалось ему долгое время.

жив разделить с ними трапезу. На столе обычно находилась баранина, козлятина, свинина, телятина и дичь со множеством хлебов из пшеничной муки и ячменя. Когда кто-нибудь хотел выпить за здоровье друга, он подводил его к кратеру, откуда надо было пить, нагнувшись и втягивая в себя вино наподобие пьющего быка»¹³⁰.

В византийской армии продолжительный отдых и различные увеселения также были неотъемлемой частью празднования победы над врагом¹³¹. Лев VI в «Тактике» предписывал стратегу после завершения войны проявить к стратиотам внимание и благосклонность, а также организовать для них торжественную трапезу и пиршество (πανδασία ποιῆσθαι καὶ εὐωχίαν)¹³². Лев Диакон писал, что одержав победу в войне с князем Святославом, Иоанн Цимисхий собрал войско в лагере, «увеселял его подарками и пирами, побуждая храбро сражаться в новых битвах»¹³³.

Судя по византийским историческим сочинениям X–XI вв., пристрастие к вину и, как следствие, к праздности и лености, не было широко распространено среди солдат и младших командиров императорской армии. Кажалось бы, среди высшего командного состава этот порок был более распространен. Необходимо, однако, учитывать, что число старших армейских и фемных командиров было невелико, и деятельность этих людей всегда привлекала повышенное внимание авторов исторических хроник. Поэтому любой инцидент, когда из-за «гибельного пристрастия» военачальника армия терпела поражение или несла крупные потери, становился известен.

В большей степени, нежели военные, пьянству были подвержены служащие гражданских ведомств. Кекавмен, хорошо знакомый, как с военной

¹³⁰ Ibid. P. 308–310, 4.5.30–32.

¹³¹ Подробнее см.: Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine. P. 207–210.

¹³² Leonis VI *Tactica*. P. 534.436–438.

¹³³ Ibid. P. 145.6–8: συνεκαλεῖτο ἐπὶ τὸν χάρακα, οὐςδῶροις καὶ προπόσεσιν ἐθεράπευε, προθυμοποιῶν, ῥωμαλέως ἐπὶ τοὺς πολέμους χωρεῖν.

средой, так и с нравами столичного и провинциального чиновничества, советовал: «избегай пиров. На них бывает безмерная болтовня и пустословие. Знаю, если ты будешь остерегаться этого, тебя станут высмеивать как нелюдима и скопидома. И это для тебя лучше, чем идти на пирушку или устраивать ее, а затем либо ты будешь обвинен перед василевсом, будто сборище было устроено против него, либо у тебя сорвется глупое слово, и сотрапезники будут хулить тебя»¹³⁴. Отметим, что с этими словами Кекавмена на удивление точно совпадают слова из характеристики, которую Михаил Пселл дал Иоанну Орфанотрофу (Ἰωάννης ὀρφανοτρόφος), старшему брату императора Михаила IV¹³⁵. Пселл писал о главе Пафлагонского клана: «Я нередко поражался, как такой подверженный пьянству и разгулу человек может нести на своих плечах груз римской державы. Он и в опьянении внимательно наблюдал за каждым из пирующих, а позднее призывал некоторых к ответу и расследовал, что они сказали или сделали во время попойки. Поэтому пьяного его страшились больше, чем трезвого»¹³⁶.

Еще одним из весьма распространенных пристрастий византийских военных были азартные игры. Во время длительных походов, обороны или осады крепостей, однообразной службы в отдаленных пограничных гарнизонах эти развлечения – тавли (τάβλα, ταυλί, ταυλή, ζάρι, ἀζάρια), кости (κύβον), круглые византийские шахматы (ζατρίκιων) – были необходимой психологической разрядкой, формой проведения досуга, возможностью наладить дружеские отношения. Наиболее популярной в военной среде на протяжении всей истории Византии была игра в тавли. Скорее всего, ее правила

¹³⁴ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 141.

¹³⁵ См. о нем.: Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // Античная древность и средние века. 2005. Вып. 36. С. 145–147.

¹³⁶ Michele Psello. Imperatori di Bisanzio. Vol. 1. P. 130, 4.14.1–8.

напоминали одно из азартных развлечений римских легионеров, которое называлось *tabula*¹³⁷.

Официального запрета на азартные игры в императорской армии никогда не было. Однако страстный игрок, порой, мог позабыть о делах службы или же совершить более тяжкое прегрешение. Поэтому авторы военных трактатов неоднократно призывали стратигов к сдержанности. Об этом, в частности, писал Онасандр, считавший умеренность одной из первых добродетелей хорошего полководца¹³⁸. В тон ему звучит одно из наставлений Кекавмена: «Когда катепан Сицилии Василий Педиадит (Βασίλειος ὁ Πεδιαδίτης, κατεπάνω Σικελίας) имел досуг в течение нескольких дней, он играл в тавли. Это не укрылось от императора (Михаила IV. – К. К.), который написал ему: «Как узнала наша царственность, ты достиг успехов в игре в тавли». И были упомянуты не многочисленные его заслуги, а ничтожные промахи»¹³⁹.

Отношение к игре как к превратности жизни чувствуется также в стихотворении Христофора Митиленского: «игра, где мечут кости, представляет нам // В наглядном виде и в наглядных образах // Житейскую превратность коловратную: // Так не сказать ли нам, живописуя жизнь, что это лишь игра, ничуть не более»¹⁴⁰.

В источниках сохранилось немало свидетельств о том, что иной раз «ничтожные промахи» азартного игрока оборачивались большой бедой. Так, Иоанн Скилица прямо обвинил прославленного полководца Льва Фоку в том,

¹³⁷ Об азартных играх в Византии подробнее см.: Koukoulès Ph. *Vie et civilisation byzantines*. Athènes, 1948. Т. 1. Fasc. 1. P. 186–200, 209–210, 219–222.

¹³⁸ Onasander. P. 374, 1.3. Ср.: Leonis VI *Tactica*. P. 16.13–15.

¹³⁹ Кекавмен. *Советы и рассказы*. С. 174.6–10. События происходили в 1040/1041 г. Подробнее см.: Falkenhausen V. von. *Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1967. S. 73.

¹⁴⁰ Цит. по: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. *Византийская литература эпохи расцвета IX–XIV вв.* С. 89 (пер. М. Л. Гаспарова).

что из-за его легкомыслия и распущенности погиб император Никифор II. По словам хрониста, Лев получил от неизвестного лица тайное послание, в котором раскрывались обстоятельства заговора против императора. Также в нем говорилось, что злоумышленники собираются убить его старшего брата на следующий день. Однако Лев настолько увлекся игрой в кости, пришел в такой азарт, что даже не прочел письма¹⁴¹. Если считать рассказ Скилицы правдивым, то получится, что Никифора II погубило не только пренебрежительное отношение к собственным военачальникам, религиозный фанатизм и «женские коварные руки»¹⁴².

Тот же Иоанн Скилица намекал на пагубное пристрастие к игре в кости престарелого Михаила VI¹⁴³. По его словам, Стратиотик был провозглашен императором 31 августа 1056 г. Этим возмутился проедр Феодосий Мономах, считавший себя законным наследником престола. «Глубоко уязвленный, не задумываясь о том, что он делает, не имея даже плана действий, *как бросок кости может обернуться любой гранью* (курсив. – К. К.), двоюродный брат покойного Константина Мономаха собрал своих рабов, прислугу, а также некоторых соседей и знакомых»¹⁴⁴. Впрочем, попытка помешать Михаилу VI занять трон была быстро пресечена. Феодосия Мономаха арестовали и отправили в ссылку в Пергам¹⁴⁵.

¹⁴¹ Ioannis Skylitzes. P. 281.37–39.

¹⁴² См.: Из Иоанна Геометра: на василевса господина Никифора. С. 133: «Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой // Женских предательских рук, вдруг и злосчастен и слаб».

¹⁴³ Согласно римской традиции, пристрастие к азартным играм в преклонном возрасте не считались предосудительным. См.: Пантелеев А. Д. Досуг христианина: раннехристианская проповедь «Об игроках в кости» // Мнемнон: исследования и публикации по истории античного мира / под. ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2011. Вып. 10. С. 381.

¹⁴⁴ Ioannis Skylitzes. P. 481.43–49.

¹⁴⁵ О Феодосии Мономахе см.: Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). P. 67, No. 78 (Θεοδόσιος ὁ Μονομάχος, πρόεδρος).

Далее Скилица писал, что жители Константинополя постоянно насмеялись над Михаилом VI: «Будучи человеком преклонного возраста, который мог бы вспомнить многие дела из прошлого, он обязался возродить некоторые древние обычаи, которые вышли из употребления. Однако, по мнению народа, не все они были одинаково полезны. Поэтому когда император приказал расчистить место, называемое Стратегион¹⁴⁶, горожане начали издеваться над этим повелением. Шутники утверждали, что работы были затеяны ради поисков одной из игральных костей, которую потерял император»¹⁴⁷.

Злобные шутки и безудержное веселье в Византии IX–XI вв. также считались пороком. Известно также, что никто в империи не мог соперничать с жителями Константинополя в распущенности и неприличном поведении¹⁴⁸. Еще в 860 г. патриарх Фотий в гомилии «На нашествие росов» писал: «Ибо что же, скорбящий теперь, ты раньше не воздерживался от неумеренного смеха, непристойных песен и сценических забав? Что же, теперь поникший взором, ты сдвигал брови и надувал щеки, являя лик, исполненный тиранства? Что же, милостивый к обиженным и хвалящийся состраданием, ты сам, как чума, обрушивался внезапно на первого встречного? <...> Уж конечно же я не собираюсь перечислять здесь кражи и грабежи, непристойности и прелюбодеяния и другие непотребства¹⁴⁹ – великое и предостаточное горячее

¹⁴⁶ Стратегион (τὸ Στρατήγιον) располагался в центре Константинополя, на холме между Большим дворцом и Золотым Рогом. Первоначально это было поле для военных тренировок, впоследствии полностью застроенное. Подробнее см.: Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1950. P. 396.

¹⁴⁷ Ioannis Skylitzes. P. 482.81–87.

¹⁴⁸ См.: Каждан А. П. Смеялись ли византийцы? (Homo Byzantinus ludens) // Другие средние века: к 75-летию А. Я. Гуревича / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 1999. С. 186–188.

¹⁴⁹ Мф. 15:18–19: «а исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления».

для этого разожженного и охватившего нас пламени. Знаю, что и вы ныне, сознавая все это, скорбите и печалитесь; но время стремительно, и Судья неподкупен, и угроза ужасна, и число грешников велико, и покаяние недостаточно»¹⁵⁰. Как мы видим, патриарх объяснил причину божественного гнева, обрушившегося на Константинополь, порочным образом жизни и греховными помыслами горожан.

Время от времени на страницах исторических сочинений встречаются рассказы о распутном поведении византийских архонтов, стратиотов и их жен. Число этих историй невелико, а достоверность вызывает определенные сомнения. Дело в том, что подавляющее большинство младших командиров и рядовых воинов были выходцами из сельской патриархальной среды, где порок сладострастия осуждался не только церковью и официальными властями, но также противоречил вековым общинными традициям. Как следствие, немногочисленные свидетельства источников о разнузданности и сластолюбии военных почти всегда касаются высшего командного состава.

В византийских военных трактатах X – начала XI в., как и в античных полемологических произведениях, данной проблеме не уделялось значительного внимания. Большинство авторов считали женщин, детей и стариков «бесполезными людьми» (ἀσθενεῖς ἀνθρώπους)¹⁵¹, присутствие которых в районе военных действий было нежелательно. Поэтому их следовало как можно быстрее удалить с охваченной боями территории¹⁵².

Исключение составляет «Тактика Льва», автор которой неоднократно писал о необходимости поддержания в войске строгой дисциплины. В частности, он констатировал: «Стратиг должен уподобить себя врачу»

¹⁵⁰ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: проблемы источниковедения. М., 2003. С. 25–26, 34 (пер. П. В. Кузенкова).

¹⁵¹ Leonis VI *Tactica*. P. 360.134.

¹⁵² Onasander. P. 524, 42.23; *Das Strategikon des Maurikios*. S. 342, 10.3.6–7.

большого тела армии. В этом качестве тебе необходимо изгонять из войска причины болезней. <...> Раньше всего прочего необходимо изгнать из войска разврат, ведь по свидетельствам древних, и *по опыту новых армий* (курсив. – К. К.) нам известно, что он способен приносить наибольшее зло»¹⁵³. Очевидно, что мизогиния была чужда Льву VI. Богатый личный опыт императора подтверждает, что ненависти, неприязни или презрения по отношению к женщинам он не испытывал. На это также указывает один из параграфов «Тактики»: «воздержание для стратига и всего войска – драгоценное достоинство. Разврат же, напротив, ведет к гибели. Особо следует сказать о женщинах, захваченных в качестве военной добычи»¹⁵⁴. Далее Лев VI приводит в качестве примера ветхозаветную историю: «Об этом свидетельствует случай, произошедший при Финее с женщинами народа мадианитян в Замбре. Одну из пленных женщин войско, праздновавшее победу, подвергло насилию и почти довело до гибели, если бы его не удержал Финей, который заколол насильников и их смертью умилил Бога. Тем самым он пресек нарушение дисциплины и восстановил в войске порядок»¹⁵⁵. По неизвестной причине Лев VI изменил сюжет библейского рассказа: в нем Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, убил не только израильтянина Зимри, сын Салу, начальника поколения Симеонова, но и мадианитянку Хазву, дочь Цура¹⁵⁶. Отметим, что в данном отрывке из «Тактики» можно увидеть параллели с гомеровской историей о Брисеиде и Ахиллесе, а также с нравоучительными

¹⁵³ Leonis VI *Tactica*. P. 612.1107–1108, 614.1114–1116.

¹⁵⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 588.738–739: Κτῆμα τίμιον ἢ σωφροσύνη καὶ στρατηγῶ καὶ στρατεύματι, ὥσπερ ἡ πορνεία ἐναντίον καὶ ὀλέθριον, καὶ μάλιστα ἐν αἰχμαλωτίσι γυναιξὶ γινομένη.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 588.738–744.

¹⁵⁶ Чис. 25:6–15.

сентенциями Полиэна из жизни римского военачальника Сципиона Африканского¹⁵⁷.

В более поздних военных трактатах *Praecepta militaria* и *De velitatione bellica* о женщинах нет ни одного упоминания. В частности, в *De velitatione bellica* более 20 раз говорится о необходимости предупредить местных жителей о приближении противника. Стратигу предписывалось укрыть их в защищенных местах или вывести из района военных действий¹⁵⁸. Автор *De castrametatione* написал о женщинах только однажды: «Пленные, захваченные вместе с женами и детьми, принесут больше пользы, чем многие из шпионов (οἱ δὲ σὺν γυναιξὶ καὶ παισὶν ἀλισκόμενοι αἰχμάλωτοι ἐνίστε καὶ αὐτοὶ τῶν κατασκόπων πλεῖον ὠφελοῦσι). Если стратиг отправит мужчин к их соотечественникам, пообещав после возвращения освободить вместе с женами и детьми, то возвратившись, они расскажут только правду»¹⁵⁹. Учитывая специфику данного полемологического произведения, писать о защите подданных империи от автора не требовалось.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных источников, повествующих о событиях из личной жизни старших архонтов императорской армии, следует упомянуть о «стратиотских женах». Дело в том, что в историографии этот вопрос больше связан не с изучением истории повседневности, а с проблемой «кризиса фемного строя».

В официальных документах VIII–XI вв. термин «стратиотские жены» не упоминается. С формальной точки зрения они, как их мужья и дети, вхо-

¹⁵⁷ Ном. II., 1.184–344; Polyaei Strategematon libri octo. P. 372, 8.16.2.7–8; P. 373–374, 8.16.6.

¹⁵⁸ Автор трактата не перечисляет группы населения, которые следовало защитить от нападения противника. Он использует общие термины «местные жители» или «местные». Очевидно, что среди этих людей было немало женщин. См.: *De velitatione bellica*. P. 39, 1.6–8 (χωῤαἱ); 49, 6.24–28 (τῶν χωριτῶν). Ср.: Leonis VI *Tactica*. P. 418.377 (σύμβη).

¹⁵⁹ *De castrametatione*. P. 292, 18.28–33.

дили в состав «стратиотского сословия», на них распространялись все положенные по законодательству привилегии и повинности. В случае гибели главы семьи обязанность несения военной службы с семьи не снималась, но изменялся порядок ее исполнения. Если ранее семья входила в группу *στρατευομένοις* (включенные в воинские списки несущие службу лично), то теперь ее причисляли к *στρατεύεσθαι* («соплательщики»). Такие семьи должны были содействовать сбору воинов для похода (*τῶν στρατευομένων*). Это предусматривало ежегодное внесение денежной суммы, достаточной для вооружения и содержания конного воина¹⁶⁰.

Таким образом, до совершеннолетия сыновей женщина, потерявшая на войне мужа, сама управляла семейным хозяйством. Однако если «стратиотская вдова» снова выходила замуж, то она теряла право распоряжения земельным наделом (*στρατεία*) покойного супруга¹⁶¹.

В историографии принято считать, что каких-либо мер по оказанию помощи семьям погибших солдат в Византии не существовало. О государственных выплатах, которые получали «стратиотские вдовы» (*στρατιώτιδες*) и дети (*εἰσὶν ἢ σύμβιος*), источники не сообщают. Однако особый юридический статус, который сам по себе являлся привилегией, семьи павших воинов сохраняли¹⁶². Важным источником, подтверждающим тяжелое финансовое

¹⁶⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 610.1056–1059. Подробнее см.: Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии. С. 65; Каждан А. П. Византийская армия в IX–X веках. С. 20–21; Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. С. 110, 214–215.

¹⁶¹ См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступит. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 100–102; Кучма В. В. *Νόμος στρατιωτικός* (к вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Византийский временник. 1971. Т. 32. С. 282.

¹⁶² См.: Oikonomides N. Middle-Byzantine provincial recruits: salary and armament // *Gonimos: Neoplatonic and Byzantine studies presented to Leendert G. Westerink at 75* / ed. by J. Duffy,

положение «стратиотских вдов», является письмо Феодора Студита императрице Ирине, написанное в марте 801 г. По сути, это послание представляет собой панегирик, в котором Феодор восхвалял императрицу за восстановление почитания икон, а также за снижение налогов. В частности, он писал: «Солдатские вдовы, удрученные скорбью о потере мужей, отныне не будут горько плакать от бесчеловечных поборов за умершего»¹⁶³.

Известно, что по византийскому законодательству вторые браки запрещены не были. Однако в стратиотских общинах они заключались реже и, прежде всего, по экономическим причинам. Помимо этого, поведение людей, вышедших за пределы патриархального уклада, считалось недостойным. Во второй половине XI в. об этом писал Кекавмен: «Похоронивший свою жену потерял половину своей жизни или даже больше, если она была хорошей. И если он останется целомудренным, велик будет и перед Богом и перед людьми. Он и сам будет жить в полной безопасности и благоразумии, примерно воспитывая детей... а дом его пребудет в мире и порядке. Если же он будет уязвлен жалом похоти (εἰ δὲ οἴστρω ἀκολασίας περιπαρῆ), то он... возьмет себе красивую жену (γυναῖκα καλήν)»¹⁶⁴. Вообще, тема борьбы с женским коварством сильно интересовала Кекавмена. Сторонник простой и тихой жизни, опасавшийся оказаться втянутым в какие-либо неприятности, он советовал полководцам вести себя целомудренно и скромно. Что же касается его отношения к женщинам, то оно выражено простым правилом: «входя в

J. Peradotto. Buffalo; New York, 1988. P. 135–139; Haldon J. Military service, military lands, and the status of soldiers. P. 23–24.

¹⁶³ Theodori Studitae epistulae / rec. G. Fatouros. Berlin; New York, 1991. Vol. 1. P. 26, Ep. 7.61–63: αἱ στρατιώτιδες, τὸ οἰκεῖον πένθος ἔχουσαι τῆς ἀνδρικῆς ἀποβολῆς, οὐκ ἐπιθρηνήσουσι πικρῶς τὴν ὑπὲρ τοῦ θανέντος ἐλεεινὴν καὶ ἀπάνθρωπον ἐξαπαίτησιν.

¹⁶⁴ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 246.8 – 248.8.

храм, не пяль глаза на красу женскую, но низко склонись и смотри на алтарь»¹⁶⁵.

Учитывая вышесказанное, обвинения «стратиотских жен» или «стратиотских вдов» в распутстве, как минимум, не обеспечены достаточным источниковым материалом. Единичные свидетельства об этом сохранились только в агиографических текстах иконоборческого времени. Например, «Житие св. Николая Воина» содержит рассказ о том, как воин тагмы схол Николай отстал от войска на пути из Константинополя к болгарской границе. Приютившая его богатая вдова пожелала вступить с Николаем в греховную связь, но тот предпочел спастись бегством. Согласно другой версии «Жития», воину пришлось столкнуться с понятными притязаниями сразу трех сладострастно настроенных женщин: богатой вдовы, ее дочери и служанки. В итоге, Николай бежал, спасая свою жизнь, и вернулся обратно на армейскую службу¹⁶⁶. Примечательна фраза, сказанная неким прорицателем родителям Николая, пытавшимся узнать о судьбе пропавшего сына: «сейчас его участь хуже, чем болгарский плен»¹⁶⁷.

Как уже упоминалось, большинство сюжетов исторических хроник, связанных с предосудительным поведением военных по отношению к женщинам, касались старших архонтов. К сожалению, не всегда можно установить, какие из этих историй были реальными, а какие являлись вымышленными. Следует также учитывать, что для византийских авторов X–XI вв. бы-

¹⁶⁵ Там же. С. 228.7–8: εἰς ἐκκλησίαν εἰσιὼν μὴ περιεργάζου κάλλει γυναικῶν, ἀλλὰ πρὸς τὸ θυσιαστήριον βλέπε κάτω νεύων.

¹⁶⁶ Известно несколько версий этого Жития. Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 2000. Bd. 3. S. 462–463, Nr. 5579; Афиногенов Д. Е. Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда? // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы X чтений памяти проф. И. М. Тронского (Санкт-Петербург, 19-21 июня 2006 г.) / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2006. С. 9–12.

¹⁶⁷ См.: Ангелов Б. Из старатабългарска, руска и сръбска литература. София, 1958. С. 125–128.

ло характерно использование повторяющихся сюжетов и образов, заимствованных из античной или восточной (арабской, сирийской, армянской) литературы.

В хронике Продолжателя Феофана сохранился рассказ о турмархе Сицилии по имени Евфимий, который «воспылал любовью к одной деве из монастыря», а затем «ради утоления страсти» похитил ее и взял в жены. Родственники монахини пожаловались императору Михаилу II, и тот потребовал, чтобы стратиг Сицилии патрикий Константин восстановил справедливость. Однако Евфимий, найдя полное понимание и поддержку среди других турмархов, в 826 г. поднял мятеж и, якобы, провозгласил себя императором. После нескольких неудачных столкновений с отрядами стратига, он бежал к арабам. Получив военную помощь от мусульман, Евфимий вернулся на Сицилию, но погиб от рук братьев монахини недалеко от Сиракуз¹⁶⁸.

Упоминания об этой истории сохранились не только в византийских, но и в латинских источниках. В частности, в «Хронике Салерно» названо имя возлюбленной Евфимия – Омониза. Судя по *Chronicon Salernitanum*, она не принимала монашескую схиму, но была помолвлена с Евфимием. Однако стратиг Сицилии Константин, с ведома брата Омонизы, собрался выдать ее замуж за некоего человека, заплатившего ему изрядную сумму. Дальнейшее повествование в латинском источнике совпадает с рассказом Продолжателя Феофана. За одним, но достаточно важным, исключением. Местный хронист писал, что в Африку к арабам Евфимий бежал *с женой и детьми* (курсив. – *К. К.*): *Ille quoque Euthimius Africam cum uxore et filiis petens*¹⁶⁹. Отличие данных византийских источников от сведений латинских хроник, вероятнее все-

¹⁶⁸ Theophanes Continuatus. P. 81.16 – 83.11; Ioannis Skylitzes. P. 46.35 – 47.68. О Евфимии см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 1999. Bd. 1. S. 538–539, Nr. 1701 (Εὐφῆμιος τις κατὰ τὴν Σικελίαν τουρμάρχης).

¹⁶⁹ Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 2000. Bd. 2. S. 146–147, Nr. 2594 (Ομονίτζα).

го, не имеет прямого отношения к личной трагедии Евфимия и Омонизы. Для Продолжателя Феофана важно было объяснить, когда, и при каких именно обстоятельствах, началось арабское вторжение на Сицилию¹⁷⁰.

Приведем еще один пример – рассказ Иоанна Скилицы о восстании магистра Георгия Маниака против Константина IX Мономаха, которое началось в 1042 г. Перечисляя события, которые привели к мятежу, хронист упомянул о конфликте между Маниаком и Романом Склиром. Земельные владения этих аристократов в феме Анатолик располагались по соседству, между ними была давняя вражда, причем однажды Маниак едва не убил соседа. Однако при Мономахе Склир быстро возвысился, т. к. его сестра была возлюбленной императора. Получив титул магистра и должность протостратора, Роман решил, что может безнаказанно творить любое беззаконие¹⁷¹. По словам Скилицы, прежде всего он пожелал отомстить своему соседу-обидчику. Воспользовавшись тем, что Маниак с войском находится в Италии, Склир начал захватывать его имущество, грабить его деревни, а также осквернил его супружеское ложе¹⁷². Узнав об этом, Маниак пришел в ярость. Он понимал, что жаловаться на Романа не имеет никакого смысла, и решил поднять мятеж против императора. Отметим, что достоверность этого рассказа вызывает определенные сомнения, в других источниках указаны иные причины восстания Георгия Маниака¹⁷³.

¹⁷⁰ Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. S. 68–73.

¹⁷¹ Ioannis Skylitzes. P. 427.57–64. См. также: Seibt W. Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 76–85, Nr. 18 (Ρωμανὸς ὁ Σκληρός).

¹⁷² Ioannis Skylitzes. P. 427.65–66: τὰ τε ἀνήκοντα αὐτῷ ἐδήου καὶ ἔκειρε χωρία καὶ εἰς τὴν τούτου κοίτην ἀνέδην ἐξύβρισεν.

¹⁷³ Г. Г. Литаврин установил, что в первой половине XI в. Склиры неоднократно были ответчиками в столичном суде за различные беззакония, которые они творили. См.: Литаврин Г. Г. Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея (Из комментария к «Пире» – сборнику судебных решений юриста XI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 181: «Доказать вину Склира... было, видимо, непросто. Важно, однако, что

Об участии женщин в военных действиях источники сообщают крайне редко и, как правило, эти единичные случаи связаны с обороной крепостей или вооруженными столкновениями в охваченных восстаниями городах. Так, Лев VI в «Тактике» предостерегал стратига от поспешных действий во время штурма вражеского города: «следует нападать обдуманно и осмотрительно, чтобы из-за одной досадной неудачи не ослаб боевой дух нашего войска... Ведь иногда случается так, что самый лучший среди всех остальных боец погибает от рук женщин или слабых людей, получив рану от брошенного камня, куска глины или упавшего бревна»¹⁷⁴. Отметим, что гибель могучего воина или прославленного полководца от руки слабой женщины, беспомощного старика или ребенка – это распространенный в античной и византийской литературе архетип, который был подробно рассмотрен в статье американского историка Уильяма Барри¹⁷⁵.

Тем не менее, в схватках на городских улицах продолжали погибать весьма известные военачальники. Например, в августе 963 г., во время столкновений между сторонниками паракимомена Иосифа Вринги и жителями Константинополя был убит domestikos scholae Запада патрикий Мариан Аргир¹⁷⁶. Лев Диакон писал, что Вринга распорядился арестовать Варду Фоку, престарелого отца будущего императора Никифора II. Однако тот укрылся в храме св. Софии, который окружила плотная толпа народа, не допускавшая в него

и в этих условиях Евстафий в 7 случаях из 7 победил, осудив Склиров. Еще важнее то, что его коллеги-юристы, сотрудники и ученики, решили включить процессы против Склиров в сборник показательных, учительных и назидательных судебных процессов».

¹⁷⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 360.144–148: ...καὶ ὁ κρείττων τῶν ἄλλων στρατιώτης ὑπὸ γυναικὸς οὐτῶ τύχοι καὶ ἀσθενοῦς ἢ διὰ λίθου βληθέντος ἢ κεράμου ἢ διὰ ξύλου κατενεχθέντος πληγεὶς ἀπώλετο.

¹⁷⁵ См.: Barry W. D. *Roof tiles and urban violence in the Ancient World // Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1996. Vol. 37. P. 55–74.

¹⁷⁶ См. о нем.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 4. S. 365–370, Nr. 24962 (Μαριανός ὁ Ἀργυρός).

людей паракимомена. Мариан Аргир, с небольшими силами взялся разогнать бунтовщиков, но действовал беспечно и неосмотрительно. Горожане, с оружием в руках, заставили Аргира отступить, а затем «некая женщина бросила с крыши наполненный землей горшок, который попал Мариану прямо в висок. От сильного удара раскололся череп, и на следующий день Мариан скончался»¹⁷⁷. Подробный рассказ об этих событиях сохранился также в «Книге церемоний»¹⁷⁸. Продолжатель Феофана, напротив, ограничился одной фразой: «Мариана предала иудиной смерти некая женщина, сбросившая ему на голову каменную плиту»¹⁷⁹.

Примечательно, что в мае 967 г. при сходных обстоятельствах «иудиной смертью» (или «смертью Пирра») едва не погиб император Никифор II. По словам Льва Диакона, во время торжественного выезда Фоки за пределы Константинополя начались стычки между горожанами и армянскими воинами из императорской стражи. Побоище продолжалось весь день, погибших не было, но армяне ранили нескольких жителей столицы. Вечером, когда Никифор Фока возвращался во дворец, горожане выкрикивали ему вслед оскорбления, а одна женщина, вместе со своей дочерью, начала бросать в императора камни. На следующий день она поплатилась жизнью за свою дерзость¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Leonis Diaconos. P. 45.15 – 46.18: *τηνικαῦτα λέγεται καὶ γύναιον σκεῦος κεραμοῦν χοὸς ἀνάπλεον, τῶν πρὸς κηπεΐαν ἐπιτηδείων, ταῖς χερσὶ τοῦ τέγουσ ἀράμενον ἀκοντίσαι κατὰ τοῦ Μαριανοῦ, καὶ τοῦτον κατὰ τοῦ κροτάφου βαλεῖν· οὕτω δὲ καιρίαν γενέσθαι τὴν βολὴν, ὡς καταγνύναι τε τὸ κρανίον καὶ προσαραχθῆναι αὐτῷ τὸν ἐγκέφαλον, καὶ δευτεραῖον τὸν βίον ἀπολιπεῖν.*

¹⁷⁸ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis. P. 435.12–16; 436.17 – 437.3.

¹⁷⁹ Theophanes Continuatus. P. 438.13–15: *τὸν Μαριανὸν γυνὴ ἀπὸ ὕψους ῥίψασα πλάκα τὴν ἑαυτοῦ κεφαλὴν, τὸν μόρον Ἰούδα ἐχρήσατο.*

¹⁸⁰ Leonis Diaconos. P. 64.22 – 65.8: *διαμάχη τις μεταξὺ Βυζαντίων καὶ Ἀρμενίων συνέβαινε, ὡς πολλοὺς πρὸς τῶν Ἀρμενίων τρωθῆναι τῶν ἀστικῶν. ἄρτι δὲ πρὸς ἐσπέραν ἐπὶ τὰ ἀνάκτορα τοῦ βασιλέως ἐλαύνοντος, ὕβρεσι κακ τοῦ ἀναφανδὸν*

Еще об одном инциденте, произошедшем в 30-е гг. XI в., писал Иоанн Скилица: «Один из поселившихся в феме Фракисий для зимовки варангов, встретив в пустынном месте женщину из местных, потерял всякую сдержанность. Он напал на нее, желая обесчестить, но ей удалось выхватить кинжал своего мужа, которым она смертельно ранила варвара в сердце. Когда же весть о случившемся разнеслась в округе, к женщине пришли другие варяги. Они вознаградили женщину, отдав ей все имущество насильника, а того бросили без погребения, согласно их закону, как самоубийцу»¹⁸¹.

Приведенные примеры из источников показывают, что зачастую женщины были опаснее для военных, как высокопоставленных, так и рядовых, чем наоборот. Однако все эти случаи происходили на территории Византии, и не имели отношения к войнам с внешними врагами.

В сочинение Льва Диакона включен рассказ об одном возмутительном, по мнению хрониста, случае, который произошел весной 961 г. во время осады войском Никифора Фоки крепости Хандак на Крите. Перед началом боя, когда отряды византийской пехоты уже были подготовлены для штурма, на городской стене появилась некая разнузданная девка (γύναιον ἑταιρικόν). На виду у всех она начала вертеться и кривляться, колдовать и распевать заклинания. Затем наглая девка задрала свою одежду и, обнажив тело, стала осыпать насмешками и проклятиями стратига. Тогда один меткий лучник (τῶν εὐστόχων τοξοτῶν), желая прекратить это распутное бесстыдство, вы-

ἐχρῶντο Βυζάντιοι. καί τι γύναιον σὺν τῷ θυγατρὶ εἰς τοσαύτην ἀπόνοιαν ἤλασεν, ὡς τοῦ στέγους προκύψαι καὶ λίθους βαλεῖν κατὰ τοῦ ἀνακτος. См. также: Ioannis Skylitzes. P. 276.12–17.

¹⁸¹ Ioannis Skylitzes. P. 394.70–77: τῶν εἰς παραχειμασίαν ἐν τῷ θέματι τῶν Θρακησίων διεσπαρμένων Βαράγγων γυναῖκά τις ἐγχωρίαν εὐρῶν ἐπ' ἐρημίας ἀπεπειρᾶτο τῆς σωφροσύνης αὐτῆς. ὡς δ' οὐκ ἔπειθε, καὶ βίαν ἤδη ἐπῆγεν, ἡ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασα-μένη τάνδρὸς παίει κατὰ καρδίας τὸν βάρβαρον καὶ εὐθὺς ἀναιρεῖ. См. также: Литаврин Г. Г. Варяги и византийка // Славяноведение. 1999. № 2. С. 4–6.

пустил стрелу в распутную бабенку (τὸ ἀκόλαστον γύναιον). Меткий выстрел сбросил ее с башни на землю, где она испустила дух, поплатившись за дерзость своей жалкой жизнью¹⁸². По всей видимости, для Льва Диакона этот случай был настолько необычным, что он специально указал: «Как говорят, среди критян распространены колдовство, прорицания, нищенство и прочие суеверия, к которым они давно пристрастились от манихеев и Мухаммеда»¹⁸³.

Действительно, для византийской военной практики IX–X вв. появление женщины на крепостной стене перед началом вражеской атаки было явлением неординарным. Однако у восточных народов такие случаи не считались редкостью. Известно, например, что у арабов жены часто сопровождали мужей в походах, а во время обороны городов женщины со стен выкрикивали оскорбления в адрес противника¹⁸⁴. Более того, в XI в. эти восточные обычаи иногда использовались и византийскими архонтами, которые командовали гарнизонами осажденных городов. Так, в «Повествовании» Аристакэса Ластивертци содержится подробный рассказ об осаде сельджуками города Манцикерт в 1054/1055 г. По словам армянского историка, руководивший обороной «благочестивый муж ишхан Васил», сначала велел местным священникам на крепостных стенах молиться и петь псалмы, днем и ночью громко взывая к господу. По всей видимости, шум был такой, что на него обратил внимание даже султан Тогрул-бек. Затем «ишхан города приказал простолю-

¹⁸² Leonis Diaconos. P. 24.9 – 25.8.

¹⁸³ Leonis Diaconos. P. 24.21 – 25.1: λέγεται γὰρ κατόχους εἶναι Κοῖτας μαντείας καὶ βωμολοχίαις καὶ πλάναις, πρὸς τῶν Μανιχαίων καὶ τοῦ Μωάμεθ παρειληφότας ἀνέκαθεν.

¹⁸⁴ Подробнее см.: Kaegi W. E. Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge, 1995. P. 127–128.

динам, находящимся на стене, хулить и поносить султана, который через два дня вместе с войском покинул это место»¹⁸⁵.

В отличие от исторических хроник, в византийском эпосе представлены образы женщин, поведение которых едва ли соответствовало нормам византийской повседневности. Наиболее ярким подтверждением этому являются женские персонажи поэмы о Дигенисе Акрите. По мнению А. Я. Сыркина, следует говорить о «несомненной реальности исторического фона «Дигениса Акрита». Поэма живо отразила обстановку на восточных границах империи в IX–X вв.; не раз упоминаются в ней и действительные события, хотя и преломленные через призму эпического творчества»¹⁸⁶.

Примечательно, что все женщины, с которыми у Дигениса Акрита возникали близкие отношения, характеризуются как необыкновенные. Это касается, например, «прекрасной арабки», которой Дигенис сначала оказал помощь, а затем, пораженный ее красотой, вступил с нею в любовную связь¹⁸⁷. Примечателен также образ девы-воительницы Максимо. Она с равным изяществом носит как украшенное жемчугом платье, так и воинский доспех великолепной арабской работы¹⁸⁸. По ходу повествования Дигенис Акрит всту-

¹⁸⁵ Повествование вардапета Аристаке́са Ластивертци / пер. с древнеарм., вступит. статья, коммент. и прил. К. Н. Юзбашьяна. М., 1968. С. 101–102, 104. В хронике Иоанна Скилицы указаны титул и должность «ишхана Васи́ла». См.: Ioannis Skylitzes. P. 462.61–62: Βασίλειος ὁ Ἀποκάπης πατρίκιος τοῦ στρατηγοῦ τοῦ Μανζικιέρτε. О Василии Апокапе подробнее см.: Степаненко В. П., Мохов А. С. Балканский этап карьеры Васи́ла, сына Апухапа // Византийский временник. 2008. Т. 67 (92). С. 63–75.

¹⁸⁶ См.: Сыркин А. Я. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита» // Византийский временник. 1961. Т. 18. С. 149.

¹⁸⁷ Digenis Akritis. P. 210.146 – 223.146; 231.148 – 233.148. Об истоках этой истории см.: Adontz N. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritis // Byzantinische Zeitschrift. 1929–1930. Bd. 29. P. 201–202.

¹⁸⁸ Digenis Akritis. P. 194.735 – 194.739. О формировании эпических образов дев-воительниц подробнее см.: Graf F. Women, war, and warlike divinities // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1984. Bd. 55. P. 245–254.

пает в противоборство с Максимо, причем встречает в ней достойного соперника. Когда прекрасную воительницу попросили о помощи разбойники (ἀπελάτης), между Максимо и Дигенисом происходит поединок, в котором верх берет великий герой. Победенная Максимо выполняет данную себе клятву: она отдает себя в руки Дигениса. Сначала тот сопротивляется, но после ласковых речей Максимо, сдается¹⁸⁹.

Дигенис изо всех сил скрывает любовные приключения от своей прекрасной жены Евдокии. После каждой любовной сцены с той или иной красавицей Дигенис Акрит искренне раскаивается, стремится исправить допущенную ошибку. Складывается впечатление, что главный герой вообще опасается женщин, их красоты, и того влияния, которое они могут на него оказать. В конце поэмы приведена грустная сцена: молодой, прекрасный Дигенис Акрит и его цветущая супруга умирают от болезни¹⁹⁰. Таким образом, женщина становится не только символом жизни, но и символом смерти, символом опасных сетей, в которые может угодить даже самый отважный воин. Дигенис Акрит, который бесстрашно сражался против целой армии арабов, оказывается, в итоге, покоренным прекрасными женщинами¹⁹¹.

Насыщенная тревогами походная жизнь требовала от военачальника способности длительное время выдерживать тяжелые физические и эмоциональные нагрузки. Одновременно с этим, сонливость с древних времен считалась качеством, неприемлемым для хорошего полководца¹⁹². Византийские авторы X–XI вв. также считали сонливость пороком, и зачастую объясняли поражения императорских войск склонностью военачальников к этой скверной привычке. Например, Иосиф Генесий и Продолжатель Феофана именно в

¹⁸⁹ Digenis Akritis. P. P. 174.385 – 174.389; 190.680–690. См. также: Сыркин А. Я. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». С. 146.

¹⁹⁰ Digenis Akritis. P. 216.1–6.

¹⁹¹ См.: Сыркин А. Я. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». С. 130.

¹⁹² Xenophon. Memorabilia. P. 64, 1.5.1.

этом видели причину гибели войска стратига Кивирреотов Кратера, отправленного в 829 г. императором Михаилом II на Крит. Высадившись на остров, греки в долгом и кровопролитном сражении одержали победу над арабами. Однако преследовать противника Кратер не стал. По словам Продолжателя Феофана, «они уже считали себя победителями, надеясь наутро захватить добычу и пленных. Они предались пьянству и неге, позабыв выставить стражу и предпринять другие меры защиты, предписанные воинскими правилами. У всех на уме был только сон, в который легко и беспечно погрузилось все войско¹⁹³. Узнав об этом, арабы совершили ночное нападение, уничтожив почти все войско. Кратер бросил своих людей и бежал на торговом судне. Однако арабы все-таки убили его, настигнув на острове Кос¹⁹⁴.

Считалось, что прерывистый, нервный сон сопутствовал плохому полководцу. Так, в хрониках Иосифа Генесия, Иоанна Скилицы и Продолжателя Феофана подробно описаны сновидения, терзавшие императора Льва V незадолго до гибели¹⁹⁵. Среди прочего, он видел, как некий Михаил наносит ему смертельную рану и сбрасывает в бездонную пропасть¹⁹⁶. Страшные ночные видения заставили императора забыть о сне и трепетать от страха. В человеке из своего кошмара он без труда опознал приговоренного к смерти Михаила

¹⁹³ Theophanes Continuatus. P. 80.10–14: πρὸς πότους καὶ τρυφάς, ὡς ἐν οἰκείᾳ ἀλλ’ οὐκ ἐν ἀλλοτρίᾳ διάγοντες, ἐξεβάκχευον, μήτε τινὸς φυλακῆς μήτ’ ἄλλης σωτηρίας τῆς κατὰ τὸν πολεμικὸν νόμον γινομένης φροντίσαντες, ὕπνου δὲ μόνου καὶ τῆς τὰ πάντα ῥαδίως ἀνατρεπούσης καὶ ἀπολλυούσης ἀμελείας τε καὶ ῥαστώνης.

¹⁹⁴ Iosephi Genesii regum libri quattuor. P. 34.36–58; Theophanes Continuatus. P. 79.13 – 80.23. Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 2000. Bd. 2. S. 633–634, Nr. 4159 (Κρατερός, στρατηγὸν τῶν Κιβυρραιωτῶν).

¹⁹⁵ До захвата императорской власти Лев Армянин занимал ряд высоких военных должностей. Подробнее см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 2000. Bd. 2. S. 675–685, Nr. 4244 (Λέων ὁ Ἀρμένης).

¹⁹⁶ Theophanes Continuatus. P. 37.4–8. О сновидениях Льва V см. также: Iosephi Genesii regum libri quattuor. P. 21.7–22; Ioannis Skylitzes. P. 20.60 – 21.87.

Аморийского, бывшего domestика схол¹⁹⁷. О происходивших далее событиях Иоанн Скилица писал: «Рассудив мудро, и не считаясь со своим императорским положением, Лев... вошел в комнату и увидел приговоренного Михаила, который великолепно устроился на высокой кровати. Лев подошел и чуть внимательнее посмотрел на Михаила, желая проверить, как он спит. Ведь тревожный сон и мелкая дрожь, присущая тем, кто обеспокоен и тому, кто *играет своей жизнью с судьбой в азартную игру* (курсив. – К. К.)... Михаил спал спокойно и безмятежно, император не смог разбудить его, даже когда прикоснулся. От этого неожиданного откровения гнев Льва еще более воспалился. Он быстро ушел, грозя всем великими карами»¹⁹⁸.

Среди подданных византийских императоров, включая военных, было немало суеверных и мнительных людей. Сталкиваясь с чем-либо пугающим, например, со зловещими сновидениями, они пытались найти разгадку или предугадать свою судьбу. Формально церковь не одобряла интерес верующих к толкованию снов, считая его пережитком язычества. Вместе с этим, в некоторых святоотеческих текстах говорилось, что в сновидениях истинного христианина могли содержаться божественные откровения. Для толкования снов чаще всего обращались к сонникам, наиболее известным из которых считался трактат Артемидора «Онейрокритика» (Ὀνειροκριτικά), написанный во II в. н. э. Древнегреческий автор утверждал, что всякого, увидевшего во сне войну и воинские дела, ожидают неприятности, тревоги, раздоры, заботы и странст-

¹⁹⁷ О Михаиле Аморийском, будущем императоре Михаиле II см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). 2000. Bd. 3. S. 252–258, Nr. 4990 (Μιχαήλ ὁ ἐξ Ἀμωρίου).

¹⁹⁸ Ioannis Skylitzes. P. 21.92–7. См. также: Афиногенов Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) // Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003. С. 202–204.

вия. Однако это не касалось воинов, «которые зарабатывали на жизнь оружием или в оружии». Для них такой сон предвещал благополучие¹⁹⁹.

У византийских авторов само состояние сна могло трактоваться индизказательно. Поэтому «спящий», в некоторых случаях, – это «не обращающий внимания», «не придающий значения» и пр. В качестве примера можно указать на рассказ Льва Диакона о мятеже доместика схол Востока Никифора Фоки против гражданского правительства Иосифа Вринги. В конце июня 963 г. принимавший самое активное участие в восстании магистр Иоанн Цимисхий получил из Константинополя письмо, в котором паракимомен Иосиф предлагал ему устранить Фоку, обещая взамен «царский венец». Однако Цимисхий решил сообщить об этом своему предводителю. По словам Льва Диакона, сначала он обвинил Фоку в бездействии: «ты пребываешь во сне, словно Эндимион»²⁰⁰. Затем Цимисхий призвал его «стряхнуть крепкий сон» и начать, наконец, действовать. Слова военачальника возымели действие – 2 июля 963 г. Никифор Фока был провозглашен императором в Кесарии Каппадокийской²⁰¹.

Иногда полководец, оказавшийся в безвыходном положении, лишался сна, уповая только на помощь высших сил. Пожалуй, наиболее яркий рассказ о такой ситуации сохранился в «Истории» Льва Диакона. Хронист писал, что летом 970 г. мятежные отряды Варды Фоки были окружены войсками стратилата Востока магистра Варды Склира у озера Сорока мучеников (совр. Akşehir Gölü) в Анатолике. Понимая неизбежность поражения, Фока «глубо-

¹⁹⁹ Artemidorus' Oneirocritica. P. 204, 31: Πόλεμος καὶ τὰ πολέμου ἔργα πᾶσι ταραχὰς σημαίνει καὶ δυσθυμίας πλὴν στρατιωτῶν καὶ τῶν ἐξ ὀπλων ἢ ἐν ὀπλοῖς ἐργαζομένων τούτοις δὲ εὐπορίαν προαγορεύει.

²⁰⁰ Один из вариантов древнегреческой поговорки Ἐνδυμίωνος ὕπνος («Эндимион спящий», «Эндимион мертвый»). См.: Corpus paroemiographorum graecorum. Göttingen, 1839. T. 1. P. 75, 238.

²⁰¹ Leonis Diaconos. P. 38.14 – 41.16; Ioannis Skylitzes. P. 256.92–3.

кой ночью, сломленный бегством сообщников, потерявший сон и охваченный печалью возносил мольбы к Богу»²⁰². Когда он начал читать Псалом Давида: «Вступишь, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною», он услышал голос, запрещающий ему продолжать, поскольку стратилат Варда Склир «уже произнес против него эти же самые слова»²⁰³. Объятый ужасом, Фока прекратил молиться. Ранним утром он, с небольшим отрядом стражи, сумел вырваться из окружения и бежал в Каппадокию. В плен он сдался позднее, получив от императора гарантии безопасности для себя, жены и детей²⁰⁴.

Тревожные сны посещали не только византийских полководцев, но и гражданских лиц. Так, Лев Диакон писал, что во время сражения с войском князя Святослава под Доростолом перед строем византийской кавалерии появился всадник на белом коне, который разрезал и расстраивал ряды противника. «позднее стали утверждать, что это был великомученик Феодор Стратилат, которого император молил за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах»²⁰⁵. Далее Лев Диакон сообщил, что накануне битвы в Константинополе «одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне Богородица, которую сопровождали огненные воины» (παρθένος τῶν ἀνατεθειμένων Θεῷ καθ' ὑπαρ ὁρᾶν ἐδόκει τὴν θεοτόκον, ὑπὸ τινῶν φλογοειδῶν δορυφορουμένην ἀνδρῶν). Богородица велела позвать храброго и смелого мученика Феодора и обратилась к нему со

²⁰² Leonis Diaconos. P. 120.24 – 121.2.

²⁰³ Псал. 34:2–3: «возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: «Я – спасение твое!»

²⁰⁴ Leonis Diaconos. P. 121.24 – 122.6; 125.16 – 126.4.

²⁰⁵ Ibid. P. 154.6–10: ἐντεῦθεν ἀναμφίλεκτος ὑπόνοια ὑποτρέχει, τὸν μέγαν ἐν μάρτυσι Θεόδωρον εἶναι, ὃν παρὰ τοὺς ἀγῶνας ὁ βασιλεὺς σύμμαχον ἐξελιπάρει παρίστασθαι, ῥύεσθαι τε καὶ σώζειν συνάμα παντὶ τῷ στρατεύματι. φασὶ δὲ καὶ τοιοῦτόν τι συμβῆναι παρὰ τὴν πρὸ τῆς μάχης ἐσπέραν.

словами: «Твой Иоанн в Доростоле сражается со скифами, и находится теперь в затруднении. Поторопись, выручи его! Ведь если промедлишь, то не избежать ему опасности». Феодор ответил, что готов послужить матери своего Господа и сразу же удалился... Потом сон отлетел от глаз девицы, но ее сновидение сбылось»²⁰⁶.

В некоторых случаях полководцы использовали рассказы о своих сновидениях, истинных или выдуманных, как средство воздействия на стратиотов. Это делалось, прежде всего, чтобы вдохновить воинов на битву. Лев VI в «Тактике» рекомендовал простой, но эффективный способ поднять боевой дух армии: «В день сражения всели в стратиотов новые силы. Поднявшись утром, сообщи, что видел дарованный Богом или святой силой сон, который вдохновил тебя выступить против врагов и обещал помощь в сражении (ἐπιφανείσης σοι πρὸς συμμαχίαν)»²⁰⁷. Далее наш автор заключает: «Мне представляется, что отнюдь не лишним подспорьем будет вера в сновидения: полезно и необходимо убедить стратиотов, чтобы они верили твоим сновидениям, предвещающим победу, особенно во время войны. Уверовав, что рассказанный тобою сон ниспослан пророчеством Бога, они бесстрашно и самоотверженно устремятся в схватку с врагами, поскольку их рвение проявить мужество удвоится»²⁰⁸.

Известно, что традиция предсказывать исход войны существовала с глубокой древности²⁰⁹. Однако в православной империи увлечение гаданиями, астрологическими фантазиями и прочей «халдейской мудростью» пори-

²⁰⁶ Leonis Diaconos. P. 154.10–22. Лев Диакон указывает точную дату этих событий – 21 июля 971 г.

²⁰⁷ Leonis VI Tactica. P. 588.745–748.

²⁰⁸ Ibid. P. 598.892–897. Этот и предыдущий фрагменты «Тактики» основаны на одной из стратегем Онасандра. См.: Onasander. P. 424, 10.25.

²⁰⁹ См. например: Xenophon. Oeconomicus. P. 406, 5.19–20: «Во время войны... или перед военными действиями люди умилобивают богов и вопрошают их посредством жертвоприношений и гаданий по птицам, что делать и чего не делать».

цалось церковью²¹⁰. Отношение государственных структур к этим занятиям было основано, по всей видимости, на принципе рационализма. Так, Лев VI в «Тактике», перечисляя обязанности стратега, указывал: «необходимо изгнать из войска... пророчества, приметы, гадания по птицам и толкования снов, особенно те из них, которые расходятся с Божественным благоволением, разве что их также можно истолковать в благоприятном смысле. Стратигу не подобает истолковывать явление каких-то знаков как предзнаменование победы и спасения, но ему следует решать эти вопросы осмотрительно, управляя будущим на основе своей проницательности и опираясь на опыт собственной деятельности... Нам известно также, что те, которые доверяли каким-то знакам и снам, чаще всего вводились в заблуждение, и это оборачивалось для них гибельным исходом»²¹¹.

Отдельного внимания заслуживают слова епископа Кремоны Лиутпранда, который утверждал, что во время пребывания в Византии он видел некие книги, в которых предсказано будущее²¹². Посланник германского императора писал: «у греков и сарацин есть книги, которые они называют ὀράσεις или видениями Даниила, но я называю их «книгами Сивиллы» (*habent Graeci et Saraceni libros, quos ὀράσεις, sive visiones, Danielis vocant, ego autem Sibyllanos*). В них записано, сколько будет жить и править один или другой император, какие в его правление случатся события – мир или война, будет сарацинам сопутствовать удача, или грекам. Говорят, что в этих книгах записано, что в правление Никифора ассирийцы не устоят перед греками, но также и то, что Никифор проживет всего 7 лет. После его смерти править бу-

²¹⁰ Подробнее см.: Koukoulès Ph. *Vie et civilisation byzantines*. Т. 1. Fasc. 2. P. 139–149, 155–217.

²¹¹ Leonis VI *Tactica*. P. 612.1107 – 614.1118. Ср.: Ibid. P. 564.404–408: «стоит отвергнуть астрологию, прорицания, другие знаки предзнаменований и примет, гадания по полету птиц и толкование сновидений».

²¹² О Лиутпранде Кремонском см.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (867–1025)*. Bd. 4. S. 240–242, Nr. 24745 (Λιουτπράνδος ὁ ἐπίσκοπος Κρεμώνης).

дет еще худший император, хотя хуже уже не найти. Он будем миролюбивый, и по этой причине ассирийцы усилятся так, что завоюют все земли до Халкидона, что находится недалеко от Константинополя. Истинно, каждому народу выпадает свое время. Поэтому теперь греки наступают, а сарадины пребывают в отчаянии. Они почти не сопротивляются, ожидая своего времени, когда сами будут нападать, а греки не смогут им сопротивляться»²¹³.

Отметим, что оговорка Льва VI об истолковании примет «в благоприятном смысле» указывает, что во время военных действий обязательные в мирной жизни канонические нормы могли отступать на второй план. Наиболее важным становился принцип целесообразности, допускающий нарушение правил ради победы над врагом. Именно поэтому в «Тактике» определенное внимание уделено тому, как стратиг должен был объяснять подчиненным различные природные явления или приметы²¹⁴. В частности, Лев VI писал: «Известно, что при появлении некоторых примет и предзнаменований (ὁ στρατὸς ἀπὸ συμβόλων ἢ σημείων) войско может поразить страх. Если случится что-либо подобное, стратигу следует истолковать предзнаменования по-своему. Ведь если разъяснить это должным образом, впавшее в страх войско наполнится отвагой и добрыми надеждами»²¹⁵. Приведем еще одну реко-

²¹³ Liudprandi Relatio de legatione Constantinopolitana // Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia / rec. E. Dümmler. Hannover: Imp. Bibliopolii Hahniani, 1877. P. 152–153, 39. См. также: Dagron G. Apprivoiser la guerre byzantins et arabes ennemis intimes // Byzantium at War (9th – 12th century) / ed. by K. Tsiknakēs. Athens, 1997. P. 43–44.

²¹⁴ Большинство подобных рекомендаций Лев VI заимствовал из сочинения «Военные хитрости» Полиэна. Подробнее см.: Dain A. Les cinq adaptations byzantines des «Stratagèmes» de Polyen // Revue des études anciennes. Bordeaux, 1931. T. 33. P. 335–337.

²¹⁵ Leonis VI Tactica. P. 562.386 – 564.390. Ср.: Leonis VI Tactica. P. 584.691–696: «Опытный стратиг может по некоторым приметам, особенно по движению небесных светил, предсказать будущее, или скорее истолковать эти знаки как благоприятные. Такой стратиг может извлечь для себя много пользы. Ведь стратиоты, поверившие в добрые предзнаменования, окрепнут духом и будут храбрыми перед лицом врага».

мендацию из «Тактики»: «Когда во время построения боевого порядка вдруг раздастся сильный удар грома, и войско его испугается, усмотрев в нем плохое предзнаменование, стратиг должен повести себя мудро. В опровержение этого суеверия он должен сказать: «Гром раздался не для угрозы нам, это Бог поразил молнией наших противников и повелевает нам выступить против них»²¹⁶.

Иногда в напряженной атмосфере военного похода, обычные явления природы или незначительные повседневные события могли стать причиной паники среди стратиотов. В таких случаях полководцу помогали здравый смысл и остроумие, а также способность истолковать спорную ситуацию выгодным для себя образом. По-другому сложно оценить следующую рекомендацию Льва VI: «Следует привлекать внимание войска к вещам, словам и знамениям. Когда кто-нибудь чихнет, и стратиоты воспримут это как дурное предзнаменование, стратигу следует сказать: «Не удивительно, если из всей массы людей, которые здесь находятся, один чихнет». Когда будет сказано так, это вызовет смех, а смех – это знак, предвещающий спасение. Таким образом, благоразумный стратиг, обратив предзнаменование во благо, побудит стратиотов воспрянуть духом»²¹⁷.

Не вызывает сомнения, что Лев VI входил в число наиболее образованных людей своего времени. Большинство же армейских архонтов, напротив, умели только читать и писать. Поэтому смысл некоторых рекомендаций императора, касающихся толкования примет и природных явлений, был для них непонятен. Это, в свою очередь, порождало насмешливое или даже презрительное отношение к «халдейской премудрости». В качестве примера можно привести суждения Кекавмена, выразившего мнение византийской провин-

²¹⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 590.774–778. Ср.: Polyani *Strategematon libri octo*. P. 34–35, 1.32.2; 78–79, 2.3.4.

²¹⁷ Leonis VI *Tactica*. P. 606.1018 – 608.1023. Ср.: Polyani *Strategematon libri octo*. P. 141, 3.10.2.

циальной знати XI в. В частности, он писал: «Любитель гаданий – глупец, хотя и мнит себя мудрецом. Ведь если бы прорицатели знали, где в земле сокрыты сокровища, то давно обогатились. Толкователь снов и птицегадатель, знахарь и тот, кто прорицает по внутренностям... смешны и никчемны. Ты же думай и делай как лучше, и не страшись потерпеть неудачу»²¹⁸. Кекавмен неоднократно призывает не выбирать легких путей. По его мнению, вместо того, чтобы спросить о будущем у предсказателя, следует полагаться на здравый смысл: «Упорно делай свое дело и не падай духом. Твои успехи – дар Божий, ибо без Бога и воробья не поймашь»²¹⁹. Судя по этим словам, теоретические рекомендации Льва VI не находили должного отклика среди военных. Совершенно очевидно, что в провинциальной среде основополагающими оставались христианские догматы, и знакомый с «Тактикой Льва» «благочестивый стратиг» не собирался уподобляться языческому вождю.

Единственная группа военных, для которых распоряжения Льва VI, касающиеся астрологии, имели не теоретическое, а практическое значение – это стратеги и навархи военного флота. Автор «Тактики» обращался к ним: «В первую очередь, стратеги морского флота (τῆς ναυτικῆς στρατηγέ)... должны обладать опытом войны на море и искусством боевых построений. Также они должны понимать толк в движении воздушных масс и ветра, разбираться в знаках звезд и планет, в расположении солнца и луны. Стратигу флота (τῶν πλωϊμον στρατηγῶν) необходимо обладать опытом в определении признаков перемены времен года, чтобы в зимнее чувствовать себя в море надежно и безопасно»²²⁰.

Амбивалентное отношение к суевериям характерно также для авторов исторических хроник X–XI вв. Например, Лев Диакон проявлял живой интерес к астрологии, а также увлеченно описывал различные природные явле-

²¹⁸ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 254.16–20.

²¹⁹ Там же. С. 158.7–9.

²²⁰ Leonis VI *Tactica*. P. 502.9–15.

ния. В частности, в рассказе о подготовке Никифором Фокой похода против арабов весной 963 г., он писал: «Когда наступила середина весны, лучезарное светило склонилось к северному краю небосвода, направив свою колесницу к созвездию Тельца, Никифор прибыл в Каппадокию... Разбив там лагерь, он стал рассылать письма, приказывая войскам отовсюду явиться к нему»²²¹. Можно предположить, что упоминание Тельца потребовалось хронисту не только для того, чтобы образно указать дату происходящих событий²²². В римское время именно Телец считался покровителем легионов и некоторых военачальников, прежде всего – Юлия Цезаря²²³. Не исключено, что Лев Диакон хотел указать на будущую победу византийского полководца.

Свидетелем другого зловещего предзнаменования Лев Диакон был лично. Как известно, он принимал участие в походе Василия II против болгар в 986 г.²²⁴ После неудачной осады Сердики (совр. София) византийские войска стали спешно отступать. По пути император расположил свой лагерь посреди леса, дав воинам отдых. В первую ночную стражу (время с 18.00 до 21.00. – *К. К.*) «с восточной части неба на лагерь упала большая звезда и, рассыпавшись множеством искр, погасла»²²⁵. Далее автор «Истории» констатировал: «Падение этой звезды предвещало полное уничтожение войска (τὴν αὐθις δὲ τοῦ στρατοῦ παρεδήλου διαφθορὰν ἢ τοῦ ἀστέρος καταφορὰ).

²²¹ Leonis Diaconos. P. 35.1–5; 36.1–2.

²²² М. Я. Сюзюмов писал по этому поводу: «Лев Диакон любит щеголять астрономическими познаниями и иногда вместо даты указывает положение Солнца по отношению к созвездиям зодиака». См.: Лев Диакон. История. С. 175, примеч. 1.

²²³ См.: Barton T. S. Power and knowledge: astrology, physiognomics, and medicine under the Roman Empire. Ann Arbor, 1994. P. 45.

²²⁴ Leonis Diaconos. P. 172.24 – 173.4.

²²⁵ Ibid. P. 172.1–6: μήπω δὲ τῆς πρώτης φυλακῆς τῆς νυκτὸς συμπεραιωθείσης, ἐξαίφνης ἀστὴρ παμμεγέθης ἐκ τοῦ ἑώου μέρους τοῦ χάρακος ὀρμηθεὶς καὶ τὰς σκηνὰς περιλάμψας ἀπλέτω φωτὶ, ἐπὶ τὸ ἐσπέριον μέρος παρ' αὐτὴν τὴν ταφρεῖαν καταπεσὼν, καὶ εἰς σπινθηρὰς συχνοὺς διαιρεθεὶς, ἀπεσβέσθη.

<...> Любой знающий человек обнаружит, что и раньше во время войн бывали случаи, когда войско наше погибало на том же месте, где появлялось знамение»²²⁶. Действительно, на следующий день, 17 августа 986 г., византийская армия была разгромлена болгарами у Траяновых ворот (Πύλες του Τραϊανού)²²⁷.

В историографии хроника Иоанна Скилицы ценится, прежде всего, как беспристрастный и достоверный источник по военно-политической истории Византии. Однако Скилицу, не меньше чем Льва Диакона, интересовали знамения, чудеса и вещие сны. Кроме этого, в его произведении множество раз упоминаются землетрясения, неурожай, кометы и другие природные катаклизмы. В качестве примера приведем его рассказ о «великом чуде», которое произошло в 1030 г. в феме Фракисий. Скилица писал: «У самой горы Кузина (τοῦ ὄρους Κουζηνᾶ), где есть источник отличной и прозрачной воды, стал слышан голос, похожий на плач женщины. Случалось это не раз и не два, но каждый день, днем и ночью, с марта до середины июня. Когда некоторые люди пришли осмотреть место, откуда доносился голос, то стоны раздались поблизости. Как говорят, голос заранее оплакивал римлян, собирающихся в поход в Северную Сирию (ἡ Κοίλη Συρία)»²²⁸. Далее автор дает характеристику сирийской политике Византии, начиная от Никифора II Фоки и до Романа III Аргира. Тем самым, Скилица предваряет рассказ о походе византийских войск против эмирата Мирдасидов Халеба весной и летом 1030 г.

Характерно, что период, пока наблюдалось «великое чудо» у горы Кузина совпадает по времени с начальным этапом военной кампании: в марте Роман Аргир объявил о сборе войск в Филомилии, а в июне начались стычки

²²⁶ Leonis Diaconos. P. 176.6–14.

²²⁷ О походе 986 г. подробнее см.: Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 2. С. 665–676.

²²⁸ Ioannis Skylitzes. P. 377.26 – 378.34. В какой части горного массива Кузина (совр. Dilek) находился одноименный монастырь, точно не установлено.

передовых отрядов с арабами. В итоге, поход на Халеб завершился полным провалом из-за бездарного командования императора. Однако на этом война не закончилась; весьма выгодный для Византии мирный договор был заключен только осенью 1032 г.²²⁹

Таким образом, толкование снов, гадания и даже увлечение астрологией не были полностью исключены из византийской военной практики IX–XI вв. Более того, во время военных походов они имели важное психологическое значение. Однако превратности военной судьбы, неизвестность исхода сражения, страх перед смертью смягчались не только благоприятными предсказаниями. Само ощущение единства, чувство поддержки, – даже общий ужас перед падающей звездой – в боевых условиях могли оказать решающее значение.

Перед тем, как подвести итог изучению реалий повседневной жизни византийских военных, приведем слова из сочинения Кекавмена: «Почаще беседуй с монахами; хотя они и простецы, не осуждай их. Ведь божественные апостолы хотя и были невежды в слове, но мир просветили... Вина старайся производить побольше, пей же его поменьше. <...> Не стремись узнавать свое будущее у прорицателей... Амулетов не носи, кроме креста или святой иконы, или мощей святого. О снах не размышляй и вообще не верь им, хотя бы они были и божественными»²³⁰.

Отметим, что в этих словах, в значительной степени, выражено мировоззрение провинциальной византийской знати X–XI вв. Известно, что выходцы из этой социальной группы составляли большую часть командного состава императорской армии. Также не подлежит сомнению, что старшие командиры оказывали сильнейшее влияние на своих подчиненных – младших архонтов и рядовых стратиотов. Это касалось не только дел службы, но и повседневной жизни.

²²⁹ См.: Мохов А. С. Командный состав византийской армии в. XI в.: правление Романа III Аргири (1028–1034) // Античная древность и средние века. 2000. Вып. 31. С. 178–183.

²³⁰ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 232.26 – 234.15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования представлений о войне и армии в Византии в период правления Македонской династии были сделаны следующие выводы.

1. В середине IX – середине XI в. представления о войне и армии в высшем военно-политическом руководстве Византии претерпели значительные изменения. Судя по официальной дипломатической переписке, первые императоры Македонской династии стремились избегать крупных военных конфликтов с соседними государствами. Однако во второй половине X в. миролюбивая внешняя политика уступила место агрессивному внешнеполитическому курсу. Это изменение объясняется, прежде всего, завершением военной реформы, в ходе которой в Византии была создана регулярная армия, превосходившая по своим боевым качествам вооруженные силы соседних государств. Под влиянием этих факторов военно-политическая доктрина и военная политика императоров Македонской династии были скорректированы. Отныне любая война, которую вела Византия, считалась законной и справедливой, а ее конечной целью провозглашалось достижение прочного и длительного мира.

2. Судя по данным византийских исторических сочинений, а также сведениям военных трактатов, высший командный состав императорской армии расценивал участие в войнах как свою профессиональную обязанность. Влияние официальной пропаганды и религиозной риторики на старших армейских архонтов было невелико. Стратиги фем, командиры регулярных тагм и таксирахий воспринимали официальные пропагандистские призывы к умеренности, целомудрию и благочестию с присущим византийским военным рационализмом. Единственная попытка административными методами навязать армейской верхушке неприемлемые для нее религиозные идеи была предпринята в правление Никифора II Фоки. Однако эта попытка закончилась

не только устранением с императорского престола религиозного фанатика, но и, впоследствии, физическим уничтожением всего клана Фок.

3. Христианство играло важную роль в византийской военно-политической доктрине. Религиозные обряды являлись неотъемлемой частью повседневной жизни армейских подразделений, сформированных из православных подданных империи. По этой причине главной задачей государственной пропаганды, нацеленной на военную среду, являлось формирование среди рядовых солдат и командиров убеждения, что их основной миссией является защита христианской империи и христианского народа. Богослужения, проводившиеся во время военных походов, способствовали поддержанию высокой боеспособности и укреплению боевого духа императорской армии.

Несмотря на это, в византийских вооруженных силах середины IX – середины XI в. религиозной службы как отдельной военно-административной структуры или армейского подразделения не было. Существование постоянных должностей «военных священников» не подтверждается данными источников, прежде всего – сфрагистических. Каждый раз для участия в военном походе священники назначались по согласованию между армейским командованием и высшими церковными иерархами.

4. В середине IX – середине XI в. основные принципы и методы официальной пропаганды, направленной на вооруженные силы империи не претерпели принципиальных изменений. Наиболее действенным пропагандистским приемом оставалось умелое сочетание религиозной риторики (призывы к защите «христианской веры, христианского народа и христианской империи») и денежных выплат, награждения отличившихся солдат и командиров более высокими титулами и должностями. Отметим также, что официальная пропаганда никогда не преследовала цели насаждения среди рядовых солдат идей религиозного фанатизма, а сама идея «священной войны» (т. е. войны на полное уничтожение противника) была совершенно чужда стратиотам и младшим архонтам императорской армии.

5. В византийской литературе X–XI вв. сформировалось несколько образов военачальников. Черты, которыми должен обладать хороший полководец, были заимствованы из античной литературной и полемологической традиции. Основными типологическими образами военачальников, характерных для византийской литературы данного времени, являются: образ военачальника-победителя; образ идеального полководца-императора; образ опытного и профессионального военачальника; образ бесталанного или порочного командира. Следует отметить, что до середины XI в. «рыцарственных» образов военачальников в византийской литературе создано не было. Это объясняется, прежде всего, тем, что каждый архонт являлся частью мощного военного механизма императорской армии, в котором не было места для людей, преследующих цели самопрославления или самолюбования.

6. На протяжении исследуемого периода моральный облик рядового и младшего командного состава находился на высоком уровне. Командование располагало всеми средствами для поддержания строгой дисциплины в рядах императорской армии. Никаких признаков морального разложения или деградации «богохранимого воинства» в период правления Македонской династии нам обнаружить не удалось. Однако объяснялось это, в первую очередь, не успехами нацеленной на армию императорской пропаганды, а происхождением большинства рядовых солдат и младших архонтов из патриархальной сельской среды. Различные пороки, о которых сообщается в источниках, были присущи, в основном, высшему командному составу армейских подразделений. Более того, большинство упомянутых в источниках случаев являются уникальными, поэтому они и привлекли внимание авторов исторических хроник.

Следует констатировать, что комплексное изучение представлений о войне и армии в Византии в период правления Македонской династии является актуальной и важной научной задачей. Исследование данной научной задачи имеет культурно-историческое значение, а полученные результаты позволяют расширить и дополнить существующие в современной историогра-

фии представления о развитии военного искусства, военно-административной системы и общественно-политической мысли в Византии середины IX – середины XI в.

Для дальнейшего изучения данной проблемы наиболее перспективными являются аспекты, связанные с повседневной жизнью византийских военных. Значительный интерес представляет также продолжение исследований по тематике диссертации на материале источников второй половины VIII – первой половины IX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Византийская Книга Эпарха // вступит. статья, пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 295 с.
2. Два византийских военных трактата конца X века / изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. акад. Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2002. – 412 с.
3. Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом / изд. и пер. В. В. Латышев // Православный палестинский сборник. – 1911. – Т. 20. – Вып. 59. – Ч. 2. – 144 с.
4. Дигенис Акрит / пер., статьи и коммент. А. Я. Сыркина. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 218 с.
5. Евхологий Барберини гр. 336 / изд., предисл. и примеч. Е. Велковской, С. Паренти; пер. с итал. С. Голованова. – Омск: Изд. Голованов, 2011. – 512 с.
6. Кекавмен. Советы и рассказы: поучение византийского полководца XI века / подгот. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина; 2-е изд., перераб., доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 711 с.
7. Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
8. О стратегии: византийский военный трактат VI века / изд. подгот. В. В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2007. – 160 с.
9. Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи / изд. Г. С. Дестунис // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1877. – Т. 26. – № 3. – 48 с.
10. Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М.: Наука, 1969. – 463 с.

11. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / пер. с древнеарм., вступит. статья, коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. – М.: Восточная литература, 1968. – 194 с.
12. Правила святых отцов с толкованиями. – М.: Московское Общество любителей духовного просвещения, 1884. – 626 с.
13. Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский, П. В. Никитин // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1905. – Т. 7. – № 2. – 305 с.
14. Страдание святого славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату и ныне впервые изданное (с русским переводом) / изд. и предисл. В. В. Латышев // Православный палестинский сборник. – 1910. – Т. 20. – Вып. 59. – Ч. 1. – 75 с.
15. Стратегика императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // Записки имп. Академии наук по ист.-филол. отд. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1908. – Т. 8. – № 9. – 59 с.
16. Стратегикон Маврикия / изд. подгот. В. В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004. – 256 с.
17. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб.: Алетейя, 2012. – 368 с.
18. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя. – СПб.: Изд. С.-Петербургской Духовной Академии, 1901. – Т. 7. – 912 с.; – 1905. – Т. 11. – 1008 с.
19. Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича; 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 816 с.
20. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступит. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 225 с.
21. Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. С. К. Апта, вступит. статья Н. Л. Сахарного, коммент. С. К. Апта. – М.: Художественная литература, 1971. – 384 с.

22. Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204 / éd. diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. – Paris: P. Lethielleux, 1970. – 447 p. – (Archives de l’Athos. T. 5).
23. Actes du Prôtaton / éd. par D. Papachryssanthou. – Paris: P. Lethielleux, 1975. – 320 p. – (Archives de l’Athos, T. 7).
24. Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / transl. by W. A. Oldfather. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948. – 531 p. – (Loeb classical library, Vol. 156).
25. Ahrweiler, H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète / H. Ahrweiler // *Travaux et mémoires*. – 1967. – Vol. 2. – P. 393–404.
26. Ammianus Marcellinus / transl. by J. C. Rolfe. – London: W. Heinemann, 1948. – Vol. 2: The history, Books XX–XXVI. – 683 p. – (Loeb classical library, Vol. 315).
27. Apollodorus. The library / transl. by J. G. Frazer. – London: W. Heinemann, 1921. – Vol. 2: Book 3.10–16; Epitome. – 546 p. – (Loeb classical library, Vol. 122).
28. Arethae archiepiscopi Caesariensis scripta minora / rec. L. G. Westerink. Leipzig: B. G. Teubner, 1968. – Vol. 1. – 361 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
29. Artemidorus’ Oneirocritica / text, transl. and comment. by D. E. Harris-McCoy. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 584 p.
30. Basilicorum libri LX / ed. G. E. Heimbach, C. G. Heimbach. – Lipsiae: J. A. Barth, 1850. – T. 5: Lib. XIX–LX; Continens. – 918 p.
31. Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur / rec. I. Ševcenko. – Berlin; New York: W. De Gruyter, 2011. – 568 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 42).
32. Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions / introd., ed., transl. and comment. by J. Haldon. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. – 342 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 28).

33. Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo / rec. I. I. Reiske. – Bonn: Imp. E. Weber, 1829–1830. – T. 1. – 807 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 5).
34. Corpus paroemiographorum graecorum / ed. E. L. von Leutsch, F. G. Schneidewin. – Göttingen: Vandenhoeck et Ruprecht, 1839. – T. 1: Paroemiographi Graeci: Zenobius, Diogenianus, Plutarchus, Gregorius Cyprius cum Appendice Proverbiorum. – 541 p.
35. Correspondence of Leo, metropolitan of Synada and syncellus / ed. by M. P. Vinson. – Washington, D. C.: Dumbarton Oaks research library and collections, 1985. – 143 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 23).
36. Digenis Akritis: the Grottaferrata and Escorial versions / ed. E. Jeffreys. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 398 p.
37. Emminger, K. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln / K. Emminger. – München: J. B. Lindl Verl., 1913. – Bd. 3: Βασιλείου κεφάλαια παραινετικά (Basileiu kephalaia parainetika). – 73 S.
38. Épistoliers byzantins du Xe siècle / éd. par J. Darrouzès. – Paris: Institut français d'études byzantines, 1960. – 430 p. – (Archives de l'Orient chrétien, Vol. 6).
39. Eusebius Werke / hrsg. von I. A. Heikel. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1902. – 634 p. – Bd. 1: Über das Leben Constantins; Constantins Rede an die heilige Versammlung; Tricennatsrede an Constantin. – (Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, Bd. 7).
40. Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris / rec. C. Lang. – Leipzig: B. G. Teubner, 1885. – 255 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
41. Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios / hrsg. E. Kurtz. – Leipzig: A. Neumanns Verl., 1903. – 112 S.

42. *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae* / rec. H. Beckh. – Leipzig: B. G. Teubner, 1895. – 304 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
43. *Georgius Cedrenus Historiarum compendium* / rec. I. Bekker. – Bonn: Imp. E. Weber, 1838–1839. – T. 1–2. – 1008 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 8, 9).
44. Georges Pachymérés. *Relations historiques* / éd., introd. et not. par A. Faille; trad. française par V. Laurent. – Paris: Société édition «Les Belles Lettres», 1984. – T. 1. – 325 p.
45. *Griechische Kriegsschriftsteller* / hrsg. von H. Köchly, W. Rüstow. – Leipzig: W. Engelmann Verl., 1855. – T. 2. – Abt. 1: Asklepiodotos' Taktik; Aelianus' Theorie der Taktik. – 554 S. – Abt. 2: Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. – 352 S.
46. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklösler* / hrsg. von Ph. Meyer. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1894. – 303 S.
47. *History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century* / introd., transl., and annot. by A.-M. Talbot, D. F. Sullivan; with the ass. of G. T. Dennis, S. McGrath. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. – 264 p. – (Dumbarton Oaks studies, Vol. 41).
48. *Incerti scriptoris byzantini saeculi X. Liber de re militari* / rec. R. Vári. – Leipzig: B. G. Teubner, 1901. – 112 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
49. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / rec. I. Thurn. – Berlin; New York: W. De Gruyter, 1973. – 579 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 5).
50. *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII* / ed. Th. Büttner-Wobst. – Bonn: Imp. E. Weber, 1897. – T. 3. – 933 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 49).
51. *Iosephi Genesisii regum libri quattuor* / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. – Berlin; New York: W. De Gruyter, 1978. – 142 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 14).

52. Jean Géomètre: poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques / éd., trad., comment. par E. M. van Opstall. – Leiden: Brill, 2008. – 606 p. – (Medieval Mediterranean, Vol. 75).
53. Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople / texte trad. par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. – Paris: P. Lethielleux, 2003. – 467 p.
54. Jordanov, I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria / I. Jordanov. – Sofia: Bulgarian academy of sciences, Archaeological institute with Museum, 2003. – Vol. 1: Byzantine seals with geographical names. – 209 p.
55. Jus Graecoromanum / cura I. Zepos, P. Zepos. – Aalen: Scientia Verl., 1962. – Vol. 2: Leges imperatorum Isaurorum et Macedonum: Ecloga legum; Leges rusticae, militares, navales; Prochiron; Epanagoge legis; Leonis Sapientius liber Praefecti. – 428 p.
56. Land Legislation of the Macedonian emperors / ed., transl. and comment. by E. McGeer. – Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2000. – 146 p.
57. Laurent, V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin / V. Laurent. – Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1981. – T. 2: L'administration centrale. – 740 p.
58. Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice: biographie, correspondance (texte et traduction) / éd. G. Kolias. – Athènes: Verl. der "Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher", 1939. – 129 p.
59. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / rec. C. B. Hasii. – Bonn: Imp. E. Weber, 1828. – 624 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 11).
60. Leonis imperatoris Tactica / rec. R. Vári. – Budapest: Typ. Regiae universitatis scientiarum budapestinensis, 1917. – T. 1. – Fasc. 1. – 317 p.
61. Leonis VI Tactica / text, transl. and comment. by G. Dennis. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 2010. – 690 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 49).

62. Liudprandi Relatio de legatione Constantinopolitana // Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia / rec. E. Dümmler. – Hannover: Imp. Bibliopolii Hahniani, 1877. – P. 136–166.
63. Menandri sententiae / ed. S. Jaekel. – Leipzig: B. G. Teubner, 1964. – 265 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
64. Michaelis Attalioetae Historia / rec. I. Bekkerus. – Bonn: Imp. E. Weber, 1853. – 336 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 4).
65. Michele Psello. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / Introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comment. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. – Milano: Fondazione Lorenzo Valla, 1984. – Vol. 1–2.
66. Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae / ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. – 631 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 6).
67. Oikonomidès, N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles: Introd., texte, trad. et comment. / N. Oikonomidès – Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1972. – 403 p.
68. Oikonomides, N. A collection of dated byzantine lead seals / N. Oikonomides. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks research library and collections, 1986. – 175 p.
69. Polyaeni Strategematon libri octo / rec. E. Woelfflin, I. Melber. – Leipzig: B. G. Teubner, 1887. – 562 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
70. Socrates Scholasticus. Ecclesiastica historia / ed. R. Hussey. – Oxford: Academic typ., 1853. – T. 1. – 467 p.
71. Das Strategikon des Maurikios / Einf., Ed. und Ind. von G. T. Dennis; Übers. von E. Gamillscheg. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – 557 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 17).
72. Svoronos, N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes / N. Svoronos // éd. posthume et index établis par P. Gounaridis. – Athènes: Centre de recherches byzantines, 1994. – 297 p.

73. Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses, 1–5 / introd., texte critique et notes par B. Krivochéine; trad. par J. Paramelle. – Paris: Éd. du Cerf, 1963. – T. 1. – 473 p. – (Sources Chrétiennes, No. 96).
74. Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès, L. G. Westerink. – Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1978. – 274 p.
75. Theodori Studitae epistulae / rec. G. Fatouros. – Berlin; New York: W. de Gruyter, 1991. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 31).
76. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. – Bonn: Imp. E. Weber, 1838. – 951 p. – (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 44).
77. Three Byzantine military treatises / text, transl., and notes by G. Dennis. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 1985. – 380 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 25).
78. Le Traité sur la guérilla (*De velitatione*) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu; trad. et comment. par G. Dagron; app. "Les Phocas" par J.-Cl. Cheynet. – Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1986. – 358 p.
79. Vári, R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogennetos / R. Vári // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1908. – Bd. 17. – S. 75-85.
80. Vassis, I. Die Epigramme des sogenannten Anonymus Patrikios im cod. *Vat. Pal. gr. 367* / I. Vassis // *Myriobiblos: essays on Byzantine literature and culture* / ed. by Th. Antonopoulou, S. Kotzabassi, M. Loukaki. – Boston; Berlin: W. De Gruyter, 2015. – S. 329–356. – (Byzantinisches Archiv, Bd. 29).
81. Vita S. Theoctistae // *Acta Sanctorum Novembris* / ed. H. Delehaye, P. Peeters. – Bruxelles: Société des Bollandistes, 1925. – T. 4. – P. 224–233.
82. Xenophon Cyropaedia / transl. by W. Miller. – London: W. Heinemann, 1925. – Vol. 1–2. – (Loeb classical library, Vol. 51–52).

83. Xenophon. *Anabasis* / ed. and transl. by C. L. Brownson. – London: W. Heinemann, 1980. – Vol. 3: Books I–VII. – (Loeb classical library, Vol. 90).
84. Xenophon. *Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology* / transl. by E. C. Marchant, O. J. Todd. – London: W. Heinemann, 1923. – 673 p. – (Loeb classical library, Vol. 168).
85. Zacos, G. *Byzantine lead seals* / G. Zacos; ed. by J. W. Nesbitt. – Berne: Benteli Publishers, 1984. – Vol. 2. – 543 p.

Литература

86. Ангелов, Б. Из старата българска, руска и сръбска литература / Б. Ангелов. – София: Изд. БАН, 1958. – Кн. 1. – 242 с.
87. Афиногенов, Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) / Д. Е. Афиногенов // Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 194–222.
88. Афиногенов, Д. Е. Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда? / Д. Е. Афиногенов // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы X чтений памяти проф. И. М. Тронского (Санкт-Петербург, 19-21 июня 2006 г.) – СПб.: Наука, 2006. – С. 9–12.
89. Бартикян, Р. М. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. / Р. М. Бартикян, А. П. Каждан, З. В. Удальцова // Actes du XIVe congrès international des études byzantines (Bucarest, 6-12 septembre 1971) / Publ. par M. Verza, E. Stănescu. – Bucaresti: Editura Academiei RSR, 1974. – Т. 1. – С. 231–237.
90. Бибииков, М. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / М. В. Бибииков; отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1989. – С. 89–128.
91. Божилов, И. Българите във Византийската империя / И. Божилов. – София: Академ. изд-во «Марин Дринов», 1995. – 372 с.

92. Босворт, К. Э. Мусульманские династии: справочник по хронологии и генеалогии / К. Э. Босворт; пер. с англ. П. А. Грязневича. – М.: Наука, 1971. – 324 с.
93. Браунворт, Л. Забытая Византия, которая спасла Запад / Л. Браунворт; пер. с англ. И. Мазуриной. – М.: Астрель, 2012. – 411 с.
94. Василевски, Т. Стефан Воислав от Захумлье, Стефан Доброслав от Зета и Византия в средата на XI век // Василевски Т. България и Византия IX–XV век / състав. и ред. И. Божилов. – София: Академ. изд-во «Марин Дринов», 1997. – С. 139–157.
95. Васильев, А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / А. А. Васильев. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. – 393 с.
96. Васильев, А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин VII Багрянородный (867–959 гг.) / А. А. Васильев. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. – 540 с.
97. Васильев, А. А. История Византийской империи: в 2 т. / А. А. Васильев; вступит. статья, примеч., науч. ред., пер. с англ. А. Г. Грушевого. – СПб.: Алетейя, 2000. – Т. 1. – 302 с.
98. Васильевский, В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Т. 4. – С. 250–331.
99. Гаспаров, М. Л. Избранные труды / М. Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1. – 664 с.
100. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: в 7 т. / Э. Гиббон; пер. с англ. – М.: Терра, 2008. – Т. 5. – 592 с.
101. Гийан, Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим / Р. Гийан // Византийский временник. – 1964. – Т. 24. – С. 35–48.

102. Жеков, Ж. Стратегията на унищожението в българо-византийските военни конфликти VII–IX в. / Ж. Жеков // Военно-исторически сборник. – София, 2005. – № 2. – С. 26–29.
103. Зверев, С. Э. Военная риторика Средневековья / С. Э. Зверев. – СПб.: Алетейя, 2011. – 208 с.
104. Златарски, В. Н. Писмата на византийския император Роман Лакапен до българския цар Симеон / В. Н. Златарски // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. – София: Държавна печатница, 1896. – Кн. 13. – С. 282–322.
105. Златарски, В. Н. История на българската държава през средните векове / В. Н. Златарски. – 3-е изд. – София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2007. – 864 с. – Т. 1. Ч. 1: Епоха на хуно-българското надмощие (679–852). 631 с. – Ч. 2: От славянизацията на държавата до падането на Първото царство (852–1018).
106. Каждан, А. П. Византийская армия в IX–X веках / А. П. Каждан // Ученые записки Великолуцкого гос. пед. института. – Великие Луки: Изд-во газеты «Великолукская правда», 1954. – Вып. 1. – С. 18–31.
107. Каждан, А. П. Василики как исторический источник // Византийский временник. – 1958. – Т. 14. – С. 55–66.
108. Каждан, А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма: монография. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 430 с.
109. Каждан, А. П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв.: предварительные выводы / А. П. Каждан // Byzantinische Zeitschrift. – 1973. – Bd. 66. – С. 47–60.
110. Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. / А. П. Каждан. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
111. Каждан, А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / А. П. Каждан. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1975. – 190 с.

112. Каждан, А. П. Рец. на: Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. Editio princeps. Recencuit I. Turn. "Corpus fontium historiae byzantina". Vol. 5. Apud. W. de Griuter et socios. Berolini et Novi Eboraci, 1973 /А. П. Каждан // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1975. – № 1. – С. 206–212.
113. Каждан, А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата /А. П. Каждан // Сборник радова Византолошког института. – Београд, 1976. – Књ. 17. – С. 1–53.
114. Каждан, А. П. Смеялись ли византийцы? (*Homo Byzantinus ludens*) /А. П. Каждан // Другие средние века: к 75-летию А. Я. Гуревича / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 185–197.
115. Каждан, А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма /А. П. Каждан; пер. с англ.; под ред. Я. Н. Любарского, Е. И. Ванеевой, А. А. Черноглазова. – СПб.: Алетейя, 2012. – 376 с.
116. Капсалыкова, К. Р. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы / К. Р. Капсалыкова // Античная древность и средние века. – 2014. – Вып. 42. – С. 101–110.
117. Капсалыкова, К. Р. Образы войны в византийской литературе X в.: Никифор Уран / К. Р. Капсалыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 5. – С. 81–91.
118. Капсалыкова, К. Р. Образы военачальников в византийской исторической литературе X–XI вв.: «бездарный полководец» Михаил, сын логофета Анастасия / К. Р. Капсалыкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2016. – Т. 39. – № 236. – С. 55–62.
119. Капсалыкова, К. Р. Война в письмах Филита Синадина / К. Р. Капсалыкова // Материалы VI Международной научно-практической конференции

- «Документ. Архив. История. Современность», Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 259–261.
120. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц; пер. с нем. А. Рачинского. – М.: Логос, 1998. – 448 с.
121. Клаузевиц, К. Принципы ведения войны / К. Клаузевиц; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2009. – 220 с.
122. Крсмановић, Б. Успон војног племства у Византији XI века / Б. Крсмановић. – Београд: Византолошки институт САНУ, 2001. – 339 с.
123. Кузенков, П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков // Древнейшие государства Восточной Европы: проблемы источниковедения. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 3–172.
124. Кулаковский, Ю. А. Византийский лагерь конца X века / Ю. А. Кулаковский // Византийский временник. – 1903. – Т. 10. – С. 63–90.
125. Курышева, М. А. «Подделка письма» в политической интриге патрикия Самоны и проблемы идентификации почерков в первой половине X века / М. А. Курышева // Античная древность и средние века – 2013. – Вып. 41. – С. 133–143.
126. Кучма, В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» / В. В. Кучма // Античная древность и средние века – 1965. – Вып. 3. – С. 101–118.
127. Кучма, В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX – X в. / В. В. Кучма // Византийские очерки: труды советских ученых к XIV конгрессу византинистов. – М.: Наука, 1971. – С. 86–97.
128. Кучма, В. В. Νόμος στρατιωτικός (к вопросу о связи трех памятников византийского военного права) / В. В. Кучма // Византийский временник. – 1971. – Т. 32. – С. 276–284.
129. Кучма, В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» / В. В. Кучма // Античная древность и средние века. – 1973. – Вып. 9. – С. 102–113.

130. Кучма, В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) / В. В. Кучма // Античная древность и средние века. – 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.
131. Кучма, В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания / В. В. Кучма // Византийский временник. – 1980. – Т. 41. – С. 68–91.
132. Кучма, В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины / В. В. Кучма // Античная древность и средние века. – 1984. – Вып. 21. – С. 79–95.
133. Кучма, В. В. Военно-теоретическая мысль / В. В. Кучма // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1989. – С. 276–295.
134. Кучма, В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «*De velitatione bellica*» / В. В. Кучма // Byzantinoslavica. – 1995. – Т. 56. – С. 389–396.
135. Кучма, В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция / В. В. Кучма // Средневековое Православие от прихода до патриархата: сб. науч. ст. – Волгоград, 1997. – Вып. 1. – С. 45–65.
136. Кучма, В. В. Два трактата – один автор? / В. В. Кучма // Византийский временник. 2000. – Т. 59 (84). – С. 129–144.
137. Кучма, В. В. Война как инструмент государственной политики по «Тактике Льва» (некоторые идеологические и конфессиональные аспекты) / В. В. Кучма // Мир православия. – 2006. – Вып. 6. – С. 61–75.
138. Лиддел Гарт, Б. Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел Гарт; пер. с англ. Б. Червякова, И. Козлова, С. Любимова. – М.: Эксмо, 2008. – 464 с.
139. Литаврин, Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. / Г. Г. Литаврин. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 472 с.
140. Литаврин, Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. / Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1977. – 310 с.

141. Литаврин, Г. Г. Варяги и византийка / Г. Г. Литаврин // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 4–6.
142. Литаврин, Г. Г. Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея (Из комментария к «Пире» – сборнику судебных решений юриста XI в.) / Г. Г. Литаврин // Вспомогательные исторические дисциплины. – 2007. – Т. 30. – С. 169–183.
143. Любарский, Я. Н. Михаил Атталиат и Михаил Пселл (Опыт короткого сопоставления) / Я. Н. Любарский // Античная древность и средние века. – Барнаул: Изд-во «День», 1992. – Вып. 26. – С. 92–102.
144. Любарский, Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма / Я. Н. Любарский // Две книги о Михаиле Пселле; 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 183–542.
145. Любарский, Я. Н. Византийские историки и писатели / Я. Н. Любарский; 2-е изд., доп. – СПб.: Алетейя, 2012. – 504 с.
146. Макаров, А. И. Война / А. И. Макаров, А. И. Суровцев // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. – Т. 9. – С. 214–220.
147. Мак-Нил, У. Восхождение Запада: история человеческого общества / У. Мак-Нил; пер. с англ.; науч. ред. А. Галушка. – М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.
148. Мак-Нил, У. В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / У. Мак-Нил; пер. с англ. Т. Ованнисяна; предисл. Г. Дерлугьяна; науч. ред. С. А. Нефедова. – М.: Изд-во «Территория будущего», 2008. – 456 с.
149. Малахов, С. Н. Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат / С. Н. Малахов // Античная древность и средние века. – 1995. – Вып. 27. – С. 19–31.
150. Малахов, С. Н. Новый мир ислама в письмах патриарха Николая Мистика / С. Н. Малахов // Средневековое Православие от прихода до патриархата: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 63–80.

151. Морозов, М. А. Культурно-историческая модель «крестового похода» византийского императора / М. А. Морозов // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2009. – Вып. 29. – С. 15–27.
152. Мохов, А. С. Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргира (1028–1034) / А. С. Мохов // Античная древность и средние века. – 2000. – Вып. 31. – С. 173–197.
153. Мохов, А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. / А. С. Мохов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2004. № 3 (31). – С. 14–33.
154. Мохов, А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) / А. С. Мохов // Античная древность и средние века. – 2005. – Вып. 36. – С. 145–170.
155. Мохов, А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.) / А. С. Мохов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 15–26.
156. Мохов, А. С. Балканский этап карьеры Василя, сына Апухапа / А. С. Мохов, В. П. Степаненко // Византийский временник. – 2008. – Т. 67 (92). – С. 63–75.
157. Мохов, А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия / А. С. Мохов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (79). – С. 19–30.
158. Мохов, А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран / А. С. Мохов // Уральский исторический вестник. – № 3 (32). – 2011. – С. 41–49.
159. Мохов, А. С. Логофеты стратиотиков в Византии VII–XI вв. // А. С. Мохов, Д. С. Боровков // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (90). – С. 6–19.

160. Мохов, А. С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов / А. С. Мохов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (102). – С. 100–109.
161. Мохов, А. С. Военная политика Исаака I Комнина / А. С. Мохов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2012. – № 1 (120). – С. 52–60.
162. Мохов, А. С. К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: доместик и пургии / А. С. Мохов // ПОЛЕМОЛОГОΣ: сб. статей памяти проф. В. В. Кучмы: сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 295–305.
163. Мохов, А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур / А. С. Мохов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2013. – 278 с.
164. Мохов, А. С. Византийская провинциальная знать во второй половине X в.: Анф Алиат // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / А. С. Мохов; под ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2013. – С. 139–156.
165. Мохов, А. С. Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья / А. С. Мохов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – С. 98–109.
166. Мохов, А. С. Исследования по истории византийской армии: теория и терминология / А. С. Мохов // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2014. – Вып. 48. – С. 45–58.
167. Мохов, А. С. Образы войны в византийской исторической литературе X в.: Феодор Дафнопат / А. С. Мохов, К. Р. Капсалыкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2015. – № 19 (216). – Вып. 36. – С. 44–49.

168. Мохов, А. С. Основные направления военной политики Василия II / А. С. Мохов // Византийские очерки: труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 134–147.
169. Мохов, А. С. Эволюция византийской военно-административной системы во второй половине IX – первой половине X в. / А. С. Мохов // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг. (Волгоград, 23-24 сентября 2016 г.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. – Ч. 1. – С. 109–118.
170. Пантелеев, А. Д. Досуг христианина: раннехристианская проповедь «Об игроках в кости» / А. Д. Пантелеев // Мнемнон: исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2011. – Вып. 10. – С. 375–392.
171. Пириватрић, С. Самуилова држава: обим и карактер. / С. Пириватрић. – Београд: Спрске Академије Наука и Уметности, 1997. – 227 с.
172. Сыркин, А. Я. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита» / А. Я. Сыркин // Византийский временник. – 1961. – Т. 18. – С. 124–149.
173. Сюзюмов, М. Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата / М. Я. Сюзюмов // Византийское обозрение. – Юрьев, 1916. – Т. 2. – С. 295–302.
174. Сюзюмов, М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы / М. Я. Сюзюмов // Византийское обозрение. – Юрьев, 1916. – Т. 2. – С. 106–166.
175. Сюзюмов, М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии / М. Я. Сюзюмов // Ученые записки Свердловского гос. пед. института. – Свердловск, 1948. – Т. 4. – С. 48–110.
176. Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 395 с.
177. Тер-Гевондян, А. Н. Армения и Арабский халифат / А. Н. Тер-Гевондян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1977. – 319 с.

178. Успенский, Ф. И. Военное устройство Византийской империи / Ф. И. Успенский // Известия Русского Археологического института в Константинополе. – София: Държавна печатница, 1900. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 154–207.
179. Уэльбек, М. Враги общества / М. Уэльбек, Б.-А. Леви; пер. с фр. Е. Кожевниковой. – СПб.: Азбука, 2011. – 320 с.
180. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2 (Е – Муж). – 672 с.
181. Фрейберг, Л. А. Византийская литература эпохи расцвета. IX–XV вв. / Л. А. Фрейберг, Т. В. Попова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
182. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
183. Хофмайстер, Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Х. Хофмайстер; пер. с нем. и послесл. О. А. Коваль. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 288 с.
184. Цыпин, В. прот. Военная служба / В. Цыпин // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. – Т. 9. – С. 149–153.
185. Чичуров, И. С. Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучения Василия I и эпитафия Льва VI) / И. С. Чичуров // Византийский временник. – 1989. – Т. 50. – С. 106–115.
186. Чичуров, И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь) / И. С. Чичуров. – М.: Наука, 1991. – 176 с.
187. Шевченко, И. И. Перечитывая Константина Багрянородного / И. И. Шевченко // Византийский временник. – 1993. – Т. 54. – С. 6–38.
188. Юзбашян, К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.) / К. Н. Юзбашян. – М.: Наука, 1988. – 300 с.
189. Яковенко, П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе / П. А. Яковенко. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1917. – 206 с.

190. Ярхо, В. Н. Менандр – поэт, рожденный заново / В. Н. Ярхо // Менандр. Комедии. Фрагменты / изд. подгот. В. Н. Ярхо. – М.: Наука, 1982. – С. 380–435.
191. Adontz, N. Les fonds historiques de l'épopée byzantine *Digénis Akritas* / N. Adontz // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1929–1930. – Bd. 29. – P. 198–227.
192. Ahrweiler, H. L'idéologie politique de l'empire byzantin / H. Ahrweiler. – Paris: Presses Universitaires de France, 1975. – 158 p.
193. Andriollo, L. Aristocracy and literary production in the 10th century / L. Andriollo // *Author in middle Byzantine literature: modes, functions, and identities* / ed. by A. Pizzone. – Boston; Berlin: W. De Gruyter, 2014. – P. 120–138.
194. Antoljak, S. Wer könnte eigentlich Joannes Scylitzes sein? / S. Antoljak // *Actes du XIVe congrès international des études byzantines (Bucarest, 6-12 septembre 1971)* / Publ. par M. Berza, E. Stănescu. – Bucuresti: Editura Academiei RSR, 1976. – T. 3. – S. 677–682.
195. Ashburner, W. The Byzantine Mutiny Act / W. Ashburner // *Journal of Hellenic Studies*. – London, 1926. – Vol. 46. – P. 80–109.
196. Bănescu, N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie / N. Bănescu. – Bucarest: Institut roumain d'études byzantines, 1946. – 193 p.
197. Barry, W. D. Roof tiles and urban violence in the Ancient World / W. D. Barry // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. – 1996. – Vol. 37. – P. 55–74.
198. Barton, T. S. Power and knowledge: astrology, physiognomics, and medicine under the Roman Empire / T. S. Barton. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 254p.
199. Bonner, M. Aristocratic violence and holy war: studies in the Jihad and the Arab-Byzantine frontier / M. Bonner. – New Haven, Conn.: American Oriental Society, 1996. – 221 p.
200. Bonner, M. Jihad in Islamic history: doctrines and practice / M. Bonner. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 197 p.
201. Bowen, H. The life and times of 'Alí ibn 'Īsà, 'the Good Vizier' / H. Bower. – Cambridge: University Press, 1928. – 420 p.

202. Brandes, W. Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung / W. Brandes // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / hrsg. von L. M. Hoffmann. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2005. – P. 93–125.
203. Brokkaar, W. G. Basil Lacapenus. Byzantium in the 10th century // *Studia byzantina et neohellenica Neerlandica* / W. G. Brokkaar. – Amsterdam: E. J. Brill, 1972. – Vol. 3. – P. 199–234.
204. Byzanz / hrsg. von Fr. G. Maier. – Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch Verl., 1973. – 443 S. – (Fischer Weltgeschichte, Bd. 13).
205. Campbell, B. Teach yourself how to be a General / B. Campbell // *Journal of Roman Studies*. – London, 1987. – Vol. 77. – P. 13–29.
206. Canard, M. La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien / M. Canard // *Revue africaine: bulletin de la Société historique Algérienne*. – Alger, 1936. – T. 79. – Part. 2. – P. 605–623.
207. Canard, M. Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle / M. Canard // *Bulletin d'études orientales*. – Damas: Institut français du Proche-Orient, 1949–1951. – Vol. 13. – P. 51–69.
208. Carile, A. Political theology in Byzantium as seen by 20th century historians / A. Carile // *Conservation science in cultural heritage*. – Milan, 2007. – Vol. 7. – P. 73–109.
209. Caseau, B. La communion du soldat et les rites religieux sur le champ de bataille / B. Caseau, J.-Cl. Cheynet // *Pèlerinages et lieux saints dans l'Antiquité et le Moyen âge: mélanges offerts à Pierre Maraval* / éd. par B. Caseau, J.-Cl. Cheynet, V. Déroche. – Paris: Association des Amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2006. – P. 101–116.
210. Chernoglazov, D. Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts / D. Chernoglazov // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2013. – Bd. 106. – Heft 2. – S. 623–644.

211. Cheynet, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210) / J.-Cl. Cheynet. – Paris: Publ. de la Sorbonne, 1990. – 523 p. – (Byzantina Sorbonensia, Vol. 9).
212. Cheynet, J.-Cl. Recruter les officiers à Byzance / J.-Cl. Cheynet // Les serviteurs de l'état au Moyen Âge: Actes des XXIXe Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Pau, mai 1998). – Paris: Publications de la Sorbonne, 1999. – P. 21–31.
213. Cheynet, J.-Cl. La conception militaire de la frontière orientale (IXe – XIIIe siècle) / J.-Cl. Cheynet // Eastern approaches to Byzantium: Papers from the Thirty-third Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Warwick, Coventry, March 1999 / ed. by A. Eastmond. – Aldershot: Ashgate Publ., 2001. – P. 57–69.
214. Cheynet, J.-Cl. Par saint Georges, par saint Michel / J.-Cl. Cheynet // Travaux et mémoires. – 2002. – Vol. 14. – P. 115–134.
215. Cheynet, J.-Cl. Basil II and Asia Minor / J.-Cl. Cheynet // Byzantium in the year 1000 / ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 71–108.
216. Cheynet, J.-Cl. Jean Skylitzès, lecteur des chroniqueurs du Xe siècle / J.-Cl. Cheynet // Remanier, métaphraser: fonctions et techniques de la réécriture dans le monde byzantin / éd. par S. Marjanović-Dušanić, B. Flusin. – Belgrade: Faculté de philosophie, Université de Belgrade, 2011. – P. 111–129.
217. Cheynet, J.-Cl. Réflexions sur le «pacifisme byzantin» / J.-Cl. Cheynet // Pour l'amour de Byzance: Hommage a Paolo Odorico / éd. C. Gastgeber, A. Simon. – Frankfurt am Main: P. Lang Publ., 2013. – P. 63–71.
218. Crostini, B. The emperor Basil II's cultural life / B. Crostini // Byzantion: Revue Internationale des études byzantines. – 1996. – T. 66. – P. 55–80.
219. Dagron, G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: à propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI / G. Dagron // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – Paris, 1983. – T. 127. – No. 2. – P. 219–243.
220. Dagron, G. «Ceux d'en face»: les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins / G. Dagron // Travaux et mémoires. – 1987. – Vol. 10. – P. 207–232.

221. Dagrón, G. Apprivoiser la guerre byzantins et arabes ennemis intimes / G. Dagrón // *Byzantium at War (9th – 12th century)* / ed. by K. Tsiknakēs. – Athens: National Hellenic Research Foundation, 1997. – P. 37–49.
222. Dain, A. Les cinq adaptations byzantines des «Stratagèmes» de Polyen / A. Dain // *Revue des études anciennes*. – Bordeaux, 1931. – T. 33. – P. 321–345.
223. Dain, A. Les stratégistes byzantins / A. Dain, J.-A. De Foucault // *Travaux et mémoires*. – 1967. – Vol. 2. – P. 317–392.
224. Darrouzès, J. Un recueil épistolaire byzantin: le manuscrit de Patmos 706 / J. Darrouzès // *Revue des études byzantines*. – 1956. – T. 14. – P. 87–121.
225. De Foucault, J.-A. Douze chapitre inédits de la *Tactique* de Nicéphore Ouranos / J.-A. De Foucault // *Travaux et mémoires*. – 1973. – Vol. 5. – P. 281–312.
226. Dennis, G. Religious Services in the Byzantine Army / G. Dennis // *Ευλόγημα (Eulogēma): studies in honor of Robert Taft / a cura di E. Carr et al.* – Roma: Centro Studi S. Anselmo, 1993. – P. 107–117.
227. Dennis, G. The Byzantines in Battle / G. Dennis // *Byzantium at War (9th – 12th century)* / ed. by K. Tsiknakēs. – Athens: National Hellenic Research Foundation, 1997. – P. 165–178.
228. Dennis, G. Defenders of the Christian people: Holy War in Byzantium / G. Dennis // *Crusades from the perspective of Byzantium and the Muslim world / ed. by A. E. Laiou, R. Parviz Mottahedeh*. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. – P. 31–39.
229. Détorakis, T. Un office byzantin inédit pour ceux qui sont morts à la guerre, dans *Cod. Sin. Gr. 734-35* / T. Détorakis, J. Mossay // *Le Muséon: revue d'études orientales*. – Leuven, 1988. – Vol. 101. – P. 185–211.
230. Diaconu, P. Les Petchenègues au Bas-Danube / P. Diaconu. – Bucarest: Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1970. – 158 p.
231. Dujčev, I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians / I. Dujčev // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1978. – No. 32. – P. 217–295.
232. Eckstein, A. Mediterranean anarchy, interstate war, and the rise of Rome / A. Eckstein. – Berkeley: University of California Press, 2006. – 370 p.

233. Eickhoff, E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040) / E. Eickhoff. – Berlin: W. De Gruyter, 1966. – 438 S.
234. El Cheikh, N. M. Byzantium viewed by the Arabs / N. M. El Cheikh. – Cambridge, Mass.: Center for Middle Eastern Studies of Harvard University, 2004. – 271 p.
235. Ensslin, W. The Emperor and imperial administration / W. Ensslin // Byzantium: an introduction to East Roman civilization / ed. by N. H. Baynes, H. Moss. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – P. 294–307.
236. Eramo, I. Sul compendio militare di Siriano Magister / I. Eramo // Rivista storica dell'antichità. – Bologna, 2011. – T. 41. – P. 201–222.
237. Eramo, I. Composition and structure of Syrianus Magister's military Compendium / I. Eramo // Classica et christiana: Periodico del Centro di Studi Classici e Cristiani. – Jasai, 2012. – Fasc. 7. – P. 97–116.
238. Falkenhausen, V. von. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert / V. von Falkenhausen. – Wiesbaden: Verlag O. Harrassowitz, 1967. – 221 s.
239. Felix, W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055 / W. Felix. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – 236 s.
240. Górecki, D. Constantine VII's *Peri ton stratioton* / D. Górecki // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2009. – Vol. 48. – P. 135–154.
241. Graf, F. Women, war, and warlike divinities / F. Graf // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 1984. – Bd. 55. – P. 245–254.
242. Graff, D. A. Medieval Chinese warfare, 300–900 / D. A. Graf. – London: Routledge, 2002. – 288 p.
243. Γρηγορίου-Ίωαννίδου, Μ. Πληροφορίες αγιολογικών κείμενων γύρω από στρατιωτικά ζητήματα / Μ. Γρηγορίου-Ίωαννίδου // «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και

ρωμαϊκή παράδοση»: Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15–17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. – Αθήνα: Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 1989. – Σ. 531–545.

244. Grosdidier de Matons, J. Trois études sur Léon VI / J. Grosdidier de Matons // Travaux et mémoires. – 1973. – Vol. 5. – P. 181–242.

245. Grotowski, P. Arms and armour of the warrior saints: tradition and innovation in Byzantine iconography (843–1261) / P. Grotowski. – Leiden: Brill, 2010. – 483 p. – (Medieval Mediterranean, Vol. 87).

246. Grünbart, M. Store in a cool and dry place: perishable goods and their preservation in Byzantium / M. Grünbart // Eat, drink, and be merry (Luke 12:19) – food and wine in Byzantium: papers of the 37th annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by L. Brubaker and K. Linardou. – Aldershot: Ashgate Publ., 2007. – P. 39–49.

247. Guillard, R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin / R. Guillard. – London: Variorum Reprints, 1976. – 528 p.

248. Guillard, R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: l'Eparque / R. Guillard // Byzantinoslavica. – 1980. – T. 41. – Fasc. 2. – P. 145–179.

249. Haldon, J. Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950: a study on the origins of the *stratiotika ktemata* / J. Haldon. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. – 84 p.

250. Haldon, J. The Arab-Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries: military organization and society in the borderlands / J. Haldon, H. Kennedy // Зборник радова Византолошког института. – Београд, 1980. – Књ. 19. – P. 79–116.

251. Haldon, J. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the tagmata, c. 580–900 / J. Haldon. – Bonn: R. Habelt Verl., 1984. – 669 p. – (Ποικιλιά Βυζαντινά, Bd. 5).

252. Haldon, J. Military service, military lands, and the status of soldiers: current problems and interpretations / J. Haldon // Dumbarton Oaks Papers. – 1993. – Vol. 47. – P. 1–67.

253. Haldon, J. The organisation and support of an expeditionary force: manpower and logistics in the middle Byzantine period / J. Haldon // *Byzantium at War* (9th – 12th century) / ed. by K. Tsiknakēs. – Athens: National Hellenic Research Foundation, 1997. – P. 111–151.
254. Haldon, J. Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204 / J. Haldon. – London: UCL Press, 1999. – 389 p.
255. Haldon, J. Theory and practice in tenth-century military administration: Chapitres II, 44 and 45 of the Book of ceremonies / J. Haldon // *Travaux et mémoires*. – 2000. – Vol. 13. – P. 201–352.
256. Haldon, J. *Byzantium at war, A.D. 600–1453* / J. Haldon. – New York: Osprey Publishing, 2003. – 95 p.
257. Haldon, J. A critical commentary on the *Taktika* of Leo VI / J. Haldon. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2014. – 581 p. – (Dumbarton Oaks studies, Vol. 44).
258. Halkin, F. Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos (la Vie de S. Theodore le Conscrit) / F. Halkin // *Analecta bollandiana*. – Bruxelles, 1962. – T. 80. – P. 308–324.
259. Hild, F. *Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos)* / F. Hild, M. Restle. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – 338 s. – (Tabula Imperii Byzantini, Bd. 2).
260. Holmes, C. *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)* / C. Holmes. – Oxford University Press, 2005. – 625 p.
261. Holmes, C. The rhetorical structures of Skylitzes' *Synopsis Historion* / C. Holmes // *Rhetoric in Byzantium: Papers from the Thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies, Exeter College, University of Oxford, March 2001* / ed. by E. Jeffreys. – Burlington: Ashgate Publ., 2003. – P. 187–199.
262. Hoyland, R. *Seeing Islam as others saw it: a survey and evaluation of Christian, Jewish, and Zoroastrian writings on early Islam* / R. Hoyland. – Princeton: Darwin Press, 1997. – 872 p. – (Studies in late antiquity and early Islam, Vol. 13).

263. Hunger, H. *Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden*. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1964. – 260 S. – (Wiener Byzantinistische Studien, Bd. 1).
264. Hunger, H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner* / H. Hunger. – München: C. H. Beck Verl., 1978. – Bd. 1: Philosophie, Rhetorik, Epistolographie, Geschichtsschreibung, Geographie. – 542 s.
265. Hunger, H. *The classical tradition in byzantine literature: the importance of rhetoric* / H. Hunger // *Byzantium and the classical tradition: Thirteenth spring symposium of Byzantine studies, University of Birmingham, 1979* / ed. by M. Mullett, R. Scott. – Birmingham: Centre for Byzantine studies University of Birmingham, 1981. – P. 35–47.
266. Janin, R. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique* / R. Janin. – Paris: Institut français d'études byzantines, 1950. – 482 p. – (Archives de l'Orient chrétien, Vol. 4).
267. Jenkins, R. J. H. *The 'Flight' of Samonas* / R. J. H. Jenkins // *Speculum*. – Cambridge, Mass. 1948. – Vol. 23. – P. 217–235.
268. Kaegi, W. E. *Changes in military organization and daily life on the Eastern frontier* / W. E. Kaegi // «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και ρωμαϊκή παράδοση»: Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15–17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. – Αθήνα: Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 1989. – P. 507–521.
269. Kaegi, W. E. *Rev.: Kolia-Dermitzaki A. The Byzantine "Holy War": the idea and propagation of religious war in Byzantium* / W. E. Kaegi // *Speculum*. – 1994. – Vol. 69. – No. 2. – P. 518–520.
270. Kaegi, W. E. *Byzantium and the early Islamic conquests* / W. E. Kaegi. – Cambridge University Press, 1995. – 313 p.
271. Kaldellis, A. *Ethnography after antiquity: foreign lands and peoples in Byzantine literature* / A. Kaldellis. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. – 275 p.

272. Καραπλη, Κ. Οί «καντάτορες» / Κ. Καραπλη // Έῶα καὶ Ἐσπέρια. – Αθήνα, 1994–1996. – Τ. 2. – Σ. 229–252.
273. Καραπλη, Κ. Κατευόδωσις στρατοῦ. Ἡ ὀργάνωσις καὶ ἡ ψυχολογικὴ προετοιμασία τοῦ βυζαντινοῦ στρατοῦ πρὶν ἀπὸ τὸν πόλεμο (610–1081) / Κ. Καραπλη. – Αθήνα: Ἐκδ. Μυρμιδόνες, 2010. – 447 σελ.
274. Karlin-Hayter, P. Arethas' letter to the Emir at Damascus / P. Karlin-Hayter // Byzantion: Revue Internationale des études byzantines. – 1959–1960. – Τ. 29–30. – P. 281–302.
275. Karlin-Hayter, P. Aréthas et le droit d'asile / P. Karlin-Hayter // Byzantion: Revue Internationale des études byzantines. – 1964. – Τ. 34. – P. 613–618.
276. Karlin-Hayter, P. “When military affairs were in Leo's Hand's”: a note on Byzantine foreign policy (886–912) / P. Karlin-Hayter // Traditio: studies in ancient and medieval history, thought and religion. – New York, 1967. – Vol. 23. – P. 15–40.
277. Καρπόζηλος, Απ. Βυζαντινοὶ ιστορικοὶ καὶ χρονογράφοι / Απ. Καρπόζηλος. – Αθήνα: Ἐκδ. Κανάκη, 1997. – Τ. 2 (8^{ος} – 10^{ος} αἰ.). – 653 σελ.
278. Kapsalykova, K. The Slavic military commander in Byzantium: Dragshan of Voden / K. Kapsalykova // Thematic sessions of Free communications: Proceeding of the 23rd International congress of byzantine studies, Belgrade, 22-27 August 2016 / ed. D. Dželebdžić, St. Bojanin. – Belgrade: Serbian national committee of byzantine studies, 2016. – P. 225.
279. Kazhdan, A. The aristocracy and imperial ideal / A. Kazhdan // The Byzantine aristocracy, IX to XIII centuries / ed. by M. Angold. – Oxford: British Archaeological Reports, 1984. – P. 43–57. – (British Archaeological Reports, International Series, Vol. 221).
280. Kennedy, H. The decline and fall of the first Muslim empire / H. Kennedy // Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. – Berlin, 2004. – Vol. 81. – P. 3–30.

281. Koder, J. Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion / J. Koder, I. Stouraitis. // *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion: Akten des Internationalen Symposiums* (Wien, 19. – 21. Mai 2011) / hrsg. von J. Koder, I. Stouraitis. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. – P. 9–16.
282. Kolbaba, T. Fighting for Christianity: Holy War in the Byzantine Empire / T. Kolbaba // *Byzantion: Revue Internationale des études byzantines*. – 1998. – T. 68. – P. 194–221.
283. Κόλια-Δερμιτζάκη, Ά. Ο βυζαντινός «ιερός πόλεμος». Η έννοια και ή προβολή του θρησκευτικού πολέμου στό Βυζάντιο / Ά. Κόλια-Δερμιτζάκη. – Αθήνα: Εκδ. Στ. Βασιλόπουλος, 1991. – 471 σελ.
284. Kolia-Dermizaki A. “Holy War” in Byzantium twenty years later: a question of term definition and interpretation / A. Kolia-Dermizaki // *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion. Akten des Internationalen Symposiums* (Wien, 19. – 21. Mai 2011) / hrsg. von J. Koder, I. Stouraitis. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. – P. 121–132.
285. Κολιας, Τ. Γ. Τά όπλα στή βυζαντινή κοινωνία / Τ. Γ. Κολιας // «Η καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: τομές και συνέχειες στην ελληνιστική και ρωμαϊκή παράδοση»: Πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15–17 Σεπτεμβρίου 1988 / έκδ. Χρ. Αγγελίδη. – Αθήνα: Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 1989. – Σ. 463–476.
286. Koukoulès, Ph. Vie et civilisation byzantines / Ph. Koukoulès. – Athènes: Institut français d’Athènes, 1948. – T. 1. – Fasc. 1–2: Monuments de la parole, gestes, superstitions. – 521 p. – (Collection de l’Institut français d’Athènes, Vol. 10–11).
287. Koukoulès, Ph. Vie et civilisation byzantines / Ph. Koukoulès. – Athènes: Institut français d’Athènes, 1949. – T. 3: L’hippodrome et les jeux du cirque, jeux

et concours athlétiques, captifs et prisonniers byzantins... malédictions, vœux et serments. – 403 p. – (Collection de l'Institut français d'Athènes, Vol. 43).

288. Koutrakou, N.-C. La propagande impériale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe – Xe siècles) / N.-C. Koutrakou. – Athènes: Université nationale d'Athènes, Faculté des lettres, 1994. – 459 p.

289. Krumbacher, K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453) / K. Krumbacher. – München: C. H. Beck Verl., 1897. – 1193 s.

290. Kühn, H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata / H.-J. Kühn. – Wien: Verlag Fassbaender, 1991. – 326 s.

291. Laiou, A. The Just war of eastern Christians and the Holy War of the Crusaders / A. Laiou // Ethics of war: shared problems in different traditions / ed. by R. Sorabji, D. Rodin. – Aldershot: Ashgate Publ., 2006. – P. 30–43.

292. Λάμπρος, Σπ. Τὰ ὑπ' ἀριθμὸν ΡΙΖ' καὶ ΡΓ' κατάλοιπα / Σπ. Λάμπρος // Νέος Ἑλληνομνήμων: τριμηνιαῖον περιοδικὸν σύγγραμμα. – Αθήναι, 1922. – Τ. 16. – Σ. 30–59.

293. Laurent, V. L'idée de guerre saint et la tradition byzantine / V. Laurent // Revue historique du sud-est européen. – Bucarest, 1946. – T. 23. – P. 71–98.

294. Lauxtermann, M. John Geometres – Poet and Soldier / M. Lauxtermann // Byzantion: Revue Internationale des études byzantines. – 1998. – T. 68. – P. 356–380.

295. Lauxtermann, M. Byzantine poetry and the paradox of Basil II's reign / M. Lauxtermann // Byzantium in the year 1000 / ed. by P. Magdalino. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – P. 199–216.

296. Lauxtermann, M. Byzantine poetry from Pisides to Geometres / M. Lauxtermann. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. – 389 p. – (Wiener Byzantinistische Studien, Bd. 24).

297. Lemerle, P. *Le premier humanisme byzantin: notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle* / P. Lemerle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1971. – 326 p.
298. Ljubarskij, Ja. Nikephoros Phokas in Byzantine historical writings: trace of the secular biography in Byzantium / Ja. Ljubarskij // *Byzantinoslavica*. – 1993. – T. 54. – Fasc. 2. – P. 245–253.
299. MacMullen, R. *Soldier and civilian in the later Roman Empire* / R. MacMullen. – Cambridge: Harvard University Press, 1967. – 217 p.
300. Magdalino, P. *In search of the Byzantine courtier: Leo Choirospaktes and Constantine Manasses* / P. Magdalino // *Byzantine court culture from 829 to 1204* / ed. by H. Maguire. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2004. – P. 141–165.
301. Markopoulos, A. Théodore Daphnopatès et la Continuation de Théophane / A. Markopoulos // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 1985. – Bd. 35. – P. 171–182.
302. Markopoulos, A. *Byzantine history writing at the end of the First Millennium* / A. Markopoulos // *Byzantium in the year 1000* / ed. by P. Magdalino. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – P. 183–197.
303. Markopoulos, A. *From narrative historiography to historical biography: new trends in Byzantine historical writing in the 10th – 11th centuries* / A. Markopoulos // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2009. – Bd. 102. – Heft. 2. – P. 697–715.
304. Markopoulos, A. *The ideology of war in the military harangues of Constantine VII Porphyrogennetos* / A. Markopoulos // *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion: Akten des Internationalen Symposiums (Wien, 19. – 21. Mai 2011)* / hrsg. von J. Koder, I. Stouraitis. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. – P. 47–56.
305. Mazzucchi, C. M. *Dagli anni di Basilio Parakimomenos (Cod. Ambr. B 119 Sup.)* / C. M. Mazzucchi // *Aevum: rassegna di scienze storiche, linguistiche e filologiche*. – Milano, 1978. – Vol. 52. – Fasc. 2. – P. 267–316.

306. McCormick, M. *Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Byzantium, and the early medieval West* / M. McCormick. – Cambridge University Press, 1990. – 454 p.
307. McGeer, E. *Tradition and Reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos* / E. McGeer // *Dumbarton Oaks papers*. – 1991. – No. 45. – P. 129–140.
308. McGeer, E. *Sowing the dragon’s teeth: Byzantine warfare in the tenth century* / E. McGeer. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. – 405 p. – (Dumbarton Oaks studies, Vol. 33).
309. McGeer, E. *Two military orations of Constantine VII* / E. McGeer // *Byzantine authors: literary activities and preoccupations: texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides* / ed. by J. W. Nesbitt. – 2003. – P. 111–135. – (Medieval Mediterranean, Vol. 49).
310. Mercati, S. G. *Osservazioni alle poesie del codice Vaticano Palatino greco 367 edite in Νέος Ἑλληνομνήμων 16 (1922), pp. 39–59* // *Mercati S. G. Collectanea Byzantina* / con introd. e a cura di A. A. Longo. – Bari: Dedalo Libri, 1970. – Vol. 1. – P. 406–425.
311. Moravcsik, Gy. *Byzantinoturcica*; 3., unveränd. Aufl. – Leiden: E. J. Brill, 1983. – Bd. 1: *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. – 609 s.
312. Morris, R. *Monks and laymen in Byzantium, 843–1118* / R. Morris. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 330 p.
313. Nikolov, A. *Making a new basileus: the case of Symeon of Bulgaria (893–927) reconsidered* / A. Nikolov // *Rome, Constantinople and newly-converted Europe: archaeological and historical evidence* / ed. by M. Salamon et al. – Kraków; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, 2012. – P. 101–108.
314. Oikonomidès, N. *Cinq actes inédits du patriarche Michel Àutôreianos* / N. Oikonomidès // *Revue des études byzantines*. – 1967. – T. 25. – P. 113–145.
315. Oikonomidès, N. *L’évolution de l’organisation administrative de l’Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118)* / N. Oikonomidès // *Travaux et mémoires*. – 1976. – Vol. 6. – P. 125–152.

316. Oikonomides, N. Leo VI's legislation of 907 forbidding fourth marriages: an interpolation in the *Procheiros Nomos* (IV, 25–27) / N. Oikonomidès // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1976. – No. 30. – P. 173–193.
317. Oikonomides, N. Middle-Byzantine provincial recruits: salary and armament / N. Oikonomidès // *Gonimos: Neoplatonic and Byzantine studies presented to Leendert G. Westerink at 75* / ed. by J. Duffy, J. Peradotto. – Buffalo; New York: Arethusa, 1988. – P. 121–136.
318. Oikonomides, N. The Concept of 'Holy War' and two tenth-century Byzantine ivories / N. Oikonomidès // *Peace and war in Byzantium: essays in honor of George T. Dennis* / ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. – Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1995. – P. 62–86.
319. Πατούρα, Σ. Οι αιχμάλωτοι ως παράγοντες επικοινωνίας και πληροφόρησης (4^{ος} – 10^{ος} αι.) / Σ. Πατούρα. – Αθήνα: Κέντρο Βυζαντινών Ερευνών, 1994. – 174 σελ.
320. Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart: J. B. Metzler Verl., 1893–1980.
321. Pertusi, A. Una acolouthia militare inedita del X secolo / A. Pertusi // *Aevum: Rassegna di Scienze storiche linguistiche e filologiche*. – Milano, 1948–1949. – Vol. 22. – Fasc. 2. – P. 145–168.
322. Polemis, D. I. The Doukai: a contribution to Byzantine prosopography / D. I. Polemis. – London: Athlone Press, 1968. – 228 p.
323. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow u. a. – Berlin, New York: W. de Gruyter, 1998–2002. – 7 Bd. (Prolegomena, Bd. 1–6).
324. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 2. Abteilung (867–1025) / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch,

- A. Beihammer u. a. – Berlin; New York: W. de Gruyter, 2009–2013. – 9 Bd. (Prolegomena, Bd. 1–8).
325. Prosopographischen Lexikons der Palaiologenzeit / Erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1995. – Fasc. 1–12, Add. 1–2.
326. Prosopography of the later Roman Empire / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. – Cambridge; London: Cambridge University Press, 1992. – Vol. 3 B: A.D. 527–641. – 814 p.
327. Pryor, J. The age of ΔΡΟΜΩΝ: the Byzantine navy ca. 500–1204 / J. Pryor, E. Jeffreys. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 754 p. – (Medieval Mediterranean, Vol. 62).
328. Rance, Ph. The date of the military compendium of Syrianus Magister (formerly the sixth-century Anonymus Byzantinus) / Ph. Rance // Byzantinische Zeitschrift. – 2007. – Bd. 100. – P. 701–737.
329. Rautman, M. Daily life in the Byzantine Empire. – Westport: Greenwood Press, 2006. – 342 p.
330. Riedel, M. Biblical echoes in two Byzantine military speeches / M. Riedel // Byzantine and Modern Greek Studies. – 2016. – Vol. 40. – P. 207–222.
331. Rösch, G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit / G. Rösch. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. – 179 S. – (Byzantina Vindobonensia, Bd. 10).
332. Rotman, Y. Byzance face à l’Islam arabe, VIIe – Xe siècle. D’un droit territorial à l’identité par la foi / Y. Rotman // Annales: histoire, sciences sociales. – Paris, 2005. – No. 4. – P. 767–788.
333. Runciman, S. The Emperor Romanus Lecapenus and his reign: a study of tenth-century Byzantium / S. Runciman. – 1929. – Cambridge: University press, 1929. – 275 p.

334. Runciman, S. *A History of the first Bulgarian Empire, 482–1019* / S. Runciman. – London: G. Bell Publ., 1930. – 337 p.
335. Schminck, A. *Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern* / A. Schminck. – Frankfurt am Main: Löwenklau Ges., 1986. – 152 S. – (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Bd. 13).
336. Schreiner, P. *Soldiers* / P. Schreiner // *Byzantines* / ed. by G. Cavallo. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1997. – P. 74–94.
337. Seibt, W. *Ioannes Skylitzes. Zur Person der Chronisten* / W. Seibt // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 1976. – Bd. 25. – S. 81–85.
338. Seibt, W. *Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie* / W. Seibt. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. – 127 s.
339. Shepard, J. *A suspected source of John Scylitzes' Synopsis Historion: the great Catacalon Cecaumenus* / J. Shepard // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – 1992. – Vol. 16. – P. 171–181.
340. Shepard, J. *Constantine VII, Caucasian openings and the road to Aleppo* / J. Shepard // *Eastern approaches to Byzantium: Papers from the Thirty-third Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Warwick, Coventry, March 1999* / ed. by A. Eastmond. – Aldershot: Ashgate Publ., 2001. – P. 19–40.
341. Špidlík, Th. *La spiritualité de l'Orient chrétien* / Th. Špidlík. – Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1978. – Vol. 1: *Manuel systématique*. – 436 p. – (Orientalia Christiana Analecta, Vol. 206).
342. Stavrakos, Ch. *Unpublizierte Bleisiegel der Familie Maniakes: der Fall Georgios Maniakes* / Ch. Stavrakos // *Studies in Byzantine sigillography*. – München: K. G. Saur Verl., 2003. – Vol. 8. – S. 101–111.
343. Stephenson, P. *The Tomb of Basil II* / P. Stephenson // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / hrsg. von L. M. Hoffmann. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2005. – S. 227–238.
344. Stephenson, P. *Rev.: Catherine Holmes, Basil II and the Governance of Empire (976-1025)* / P. Stephenson // *Oxford Studies in Byzantium*. – Oxford: Oxford

- University Press, 2005. – 625 p. // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2007. – Bd. 100. – Heft. 1. – S. 218–223.
345. Stouraitis, I. Methodologische Überlegungen zur Frage des byzantinischen „heiligen“ Krieges / I. Stouraitis // *Byzantinoslavica*. – 2009. – T. 67. – S. 269–290.
346. Stouraitis, I. Jihād and Crusade: Byzantine positions towards the notions of “Holy War” / I. Stouraitis // *Βυζαντινά σύμμεικτα*. – Αθήνα, 2011. – T. 21. – P. 11–63.
347. Stouraitis, I. ‘Just War’ and ‘Holy War’ in the Middle Ages: rethinking theory through the Byzantine case-study / I. Stouraitis // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 2012. – Bd. 62. – P. 227–264.
348. Strano, G. Le rappresentazioni del nemico: Realien e ideologia nella trattativa militare bizantina / G. Strano // *Miscellanea di studi storici*. – Soveria Mannelli, 2009–2010. – No. 16. – P. 181–203.
349. Strässle, P. M. Krieg und Kriegführung in Byzanz. Die Kriege Kaiser Basileios’ II. gegen die Bulgaren (976–1019) / P. M. Strässle. – Köln; Weimar: Böhlau Verl., 2006. – 578 s.
350. Sullivan, D. F. Byzantine military manuals: prescriptions, practice and pedagogy / D. F. Sullivan // *Byzantine world* / ed. by P. Stephenson. – London; New York: Routledge, 2010. – P. 149–161.
351. Taft, R. War and peace in the Byzantine Divine Liturgy / R. Taft // *Peace and war in Byzantium: essays in honor of George T. Dennis* / ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. – Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1995. – P. 17–32.
352. Τακιρτάκογλου, Κ. Το θρησκευτικό στοιχείο στους αγώνες του Νικηφόρου Β' Φωκά / Κ. Τακιρτάκογλου // *Βυζαντιακά*. Θεσσαλονίκη, 2014. – T. 31. – Σ. 107–128.
353. Tallett, Fr. War and society in Early-Modern Europe, 1495–1715 / Fr. Tallett. – New York: Routledge, 1997. – 336 p.

354. Thierry, N. Portraits funéraires inédits de deux officiers byzantins morts au combat sur les frontières de la Cappadoce: étude préliminaire / N. Thierry // Δελτίου της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. – Αθήνα, 2009. – Τ. 48. – P. 169–176.
355. Tinnefeld, Fr. Zum profanen Mimos in Byzanz nach dem Verdikt des Trullanums (691) / Fr. Tinnefeld // Βυζαντινά. – Θεσσαλονίκη, 1974. – Τ. 6. – S. 321–343.
356. Tougher, Sh. The reign of Leo VI (886–912): politics and people / Sh. Tougher. – Leiden; New York: Brill, 1997. – 262 p. – (Medieval Mediterranean, Vol. 15).
357. Toynbee, A. Constantine Porphyrogenitus and his world / A. Toynbee. – London: Oxford University Press, 1973. – 768 p.
358. Treadgold, W. T. A history of the Byzantine state and society / W. T. Treadgold. – Stanford: Stanford University Press, 2000. – 1019 p.
359. Treadgold, W. T. Byzantium and its army, 284–1081 / W. T. Treadgold. – Stanford University Press, 1995. – 250 p.
360. Treadgold, W. T. The Middle Byzantine historians / W. T. Treadgold. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 546 p.
361. Τρεμπέλας, Π. Αι τρεις Λειτουργίαι κατά τους εν Αθήναις κώδικας / Π. Τρεμπέλας. – Αθήνα: Πατριαρχικής Επιστημονικής Επιτροπής, 1935. – 265 σελ.
362. Trombley, F. The *Taktika* of Nikephoros Ouranos and military encyclopaedism / F. Trombley // Pre-modern encyclopaedic texts: proceedings of the second COMERS Congress, Groningen, 1-4 July 1996 / ed. by P. Binkley. – Leiden; New York: Brill, 1997. – P. 261–273.
363. Vieillefond, J.-R. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires / J.-R. Vieillefond // Revue des études anciennes. – Bordeaux, 1935. – Τ. 37. – No. 3. – P. 322–330.

364. Vogt, A. Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle / A. Vogt. – Paris: Éd. par A. Picard et fils, 1908. – 445 p.
365. Walter, Ch. The warrior saints in Byzantine art and tradition / Ch. Walter. – Aldershot: Ashgate, 2003. – 317 p.
366. Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe: Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / hrsg. von L. Wamser. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – 476 S.
367. Wheeler, E. “Sapiens” and stratagems: the neglected meaning of a “cognomen” / E. Wheeler // *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte*. – Wiesbaden, 1988. – Bd. 37. – P. 166–195.
368. Wheeler, E. Πολλὰ κενὰ τοῦ πολέμου: the history of a Greek proverb / E. Wheeler // *Greek, Roman and Byzantine studies*. – 1988. – Vol. 29. – P. 153–184.
369. Zuckerman, C. The military compendium of Syrianus Magister / C. Zuckerman // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 1990. – Bd. 40. – P. 209–224.